

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова
Алтайское отделение
Научно-образовательного культурологического общества России

КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА
(Современные стратегии развития культуры
и сохранения культурно-исторического наследия)

Материалы региональной научно-практической конференции

Барнаул, 26–27 сентября 2014 г.

УДК 008
ББК 71
К 90

К 90 Культура в жизни человека и общества (Современные стратегии развития культуры и сохранения культурно-исторического наследия): материалы региональной научно-практической конференции, Барнаул, 26–27 сентября 2014 г. / редкол.: Е. И. Балакина, Т. И. Заковряшина, И. А. Балацкая. – Барнаул : РИО АКУНБ, 2014. – 168 с. : ил.

Материалы конференции и прошедшего в ее рамках «круглого стола» «Лицом к лицу: ответ молодежи на вызовы современной культуры» освещают актуальные направления моделирования современных стратегий развития культуры регионов, сохранения этнокультурных традиций и духовного возрождения России, аспекты развития виртуальной культуры как социокультурного феномена общества, вопросы современного состояния и перспективы развития молодежной культуры в России и др.

УДК 008
ББК 71

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие участникам конференции.....	6
---	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Мосолова Л. М. Научные основания формирования культурной политики России и моделирования развития культуры регионов.....	7
Артамонова Т. А., Фотиева И. В. Культура и антикультура: основания и критерии демаркации.....	13
Степанская Т. М. Память культуры и культура памяти как актуальная проблема современности	15
Воробьева Н. В. Книжная культура Алтая: наследие прошлого и задачи будущего.....	19
Черниенко Ю. А. Книжное наследие региона.....	21
Маслов М. С. Социологическая оценка тенденций и перспектив развития книжного дела в Сибирском регионе	22
Сытых О. Л. Особенности формирования корпоративной культуры бизнеса современной России.....	25
Вакаев В. А. Информационная война в XXI веке.....	27
Рассыпнов В. А. Экологическое сознание и экологическая культура в переходный период экономики.....	30
Синцова Л. К. Индивидуализация культуры повседневности современного общества	33
Красильникова М. Б. Национальный миф как основа социокультурной самоидентификации.....	35
Шамарина Е. В. Материнство: проблемы восстановления утраченной целостности.....	38
Ахмедова Н. Г. Роль женщины в современном мире: философский аспект.....	41
Букатая Л. П. Здоровье как феномен культуры народа.....	42
Герасимов И. Д. Роль креативных кластеров в повышении качества городской среды.....	45
Галиев Р. С. Конституционные культурные права человека и гражданина в РФ: понятие и содержание.....	46
Бобина Г. С. Конституция России как фактор единения человека, общества и культуры.....	49

РАЗДЕЛ 2. ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Жерносенко И. А. Роль этнического фактора в моделировании стратегии развития России.....	21
Верещагина Т. Н. Первое провозвестие как основная проблема институализации бурханизма.....	55
Сигарёва М. Н. Деятельность фольклорного ансамбля этнокультурного направления как фактор сохранения и развития традиционной культуры.....	58
Илюхина Т. Ю. Народный орнамент в этнографических коллекциях Заринского и Топчихинского краеведческих музеев.....	61
Бодрушова Д. С. Деятельность сельских центров немецкой культуры как средство сохранения и развития этнотрадиций.....	63
Ивойлова Е. В. Реконструкция народных ремёсел и промыслов как способ сохранения культурных традиций.....	66
Кокорина К. А. Досуговые потребности молодежи Алтайского края: опыт социологического исследования.....	67
Лягинова С. М. Фольклор как педагогическое средство этнокультурного воспитания детей в учреждении дополнительного образования.....	69
Першина Д. М. Организация праздника «Масленица» в г. Барнауле как специальное событие медиахолдинга «FM продакшн»: теоретический аспект.....	72

РАЗДЕЛ 3. МУЗЕЙНО-ТУРИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА АЛТАЯ

Харламов С. В. Организационные особенности интеграции культурно-исторического наследия в сферу туризма на примере Алтайского края.....	75
Целищева М. А. Использование сельскими музеями Алтайского края культурно-исторического ландшафта в развитии познавательного туризма.....	78
Стороженко Ю. В. Коммуникативная деятельность историко-краеведческого музея в культурной среде региона (на примере МБУК «Хабарский историко-краеведческий музей»).....	81
Чернова А. А. Традиционные и инновационные формы музейно-педагогической работы с молодёжью в музеях Барнаула.....	83
Покидаев А. В. «Музей Слова» на Алтае.....	85
Сметанникова Е. В. Презентация нематериального культурного наследия музейными средствами (на примере музеев г. Барнаула).....	86
Полтева И. В. Наследие композиторов в музеях Алтая и его роль для современной культуры.....	88
Щетинина Я. С. «Музейная ночь» как способ популяризации традиционной народной культуры (на примере опыта сектора «Традиционная русская культура» Государственного художественного музея Алтайского края).....	91
Рохлина Е. В. Проблемы сохранения памятников архитектуры Барнаула (на примере памятников советского авангарда).....	92

РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОЗРАСТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Голик Н. В. «Путь духовного совершеннолетия» как философское завещание Просвещения.....	95
Власенко В. В. О сущности культуры учителя.....	99
Балакина Е. И. Необходимость общения с искусством в нелинейном процессе жизненного саморазвития человека.....	103
Балашова Е. В. Виртуальное пространство библиотеки: этические нормы и принципы взаимодействия.....	107
Афонина Р. Н. Социокультурные предпосылки изменения содержания естественно-научного образования в гуманитарном вузе.....	110
Дударева Н. В. Моделирование технологии формирования художественной культуры подростков средствами проектирования театрализованного праздника.....	113
Глиос Г. Н. Формирование оптимального научного мировоззрения студентов медицинского вуза в условиях современного высшего образования.....	115
Курникова Т. А. Учебно-методическое обеспечение дисциплины «Аналитико-синтетическая обработка информации».....	116
Марченко Н. Н. Курс «Традиционная русская культура» в системе духовно-нравственного и культурологического воспитания школьников.....	118
Костина Т. С. Ориентиры массовой молодёжной культуры как перспектива возрождения историко-культурных традиций.....	120
Старцева А. С. Некоторые аспекты проблемы подготовки профессиональных кадров в сфере культуры (на примере организации клуба пожилых людей).....	122
Комарова С. П. Художественно-патриотическое воспитание молодёжи в условиях любительского объединения (на примере фестиваля патриотической песни школьников Мамонтовского района Алтайского края).....	123
Ерёмина Ю. Ю. К вопросу о создании стилизованного антикафе «Аниме-клуб».....	125
Каратаев А. А. Организация культурно-досуговой деятельности в сети Интернет.....	127

РАЗДЕЛ 5. ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Денисов А. В. Интертекстуальные взаимодействия в музыке второй половины XX века: тенденции и перспективы.....	128
Фроловская М. Н. Становление авторской позиции будущего педагога на основе понимания текстов культуры.....	134
Киркинская Т. И. Чего может достичь человек посредством языка, и как этому учить?	138
Мясникова О. В. Преобразование учебного текста в текст культуры в процессе становления будущего специалиста.....	141
Севастьянова С. К., Назарова Т. В. Прочтение текста культуры как основа формирования профессиональной компетентности будущего специалиста.....	143
Зиннатуллина Л. Р. Отголоски суфийского мировосприятия в творчестве современных башкирских поэтов.....	143
Чистова М. В., Саполева С. Ю. Духовные ценности как основа и импульс к возрождению культуры.....	148
Быкова О. А. Танцевально-двигательная терапия как педагогическое средство сплочения коллектива.....	150
Максимова Я. Д. Педагогические подходы к развитию творческих способностей детей средствами хореографии.....	153
Молявко А. Г. Использование танцевальных элементов боевого казачьего танца в работе с хореографическим коллективом.....	155
Стрижова О. Л. Воспитание эстетического вкуса у участников детского хореографического коллектива средствами сценического костюма.....	158
Труфанова Е. В. Информационно-просветительская программа как средство формирования интересов школьников к музыкальному искусству.....	159
Резолюция конференции.....	162
Сведения об авторах.....	164

**Участникам региональной научно-практической конференции
«Культура в жизни человека и общества»
(Современные стратегии развития культуры
и сохранения культурно-исторического наследия)**

Уважаемые участники конференции!

Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 2014 год объявлен Годом культуры в России. Это – год большой плодотворной работы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, включающей совершенствование материально-технической базы учреждений культуры, строительство новых и реконструкцию действующих объектов, реализацию интересных творческих акций и актуальных проектов, направленных на развитие культурного пространства нашей страны.

Алтайский край – родина многих известных стране и миру деятелей культуры: В. Шукшина, Р. Рождественского, В. Золотухина, Е. Савиновой, И. Пырьева и многих других выдающихся людей. Культурная жизнь края богата яркими событиями: ежегодно проходят фестивали и концерты, постоянно работают художественные выставки и музейные экспозиции, проводится активная издательская политика, уделяется серьезное внимание поддержке творческих работников, культуре села. Год культуры в регионе проходит под знаком двух юбилейных дат – 85-летия со дня рождения нашего земляка В. М. Шукшина и 60-летия начала освоения целины. Всего же в план проведения Года культуры в Алтайском крае включено более 120 основных мероприятий.

Один из проектов Года культуры в Алтайском крае – региональная научно-практическая конференция «Культура в жизни человека и общества» (Современные стратегии развития культуры и сохранения культурно-исторического наследия). Ее организатором является Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова – культурно-просветительский, информационный центр региона, активно поддерживающий и развивающий сотрудничество со многими учреждениями и ведомствами в области культуры, образования и науки. В таком многоплановом взаимодействии этот форум – еще одно убедительное подтверждение того, что Алтайский край является территорией созидательного диалога и культурных инициатив.

Уверен, что конференция станет весомым вкладом научного и культурного сообщества Алтайского края в решение основополагающих теоретических и практических вопросов, которые в Год культуры обсуждаются по всей России особенно активно.

Желаю всем участникам конференции плодотворной и конструктивной работы, удачи во всех начинаниях и новых творческих достижений!

Заместитель Губернатора
Алтайского края

Д. В. Бессарабов

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Если ты выстроишь своему родному городу не высокие здания, а сделаешь выше его граждан – ты будешь его величайшим благодетелем: пусть лучшие в низких домах живут высокие сердца, нежели в высоких зданиях гнездятся низкие, мелкие души.
Эпиктет

За будущее кто в ответе?
Чьё сердце за него болит?
И новое тысячелетье
что человечеству сулит?
Быть может, дни, как прежде, будут
ухабисты и нележки,
и все начальственные люди
от нас, как прежде, далеки.
И войны прогрехочут громко,
и грозной будет вражья рать,
и та же, словно нам, потомкам
судьба в окопах умирать.
И матерям на белом свете
пролить ручьи прозрачных слёз...
За будущее кто в ответе?
Кто думает о нём всерьёз?

Марк Юдаевич

*Мосолова Любовь Михайловна,
г. Санкт-Петербург*

НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И МОДЕЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНОВ

Государственная культурная политика – это направление политики государства, скоординированно осуществляющего функцию социокультурной регуляции жизни граждан России. Это направление связано с планированием, проектированием и реализацией стратегических и отраслевых программ и обеспечением условий для многообразной культурной деятельности каждого человека, народа, общества и государства.

Культура была порождена человечеством очень рано, но как целостная специфическая форма его существования стала активно постигаться научным разумом очень поздно. Долгое время развивались частные науки об отдельных сторонах и явлениях культуры (история, экономика, литературоведение, языковедение, искусствоведение и т. д.), а также философия культуры. Во второй половине XX века сложилась *культурология – молодая инновационная наука о культуре как целостном и исторически меняющемся способе бытия человека и общества*. Большое будущее предрекли этой науке лауреат Нобелевской премии В. Ф. Оствальд и американский культурантрополог Л. Э. Уайт. В частности, Уайт утверждал, что *«открытие культуры когда-нибудь станет в истории в один ряд с созданием гелиоцентрической теории Коперника или открытием клеточной основы всех форм жизни»*.

Творцом и творением культуры является человек. Этот тезис является *базовым* для понимания сути культурной политики.

Именно человек в течение многих тысячелетий смог сотворить грандиозный внебиологический мир – мир культуры в качестве «второй» – искусственной природы. В нём воплотился *специфический тип или способ жизни, присущий человеческому роду*. Сущность культуры заключается в том, что она выступает целостным способом жизнедеятельности человека/социума в единстве целей, содержания, смыслов, средств, технологий и результатов этой жизнедеятельности. Культура является важнейшим, определяющим феноменом общественной жизни людей. Вследствие этого культура, её содержание стало кодом исторических форм существования человека.

Мир культуры не менее сложно устроен, чем мир природы. Человеческими деяниями порождены широкие и объёмные сферы культуры: *социально-организационная* (порядок жизни людей); *материально-предметная* (вещи, инструменты, ресурсы, техника – от каменного

топора до космического спутника); *духовная* (научные и повседневные знания, ценности – вера, нравственность, любовь, добро, красота и т. п., – а также проекты, мечты, идеалы, программы); *художественная* (мир искусства и связанные с ним явления). Все эти сферы культуры являются глубоко взаимосвязанными.

Человек не только создал мир культуры, но и постоянно его усовершенствовал, обновляя, глубоко изменяя многие феномены: сельскохозяйственную и промышленную культуру, социально-политическую и экономическую культуру, физическую и военную культуру, научную и мировоззренческую культуру, медицинскую и экологическую культуру, нравственную и художественную культуру, и т. д. Регуляция и управление культурой осуществляется в рамках определенной сферы деятельности людей.

Таким образом, *объектом культурной политики являются все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности*, а не только сфера искусства, культурного наследия, музеев и охраны памятников истории. Культурной политикой призвано заниматься не только Министерство культуры, а *всё Правительство России со всеми его министерствами*, специальными агентствами и департаментами. В. В. Путин, выступая во Пскове на заседании президиума Совета по культуре и искусству 3 февраля 2014 года, верно отметил, что «...государственная культурная политика должна охватывать все стороны жизни...».

Когда мы говорим о человеке как *творении культуры*, речь идёт о том, что мир культуры является специфическим пространством становления каждого поколения людей, пространством формирования человека, соразмерного или сообразного тому или иному типу культуры. «Возделывание» человека, его образование, просвещение, воспитание – фундаментальная сфера культуры.

«Возделывание» общества (социальных отношений, связей, конвенций, институтов и т. д.) тоже является результатом культурной деятельности человека. Поскольку все социальные отношения в принципе невозможны без культуры, постольку есть все основания говорить об обществе как целостном *социокультурном организме*. Процесс вхождения личности в ту или иную социокультурную систему есть *процесс инкультурации и социализации*. *Эта сторона культурных процессов напрямую связана с культурной политикой.*

Содержание культурной политики в значительной степени сопряжено с осмыслением и *развитием духовной культуры* российского общества. Неслучайно проблемы духовного развития человека, проблемы знаний и ценностей, а особенно *нравственных ценностей*, наиболее активно обсуждаются сегодня в стране. Это происходит потому, что ценности являются важнейшей частью архитектуры культуры, это как бы «нервная система» духовной культуры. Человек есть существо оценивающее, определяющее качество. *Определение ценностей* и установка их иерархии является одной из высших функций сознания человека.

Ценность – это не вещь и не свойство, а *отношение*, и отношение *диспозиционное*. Это отношение человека к человеку, к обществу, объектам природы, предметам и явлениям культуры. Человек устанавливает их ценность, придаёт им *смысл*. Другими словами, ценность есть значение объектов (явлений окружающего мира) для человека (субъекта). Это добро, благо, справедливость, свобода, красота и т. п. Ценности воплощают исторический опыт отношений между людьми и народами и *концентрированно выражают смыслы культуры* отдельного человека, каждого народа и всего человечества. Они образуют стержень или *ядро культуры, духовную суть* потребностей и интересов людей. Ценности в сознании людей являются ориентирами, с которыми он соотносит свои действия; они выступают *мотиваторами* человеческого поведения.

Ценности непрерывно *создаются* (стихийно и целенаправленно) и *осваиваются* в процессе культивирования в человеке высших духовных качеств различными способами. В значительной степени ценности и знания воспроизводятся через образование, воспитание, религию, СМИ и другие культурные индустрии, а также художественно-творческие образы.

Что касается нравственной культуры, то она представляет собой одну из форм духовной культуры, способ человеческого поведения, связанный с миром ценностей. Это уникальная форма *отношений* между людьми и фундаментальное освоение *духовного самосозидания* человека. Нравственная культура объёмлет моральные ценности – добро, справедливость, самоотверженность, отзывчивость, бескорыстность, честность, патриотизм и т. п. Кроме того, она содержит *нравственный идеал*. *Идеал является высшей формой человеческих стремлений, образом совершенства.*

Нравственный идеал так или иначе обязательно присутствует в проектировании культурной политики в виде целевого стратегического уровня её содержания. Он также наличествует в воспитательных системах в виде педагогического проектирования. Нравственные ценности являются ценностями индивидуального субъекта, воспитуемой личности. Они

должны утверждаться в душе каждого человека, многократно реализовываться внутри каждой личности. Этого не может заменить ни авторитет, ни наказание, ни внушение, ни объяснение. **Нравственность** – это превращение общего идеала, общего блага людей в субъективное чувство обязанности, напоминающее по своей форме инстинкт, но это обретенный **«культурный инстинкт»**, связанный с самовоспитанием человека, его моральной волей.

Нравственное воспитание, формирование ценностного отношения в духовном мире личности строится не в информировании о ценностях, не в их изучении (хотя это тоже необходимо), а тем более не в их навязывании. Это происходит **в ходе общения человека с человеком, только в межсубъектной связи**. Именно общение порождает **общность ценностей**, которая достигается внутренним принятием, переживанием ценностей **«другого»**, которые становятся «моими» ценностями, установками, «моей» аксиомой.

Способом духовного общения такого рода является **диалог** в прямом и точном смысле этого понятия. Он отличается от монологической коммуникации людей. В диалогическом общении, как правило, происходит слияние ценностей, устремлений, идеалов участников общения, а также порождение новых общих ценностей («красота компромисса»). **Формирование диалогического способа мышления, развитие неконфронтационного типа ментальности – одна из сложных проблем культурной политики в области межличностных, межэтнических, межконфессиональных и международных отношений.**

В круг объектов культурной политики входит и знаково-символическая культура России (государственные и этнические языки, символично-образные системы российской культуры, ритуалы, праздники, государственные символы, знаки отличия, технологии культивирования важнейших для России имен и событий и мн. др.).

«Инструментом» нравственного сознания является **совесть** – только человеку присущее **душевное свойство**, которое регулирует и контролирует его поведение. Совесть, без которой нет нравственности, выступает обязательным признаком человеческой личности. Серьезные усилия в развитии духовно-нравственной культуры личности и общества прилагает церковь, религиозные организации. Они являются союзниками государства в осуществлении им **культурной политики** в духовной сфере.

Пониманию мира человека как сложноорганизованного социокультурного организма, как целостного способа всей его деятельности и эволюционной самоорганизации жизни должно соответствовать и широкое понимание объектов, предметов, содержания государственной культурной политики.

Цель государственной культурной политики – **развитие всех сущностных сил, возможностей и качеств человека, а также его созидательной деятельности в любой сфере социокультурной жизни России в изменившихся условиях существования**. «Глубоко убежден в том, что в сердце нашей философии должно быть развитие человека, развитие моральное, интеллектуальное и физическое», – подчеркнул В. В. Путин, выступая в Международном дискуссионном клубе «Валдай» 19 сентября 2013 года. Формирование качества патриотизма (понимание ценности своей Родины), гражданственности, ответственности и многих других нравственных качеств, выстраданных российским народом, освоение общечеловеческих нравственных ценностей – **фундаментальная задача** в государственной культурной политике.

Давно искомый идеал человека гармоничного в современном понимании предстаёт прежде всего как **идеал человека нравственного и ответственного**. Религия и некоторые ценности могут не только связывать, но и разделять людей. И только нравственные качества способны соединять индивидуальные права и свободы суверенной личности с общечеловеческими универсалиями, системными интересами и ценностями своего Отечества. В России идеал такого типа личности был задан Александром Невским и Сергием Радонежским, многими другими подвижниками нашей страны.

Часто полагают, что **субъектом** государственной культурной политики выступает **лишь государство** и прежде всего – **учреждения Министерства культуры**. На самом деле субъектом данной политики является и саморазвивающееся, самоорганизующееся общество, которое продуцирует изменения и адаптируется к новым условиям. Государственная культурная политика в демократическом обществе базируется на **коммуникативной и конвенциональной основе**. Поэтому столь важно участие в обсуждении содержания этой политики различных профессиональных объединений, научных центров, общественных организаций, региональных субъектов и всех граждански заинтересованных личностей.

Вместе с тем **государство – основной субъект управления, координатор больших социокультурных проектов**, орган **диалогического** согласования интересов и действий других субъектов культуры как социальных партнёров. Оно призвано определить стратегические направления развития культурно-идеологического взаимодействия граждан России для достиже-

ния синергетического эффекта и креативности как на научно-ценностном уровне, так и в отношении к инфраструктуре культуры.

К компетенции *государственной управленческой деятельности* следует отнести:

- концептуально обоснованную систему взглядов на феномен культуры вообще и российской культуры, в частности, а также соответствующую осмысленную корректировку общего содержания отечественной культуры с учетом тех тенденций, которые обусловлены глубокими историческими трансформациями и необходимостью решать новые задачи;
- основные формы воспроизводства национальной культуры в материально-технической, социально-организационной, духовной и художественной сферах деятельности людей и способы модернизации данной системы культуры, её содержания, структуры, институтов, отраслей, технологий;
- международное и межнациональное сотрудничество, охватывающее все сферы социокультурной жизни России;
- определение принципов соотношения государственного и общественного компонентов в культурной деятельности народов России;
- стимулирование прежде всего социально-приемлемых и предпочитаемых *духовно-ценностных и нравственно-нормативных установок* деятельности личности и социальных групп;
- сохранение мирового и отечественного культурного наследия, содействие межпоколенной передаче социального опыта, лучших традиций России, а также заботу о развитии творческого потенциала нации;
- систему государственной и общественной поддержки многообразной *художественной жизни* в стране, организованного *досуга* людей, эффективного функционирования и развития *средств массовой информации*, контроль *качества текстов СМИ* и соблюдение ими действующих законов, а также ряд других, менее крупных направлений государственной культурной политики.

Осуществляя многостороннюю и сложную деятельность по управлению развитием российского общества и его культуры, государство должно руководствоваться рядом *основополагающих принципов*, а именно:

- использовать строгие научные знания о человеке, обществе и культуре и системно-целостный подход к осуществлению государственной культурной политики в общенациональном масштабе;
- учитывать гетерогенную, полиэтническую природу российской цивилизации и объединительный характер русской культуры – языка, науки, образования, искусства и др.;
- не вступать в противоречие с фундаментальными традициями и ценностями отечественной культуры, её историческими завоеваниями мирового и общенационального значения;
- развивать широкое межкультурное сотрудничество, содействовать диалогическому взаимодействию и партнёрству России с другими народами и цивилизациями Запада, Востока, Юга и Севера;
- критически оценивать формы и эталоны глобальной «современности» или модернизации, навязываемой Западом; выбирать те, которые соответствуют российской цивилизационной специфике. Глобализация – это переход к такому мировому порядку, в котором ни у одной страны нет привилегии на современность, а есть возможность к *творческому самообновлению*;
- создавать условия для развития творческого потенциала граждан России, инновационного развития страны, ибо творческое обновление – удел уважающей себя нации.

В России благодаря деятельности целой плеяды выдающихся учёных (Д. С. Лихачев, Э. С. Маркарян, Ю. М. Лотман, Л. Н. Гумилёв, С. С. Аверинцев, М. М. Бахтин, М. С. Каган, В. С. Стёпин, И. В. Кондаков и др.) был критически переработан зарубежный опыт изучения культуры и осуществлён *прорыв* в интегративном познании этого феномена, который несёт в себе ответ о специфичности типа жизни, присущего человеку. По мнению целого ряда учёных, культурология в России конституировалась как наука и стала одним из национальных достижений («интеллектуальным брендом»), которым наша страна с полным основанием может гордиться. Её последующее развитие нуждается в *государственной поддержке*.

Современное образование является всеобщим и целенаправленным способом воспроизводства, трансляции и развития культуры нации, обучения и воспитания каждой личности.

Образовательные системы направлены на изучение основных способов познания природной, социальной и культурной реальностей, на освоение современных форм и средств социальной организации и коммуникации, накопления и трансляции социального опыта, на приоб-

щение к ценностно-смысловым значениям культуры, а также на социокультурное становление, самоидентификацию, самоорганизацию деятельности личности.

В XX веке в России была создана фундаментальная *система* образования, которая позволила ей решить сложнейшие задачи своего времени. В настоящее время *концептуально* не подготовлена *обновлённая система* образования, соответствующая национальным интересам России, её граждан. Навязываемая Министерством образования модернизация средней и высшей школы на либерально-европейский лад привела к деградации образовательной культуры России, к снижению качества обучения и воспитания учащихся и падению широкой популяризации научных знаний.

Культурная политика в области образования должна быть направлена на развитие сбалансированной общекультурной подготовки учащихся школ и вузов, на преодоление предметной расколотости, дисциплинарной неравноценности, на повышение качества теоретической и практической подготовки кадров для всех сфер профессиональной деятельности.

Всем группам наук, изучающих природу, человека, общество и культуру, должны соответствовать образовательные области – *«естествознание»*, *«человекознание»*, *«обществознание»*, *«культуροзнание»*, а также общая *философия*. Содержание *федерального блока* Государственных образовательных стандартов для высшей школы (неточно определённого как «социально-экономический и гуманитарный») должно опираться как раз на указанные пять образовательных областей. Именно в этом случае будет обеспечиваться *подлинная общекультурная компетентность молодого поколения россиян* с современным типом рациональности, с целостным видением мира (не просто рынка!), пониманием своего высокого нравственного предназначения, способностью понимать «своего», «чужого» и «другого», конструировать гуманистическое смыслополагание своей жизни и совершенствовать поразительное явление, сотворённое человеком, – культуру. Другими словами, речь идёт о добротной, сбалансированной системе обучения и воспитания человека, которая даст ему самую экзотическую профессию – *профессию полноценного члена современного общества*. На такой общекультурной основе возможна более глубокая теоретическая и практическая подготовка студентов к разным современным специальностям.

Разработка модульной системы организации образовательного пространства тоже должна базироваться на данной основе:

Во-первых, необходимо начиная с детства, с начальной школы приобщать ребёнка к адекватному пониманию культуры как *ладно устроенного, одухотворённого, осмысленного и дивно украшенного человеческого мира*, а также как *специфического порядка жизни людей*.

Во-вторых, на протяжении нескольких веков в сознание учёных и преподавателей со школьных и студенческих лет внедрялся *монопредметный тип мышления и познания*. В современных условиях глобализации, информатизации, плюральности, мнимой модернизации жизни репродукция через образование такого типа мышления может привести (и иной раз уже приводила) к становлению шизофренического типа сознания у обучающихся. Сегодня необходимо признание и реализация *междисциплинарности в качестве методологической программы российского образования*. Это не ведёт к отрицанию специализации социальных, гуманитарных, культуроведческих и философских наук, но усиливает их взаимодополняемость.

В-третьих, одной из очень сложных задач культурной политики государства является задача *концептуального определения* того, какого рода *культурная компетентность в её целостности и особенностях* требуется от ныне живущего и следующего поколений россиян; а также какой *социокультурный тип общества* с соответствующими параметрами универсалий, национальных особенностей, социальной солидарности и личностной идентичности наше образование должно строить.

В-четвёртых, среди направлений государственной культурной политики особого внимания *заслуживает поддержка всестороннего и глубокого изучения культуры России* как неотъемлемой части мировой культуры и вместе с тем как самостоятельной культурной системы. Нужна широкая просветительская пропаганда её достижений; необходимо познание и освоение исключительного многообразия наследия и её народов, регионов и федеральных округов как целостных историко-культурных и политических конфигураций страны (Дальнего Востока, Сибири, Урала, Поволжья, Северо-Запада, Центральной и Южной России, Северного Кавказа и Крыма).

Судя по нашим систематическим данным, значительная часть молодёжи страны не имеет сколько-нибудь серьёзного представления о культуре своей большой Родины со всеми её народами и регионами. Это не способствует формированию её геокультурной и социально-политической адекватности, гражданственности и патриотизма. Молодое поколение должно

иметь представление о культуре *всей* России, всех входящих в нашу страну народов, хотя бы панорамно и в самом общем виде. С этой целью необходимо ввести в *университетские программы двухсеместровые учебные курсы и подготовить соответствующие учебники по истории культуры России, её регионов и народов.*

В-пятых, коллективы современных средних школ остро нуждаются в понимании социокультурологических основ своей деятельности, в культурологической компетентности, а школьники – в обновлении такого важного курса, как «Мировая и отечественная художественная культура», который нельзя сводить к скучной фактологической интерпретации стилей искусства; – нужен курс о знакомстве с человеком и о понимании человека в прошлом и настоящем, которое даётся в «волшебном зеркале» искусства. Этот курс должен быть курсом художественного познания человека в истории и контексте культуры, то есть культурологическим с соответствующими пролегоменами. Необходимо также пересмотреть и улучшить качество таких курсов как «Религия в истории культуры и современности», «Культура родного региона» и т. п. Систематическое качественное, а не формальное повышение квалификации педагогических кадров в этом направлении – тоже немаловажное дело государственной культурной политики в области образования и просвещения.

На Первом Российском культурологическом конгрессе в Санкт-Петербурге в 2006 году один из патриархов отечественной культурологии Э. С. Маркарян в своём пленарном докладе предложил *изменить название Министерства культуры,* так как оно не соответствует своему предназначению и функциям, а также противоречит современным научным представлениям о феномене культуры. Многие учёные эту идею поддержали.

Министерство культуры примерно на 90% занимается управлением сферой искусства в системе культуры России, а также культурным наследием. *Было бы точнее это государственное учреждение назвать Министерством художественной культуры и культурного наследия.* В современной философии культуры и культурологии огромная сфера искусства *как подсистема культуры* и всего, что с ним связано, определяется в качестве *художественной культуры.*

Функционируя как «код» культуры, искусство выступает главным посредником во взаимоотношении людей и народов, потому что ни в одной другой сфере человеческой деятельности так полно, непосредственно, эмоционально-чувственно не проявляется неповторимая целостность и своеобразие конкретной культуры.

Искусство обладает уникальной возможностью аккумулировать, образно воплощать и передавать культурный опыт разных народов, свой национальный опыт, переводя его в живое духовное достояние каждого человека. Тем самым искусство может культивировать те качества и черты личности, которые в наибольшей степени соответствуют совокупному опыту всех времен, основным человеческим идеалам, лучшим национальным традициям. *Задачей государственной культурной политики также должна стать всесторонняя поддержка тех деятелей искусства, которые создают произведения, отличающиеся подлинно художественными качествами, высокими нравственными ценностями и взыскательным эстетическим вкусом.*

В современной морфологии искусства России длительное время стихийно и со значительным опозданием по сравнению с Западом развивались *культурные индустрии или креативные индустрии.* Вследствие этого за эталон были взяты далеко не всегда лучшие образцы американской и европейской массовой театрально-зрелищной и другой продукции. Между тем именно культурные индустрии сегодня в огромной степени (зачастую непрямо) влияют на наше понимание мира, участвуют в формировании социокультурного воображения и стереотипов поведения последних поколений россиян. Этот специфический вид творчества становится всё более значимым источником богатства и занятости во многих экономиках мира.

Культурные индустрии – это государственные, коммерческие и некоммерческие институты и организации, которые связаны с производством культурных феноменов, являющихся массовыми по своим объёмам и стандартизированными по большинству характеристик. К ним относятся такие ключевые виды как TV, радио, кинематограф, множество видов исполнительского искусства, музыкальная индустрия, печать и публикация в электронном виде, видео- и компьютерные игры, аспекты Интернета, связанные с контентом. Существуют также периферийные (но не второстепенные) культурные индустрии, озабоченные *производством текстов,* которые сегодня начинают использоваться театром, событийно-праздничной культурой, модой, образованием, спортом, туризмом и т. д. В рамках культурных индустрий могут работать литераторы, режиссёры, актёры, музыканты, архитекторы, дизайнеры, аниматоры.

При всей значимости технических средств и технологий в развитии культурных индустрий главное значение имеют *тексты,* которые они производят. Многие тексты культурных индустрий ориентируют свою аудиторию на *способы мышления* деструктивного, шокирующего

характера, чтобы привлечь определённую аудиторию. Эти виды деятельности нацелены на общение с широкой аудиторией через специальные тексты. Они прямым образом участвуют в *производстве социальных смыслов*. Сегодня стало очевидным, что *развитие разнообразных культурных индустрий должно быть одним из стратегических направлений государственной культурной политики*.

Культурное наследие России, всех её народов очень многообразно и представляет собой не статичный и всё увеличивающийся анклав, а динамично меняющуюся систему. Данная система сложна по своей *архитектонике*. Это региональное, национальное и всемирное наследие, это актуальное, потенциальное, а также глубинное – «снятое» наследие. Формирование и использование культурного наследия требует современного осмысления в виде своего рода цивилизационного проекта и проекта формирования культурной памяти настоящего и будущих поколений. *Этот вопрос нуждается в специальной научной проработке и практическом моделировании*.

Хотелось бы, чтобы для участия в реализации разных направлений государственной культурной политики России было привлечено и *Научно-образовательное культурологическое общество*, уже зарекомендовавшее себя активным участием в развитии наук о культуре, культурологического образования и просвещения в стране, в проведении масштабных культурологических конгрессов, форумов, конференций, а также в публикации монографий и учебников по культурологии, истории культуры нашей страны и в других общественно значимых делах.

*Артамонова Татьяна Александровна,
Фотиева Ирина Валерьевна,
г. Барнаул*

КУЛЬТУРА И АНТИКУЛЬТУРА: ОСНОВАНИЯ И КРИТЕРИИ ДЕМАРКАЦИИ

Сегодня мы наблюдаем повсеместный кризис так называемой высокой культуры. Отношение к нему в обществе двоякое. С одной стороны, он порождает рост протестных обращений общественности и попытки государства обновить культурную политику; с другой стороны, многие деятели культуры выступают за расширение «культурных номинаций» за счёт включения таких форм, которые и вызывают серьёзные дискуссии. Что же происходит: естественная модернизация, точнее, эволюция культуры со сменой парадигм, как утверждают многие теоретики, – или разрушение самих её основ, являющихся и основополагающими устоями существования общества?

Как известно, существует множество определений понятия «культура», но все они, в первом приближении, могут быть разделены на две группы. Первая рассматривает культуру как социально-исторический феномен, порождённый исключительно деятельностью человека. Вторая группа видит в *подлинной культуре* отражение неких бытийных основ. Эти два подхода базируются на противоположных мировоззренческих основаниях. Первый основан на традиции, доминирующей в западной мысли уже несколько веков. В этой традиции, начавшейся в эпоху Возрождения, человек всё более отрывался и от «верха», то есть высшего, божественного начала, и от «низа», то есть природы. Возобладал антропоцентризм и антрополатрия – своеобразное обожествление человека. Своего пика такой взгляд достиг в постмодерне, о чём мы ещё скажем. С этой точки зрения, человеку «всё позволено», как говорил Ф. М. Достоевский, и нет критериев отличия высокой культуры от низкой.

Протесты, о которых мы сказали вначале, не случайны: некая глубинная интуиция настойчиво говорит людям о ложности редукционистского взгляда на мир. Эта интуиция сегодня всё более подкрепляется результатами научных исследований: не случайно ведущие учёные последнего столетия всё чаще обращались к древним философско-религиозным системам, которые, при всех отличиях, лежат в русле единой традиции – единой, подчеркнём, для Запада и Востока. В XX веке её венчают, с одной стороны, русская метафизика всеединства, с другой стороны, новое осмысление учений Востока в трудах Свами Вивекананды, в теософской доктрине Е. П. Блаватской и учении «Живая Этика», связанном с именами семьи Рерихов. В целом всю эту синтетическую традицию правомерно объединить под названием «метафизики всеединства», основу которой составляют следующие положения:

– признание Абсолютного Первоначала (под любыми именами: Единого Бога, Парабрамана, Дао и т. д.), которое является источником порядка, смысла и ключевых ценностей миро-

вого бытия, а с антропологической точки зрения – предельной целью познания и человеческих стремлений;

– иерархическое и динамическое строение бытия, формируемого в результате взаимного опосредования и взаимовлияния духа и материи;

– признание глубинного (или божественного) «Я» в человеке, параллельно с эмпирическим «я». Глубинное «Я» – носитель трансцендентных знаний, смыслов и базовых черт характера земной личности;

– ориентация на достижение органического единства между научным, религиозным и философским знанием [1, с. 33–38].

Мы не будем останавливаться на подтверждениях этой новой, формирующейся на наших глазах парадигмы (точнее, нового прочтения древних взглядов на мир, их можно найти во многих работах). Перейдем сразу к **выводам**, касающимся сферы культуры. Главных и взаимосвязанных выводов здесь два. **Первый** указывает на неизбежный возврат к представлению об идеале человека, идеале совершенной личности, греческой калокагатии. **Второй** вывод заключается в том, что культура должна способствовать совершенствованию личности и общества, а значит – отражать высшие ценности бытия.

Иерархическое строение бытия задаёт иерархию ценностей и смыслов, поэтому культура призвана утверждать приоритет высокого над низким, духовного над материальным, служить гармонизации внутреннего мира человека и укреплению его нравственных устоев. Культура должна сочетать ценности научного, философского, религиозного и художественного познания, не противопоставляя одно другому, а соединяя их в органическое целое. Только при наличии этих характеристик **культура** может считаться **подлинной**. И не случайно вся история искусства наглядно демонстрирует, что признанными шедеврами классики, прошедшими проверку столетий, являются именно произведения, соответствующие этим критериям, способные пролить свет истины, прояснить смысл жизни и укрепить человеческий дух.

При этом, конечно, обостряется вопрос, поставленный в начале статьи: по каким критериям оценивать развитие культурных форм? Разумеется, они подлежат изменению, но не столько в зависимости от социально-исторического фона, от прихоти творца, а, скорее, в силу естественной эволюции любой сферы. Здесь нельзя дать жёстких предписаний, но можно отметить два ключевых момента: во-первых, творческое чутьё художника и, во-вторых, та идея, которую он хочет воплотить в произведении. Высокая идея, образно говоря, не потерпит безобразной и просто неадекватной формы. Поэтому важно подчеркнуть, что и формы культуры не являются объектом сугубо произвольной человеческой трансформации, к которой призывают многие современные культурологи и деятели искусства.

Следующий вопрос: как при этом сочетается бытовая (повседневная) культура и высокая, элитарная? С наших позиций, главное различие – **в глубине и сложности идей**, но не в базовых ценностях. Образно говоря, они должны находиться на одной вертикали, но на разных её уровнях. Поэтому, скажем, А. С. Пушкин и Э. Асадов – это культура, первый – элитарная, второй – массовая. А, с другой стороны, многие стихи позднего И. Бродского, проникнутые скепсисом и цинизмом, – уже не культура, несмотря на его языковую гениальность. Конечно, есть ещё и множество произведений, так сказать, смешанных, с подъёмами и спадами, и здесь необходим точный анализ, чтобы отделить зёрна от плевел. Пример такого точного искусствоведческого и духовно-нравственного анализа дан Д. Андреевым в его «Розе мира», особенно при анализе творчества А. Блока. Также можно вспомнить концепцию М. Ю. Шишина [4], где культура рассматривается как трёхуровневая структура, отражающая ступени развития ноосферы. Первый уровень – ноосферата – это антикультура, разрушительная для личности и общества (оружие, ГМО; деструктивные религиозные культы и философские концепции; искусство, утверждающее распад и деструкцию). Этот слой представлен изобретениями и идеями, направленными против фундаментальных человеческих ценностей – добра, истины, красоты. Второй уровень – технически-утилитарный, обеспечивающий воспроизводство нашей повседневной жизни. И третий уровень – это уровень, отражающий высшие ценности и принципы Бытия в произведениях науки, философии, искусства, религии, уровень подлинной культуры.

Предлагаемый подход отрицает плюрализм в оценке культуры, утвердившийся за последние полтора века, особенно в постмодерне. Модерн и постмодерн принято противопоставлять, и они действительно расходятся по многим позициям, но их объединяет одно: отрицание твёрдых оснований человеческой жизни и культуры. Отсюда – полный произвол новых «творцов» под предлогом свободы самовыражения. Например, создание «живых портретов» Вл. Мамышевым-Монро, когда переодетый и накрашенный мужчина предстаёт в женских образах «возрожденческих» мадонн, культовых героинь современности, таких как Мерлин Монро, а также в образе Гитлера или Христа. Или коллективный перформанс, когда все участники

действия совместно разбивают пианино, ломают автомобиль и т. п. (Оппоненты этого направления справедливо считают, что подобные «произведения» – это игра больного воображения или проявление массового безумия). Поскольку для постмодернистов личность – не более чем смена масок, то по сравнению с этим даже «одномерный человек» Г. Маркузе выглядит вполне цельным. В постмодерне «низкое» и «высокое» не просто меняются местами: «высокому» вообще отказывается в праве на существование.

Здесь резонно задать вопрос: почему, несмотря на явную абсурдность, антикультура и её идеология не просто продолжают жить, а активно пропагандируются? Причины этого явления коренятся в общемировых политических и геополитических процессах, в желании мировых «элит» иметь в распоряжении легко управляемое общество. Эта идея очень стара: вспомним хотя бы «Великого инквизитора» Ф. М. Достоевского, не говоря уж об антиутопиях Оруэлла, Брэдберри или Замятина. А сегодня эта идея реализуется в виде создания «человека-пазла», которого можно разобрать на отдельные фрагменты, а потом собрать по определённому заказу. Поэтому всевозможное «актуальное искусство» легко находит и финансовую поддержку, и массовую рекламу, а в культурологии «культурный хаос» и «культурная деструкция» признаются как направления модернизации культуры. Блестящий анализ этой ситуации дан М. Кантором в книге «Учебник рисования»: «Граждане, вернее, те из них, кого можно было причислить к интеллигенции, упивались терминами «рефлексия» и «деструкция»... По недомыслию они не связывали принцип деструкции с развалом Советского Союза, с бойней в Чечне, с бомбардировками Сербии и т. п. ...Интеллигенты не могли пройти мимо прилавка с книгами Дерриды или Делёза, чтоб не прикупить новинку, не повздыхать, не умилиться полёту мысли, но, напротив, они подчас кривились на новости в телепрограммах – и это было не слишком логично: и там, и там рассказывали примерно про одно и то же. Так, в прошлые, советские, годы интеллигенты умудрялись любить Малевича, но не испытывать схожих чувств к Дзержинскому. Им нравились Родченко и Лисицкий, а вот Ежова или Ягоду они не жаловали. И никто не видел в том противоречия. Как можно любить принцип деструкции и не радоваться его буквальному воплощению – понять довольно трудно» [2, с. 141].

Отказ от признания критериев подлинной культуры может привести к подрыву самих основ существования общества, более того, рода *homo sapiens*. И противоядием против этого будет, во-первых, утверждение новой парадигмы, о которой на протяжении всего прошедшего века говорили самые разные мыслители и которая должна основываться на новом прочтении и осмыслении древних знаний. И, во-вторых, выработка на этой основе работающих и чётких критериев отличия подлинной культуры от её эрзацев и тем более – от откровенной и разрушительной антикультуры, которая далеко не всегда выступает в явных формах. При этом следует помнить главные ориентиры для выработки этих критериев, которые в сжато-афористичной форме обозначил Н. К. Рерих: «Культура покоится на красоте и знании» [3, с. 146].

Литература:

1. Иванов, А. В. Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики»: монография / А. В. Иванов, И. В. Фотијева, М. Ю. Шишин. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. – 512 с.
2. Кантор, М. К. Учебник рисования: в 2 т. / М. К. Кантор. – М.: АСТ; Астрель, 2008. – Т. 1. – 640 с.
3. Рерих, Н. К. Держава света / Н. К. Рерих. – Рига: Виеда, 1992. – 284 с.
4. Шишин, М. Ю. Ноосфера, культура, культурный ландшафт: монография / М. Ю. Шишин. – Новосибирск: СО РАН, 2003. – 287 с.

*Степанская Тамара Михайловна,
г. Барнаул*

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРА ПАМЯТИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Понятия «культурное наследие», «память культуры», «культура памяти» тесно взаимосвязаны. Трактовка дефиниции «культурное наследие» широко освещена в искусствоведческой и музееведческой литературе. Значительный вклад в разработку этого понятия внесли российский учёный академик Д. С. Лихачёв и его ученики. Научная школа Д. С. Лихачёва рассматривает наследие как информационный потенциал, запечатлённый в явлениях, событиях, материальных объектах, необходимый человечеству для развития, сохраняемый для передачи будущим поколениям. Чётко выделяются две составляющие наследия: духовная (язык, идеалы, традиции) и материальная (памятники археологии, архитектуры, музейные, архивные и библиотечные фонды и т. п.). Понятие «культурное наследие» значительно расширяет свои границы,

охватывающие в настоящее время объекты нематериального наследия. Под нематериальным наследием, на наш взгляд, кроме обычаев, обрядов и т. п., понимается историческая память, память культуры.

Память культуры – особая ценность, способная сохраняться и служить поколениям при наличии в обществе культуры памяти. Интеграция культур – древний и непрерывный процесс. В настоящее время он находится в центре внимания культурологии, этноискусствоведения, искусствоведения. В статье представлен опыт приобщения восточной художественной культуры к европейской школе изобразительного творчества (на примере Казахстана, Монголии и Китая). Автор изучал проблему статьи на материалах творческих поездок в Казахстан (2004), Монголию (1984, 2005), Китай (2010). Подобное сотрудничество способствует углублению исторической памяти народов, укрепляет память культуры.

К. Тельжанов. Свобода. 1970. Х., м.

Очирын Цэвэгжав
Укрощение коня. Х., м.

Культурно-историческую и художественную ценность имеет творчество казахских художников – первых выпускников Санкт-Петербургского Академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина и Московского художественного института им. В. И. Сурикова. Творчество первых казахстанских живописцев, получивших образование в России, достигло высокого художественного уровня и занимает особое место в культуре XX века.

В развитии станковой живописи Казахстана середины XX столетия значительная роль принадлежит художественным мастерским ведущих педагогов института им. И. Е. Репина. В 1940–1960-е годы коллектив института составляли живописцы М. И. Авилов, Ю. М. Непринцев, И. А. Серебряный, М. П. Бобышов, Р. Р. Френц, Б. А. Фогель, М. Д. Берштейн. Творческий метод этих художников во многом определил пути развития станковой живописи Казахстана. Ученик М. И. Авилова Канафия Тельжанов остаётся приверженцем творческого метода своего педагога.

Исторический жанр в Казахстане воспринял и интерпретировал традиции русской исторической живописи на основе особенностей исторического прошлого народа, уникальности творческих личностей, рождённых в Казахстане. Преемственность проявилась в обращении к сюжетам национальной истории. Построение исторической и сюжетно-тематической картины на основе пейзажа присуще традициям русской школы живописи. В то же время на формирование образности казахского национального пейзажа оказывают воздействие архаически-мифологическая (фольклорная) и национальная пространственная модели, для которых характерна взаимосвязь и целостность человека и природы. Воплощая образ казахской степи в станковой картине, художник проявляет самобытность национальной пейзажной живописи, используя при этом традиции русской художественной школы: реализм изображаемых событий, эпичность образов, многообразие состояний пейзажа, передачу цветовых отношений объектов с учётом тонового и цветового состояния освещённости; трёхплановую систему построения пространства станковой картины.

В мастерской Ю. М. Непринцева проходил обучение К. Шаяхметов. Художник тяготеет к повествовательности, к картинам народного быта, переданным с завидным жизнелюбием. Достоверность, оптимистическое восприятие жизни, мягкий лиризм, острое чувство красоты, гармонии природы и человека, солнечность произведений выражают самобытность живописного стиля К. Шаяхметова. Яркое «хоровое начало», трёхплановое построение композиции картины с плотной детализацией сюжета, являющиеся устойчивой традицией русской школы живописи, становятся основой его ранних произведений. Эти традиции в творчестве художника наблюдаются до конца 1960-х годов. Далее в жанровых произведениях К. Шаяхметова отчетливее проявляется лаконичность цвета, аппликативность и симметричность в построении композиции, преобладание крупного плана без детализирования, традиционного для орнаментальной изобразительной системы.

Большое внимание жанровой картине уделял педагог И. А. Серебряный. Внимание живописца-педагога привлекали образы современников. Для его произведений характерны ясность композиции, динамика построения картины, выразительность образов героев, умение передать сложность человеческих характеров. Среди учеников профессора И. А. Серебряного был Али Джусупов. Художник Джусупов тяготел к созданию произведений пейзажного жанра.

Пейзаж – традиционный жанр России – именно в советскую эпоху из многих жанров получил глубокое развитие в Казахстане. Этому есть несколько причин: во-первых, высокие достижения в пейзажном творчестве живописцев России XIX века, вошедшие в сокровищницу русской культуры как великая традиция, во-вторых, большое значение природы в жизни человека как источника становления его духовности.

Особенностью творчества Али Джусупова является выбор пейзажа «чистой природы». В его произведениях прослеживается приверженность трактовке образа Горного Казахстана в русле лирического пейзажа, связанного с традицией русской реалистической тональной живописи. Художник работает по натурному материалу, стремясь путём тонкой тоновой разработки цвета сохранить световоздушность изображаемой среды и через неё передать состояние и настроение. Эти тенденции находят выражение преимущественно в пейзажном этюде. Романтизм и лирическая нота – особенность пейзажных произведений Али Джусупова. Национальная самобытность произведений художника выразилась в образах природы родной казахской земли.

Нагим-Бек Нурмухаммедов (1924–1986) обучался в творческой мастерской Р. Р. Френца (1888–1956). В творчестве художника соединились жанры плакатной графики и батальной живописи, театрально-декорационного и декоративно-прикладного искусства. Будучи аспирантом Академии художеств, Н.-Б. Нурмухаммедов продолжил обучение в мастерской живописца А. М. Герасимова (1881–1963). Творческий метод А. М. Герасимова оказал заметное влияние на художественный стиль Н.-Б. Нурмухаммедова и проявился в первую очередь в следовании жанру исторического портрета. У педагога художник заимствовал широкую этюдную манеру письма, смелый мазок, сочный колорит. В своих произведениях Н.-Б. Нурмухаммедов неоднократно обращается к темам исторического прошлого Родины. Историзм – характерная черта творчества художника. Декоративность приёмов, композиционное построение картин Н.-Б. Нурмухаммедова указывают на преемственность традиций русского и казахского народного искусства в работах художника. В портретных произведениях Н.-Б. Нурмухаммедова проявляется глубокая связь с традициями русской живописной школы, одной из характерных черт которой является утверждение человеческой личности во всей её многогранности.

Российская художественная школа имеет большой опыт приобщения монгольских художников к традициям европейского искусства. Правительство СССР обеспечивало студентов и аспирантов – граждан МНР общежитием, стипендией, возмещением 50% затрат на транспортные расходы. Такие монгольские художники как Додийна Дондог, Лувсангийн Гава, Н.-О. Цултэм, О. Мягмар, глубоко освоили фигуративную живопись, рисунок, законы композиции. Их учителями были в институте им. И. Е. Репина А. А. Мыльников, Ю. М. Непринцев, В. М. Орешников, Е. Е. Моисеенко и другие мастера живописи, в институте им. В. И. Сурикова – Т. Салахов, Д. Мочальский, С. Герасимов, Е. Кибрик. Взаимовлияние российских и монгольских культур ярко проявилось в Алтайском регионе. Общество советско-монгольской дружбы с 1979 по 1991 годы возглавлял художник Ф. С. Торхов, им были организованы совместные художественные выставки.

В 2013 году в галерее «Универсум» АлтГУ состоялась выставка произведений доцента факультета декоративного искусства Хубэйского технологического университета Гуань Сино «Восточная элегантность». В 2007 году Сино окончила Новосибирскую архитектурно-художественную академию, в 2012 году – аспирантуру при Алтайском государственном университете. Сино – не только историк искусства, но и художник, в творчестве которого синтези-

рованы традиции восточной и европейской художественной культуры. Произведения Сино отражают процесс интеграции культур. В них через европейскую манеру живописи проступают традиции восточной изобразительной культуры: и в ритмах, и в построении.

Сино Гуань. Цветок на ветру. Х., м.

Таким образом, происходило взаимообогащение русской, монгольской, казахской и китайской культур. В настоящее время искусство трактуется как «...высшая способность адекватно соответствовать определённой реальности <...> способность сознания целого, иррационального, полно отражать законы той ситуационной позиции, которая переживается или имеется <...> здесь и сейчас» [3, с. 70–71]. Констатация постмодернистскими мыслителями фрагментарности человеческого опыта конца XX столетия послужила своеобразным толчком поиска новых онтологических и экологических оснований культуры XXI века. Природопреобразующая функция культуры ныне заменяется на природосохраняющую. Эта концепция направлена на восстановление утраченной человеком органичной взаимосвязи с природным миром, которая так характерна для восточного искусства:

«...Плывут облака
Отдыхать после жаркого дня.
Стремительных птиц
Улетает последняя стая.
Гляжу я на горы,
И горы глядят на меня,
Вот так и глядим мы,
Друг другу не надоедая...» (Ли Тай Бо)

Антропоцентрические тенденции и прагматизм западной культуры XIX–XX столетий «...упрочили дистанцию между человеком и природой, точнее, положение человека «над природой», что обусловило самоидентификацию представителя индустриальной и постиндустриальной формации исключительно как потребителя природных ресурсов» [1, с. 3].

Особенностью русского искусства является поклонение природе и высокие достижения развития пейзажного жанра в живописи, чьи эстетические и этические ценности не растворились в постмодернизме. Ведущим жанром в России был и остаётся пейзаж, однако в нём произошли перемены, связанные с поисками национального образа. Пришло понимание, что природа – не только повод для этюдных мимолётных состояний, но и основа мировоззрения российских художников [2, с. 53.]. Тезис о единении природы и человека находит воплощение в искусстве современных мастеров пейзажа, не вышедших из сферы обаяния отечественной художественной школы. В данной статье представлен материал, иллюстрирующий непреходящую ценность природы как источника духовности. Восточное искусство задаёт вопрос, перекликающийся с ценностями русского искусства: «Отчего человек не может устроить свою жизнь столь же разумно и красиво, как она устроена в природе?»

В мире культуры действует закон преемственности и традиции. Традициям противостоят глобализация, современные философы высказывают суждения о планетаризации человеческого сознания, в процессе которой человек утрачивает чувство привязанности к локальному месту, всё более ощущая себя в целостности планеты, пребывающей под регулирующей силой космоса. Мир искусства есть высшая реальность человеческого бытия. Обладая творческой силой, человек призван не просто быть, но бытийствовать, то есть принимать непосредственное

участие в формировании реальности. В этом процессе географической среде, пейзажу принадлежит ведущая роль. Красиво, образно, точно сказал об этом русский философ В. Соловьёв: «Природа есть живое воплощение небесного начала на земле <...> красота растений, живых существ и самого человека есть первоисточник творчества». Эта концепция согласуется с искусством всех стран и народов, она закреплена в памяти культуры, общество же призвано формировать культуру памяти.

Литература:

1. Кувеко, Е. Н. К вопросу об определении понятия «искусство» / Е. Н. Кувеко // Художественная культура: теория, история, критика, методика преподавания, творческая практика : сборник материалов всерос. конф. / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2004.
2. Союз художников Хакасии : альбом-каталог / Администрация города Абакана, Министерство культуры Республики Хакасия, Союз художников Республики Хакасия ВТОО «Союз художников России», сост. каталога и автор вступ. ст. Т. М. Высоцкая. — Красноярск, 2009. – 142 с.
3. Флоренская, В. В. Архетипы единства человека и природы традиционных обществ и формирование экологической культуры : дис. ... канд. культурологии / В. В. Флоренская. – Екатеринбург : [б. и.], 2010. – 170 с.

*Воробьёва Наталья Владимировна,
г. Барнаул*

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА АЛТАЯ: НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО И ЗАДАЧИ БУДУЩЕГО

В размышлениях о «книжной культуре» мы поддерживаем точку зрения книговеда С. А. Пайчадзе [2, с. 5–6] и определяем книжную культуру Алтая как уровень, достигнутый книжным делом в сочетании со сложившимися традициями и реалиями в отношении народа к книге (и печати в целом) в регионе на определённой ступени развития общества. Безусловно, раскрыть такой широкий вопрос в одной публикации не представляется возможным, поэтому рассмотрим особенности возникновения, жизнедеятельности и перспективы развития библиотек на Алтае.

Региональную специфику книжной культуры Алтая определяют следующие социально-экономические и культурные процессы:

- первые русские люди на Алтае появились только спустя 100 лет после сибирского похода Ермака (1581–1585), так как путь на юг был затруднён воинственными племенами джунгарских кочевников. Как полагает историк Ю. С. Булыгин, первая деревня Кармацкая возникла здесь в 1696 году, примерно в 30 км от нынешнего Барнаула [3, с. 112];
- развитие Алтая как центра горного производства в XVIII–XIX веках связано с именем крупнейшего уральского заводчика Акинфия Демидова, который в начале 1726 года получил разрешение и монопольное право на строительство на Алтае заводов и рудников. 21 сентября 1729 года заработал первенец алтайской металлургии – Колывано-Воскресенский завод. К началу XIX века на Алтае действовало 8 заводов и более 20 рудников. С 1747 года Алтай становится собственностью императорской семьи под управлением Кабинета. Алтайский горный округ представлял собой огромную территорию, в состав которой входили нынешний Алтайский край, Новосибирская и Кемеровская области, часть Томской и Восточно-Казахстанской областей, общей площадью свыше 500 тыс. км²;
- с начала 70-х годов XIX века заводы становятся убыточными, а в 1893 году большинство из них были закрыты. Основой экономики Алтая становится сельское хозяйство, большое влияние на развитие которого оказал рост населения за счёт переселенцев из Европейской России;
- особое влияние на формирование книжной культуры оказали старообрядцы. Локальные поселения так называемых «раскольников» появились в конце XVIII века и были достаточно многочисленны. Например, в первой половине XIX века старообрядцы составляли 45% крестьянского населения Бийского округа и 25% – Барнаульского.

Развитие Алтая сначала как горнозаводского, а затем как сельскохозяйственного и торгового региона, было невозможно, в том числе, и без развития интеллектуального потенциала населения. И этому развитию способствовали открываемые в регионе библиотеки: казённые, общественные, учебные и частные.

Особое место в культурной жизни Алтая и Сибири занимала открытая в феврале 1764 года при Правлении Колывано-Воскресенских заводов первая за Уралом научно-техническая библиотека. Её фонды на начало XIX века насчитывали 7152 книги на русском, немецком, ла-

тинском, английском и других языках. В 1913 году библиотека Управления Алтайского округа, в состав которой входили библиотека Колывано-Воскресенских заводов, Барнаульская казённая библиотека и библиотека статистического бюро [1, с. 143], была передана в библиотеку Общества любителей исследования Алтая. Это книжное собрание, насчитывающее более 30 тысяч экземпляров, известно под названием «научно-историческая библиотека». После 1925 года большая часть библиотеки была перевезена в Новосибирск. Оставшаяся небольшая часть рассредоточена по библиотекам г. Барнаула.

В феврале 1888 года по инициативе Общества попечения о начальном образовании г. Барнаула была открыта Барнаульская городская общественная библиотека, ныне Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. В 20-е годы XX века в фонд библиотеки влились книги из личных, учебных и общественных книжных собраний города. Например, из библиотек библиофила и врача Алтайского горного округа И. И. Казаринова (1833–1902), межевого инженера, городского головы и общественного деятеля А. А. Лесневского (1866–?), Барнаульского реального училища Николая II, Общества попечения о начальном образовании г. Барнаула и других.

В конце 1950-х годов по линии Государственного книжного фонда в библиотеку попали книги из личных библиотек представителей династии Романовых. С конца 1980-х и по сегодняшний день библиотека приобретает у жителей края издания, которые пополняют коллекцию книг кириллического шрифта. Кроме того, библиотека формирует краеведческую коллекцию и фонд местной печати, в которых собираются книги, являющиеся книжным наследием Алтайского края, с хронологическим охватом с 1774 года по сегодняшний день.

Осознавая важность стоящей задачи сохранения книжного наследия Алтайского края как части национального культурного достояния России, коллектив библиотеки ведёт работу по комплектованию, описанию, сохранности и обеспечению доступности использования книжных фондов региона. Этому способствует созданный в 2009 году Центр по работе с книжными памятниками Алтайского края (далее – Центр).

Центр выявляет, изучает, описывает редкие и краеведческие издания, а также занимается вопросами их сохранения и популяризации как наиболее значимой части книжных собраний Алтайского края. За эти годы сотрудники Центра обследовали книжные фонды библиотек и музеев тринадцати районов Алтайского края, городов Барнаула, Бийска, Алейска, Змеиногорска, Рубцовска. Учреждения, имеющие в своих фондах книжные памятники, зарегистрированы на сайте «Книжные памятники Алтайского края» (URL: <http://akunb.altlib.ru/knizhnyepamyatniki-altajskogo-kрая.html>).

Центр ведёт «Региональный свод книжных памятников», цель которого – воссоздать репертуар книжных памятников с учётом сохранившихся в Алтайском крае экземпляров всех хронологических периодов, видов, категорий ценности. Центр осуществляет автоматизированный ввод машиночитаемых записей на единичные книжные памятники в Общероссийский свод книжных памятников (URL: <https://bd-kp.rsl.ru/>).

В книжных фондах учреждений Алтайского края хранятся уникальные экземпляры, являющиеся книжными памятниками федерального уровня. Так, в краевой библиотеке находятся одиннадцать листов рукописи беседы Василия Великого «Разорю житница моя», датированных серединой XVI века; напечатанные на Московском Печатном дворе «Миня общая» (1609) и «Октоих. Часть 2» (1618); напечатанная гражданским шрифтом книга российского дипломата П. П. Шафирова «Рассуждение какие законные причины его величество Пётр Великий император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая; к начатию войны против короля Карла 12, шведского 1700 году имел» (1722) и другие.

В фондах Музея истории развития горного производства им. Акинфия Демидова (г. Змеиногорск) хранятся напечатанная на Московском Печатном дворе «Псалтырь» (1654); «Библия» («Елизаветинская Библия») (предположительно 1751); уникальный гравированный «Новый атлас или собрание карт всех частей земного шара» (1793) и другие.

Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова, Государственный архив Алтайского края, Алтайский государственный краеведческий музей, Алтайская краевая научная медицинская библиотека хранят книги из первой в Сибири научно-технической библиотеки – библиотеки Колывано-Воскресенских заводов.

Выявлены и другие крупные держатели книжных памятников федерального и регионального уровней, среди них: Бийский краеведческий музей, Центральная городская библиотека им. В. М. Шукшина (г. Бийск), научная библиотека Алтайского государственного университета, научно-педагогическая библиотека Алтайской государственной педагогической академии, Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая и другие, в фондах

которых хранятся уникальные экземпляры изданий, которые предстоит ввести в научный оборот.

Важным направлением в деятельности библиотек является популяризация книжной культуры в обществе. Этому способствуют начатые в 2002 году совместные проекты с ВГТРК-Алтай «Былое» и «История одного шедевра», рассказывающие о редких книгах, хранящихся в фондах краевой библиотеки.

Какие задачи на будущее по сохранению и развитию книжной культуры Алтая ставит перед собой Алтайская краевая библиотека им. В. Я. Шишкова?

Во-первых, атрибутировать и описать все экземпляры книг, хранящиеся в библиотеках, музеях и архивах Алтайского края, обладающие свойствами книжных памятников. Эту задачу осуществляет Центр по работе с книжными памятниками Алтайского края.

Во-вторых, привлечь библиотеки Алтайского края всех уровней к формированию краеведческих коллекций, отражающих историю данной местности. Каждая, даже небольшая, библиотека может формировать фонд книжных памятников, отражая собственные задачи, интересы и потребности. В такие фонды могут включаться издания, представляющие интерес для данной местности, например: архивы, коллекции частных лиц, личные библиотеки выдающихся жителей данного района, собрание местных периодических изданий, печатная продукция частных типографий, книги с автографами знаменитых уроженцев или гостей и т. д.

В-третьих, вызвать интерес у всех, кто так или иначе связан с книгой, в исследованиях по истории библиотечных и музейных книжных фондов, отдельных экземпляров изданий или владельцев различных библиотек, издательств, переплётных мастерских и книжных магазинов на Алтае.

Наши стремления направлены на сохранение, организацию использования и доступности, изучение и популяризацию книжных богатств, доставшихся нам от книжников прошлого; а также формирование современной части фонда, которая позволит составить представление об уровне развития книжной культуры Алтая для будущих поколений.

Литература:

1. Абрамова, Ю. А. Коллекция «редкая книга» в Алтайском государственном краеведческом музее / Ю. А. Абрамова // Алтай библиотечный: науч.-практич. сб. – Барнаул, 2014. – С. 143–146.
2. Пайчадзе, С. А. Исследование региональных проблем книжного дела – закономерное следствие развития книговедения (XIX – начало XX в.) / С. А. Пайчадзе // Развитие книжной культуры Сибири. XIX – начало XX в. : сб. науч. тр. / ГПНТБ СО АН СССР. – Новосибирск, 1982. – С. 5–19.
3. Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. Т. 1. / ред. В. Т. Мищенко, Т. Кулагина и др. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1995. – С. 112.

*Черниенко Юлия Александровна,
г. Барнаул*

КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕГИОНА

В последние десятилетия всё более явно прослеживается процесс интеграции и глобализации в сфере культуры. Одной из особенностей духовного развития общества на рубеже XX – XXI веков является взаимопроникновение музейного и библиотечного институтов. Музей и библиотека имеют свою специфику, выражающуюся в составе и методике работы с книжными фондами, что позволяет сохранить историческую память. И всё же книга в музее находится на особом положении, выступая как предмет материальной культуры, отражающий эпоху.

В настоящее время в музеях и библиотеках ведётся формирование специализированных фондов редких и ценных изданий, рукописных книг, что предопределено своеобразием задач сохранения книжных памятников. Современные региональные книжные фонды становятся объектом внимания специалистов различных отраслей знания.

Редкие книжные коллекции, хранящиеся в фондах краеведческих музеев и библиотек, отражают экономическое, социальное и культурное развитие региона в определённый исторический период. Поэтому вполне закономерен интерес к редким книгам как историческим памятникам, запечатлевшим историю Алтайского края. Кроме того, научная значимость данной темы обусловлена актуализацией проблемы сохранения и изучения редкой книги как уникального источника и исторического памятника.

В ходе исследования специфики бытования редких изданий стало очевидным отсутствие единой точки зрения на проблему их включения в фонды музея. Положение книги как экспоната в музее двойственно. С одной стороны, она выступает как элемент материальной куль-

туры, часть культурного наследия, отразившая стилистику и особенности исторической эпохи, с другой стороны – как источник информации. Именно книга, в том числе и редкая, совмещающая в себе духовный и материальный компоненты, является уникальным историческим источником. На сегодняшний день книжные коллекции рассматриваются специалистами как уникальные источники информации в области истории и других отраслей знания.

Как правило, ценные книжные коллекции музеев и библиотек региона создавались на основе унаследованных ими фондов ранее существовавших на территории региона публичных или частных библиотек, в результате пожертвований и дарений. Данные учреждения сохраняют книжное наследие и изучают те собрания, которыми обладают. Ведущие позиции в области исследования редкой книги занимают старейшие и крупнейшие музеи и библиотеки, созданные преимущественно до начала XX века.

История книжной культуры Алтайского края позволяет говорить об актуальности изучения, в первую очередь, редкой краеведческой книги. Подобные книги в музеях региона – это памятники культуры регионального и местного значения. Они не должны рассматриваться специалистами вне исторического контекста, поэтому краеведческая ценность будет свойственна изданиям, связанным с деятельностью какой-либо персоны, с особым художественным оформлением, отражающим региональную специфику.

С другой стороны, музеи, как и другие социальные институты – библиотеки и архивы, обязаны обеспечивать беспрепятственный доступ к культурному наследию. В связи с этим сотрудники музеев решают проблему охраны книжных памятников и обеспечения возможности их использования специалистами. Необходимостью становится не только создание условий, наиболее благоприятных для длительного хранения редких книг, но и системы строгого учёта имеющихся в собрании памятников. Исследования редких книг в музеях возможны лишь после введения памятников древней письменности или старопечатных книг в научный оборот, что достигается составлением каталогов. Появление каталогов книжных коллекций является результатом партнёрских отношений с библиотеками, и не только.

На территории Алтайского края фондодержателями редких книг являются библиотеки, музеи и архивы различных учреждений. Среди обладателей наиболее ценных коллекций редких книг можно назвать Алтайскую краевую универсальную научную библиотеку им. В. Я. Шишкова (АКУНБ), Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ), Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК), Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА). Особый интерес для исследования представляют книжные собрания АГКМ. Изучение редкой книги краеведческого значения в его фондах возможно сегодня благодаря практике учёта, обработки и хранения, основы которой были заложены в XIX веке П. К. Фроловым.

*Маслов Михаил Сергеевич,
г. Барнаул*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ

В настоящее время общероссийское и региональное книжное дело переживают *углубляющийся кризис*: во-первых, не оправдались возложенные на 2013 год надежды на выход индустрии из кризиса; во-вторых, ведомственные перестановки в прошлом году в регулирующих печатных органах не изменили существующего положения; в-третьих, быстрыми темпами изменяется структура книжного рынка, на котором бумажные книги уступают место электронным источникам; в-четвертых, наряду с достижениями программ по поддержке чтения, в изучаемой отрасли обозначились сложно решаемые проблемы: дефицит бюджетных средств в регионах на развитие отрасли и издателей, способных публиковать востребованные читателями издания, проблемы регулирования книгоиздания, разрастающееся пиратство в сети Интернет и отсутствие единой базы данных о книжном рынке России. Решение обозначенных проблем возложено на органы административной федеральной и региональной власти, совместно реализующих Национальную программу по поддержке и развитию чтения на 2007–2020 годы.

В рамках реализации данной программы исполнительными органами в сфере книгоиздания был приостановлен спад книгоиздания в России. Так, по количеству изданных книг и брошюр в 2012 году превышен рекордный уровень 2009 года. Кроме того, по-прежнему снижаются тиражи выпускаемых изданий, хотя темп их снижения замедлился.

Сфера регионального книжного дела является зеркальным отражением событий, происходящих на общероссийском уровне. Наше исследование регионального книжного дела обнару-

жило тенденцию роста числа изданий учебной и профильной литературы, материалов, используемых в практической и научной деятельности. При этом отмечается, что подарочные художественные издания не преобладают в общем объёме литературного массива, что свидетельствует о продолжающемся падении интереса книгоиздательских и книготорговых организаций к выпуску изданий, формирующих высокий уровень духовно-нравственной культуры современного читателя.

Существенным достижением прошедшего года можно считать качественное улучшение распространения электронных источников информации в сети Интернет [1]. Совместно с книгоиздающими и телекоммуникационными организациями определен план совместного участия региональных авторов в общероссийских и международных книжных ярмарках 2012-2020 годов, а также основные направления работы по поддержке и продвижению чтения как перспективного направления саморазвивающегося гражданского общества. Возможно, в ближайшее время появятся щиты и плакаты с социальной рекламой чтения. Продвижение данной инициативы необходимо не только в крупных городах и региональных центрах, но и в сельской и поселковой местности. Чрезвычайно важно выработать механизмы взаимодействия и подходы к реализации региональных программ, пропагандирующих высокохудожественное чтение. Созданные ресурсы будут востребованы в ближайшие годы при наличии соответствующего финансирования.

Анализируя темпы развития книжного рынка, невольно задаёшься вопросом: почему процесс идёт так медленно? По мнению большинства экспертов социологического исследования регионального книжного рынка, пропаганда чтения среди россиян и особенно подрастающего поколения осуществляется устаревшими методами при активно изменяющемся рынке. Сегодня увеличивается популярность электронных книг вследствие появления портативных и сравнительно недорогих устройств для чтения.

В ближайшие годы преимущество электронной книги над бумажными изданиями будет только усиливаться. Книгоиздателям и распространителям необходимо восстановить контроль за процессом расширения форматов чтения и выработать новые способы продвижения книжной продукции с опорой на возможности мобильных цифровых устройств.

Библиотеки, выполняющие функции эстетического совершенствования общества, снижают уровень воздействия на общественное сознание. Всё больше читателей библиотечных учреждений города переходят в категорию «пользователей». Данный факт подчёркивает неизбежность влияния текущих событий и явлений на трансформацию библиотечного дела. В основе библиотечной работы лежит не эстетическая, а информационная и содержательная характеристики источников. Библиотеки, испытывая сложности в материальных и кадровых ресурсах, стремятся соответствовать современным условиям. Они реорганизуют свою деятельность в рамках информационной политики, которая предполагает акцент не на формирование культурно-правовых основ общества, а на получение общедоступной полной и достоверной информации.

Снижение числа посещений библиотек города Барнаула подтверждает ориентир читателей на общедоступность и скорость получения информации, которую предоставляет электронная форма документов. В настоящее время для исследователя становится очевидным, что переход к использованию цифровых форматов для распространения медиаданных способен при определённых обстоятельствах в короткие сроки полностью изменить привычные схемы функционирования организаций, работающих в индустрии звукозаписи, кино и издания печатной продукции. Опрос менеджеров по продажам крупных сетевых магазинов электронной техники краевого центра показал значительное увеличение продаж данных портативных устройств. При выборе продукции покупатели обращают внимание на специализированное оборудование и программы, обеспечивающие высокое качество графики, расположения материалов на экране при чтении электронных книг.

Проведённое социологическое исследование соответствует требованиям, предъявленным к разработкам данного направления в отношении выборки респондентов и репрезентативности. Статистика опроса студентов факультета информационных ресурсов и дизайна Алтайской государственной академии культуры и искусств свидетельствует, что из 100 студентов факультета высказали желание использовать для обучения электронный вариант книги – 83. По мнению респондентов, электронная книга имеет ряд положительных качеств: компактна (большое количество книг может поместиться в планшете), удобна для чтения независимо от места и времени, можно воспользоваться электронным текстом книги для написания тезисов или рефератов, что значительно экономит время.

На вопрос «Что Вы предпочитаете больше: электронную книгу или печатный вариант?» большинство наиболее подходящим для себя выбрали первый вариант ответа. Он отражает пре-

имущество электронной книги в поиске необходимого фрагмента текста с минимальными временными затратами (46%).

При рассмотрении перспективы замены печатной книги электронным вариантом опрошенные дали следующие ответы. Большинство выделяет вариант полного перехода на электронную форму благодаря удобству чтения и возможности поисковой функции при работе с изданием (26% и 16% соответственно). Вызывает интерес соотношение ответов при анализе художественной ценности опубликованных работ. Помимо получения эстетического наслаждения от чтения печатных книг (14%), одновременно респонденты отмечают иерархическую структуру создания электронных источников информации. В этом видится преимущество печатных изданий, которые предоставляют возможность читателям не только получать необходимую информацию, но и активно участвовать в её поиске и анализе.

Изучение ответов респондентов обращает внимание на указание времени, которое затрачивается на чтение. Подавляющее большинство (62%) проводят мало времени за чтением высокохудожественной и нравственной литературы. Социальный статус определяет финансовые затраты на приобретение литературы. При ответе на соответствующий вопрос группа респондентов подчёркивает значимость печатных изданий. Большинство опрошенных отметили безвозмездность пользования электронными источниками информации и их общедоступность (45%). По сравнению с прежними исследованиями в данной области, изменилось соотношение мнений респондентов о чувстве близкого общения с электронными изданиями. Если ранее мы отмечали однозначное преимущество печатного издания, то в настоящее время электронные книги становятся инструментом получения информации и эстетического наслаждения (30%), а иногда «электронную книгу можно назвать другом» (24%). Данный фактор свидетельствует об изменении отношения общества к электронным источникам информации. Электронные издания занимают всё большую часть информационного потока, что подтверждается чтением источников Интернет, поиском ресурсов и информации, представленной в социальных сетях [2].

В процессе изучения данной темы выявилась проблема пиратства в сфере электронных изданий в России. Большинство экспертов утверждают, что это «болезнь роста», и пока пиратство надо воспринимать как «прогрессивный налог на издателя». Но большинство книгоиздателей борются за бумажные книги, утверждая, что электронное пиратство не даёт им развивать бизнес. Занимаясь исследованием предпочтений читателей в Барнауле, можем отметить, что 80-85% читателей электронных книг предпочитают получать их бесплатно. Остальные 15-20% обращаются к платной версии только при отсутствии бесплатной. Это является серьёзным вызовом рынку электронных книг и всему издательскому сообществу.

Решение проблемы заключается в создании нормативно-правовых и практико-ориентированных механизмов, которые поставят потребителя в условие, что легче и проще заплатить за интересующий его контент, чем тратить время и силы на поиск пиратского [3]. Необходимо разумный баланс между защитой авторских прав и возможностью размещать свои произведения в сети Интернет на условиях открытой лицензии.

Радует, что «печатники» воспринимают появление электронных книг не как угрозу исчезновения традиционных изданий, а как одно из стратегических направлений развития рынка, понимая, что бумажные и электронные книги могут находиться на едином рынке в отдельных потребительских сегментах. Остаётся надеяться, что книгоиздатели в ближайшее время создадут оптимальную систему для обслуживания библиофилов, предпочитающих чтение с помощью электронных устройств, что даст толчок к дальнейшему развитию регионального книжного рынка.

Литература:

1. Гавра, Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт / Д. П. Гавра ; Рос. АН, Ин-т соц.-экон. пробл. – СПб. : ИСЭП, 1995. – 235 [2] с., [1] л. табл.
2. Маслов, М. С. Социокультурная среда современного книжного дела / М. С. Маслов // Опыт, тенденции и перспективы многоуровневой подготовки кадров в сфере культуры и искусства: материалы XII Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием) 2 апреля 2012 года. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2012. – С. 76–78.
3. Фомин, А. Г. История теоретической социологии. Социология XIX века. От появления новой науки до предвестников ее первого кризиса : учеб. пособие для вузов / А. Г. Фомин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Акад. проект ; Гаудеамус, 2010. – 370 с.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ БИЗНЕСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Успехи и «провалы» любого бизнеса зависят не только от грамотно составленного бизнес-плана, энергии руководителя, слаженной работы и квалификации всего коллектива предприятия (организации), но и от такой, на первый взгляд, мало примечательной и почти не осязаемой структуры как корпоративная культура.

Сегодня существует множество определений корпоративной культуры. В качестве рабочего можно взять следующее: «Корпоративная культура – это система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих её индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды» [6, с. 13].

Корпоративная культура российских предприятий определяется спецификой развития общества, на которое, в свою очередь, влияют и национальные традиции, и переходный характер социально-экономического развития, связанный с формированием «новой экономики», основанной на частной собственности, частном интересе, и большое влияние западной культуры, которую активно внедряли в российские фирмы, и глобализация, детерминирующая развитие всех стран и народов.

Российские традиции сформировались под влиянием ряда факторов и имеют свою историю. Обширную территорию расселения необходимо было защищать от набегов кочевников и чужеземных вторжений, что требовало постоянного напряжения, осторожности и определяло нестабильность существования. Суровый климат значительной части территории страны вносил постоянное чувство тревоги за судьбы своей семьи, заставлял искать поддержку у сородичей и в крестьянской общине. Принятие Россией православия определило принципы нравственной жизни народа. Длительное господство крепостного права и самодержавия приучило искать опору в общинной жизни и надеяться на сильную власть.

Рассмотрим некоторые из этих факторов подробнее.

Влияние православия просматривается в документах разных периодов российской истории. Его можно заметить уже в древнерусском источнике «Поучение Владимира Мономаха», показывающего наличие в России правил общения и ведения дел: «Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдёте и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришёл, простолудин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, – то пищей и питьём: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым» [2].

Своеобразно преломилось влияние православной культуры, длительного господства самодержавия и крепостного права (даже после его отмены в 1861 году) на принятых в 1912 году российскими предпринимателями *семи принципах ведения дел в России*:

- 1) **Уважай власть.** Власть – необходимое условие для эффективного ведения дела. Во всём должен быть порядок. В связи с этим проявляй уважение к блюстителям порядка в узаконенных эшелонах власти.
- 2) **Будь честен и правдив.** Честность и правдивость – фундамент предпринимательства, предпосылка здоровой прибыли и гармоничных отношений в делах. Российский предприниматель должен быть безупречным носителем добродетелей честности и правдивости.
- 3) **Уважай право частной собственности.** Свободное предпринимательство – основа благополучия государства. Российский предприниматель обязан в поте лица своего трудиться на благо своей Отчизны. Такое рвение можно проявить только при опоре на частную собственность.
- 4) **Люби и уважай человека.** Любовь и уважение к человеку труда со стороны предпринимателя порождает ответную любовь и уважение. В таких условиях возникает гармония интересов, что создаёт атмосферу для развития у людей разнообразных способностей, побуждает их проявлять себя во всём блеске.
- 5) **Будь верен своему слову.** Деловой человек должен быть верен своему слову: «Единожды солгавши, кто тебе поверит?» Успех в деле во многом зависит от того, в какой степени окружающие доверяют тебе.
- 6) **Живи по средствам.** Не зарывайся. Выбирай дело по плечу. Всегда оценивай свои возможности. Действуй сообразно своим средствам.

7) **Будь целеустремлённым.** Всегда имей перед собой ясную цель. Предпринимателю такая цель нужна, как воздух. Не отвлекайся на другие цели. Служение «двум господам» противостоит. В стремлении достичь заветной цели не переходи грань дозволенного. Никакая цель не может затмить моральные ценности [4].

Таким образом, в дореволюционной России были сформированы основы предпринимательской деловой этики и российской корпоративной культуры.

Социализм многое изменил, слой предпринимателей исчез, но основы корпоративной культуры своеобразно трансформировались в моральном кодексе строителей коммунизма. Не останавливаясь подробно на его содержании по причине отсутствия бизнеса в советской России, обратимся к современному периоду российской истории.

Существующая сегодня этика бизнеса, являющаяся основой формирующейся в организациях корпоративной культуры, действует в России, как и в других странах, на трёх соподчиненных иерархических уровнях:

1. **Мировой уровень (гипернормы).** Они основаны на общечеловеческих ценностях и зафиксированы в «Принципах международного бизнеса» – всемирном этическом кодексе, принятом в 1994 году в Швейцарии представителями ведущих компаний и консультантов бизнеса из США, Западной Европы и Японии. В общем виде они сводятся к следующему:

- социальная ответственность бизнеса (создание общественных благ, рабочих мест, повышение уровня жизни клиентов, служащих и акционеров, а также населения);
- модернизация технологий, методов производства, маркетинга и коммуникаций;
- повышение доверия к бизнесу (при сохранении коммерческой тайны – искренность, честность, выполнение обещаний);
- уважение правовых норм и обеспечение равных возможностей в конкуренции;
- признание верховенства этических норм (некоторые сделки, разрешённые законом, могут быть неприемлемы с точки зрения морали);
- содействие свободе многосторонней торговли;
- уважительное отношение к окружающей среде;
- отказ от противозаконных действий (взяточничество, отмывание денег, продажа оружия террористам, наркоторговля и др.).

Особо выделяются моральные обязательства предпринимателей и компаний по отношению к покупателям, работникам, владельцам, инвесторам, поставщикам, конкурентам, местному населению. Ряд исследователей считают, что гипернормы являются определяющими по отношению к национальным, отраслевым и корпоративным этическим кодексам и нормам.

2. **Национальные нормы** (макроуровень, в масштабе отрасли или национальной экономики). Это гипернормы и близкие к ним этические постулаты, реализуемые в отраслевых или в национальных кодексах этики бизнеса.

3. **Корпоративный уровень** (микроуровень, в масштабе отдельной фирмы и её клиентов). Это принципы доверия и отсутствия дискриминации в отношениях между поставщиками и покупателями, персоналом и администрацией, менеджерами и акционерами, и т. д. На этом уровне решаются и частные этические проблемы, которые постоянно возникают в организации [1].

Общими с западными странами будут и проблемы, возникающие в российской корпоративной культуре. В частности, то, что «...значительная часть конфликтов и сбоев в работе в организациях возникают именно на почве несогласия относительно власти, или, как говорят, основного игрока» [7, с. 97].

В современной России этот наиболее часто препятствующий развитию организаций конфликт усугубляется наличием так называемого «синдрома власти». Опылённые успехом руководители переходят от демократического руководства компанией к авторитарному стилю, сопровождающемуся сегодня недоверием к специалистам, бюрократизацией процесса принятия решений, презрением руководителя к персоналу [3].

Российская корпоративная культура имеет и много других проблем, некоторые из которых коренятся в недавнем российском прошлом. Реформы 1990-х годов проводились без учёта особенностей национальной экономики и культуры. «В результате преобразований произошёл недопустимый разрыв «социально-экономического-духовного». Именно из-за этого во многих российских компаниях отсутствует идеология, утрачены ценностные ориентиры, а целью существования организации признаётся лишь получение прибыли» [5]. Отсутствие собственной идеологии привело к бездумным попыткам заменить национальные традиции и нормы западными. С переходом от «социализма» к капитализму в России было много таких заимствований. Среди них были и система ведения дел, и манера общения, и «мода» на определённые

формы отдыха и на конкретные виды спорта (теннис, горные лыжи и др.) – на всё то, что является частью корпоративной культуры. Не всё, что внедрялось, прижилось на российской почве.

Хорошо известна и не раз представлена в литературе провалившаяся попытка компании «МакДоналдс» приучить российских служащих радостно улыбаться покупателям. В российских традициях не принято улыбаться незнакомым людям. Здесь существовали и продолжают существовать другие формы оказания внимания, предпочтения и доброжелательности. Это может быть и приветливое выражение лица, и поворот в сторону посетителя, и наклон головы и т. д. Улыбки у продавцов получались неестественными, натянутыми и вызвали непонимание у российских покупателей. Руководство компании приняло решение не настаивать на их «внедрении» в рабочий процесс. Этот элемент западной корпоративной культуры не прижился в России.

Особенностью российской корпоративной культуры всегда была её тесная связь с политикой [3]. И сегодня, когда политический вектор меняется, «безумное заимствование всего западного» уходит в прошлое, приходит осознание, что предприятия, организации, так же как и страна, имеют свою историю. В этой истории были значимы «испокон» такие ценности корпоративной культуры как уважение к старшим (это сближает Россию с восточными странами), соборность, трансформировавшаяся в период социализма в коллективизм.

Это вселяет надежду, что в российском бизнесе будет современная корпоративная культура, которая воплотит в себе всё лучшее западное (гипернормы) и всё лучшее традиционно российское. Но «ветер перемен» ещё раз убеждает нас в том, что существующая определённая нестабильность российской политики (извечное колебание политического компаса между Западом и Востоком), как и наши огромные территориальные просторы и суровый климат, создают «напряжённость» в обществе, которая проецируется на коллективы и непременно приводит к пониманию тесной зависимости человека от общества, в противоположность провозглашаемого западом духа индивидуализма. И это, пожалуй, один из важных факторов, влияющих на формирование современной российской корпоративной культуры.

Литература:

1. Баринов, В. А. Корпоративная культура организации в России [Электронный ресурс] / В. А. Баринов, Л. В. Макаров // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 2. – Режим доступа: <http://www.mevriz.ru/articles/2002/2/995.html>. – Заглавие с экрана.
2. Владимир Мономах. Поучение Владимира Мономаха [Электронный ресурс] / Владимир Мономах. – Режим доступа: <http://prochtu.ru/text.php?avtor=930&kniga=1&f=html&p=view>. – Заглавие с экрана.
3. Кокорина, Н. В. Корпоративная культура Америки и России: единство и различия [Электронный ресурс] / Н. В. Кокорина // Философские исследования. – 2006. – № 2. – Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2007/09/2007-09_r_dek-s3.htm. – Заглавие с экрана.
4. Руденко, Н. Принцип ведения дел в России: [деятельность Х. С. Леденцова] [Электронный ресурс] / Н. Руденко // Инженер. – 2004. – № 6. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=574&pid=205&sub=workabout>. – Заглавие с экрана.
5. Селиверстова, Г. Национальная специфика корпоративной культуры в России [Электронный ресурс] / Г. Селиверстова // Кадровик. – № 4. – 2009. – Режим доступа: <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=12222>. – Заглавие с экрана.
6. Спивак, В. А. Корпоративная культура : теория и практика / В. А. Спивак. – СПб. : Питер, 2001. – 352 с. : ил.
7. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2007. – 220 с.

*Вакаев Владислав Александрович,
г. Барнаул*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В XXI ВЕКЕ

Начало XXI века ознаменовалось ростом международной напряжённости, проявляющейся в обострении экономической, политической, дипломатической и военной борьбы. Её участниками стали крупнейшие геополитические игроки – США, Россия, Европейский Союз, Китай, а ареной – весь мир. Не акцентируя внимание на причинах и сущности данного противостояния, рассмотрим некоторые используемые в его ходе технологии.

Для этого нужно сделать небольшой экскурс в историю конфликтов XX века, которая позволяет обнаружить любопытную закономерность: в ходе каждого крупного военного конфликта появляются технологии, которые в следующем противостоянии становятся доминирующими. Так, во время Первой мировой войны появилось два новых средства – танки и авиация. В силу своего несовершенства они не смогли сыграть решающей роли в войне, однако все-

го через пару десятилетий, в ходе Второй мировой войны, они стали главной ударной силой. В свою очередь, в конце этой войны появилось оружие, которому предстояло стать главным инструментом в новом противостоянии двух мировых супердержав – СССР и США. Это ядерное оружие, ракеты и реактивная авиация. Специфика этого оружия определила характер так называемой «холодной войны». Благодаря своей разрушительной мощи, оно стало фактором, удерживающим стороны от прямого вооруженного противостояния. В результате начался поиск новых технологий. Это должны были быть нелетальные и скрытные, но эффективные способы воздействия на противника. Так на арену выходит новое – информационное оружие.

В качестве аналога можно привести ситуацию в природной среде: по наблюдениям зоологов, гориллы, вступая в конфликты, не применяют физическую силу по отношению друг к другу, используя разнообразные методы демонстрации силы – ломая ветки, крича и стуча себя кулаками в грудь. Этот способ обусловлен объективной необходимостью: гориллы очень сильны и в случае прямого конфликта могут нанести друг другу тяжёлые травмы. И участники «холодной войны», опасаясь нанести себе непоправимый ущерб, были вынуждены перевести противостояние в инфосферу.

Суть информационного оружия заключается в организации такого информационного потока, который позволяет укрепить лояльность собственных граждан и внедрить в сознание граждан противоборствующей стороны нужные установки, стереотипы, ценности, взгляды.

Необходимо выделить как минимум два вида информационного воздействия. Первый, который условно можно назвать медийным, связан с работой средств массовой информации и направлен на как можно более оперативное освещение тех или иных событий в выгодной для себя интерпретации. Классический пример применения информационного оружия данного типа был продемонстрирован в 2008 году во время грузинско-осетинской войны. Проводя подготовку к вторжению, президент Грузии Михаил Саакашвили обратился за помощью к бельгийским специалистам в области PR, которые рассылали иностранным журналистам десятки электронных писем с последними сообщениями из зоны конфликта (по грузинской версии). В частности, корреспондентам рассказывалось о «вторжении» России в Грузию, «интенсивных бомбардировках Тбилиси» и «захвате Гори российскими войсками». Несмотря на то что подтверждений этих сообщений не было (и позже они были опровергнуты как властями России, так и корреспондентами независимых агентств с места событий), они помогли сформировать образ России как агрессора. Надо отметить, что замысел этой информационной войны, сопровождавшей классическую военную операцию, в начальной стадии был успешно реализован. И только после напряжённой и длительной работы масс-медиа России эту ложную установку удалось частично дезавуировать. Хотя до сих пор некоторые жители западных стран считают, что в августе 2008 года Россия вероломно напала на беззащитную Грузию [1].

Второй уровень воздействия, который условно можно назвать культурно-идеологическим, ориентирован на формирование базовых установок и ценностей в общественном сознании и соответствующих им моделей поведения. Данный уровень связан с воздействием на глубинные пласты психики, он менее заметен, но более опасен, так как воздействует скрытно в течение длительного времени. На уровне культурно-идеологического воздействия, помимо СМИ, используется весь комплекс средств формирования сознания: идеология, система образования, искусство, религия.

В «холодной войне», как известно, победил Запад, элиты которого эффективно использовали свои конкурентные преимущества, связанные с наличием рыночной экономики. Она порождает значительное количество институтов, направленных на манипулирование сознанием людей, – реклама, масс-медиа, шоу-бизнес. Система данных институтов, подкреплённых мощной экспертной поддержкой (развитие соответствующих научных направлений всегда находилось в фокусе внимания западных стран), укомплектованных профессионалами и работающих на принципах самокупаемости, позволила нашим противникам создать информационный поток, воздействующий на сознание жителей стран советского блока, который стал одной из главных причин его разрушения.

Данное воздействие проявлялось в самых разных формах: через кинематограф, литературу, музыкальное творчество, рекламу своей продукции. Оно приводило к формированию у определённых слоёв населения (в первую очередь, молодёжи) неприятия советской действительности и преклонения перед зарубежными странами. Не случайно появившиеся в СССР в 1950-1960-е годы прозападно настроенные молодые люди (так называемые стиляги) называли друг друга жаргонным словом «чувак», расшифровывая его следующим образом: «человек, уважающий высокую американскую культуру». Проникая в широкие слои населения, данные установки заложили социальную базу для демонтажа советской системы.

Советский Союз не смог противостоять этому воздействию потому, что его руководство не сумело вовремя оценить потенциал информационного оружия. Поэтому применение его в отношении своих противников было во многом неэффективным, а попытка защитить население от враждебного информационного воздействия посредством цензуры оказалась неудачной. Последнее было связано с действием важного для информационной войны принципа асимметричности, суть которого заключается в следующем: большой объём информации, транслируемый одним источником, может быть дезавуирован малым объёмом информации, идущим из противоположного источника. Вот почему массовая советская пропаганда оказалась бессильной против точечных информационных ударов и идеологических диверсий Запада.

Распад СССР ещё более усугубил ситуацию, открыв возможности для увеличения информационного воздействия геополитических противников России. Одним из следствий этой работы стала стремительная морально-нравственная и культурная деградация широких слоёв населения в России, а также формирование устойчивых русофобских установок в больших группах населения бывших советских республик. В частности, разворачивающийся в 2014 году конфликт на Украине есть прямое следствие подобной идеологической работы, раскалывающей страну на две непримиримые части.

Сегодня, в период разворачивания нового мирового конфликта, именно информационное оружие становится основным средством ведения борьбы. Признание данного факта обуславливает необходимость изучения его видов, возможностей, тактики и стратегии применения. Выделим несколько тезисов, способствующих решению данной задачи.

Во-первых, необходимо признать, что наиболее эффективна наступательная стратегия использования данного оружия. Она позволяет иметь инициативу, держит противника в напряжении, заставляет тратить значительные ресурсы на оборону. Грамотно организованное информационное воздействие на противника позволяет получить существенные преимущества: не только сформировать позитивный образ своей страны в глазах населения страны-противника, но и оказать воздействие на экономические, социальные и политические процессы. При желании можно также снизить лояльность населения, спровоцировать внутренние конфликты и отвлечь ресурсы противника на их решение. Одним из удачных примеров реализации наступательной информационной стратегии стал успех проекта RT (ранее Russia Today) – международной информационной телекомпании, созданной в 2005 году. Вещание организовано на английском, арабском и испанском языках и охватывает многомиллионную аудиторию в десятках стран мира. Канал успешно осваивает и интернет-аудиторию: количество просмотров видеозаписей на англоязычной странице RT на YouTube превысило 727 миллионов, что стало мировым рекордом среди новостных каналов [2].

Во-вторых, основным полем для информационного противостояния становится сеть Интернет. Не имеющая границ, в значительной степени анонимная, имеющая широкий арсенал средств воздействия, способная максимально оперативно распространять информацию, она представляет массу возможностей для информационного воздействия. Создавая простые, короткие, но яркие информационные послания (в виде текстовых новостей, видеороликов, фотографий, коллажей, рисунков, комментариев), размещая их на разнообразных сайтах, можно оказывать мощное воздействие как на массовое сознание, так и на элиты. Масса примеров подобной работы была продемонстрирована в период украинского кризиса 2013-2014 годов, когда противостояние охватило ресурсы сети Интернет, породив феномен «диванных войск» – простых людей, участвующих в информационном противостоянии. Сообщения в мировой информационной сети впервые стали основой для принятия серьёзных дипломатических решений: со ссылкой на сообщения в Интернете о катастрофе малайзийского самолёта (ложность которых впоследствии была продемонстрирована) США приняли решение об организации очередной волны санкций против России. Особые возможности открывают так называемые «социальные сети», позволяющие мобилизовывать значительные массы людей. В частности, их возможности были продемонстрированы в период «арабской весны» 2011 года, когда в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки произошли восстания, главным участником которых стала молодёжь, координирующая свои действия именно посредством социальных сетей.

В-третьих, важную роль в информационных войнах будет играть борьба за физический контроль над информационным пространством. Возможность заблокировать работу информационных средств противника даёт неоспоримые преимущества в ходе противостояния. В этом плане наибольшие возможности имеют США, на территории которых находится центр управления сетью Интернет. Это обуславливает попытки других стран организовать контроль над национальными доменами данной сети. Дальше всего в этом направлении продвинулся Китай, который ограничил доступ к иностранным сайтам для своих пользователей, а также организовал фильтр веб-страниц по ключевым словам и создал «чёрный список» адресов сайтов. Позд-

нее в этом направлении начала движение и Россия, где в 2013-2014 годах был принят ряд законов, регламентирующих использование сети Интернет.

России предстоит ещё очень многое сделать для того, чтобы овладеть принципами информационной войны. Очевидно, что необходимо наращивать информационное давление на главного геополитического противника России – Запад, переходя от информационной обороны к наступлению. Только это даст возможность нашей стране добиться успеха в разворачивающемся мировом противостоянии, избежать которого, по-видимому, нам не удастся.

Литература:

1. Грузия рассказывала о войне с помощью бельгийских пиарщиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2008/08/13/praces/>. – Заглавие с экрана.
2. «Нет никакой объективности»: интервью с главным редактором телеканала Russia Today Маргаритой Симоньян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1911336>. – Заглавие с экрана.

*Рассыпнов Виталий Александрович,
г. Барнаул*

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ЭКОНОМИКИ

Ежегодно в России выбирается приоритетное направление в развитии общества, которое позволяет обозначить насущные проблемы и наметить пути их решения. Выбранному направлению сопутствуют различные мероприятия, которые привлекают внимание всех слоёв населения. Так, 2013 год был Годом охраны природы (экологии), а 2014-й – Годом культуры. Эти два понятия – экология и культура – очень близки по влиянию на жизнь человека в современном обществе. Природная среда обеспечивает человека всем необходимым для нормального физиологического существования, культурная среда обеспечивает ему комфортное психоэмоциональное состояние.

В современном обществе понятия экология и охрана природы часто используют как синонимы и широко употребляют не только на бытовом уровне, но и в науке. Экология как наука возникла в XIX веке, но развитие получила лишь в последней четверти XX века и в настоящее время является одним из востребованных направлений. И сейчас экология имеет множество ответвлений, которые становятся самостоятельными науками.

Экология в современной трактовке учёных означает учение о среде обитания или жилище живых организмов (гр. oikos – дом, родина, и logos – понятие, учение). Однако средой обитания может быть и культура, язык, техногенез и даже душа.

Выражение «экология культуры» предложено академиком Д. С. Лихачёвым, который обозначал им необходимость сохранения культурной среды (культурного наследия) одновременно с сохранением окружающей природной среды [3, с. 11–24]. Экология культуры включает в себя культурную среду как важное условие для осуществления духовной, нравственной жизни человека, его привязанности к родным местам и следование национальным традициям народа и заветам предков. Экология культуры является одним из разделов экологической эстетики, которая исследует проблемы эстетического с точки зрения диалектической взаимосвязи человека и окружающей среды.

Экология рассматривает окружающий мир как дом. И природа – это дом, в котором живёт человек. Культурная среда, созданная самим человеком, – тоже дом, причём постоянно меняющийся по мере развития человечества. В этом доме происходят самые разнообразные явления – воплощённые материально или в виде идей и различного рода духовных ценностей.

Экологические представления издавна жили в народном мировоззрении, взаимодействуя со всеми формами общественного сознания, так же как и политические, правовые, нравственные, эстетические и другие взгляды. Экологическое сознание проявило и вывело наружу обострение экологической ситуации в эпоху научно-технической революции.

В общественном сознании выделяется совершенно обособленный и уже имеющий историю феномен, который был назван «экологическое сознание». Его появление связано с масштабным наступлением человека на природу, которое, по выражению В. И. Вернадского (1967), стало геологической силой [1]. Противоречия в отношениях человека с окружающей природной средой привели к возникновению сложных экологических ситуаций и кризисов.

В нашей стране развитие экологического сознания долгие годы сдерживалось государственной политикой регулирования взаимоотношений общества и природы и плановым харак-

тером экономики. Обострение экологических конфликтов, изменение приоритетов в экономике и появление частной собственности усилило процесс становления экологического сознания населения. Особенно остро это стало проявляться в переходный период экономики – от плановой к рыночной. В публикациях материалы по экологическому сознанию стали появляться лишь в связи с крупными экологическими катастрофами. Современные потребительские отношения общества к природе многими людьми осознаются как необходимые в период перехода экономики от социализма к капитализму.

В это сложное время, когда один тип экономики ещё не полностью сменился другим, происходит конфликт технократического и экологического сознания. Носителями технократического отношения к природе являются бизнесмены, извлекающие прибыль из природных ресурсов. Их мало, но они имеют власть и капиталы. Они осознанно грабят природу, не вкладывают средства в её восстановление, не соблюдают законов государства и природы и уклоняются от налогов. Вследствие того что основу национального дохода в стране составляет продажа природных ресурсов, основная масса населения становится всё беднее.

Экологическое сознание присуще небольшой, наиболее просвещённой части населения страны, которая понимает всю пагубность сложившихся экономических отношений для природы. Сюда относятся научные и педагогические работники, которые могут формировать общественное сознание в защиту природы, но не имеющие выхода на лиц, принимающих решения во властных структурах. В этой среде разрабатываются природоохранные технологии, предлагаются пути выхода из экологических ситуаций и кризисов, но применения в современном обществе они не находят.

Предшествовавшая научно-техническая революция в стране оставила в наследство множество экологических проблем и подтолкнула к проявлению в настоящее время экологического сознания. Теперь уже и основная масса населения начинает ориентироваться в экологических проблемах, чему в большей степени способствуют средства массовой информации.

Экологическое сознание обращено к объективно существующим реалиям современного мира и включает в себя систему научного знания, а также элементы политического, правового и социального сознания. Экологическое сознание отличается от научного познания аксиологическим подходом к миру. Совместно с наукой оно приобретает функцию сохранения биоразнообразия на планете как основы устойчивого развития мира.

Основой возникновения и развития экологического сознания послужило появление экологии и её формирование как биологической дисциплины. Происходило построение её понятийного аппарата и охват всё большего количества природных и социальных объектов для изучения. Этот универсальный тип сознания проникает в естественно-научные и социальные дисциплины и отражает специфическое отношение к окружающей человека среде, взаимосвязи человека и природы.

При этом происходит гуманизация естественных наук, которые всё в большей степени стали отражать социальные явления. В первую очередь это стало заметным в самой экологии, которая из чисто биологической науки в настоящее время стала интегрироваться в социальные и общественные науки. Примером могут служить направления, связанные с изучением экологии антропогенных систем, экология человека, экологическое право.

Генезис экологического сознания тесным образом связан с резким увеличением интенсивности воздействия человечества на биосферу, с превращением его производственной деятельности в новый и весьма существенный фактор геохимических процессов, в крупную геологическую силу, преобразующую лик Земли. Немалую роль в формировании этого типа сознания сыграло и то, что отрицательные последствия воздействия человека на биосферу имеют внушительные размеры и чреватые серьёзными опасностями для существования человечества.

До сих пор в стране нет полного контроля доходов от добычи и продажи природных ресурсов. Тем самым государство не получает своей доли, а население всё больше расслаивается на бедных и богатых. Под прикрытием экономического кризиса и хронической нехватки средств государству стало выгодно сокращать финансирование природоохранной сферы. Многие причины развала экономики кроются в недобросовестной спекуляции на трудностях переходного периода. Современной России оказалось экономически выгодным пренебречь сохранением природной среды ради личного обогащения меньшей части общества за счёт природных ресурсов.

Окружающая природная среда продолжает разрушаться. Несмотря на декларируемые правительством экологические программы, практически они не реализуются. Идёт угрожающее сокращение биологического разнообразия, увеличивается антропогенная нагрузка на экосистемы, уничтожаются природные среды обитания живых организмов, повсеместно ухудшаются условия факторов жизни человека. В круговороте веществ появляются не свойственные природе соединения, которые вредно влияют на рост и развитие организмов. С завозимыми из

зарубежья продуктами питания в рационе людей появилось большое количество химических соединений, не соответствующих нормам безопасности здоровья. Это касается предметов гигиены, бытовых приборов, строительных материалов.

Несмотря на спад экономики, закрытие промышленных предприятий, темпы загрязнения природной среды увеличиваются. Это связано с ростом добычи природных ресурсов и прекращением финансирования охранных технологий. Особенно пагубное воздействие хозяйственной деятельности сказывается на природе в Сибири и, в частности, в Алтайском крае. Жёсткие климатические условия: холодная и продолжительная зима, короткое и засушливое лето – создают слабую биологическую активность почвенной и водной микрофлоры, что резко замедляет темпы утилизации вредных соединений. По данным Алтайского государственного комитета по охране окружающей среды, уровень загрязнения атмосферного воздуха, открытых водных бассейнов и почв является высоким, особенно в городах края. В городах и сельских населённых пунктах происходит резкое увеличение твёрдых бытовых и промышленных отходов и появление свалок на не отведённых и не оборудованных территориях [2, с. 114].

Есть ли выход из ситуации, когда общество осознанно разрушает природную среду ради получения прибыли? В странах с развитой рыночной экономикой существуют на законодательном уровне и проверенные временем пути формирования экологического сознания населения. Они известны и в нашей стране и даже в какой-то мере опробованы в отдельных регионах. Для формирования осознанного бережного отношения населения к природной среде, к природным ресурсам необходимы законы, технологии и воспитание.

Современное российское общество всё больше скатывается ко всеобщему варварству. Все СМИ культивируют насилие человека над человеком, жестокость по отношению к животным, прославляют низменные инстинкты. В большей мере варварство в стране проявляется по отношению к природе и детям. Автора могут обвинить в сгущении красок и в обобщении ситуации на одной отдельно взятой территории, но есть много примеров в литературе и периодической печати.

Журнал «Огонёк» в своей библиотечке опубликовал повесть Александра Кузнецова-Тулянина «Человек из рая». Автор пишет о Курильских островах, и из его повествования видно, что там – сплошное экологическое варварство. Идёт планомерное уничтожение природы и не только на Дальнем Востоке. Ежедневно телевидение сообщает новости о лесных войнах, где враг – это строевая древесина, которую даже по ночам пилят и сдают на сотни приёмных пунктов, а потом КАМАЗы везут её в Китай с нормальными документами. Уникальные ленточные и островные сосновые боры Алтайского Приобья и степной Кулунды погибают от бензопил и от мусора отдыхающих жителей края. Украшение природных ландшафтов степи – березовые колки – находятся на грани исчезновения по той же причине.

Причины такого варварского отношения к природе кроются не только в хаосе переходного периода от одной экономической формации к другой, но и в полном отсутствии экологической культуры практически всех жителей края, да и всей России. Русское население России сегодня не имеет традиций общения с природой. Они утрачены за многие десятилетия «ничейности» природы. Это произошло в силу нескольких причин, и с этим, видимо, надо смириться, либо принимать экстренные меры на уровне правительства. Раскроем эти причины.

Первая из них связана, как ни странно, с огромными богатствами природных ресурсов. У нас в стране всего много – воды, леса, нефти. Природные богатства развратили вначале верхние этажи власти, а затем и весь народ. Грабят природу все – и даже иностранные гости, которые приезжают к нам как законными путями, так и нелегально. Примеры ловли лягушек китайцами на Дальнем Востоке – это уже классика. Добрались даже до плодородного слоя почвы – лесную подстилку вместе с гумусовым слоем увозят в мешках в Корею и Китай после лесоразработок по лицензиям. Нам остаётся обнажённая земная кора, на которой уже тысячи лет будет восстанавливаться биота.

Малые страны и народы, как правило, бедны ресурсами, либо имеют один из их видов. Финляндия богата лесом – весь национальный бюджет формируется за счёт глубочайшей переработки древесины. В Норвегии – это морепродукты. Даже наши российские рыбаки всю выловленную рыбу контрабандой продают на норвежские рыбозаводы. В Австрии нет полезных ископаемых, но там другое богатство – красивейшие ландшафты, которыми приезжают любоваться туристы со всего мира. Население таких стран, как правило, мононациональное, имеет крепкие национальные и религиозные традиции общения с природой. Это осталось и у малых народов нашей страны. Эвенки, чукчи и другие народы Севера, жизнь которых зависит от северного оленя, берегут свои пастбища. Они знают, что их жизнь зависит от оленя. И потому за всю свою жизнь ни один оленевод не прогоняет стадо дважды по одному и тому же пути. Ягель, основной корм оленей, растёт сорок лет.

Вторая причина нашего экологического варварства кроется в отсутствии экологического сознания у людей. Основное население окраинных регионов России – это единый переселенческий ареал. За годы советской власти огромные волны переселенцев ехали из края в край для выполнения мифических призывов партии о покорении природы. Это индустриализация в тридцатые годы, подъём целины – в пятидесятые, освоение богатств Сибири – в шестидесятые и семидесятые годы прошлого столетия. Свою долю сюда внесла и Великая Отечественная война, и восстановление народного хозяйства по ее окончании.

Лозунги партии и правительства в СССР – «Мелиорация – дело всенародное», «Химизация сельского хозяйства», «Неперспективные сёла» – были досрочно выполнены, а после этого в стране появились рукотворные пустыни, болота и заросшие крапивой места бывших деревень. На Алтае в Славгородском районе российские немцы поставили бетонные обелиски погибшим хуторам и посёлкам рядом с родными погостами.

И доказательств несостоятельности русского населения в сохранении природы множество. Он творит, не ведая, что уже обокрал не только внуков, но и многие поколения будущего. Но самое главное, что даже образованные люди не понимают этого. Экологическое варварство в природе и обществе лишь констатируют социологи, а вот серьёзных научных исследований в стране по разработке стратегии экологической культуры уже многие годы не проводится. Есть лишь небольшие работы, да и то за счёт иностранных грантов.

Третья причина кроется в отсутствии нормальной государственной политики в области образования молодёжи и просвещения населения страны. Уже двадцать лет идёт планомерное разрушение образования, из которого уже выброшены все моральные ценности включая экологическую культуру.

Литература:

1. Вернадский, В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1965. – 374 с.
2. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды в Алтайском крае в 2013 году. – Барнаул, 2014.
3. Лихачёв, Д. С. Избранное о культурном и природном наследии / Д. С. Лихачёв // Экология культуры: альманах Института наследия «Территория». – М. : Институт наследия, 2000.

*Синцова Людмила Константиновна,
г. Барнаул*

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Глобальные перемены, происходящие сегодня в мире, формируют новый тип общества. В науке используются различные понятия для его определения: «постиндустриальное общество» (Д. Белл), «новое индустриальное общество» (Дж. Гелбрейт), «зрелое индустриальное общество» (Р. Арон), «технотронное общество» (З. Бжезинский), «сверхиндустриальная цивилизация» (Э. Тоффлер), «информационное общество» (М. Маклюэн, Е. Масуда), «постмодернизм» (Т. Адорно, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр), общество текучей современности (З. Бауман). Современное общество переживает кардинальные преобразования, которые охватывают все сферы его жизнедеятельности: и экономику, и политику, и социум. Претерпевает преобразования и повседневность.

Проблемы повседневности являлись предметом исследования как в западноевропейской (Э. Гуссерль, А. Шюц, Ф. Бродель, М. Вебер, П. Бергер, Т. Лукман и др.), так и в отечественной (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Б. А. Романов, А. Я. Гуревич, Г. С. Кнабе и др.) философской мысли.

Повседневность в русском языке означает обыденность, будничность, каждодневность, обычность. Она мыслится как целостный социокультурный мир, предстающий в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности.

Культура повседневности представляет собой образ жизни и мышления людей данной социальной общности и исторической эпохи. В структуру культуры повседневности включают мир повседневной жизни людей, повседневные практики, обряды, ритуалы, обычаи, нормы, нравы, традиции, верования, уклад жизни, образ жизни отдельных социальных групп и народа в целом на определенном этапе исторического развития.

Сегодня можно выделить ряд тенденций, которые доминируют в преобразовании культуры повседневности. Одной из таких тенденций является индивидуализация. З. Бауман отме-

чал в своих работах, что «индивидуализация» состоит в преобразовании человеческой «идентичности» из «дано» в «найти» и возложении на отдельных людей ответственности за выполнение этой задачи и за последствия [1].

В недалёком прошлом культура повседневности была неизменной на протяжении достаточно долгого исторического времени. Она была стабильна и неизменна. Человек воспроизводил её каноны на протяжении всей своей жизни и строго следовал им. В современном же обществе наблюдается утрата повседневностью повторяемости, обязательности, ритуальности. Нарастает динамичность культуры повседневности. Повседневность становится сферой поиска индивидом новых социальных практик. Нарастает тенденция индивидуализации повседневности, что выражается не столько в её принятии, воспроизводстве и повторении человеком, сколько в преобразовании, в самоопределении, в выстраивании и конструировании своей собственной, индивидуальной, отличной от других повседневной, обыденной жизни. Современное общество предоставляет человеку всё большее число вариантов выбора, нарастает свобода экспериментирования. Появляются новые тенденции в конструировании повседневной жизни.

Наиболее ярко данная тенденция просматривается в ломке традиционного гендерного порядка, в ослаблении традиционной гендерной поляризации общества. По мнению И. С. Кона, в мире в настоящее время идёт процесс ослабления традиционной гендерной поляризации. Этот процесс затрагивает как нормативные представления и фактическое разделение социальных ролей и функций, так и связанные с ними индивидуально-психологические черты и способности. Это ставит мужчин и женщин перед новыми социальными реалиями и способствует их личной индивидуализации [3, с. 25].

Современное общество предоставляет человеку самому выбирать свою половую принадлежность. Но выбор ориентирован не на взаимоисключающие противоположности («мужское» или «женское»). Варианты выбора разнообразны. Так, американским пользователям Facebookа предлагается возможность выбрать из списка в пятьдесят наименований то, что наиболее точно, по их мнению, отражает их половую принадлежность: мужчина, женщина, бигендер, транссексуал, андрогин, оно, никакой, от мужчины к женщине, от женщины к мужчине, трансгендер и т. д. В Канаде школьный совет Ванкувера дал ученикам города право, чтобы их называли гендерно-нейтральными местоимениями, если они обратятся с такой просьбой к учителям. Вместо традиционных «он» и «она» будет использоваться гендерно-нейтральное местоимение, чтобы представители сексуальных меньшинств в школах чувствовали себя частью общества. В Германии Конституционный суд разрешил родителям ставить прочерк в графе «пол» своего ребенка. В Великобритании власти разрешат выдачу необходимых медицинских препаратов детям начиная с девятилетнего возраста. Девятилетние дети, которые хотели бы сменить пол, будут получать бесплатно лекарства от Фонда медицинского страхования (NHS). Половое самоопределение, таким образом, не только ширится географически, но и стремительно молодеет.

Выбор собственной половой принадлежности сопровождается выбором сексуального партнёра для выстраивания брачно-семейных отношений. Гетеросексуальная семья на протяжении тысячелетий поддерживалась множеством институций (социальных, религиозных, экономических, идеологических), принималась как данность, не подвергающаяся никакому сомнению. Однако в настоящее время во многих европейских странах были узаконены однополые браки. Все современные мировые религии отрицательно относятся к вопросу однополых сожительств. Но, тем не менее, процесс изменений в направлении наделяния «всех» (в том числе однополых союзов) равными правами уже запущен. В настоящее время список стран, где легализованы нетрадиционные семьи на государственном и местном уровнях, значителен [4, с. 400].

Сегодня семья претерпевает значительные преобразования. Если А. Тоффлер в «Третьей волне» отмечал порядка восьмидесяти шести форм семейного устройства в постиндустриальном обществе [5, с. 352], то за прошедшие десятилетия, думается, число их увеличилось.

Признание однополых браков вызвало широкий протест во многих европейских странах. Однако есть менее резонансные формы семейного жизнеустройства, появление которых значительно меняет не только нашу повседневность, но и оказывает влияние на базовые сферы функционирования и развития общества (экономика, социальная сфера, сфера услуг и др.). Социолог, доктор философии Нью-Йоркского университета Э. Кляйненберг подчёркивает, что в последние полвека человечество приступило к осуществлению уникального социального эксперимента. Впервые в истории значительное число жителей планеты самых разных возрастов и взглядов начали жить одиночками [2, с. 9–10]. Люди не спешат вступать в повторный брак после развода или после смерти супруга, не спешат воссоединяться со своими родственниками, не спешат создавать семью. Э. Кляйненберг называет такое жизнеустройство «жизнь соло».

Она возможна только при высоком уровне экономического развития и социальной защищённости. «Она меняет «социальную ткань» и представление о человеческих взаимоотношениях, влияет на особенности градостроительства и развитие экономики. Феномен одиночества оказывает значительное воздействие и на процесс личного взросления, старения и умирания. Это явление так или иначе затрагивает все социальные слои населения» [2, с. 12–13]. В настоящее время развивается культура одиночек, для которых создаётся индустрия недвижимости. Возникают сервисные службы, обслуживающие данную категорию людей, формируется культура бездетности.

Фактором, который существенным образом влияет на изменение культуры повседневности, являются информационные технологии. Виртуализация начинает стремительно определять трансформационные процессы культуры повседневности. Интернет сегодня в значительной степени определяет круг общения людей, формируя сетевые сообщества («ВКонтакте», «Одноклассники», «В кругу друзей», «Мир тесен», «Мой мир», Facebook и др.), блоги, форумы. Интернет становится средой личного общения. Он расширяет границы коммуникативного пространства. Человек ощущает себя сопричастным сообществу, миру. Интернет позволяет управлять не только пространством, но и временем. Он позволяет экономить время, осуществляя оплату коммунальных услуг, банковские платежи, нахождение и приобретение необходимых товаров в интернет-магазинах, электронных билетов, получать необходимые услуги, контролировать состояние банковских операций, находить необходимую информацию и т. д. Интернет высвобождает время человека, но он его и «поедает». Человек уходит в виртуальный мир, живёт в нём. Интернет предоставляет человеку новые возможности не только в деловом и личном общении, не только в создании удобной среды обитания, но и в сфере развлечений: просмотр телевизионных передач и художественных фильмов, игры и т. д. По подсчетам учёных, практически половина населения Земли зависит от компьютера, проводя за ним в день от 2 до 10 часов.

Мы живём в стремительно меняющемся мире, пытаюсь осмыслить происходящие перемены и понять контуры нашего будущего.

Литература:

1. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
2. Кляйненберг, Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность / Эрик Кляйненберг; пер. с англ. – М. : Альпина-нон-фикшн, 2014. – 279 с.
3. Кон, И. С. Маскулинность в меняющемся мире / И. С. Кон // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 25–35.
4. Сытых, О. Л. Проблемы социализации личности в контексте формирования новой социальности / О. Л. Сытых, Л. К. Синцова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4[41]. – С. 399–401.
5. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М. : Изд-во АСТ, 2002. – 776 с.

*Красильникова Марина Борисовна,
г. Рубцовск*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ КАК ОСНОВА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Каждая культура имеет свою мифологию, формирующуюся под влиянием исторических, природных, религиозных и других факторов. Особое место в системе мифологии занимает национальный миф.

Проблематика национальной мифологии сегодня оказывается одной из наиболее значимых и дискуссионных для гуманитарного знания. Во-первых, значим сам миф, поскольку сегодня он осознаётся как один из ключевых механизмов организации культуры. Во-вторых, современность характеризуется вниманием к проблематике национального в целом. Тенденция культурной универсализации противоборствует сегодня с другой тенденцией – стремлением к культурной, национальной самостоятельности.

Исследование природы национального представлено несколькими подходами. Понимание природы национального формировалось в трудах И. Гердера, Ф. Шеллинга, что было определено как примордиальный подход. В середине XX века оформляется другая концепция, исходящая из того, что нации и национализм формируются не ранее конца XVIII века, и акцент смещается на социально-политическую природу национального. В конце XX века появляется постмодернистская концепция национального (Б. Андерсон, Х. Бхабха), в которой нация рассматривается как «воображаемое» образование. Формулировка Х. Бхабхи «нация и наррация» указывает на незавершённость

конструирования национального, нация рассматривается как проект, созданный посредством различных дискурсивных практик. Такое видение природы национального свойственно постмодернизму в целом, где национальный миф – незавершённая история – история, которая создаётся и пересматривается.

Стоит отметить, что оформленной теории национального мифа в современных российских исследованиях нет, хотя само понятие используется достаточно широко. Под ним понимается миф о происхождении нации, комплекс национальной мифологии и, наконец, система идей и образов, через которые народ осознаёт себя и видит своё место в мировом культурно-историческом процессе. Нация характеризуется не только общностью обычаев, языка, но и общностью сознания, способностью к самоосмыслению и, что особенно значимо, потребностью в самоидентификации. Исходя из этого, национальный миф можно рассматривать как целостное представление нации о себе, включающее видение своего места в мировой истории и идею о цели своего существования. Можно утверждать, что национальный миф создаёт символический контекст, в котором разворачивается история народа и на который ориентировано осмысление тех или иных событий.

Сложность формирования теории национального мифа в современных отечественных и зарубежных исследованиях определена рядом причин. Во-первых, это отсутствие общих методологических оснований исследований, что приводит к разнотечности проблематики. Были отмечены различные подходы к исследованию природы национального. В современных исследованиях они, как правило, представлены эклектично. Во-вторых, для российской современности характерен поиск новой национальной субъектности, но при этом возникают противоречивые, порой спорные версии осмысления национальной мифологии. Одни авторы ставят своей задачей развенчание негативных мифов о России (как, например, В. Мединский), другие видят своей целью создание новых. Развёрнуты дискуссии о концептуальной версии истории и оценке ряда исторических событий. Национальный миф, эксплицирующий смыслы культурно-исторических процессов, в таком контексте пересмотра истории является притягательным для исследователей, и в то же время его контуры размыты, неопределённые, поэтому суждения о нём противоречивы и иногда парадоксальны. «У нас в России сложилась уникальная ситуация, потому что национальный миф у нас одновременно невозможен и необходим», – пишет один из современных авторов, и этот тезис, пожалуй, является наиболее яркой иллюстрацией проблематичности ситуации [3]. Проблематика национального мифа рассматривается в широком диапазоне идей, включая постмодернистскую ироничную версию: «Напиши мне русскую идею размером примерно страниц на пять. И короткую версию на страницу».

Тем не менее, видится возможным представить содержание, составляющие и способ существования национального мифа, выявить устойчивую систему образов, мотивов, которые составляют его структурную основу и трансформируются с изменением социокультурной ситуации.

Первый опыт самоопределения во времени и пространстве – мире и мировой истории, зафиксированный в слове, можно найти в Повести временных лет. Автор говорит о задаче, стоящей перед ним: рассказать «откуда есть пошла Русская земля...». Здесь – начало истории, поиск ответов на вопросы: «откуда?» и «как?». Русский мир вписан в мировую историю, определено его место среди других народов. В основе этого построения лежит христианская традиция, образцом для построения картины мира является Библия. Обращает на себя внимание тот факт, что «начало» Русской земли ведётся от походов на Царьград («В лето 6360 (852) наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля», ПВЛ, с. 12). Этот поход, представлявший собой вторжение в центр византийской цивилизации, можно рассматривать как начало внешней и внутренней «легитимизации» русского мира. И. Н. Данилевский считает, что ПВЛ базируется на эсхатологическом мифе, идея «завершения времён», являющаяся системообразующей для летописи, предопределяет версию предназначения Русской земли [1]. Летописные тексты стали «предысторией» в формировании национального мифа, ряд положений будет повторяться при его развитии: Город как сакральный центр (Киев-Москва-Петербург), идея богоизбранности, идея предназначения.

В качестве первой целостной концепции национального мифа, сформировавшейся на почве русской культуры, можно рассматривать теорию «Москва – третий Рим», возникшую под влиянием пророчества Даниила о четырёх царствах, которое имело значительное влияние на развитие философии истории и на Западе, и на Востоке. Здесь можно увидеть ту же эсхатологическую установку и идею особого предназначения.

В XIX веке сферой бытования национального мифа стала русская религиозная философия. Начиная от трудов Чаадаева русский мир и русская история становятся предметом рефлексии философской и общественной мысли. Но началось самоосмысление русского мира с «отходной», так обозначил эту ситуацию Г. В. Флоровский, имея в виду пессимизм «Филосо-

фического письма» Чаадаева, где автор отказал России в истории собственной и в каком-либо значении для истории мировой [5, с. 432.]. Вся философская мысль XIX века обращена к проблеме национальной, культурной идентичности, но особенно мощно эта тема прозвучала в переходную эпоху рубежа XIX-XX веков. Работы В. Соловьёва, Н. Бердяева, Л. Карсавина, В. Розанова и других авторов составили основу разработки дискурса национального мифа. Именно в этот период формируются базовые концепты национального мифа: особый путь, предназначение, место в системе Запад-Восток, русская идея.

Всплеск интереса к проблеме национального возникает в кризисные периоды. «Текст» современной национальной мифологии представляет собой соединение разных «измерений»: религиозно-этического, национально-государственного, национально-культурного, геополитического. Проблема определения цивилизационной идентичности возвращает исследователей к осмыслению специфики русского исторического процесса. Апелляция современных авторов к «особому историческому опыту» даёт основание обращаться к отечественной научной традиции.

Оценки «особенности» цивилизационного развития, исторического пути определяют содержание дискуссий о национальном мифе в современных исследованиях. «Особенность» получает разные коннотации: она рассматривается как самобытность, определяющая историческое развитие (А. Дугин, А. Панарин, И. Орлова, О. Платонов и другие), или как некая «неправильность», до сих пор не позволяющая войти в состав «правильной цивилизации» (И. Яковенко, А. Пелипенко). Некоторые исследователи в самом представлении об «особенностях» видят негативный фактор для развития России. Предельным выражением такой позиции становится отрицание какой-либо «особенности» и даже самостоятельности российской цивилизации. Так, один из современных авторов отмечает: «...я не считаю, что в России сложилась какая-то особая цивилизация. Скорее, мы имеем дело с неким неорганичным восточно-западным межцивилизационным гибридом, собственного качества лишённым» [4].

Основанием для современных исследований, связанных с национальной мифологией, является семантика образа Другого. В русской культурной традиции значимым Другим, по отношению к которому определялась российская идентичность, является Запад. Задачей современных исследований становится выявление значимых демаркационных линий, позволяющих разграничивать Запад и Россию в современном социокультурном контексте.

Либерально-западническое направление перспективы России видит в её «возвращении» в цивилизацию. Высказывается мысль о предопределённости западнической ориентации русской историей: Россия через Запад возвращается к первоистокам, так как начало восточной и западной Европы «коренится в одном событии – принятии христианства» [3]. Почвенники в перспективе такого «возвращения» видят угрозу культурной идентичности России. «Особенность» исторического пути России действительно невозможно рассматривать вне смысловой связи Россия-Запад: «...Путь у России в самом деле особый, в него входит и постоянная ориентация на Запад. Это своего рода саморегуляция культуры», – отмечает Кантор. Но «особенность» цивилизационного развития России, с точки зрения автора, проявляется и в повторяющемся в ходе истории столкновении «всепроницающего произвола власти с духовным и экономическим развитием индивида». Отсюда вопрос: «Что ставить во главу угла? Империю? То есть силу, подавляющую всякую самостоятельность внутри и вовне. Или нормальное существование каждого отдельного российского человека – жизнь сытую, обеспеченную, благоустроенную, лишённую перманентных катаклизмов?..» [3]. В суждениях исследователя проявляется неожиданное звучание «историсофской» проблематики, абсолютно не свойственное русской мысли «классического» периода. Для Чаадаева Запад связан с мировым умственным движением, началом действенным, социальным: там творится христианская история («На западе всё создано христианством»). И именно этим он значим.

Как когда-то русская историософия началась с «отходной», так сегодня в ситуации смены социокультурной парадигмы в исследовательской литературе и общественных дискуссиях можно встретить негативную оценку известных мифологем и культурных сюжетов, стремление отмежеваться от них как от устаревших схем, препятствующих развитию. Высказывается мысль о том, что особенностью российской социокультурной динамики является тенденция движения не в сторону развития национального мифа, а в сторону его деградации, а современность представляет собой «грандиозный побег русской цивилизации от собственного бытия» [2]. Сформированный русской философией «классического» периода концепт «русская идея»,

базовый для национального мифа, также получает сегодня противоречивые оценки и толкования.¹

Современные исследователи апеллируют к знакомым, известным мифологемам и сюжетам, которые ресемантизируются в соответствии с современной ситуацией. Единое смысловое поле национального мифа сегодня не сформировано. Поэтому, перефразировав приведённое в начале статьи высказывание, можно отметить: для современной России национальный миф необходим, но он не обрёл свои контуры. Современная российская культура – не ставшая, а становящаяся реальность, которая нуждается в самоосмыслении, в чём национальная мифология играет существенную роль.

Литература:

1. Данилевский, И. Н. Восприятие пространства и времени в Древней Руси / И. Н. Данилевский // Уранос и Кронос. Хронотоп человеческого мира. – М. : РТ-Пресс, 2001. – С. 98–146.
2. Данилов, Д. Миф о придуманном мифе [Электронный ресурс] / Д. Данилов. – Режим доступа: rusk.ru/st.php?idar=153218. – Заглавие с экрана.
3. Кантор, В. К. «...Есть европейская держава». Россия: Трудный путь к цивилизации. Историческо-социологические очерки / В. К. Кантор. – М. : РОССПЭН, 1997. – 479 с.
4. Россия: социокультурные ограничения модернизации: «круглый стол» // Общественные науки и современность. – 2007. – № 5. с. 87–101.
5. Флоровский, Г. В. О народах неисторических / Г. В. Флоровский // Из прошлого русской мысли. – М. : Аграф, 1998. – 431 с.

*Шамарина Елена Владимировна,
г. Барнаул*

МАТЕРИНСТВО: ПРОБЛЕМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ УТРАЧЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Материнство является универсальной ценностью культуры, в которой заложены жизненные силы народа. Народ, который бережно хранит и чтит традиции материнства, способен преодолеть кризисы культуры.

Тема материнства является одной из самых значимых и острых тем современности. Огромное количество научных работ, публичных обсуждений, созданных фондов, центров по защите материнства в России подтверждают особую актуальность проблематики, которая в условиях развития современной культуры приобрела статус политизированной, коммерческой сферы. Истинная ценность материнства проявляется в гармоничном сочетании природного, социального, нравственного (религиозного) аспектов. Там, где происходит нарушение этой гармонии, можно предвидеть или наблюдать изменение культуры и общества не в лучшую сторону.

Сегодня в российской культуре наблюдается тревожная ситуация, связанная с утратой ценностного основания материнства, с осознанным отказом от материнства, пренебрежением ролью матери, нивелирование материнских качеств и т. д.

Глобальные изменения в системе ценностей, которые произошли в XIX–XX веках, привели к трансформации института семьи, к переосмыслению многовекового опыта родительства и детства. Существующие в реальной практике аспекты материнства и детства, семьи, воспринимающиеся нами как естественные, на самом деле таковыми не являются. То, что ранее было естественным, стало для современного человека проблемой: биологическое выживание детей сменилось сегодня процессом их искусственного выхаживания (от перинатального периода и до момента их взросления); изменение статуса ребёнка в современной культуре (правовая и моральная регламентация приоритета детства); идея инвестирования в детей как центральная в сознании «компетентных» родителей; проблема искусственного оплодотворения как способ решения проблемы бесплодия семей, имеющий явно нравственные проблемы и открывающий завесу проблемы «безопасного секса» в культуре современной России.

Можно утверждать, что доминантные концепции материнства, сталкиваясь с повседневностью, обнаруживают разрыв ожиданий с реальной практикой. Открывающиеся центры

¹ Термин русская идея создан Ф. М. Достоевским. «Мы знаем, что не оградимся уж теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях». (Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. в 30-ти томах. – М. : Наука, 1972. – Т. 18. – С. 37).

поддержки материнства и детства, которые делают ставку на формирование и развитие гармоничного отношения к материнству, формирование психологической готовности и нравственной ответственности будущих матерей, – это сознательные формы искусственного восстановления утраченной способности русских женщин быть матерями.

Многовариантность и противоречивость интерпретаций нравственной ценности материнства, его смыслового содержания и форм наблюдается во всех социальных и возрастных группах. В сложном явлении материнства происходит столкновение нормативно-долженствующих и ценностно-личностных установок. Сегодня требуется целенаправленная работа в области мировоззрения по восстановлению утраченной целостности материнства, государственная программа по его развитию как ценностного основания культуры в целом.

Материнство представляет собой реализацию онтологической сущности женщины. Это – сложный феномен, который невозможно вырвать из контекста культуры и системы развития общества. Через материнство и посредством него происходит воспроизводство человека (биологическая сущность материнства). Процесс вынашивания и рождение являются необходимыми, но недостаточными условиями права женщины называться матерью. Социальная функция материнства – это создание элементарных условий жизнеобеспечения ребенка, трансляция системы социальных норм и ценностей, передача культурного опыта прошлых поколений. На духовном уровне материнство – процесс более трудоёмкий, связанный с самыми тонкими формами сущности человека – его духовным миром. Именно в этом случае речь идёт о сознательном, целенаправленном формировании духовных и нравственных ценностей ребёнка, кристаллизации духовных оснований его личности.

В научных исследованиях, жизненной практике несомненным остаётся факт, что материнство представляет самостоятельную экзистенциальную ценность и в качестве таковой удовлетворяет потребность в самореализации личности – воплощения себя в потомстве. Такое стремление обусловлено универсальным законом живой природы, обеспечивающим её обновление, и сущностной особенностью женщины и женственности вообще.

Женственность как специфическая черта личности женщины отражает накопленные веками нравственные и эстетические ценности, свойственные женскому полу. Нравственные качества женщины создают особую атмосферу в семье. Её душевная теплота, терпение, самоотверженность и любовь питают неокрепшие души детей, благотворно влияют на семью, общество, государство, культуру. Отношение женщины к материнству является мерилем её нравственного развития и наоборот: качество нравственных ценностей общества в целом и женщины, в частности, напрямую связаны с формированием отношения к материнству. Э. Бадинтер указывала на связь между общественными потребностями и мерой материнской ответственности за рождение ребёнка, на необходимые приоритеты в общественном сознании: «Если общество заинтересовано в сохранении здоровья ребёнка, то его внимание направляется на мать <...>. Женщина становится лучшей или худшей матерью в зависимости от того, ценится или обесценивается в обществе материнство» [2, с. 13].

Высшим проявлением материнства является способность рождать (давать Жизнь), проявлять и передавать любовь, возвышающуюся над всеми помыслами и желаниями, определяющую человека как Человека. Именно материнская любовь способна создать новую поистине человеческую жизнь.

Современные исследователи Ю. Е. Алёшина и А. Волович [1] фиксируют ситуацию фундаментального нарушения полового стереотипа в культуре России. Они утверждают, что подобное нарушение имеет глубокие корни в культурно-исторических особенностях нашего общества. Провозглашаемая ориентация на социальное равенство мужчин и женщин приводит к тому, что идёт целенаправленная подготовка к реализации схожей «программы жизни», вне зависимости от гендерной характеристики. Семья и уход за детьми для женщины приобретают второстепенный характер, как «и» или «или» дополнительная сфера реализации.

Патриархальная цивилизация во многом исчерпала себя, и теперь обнаруживается тенденция к формированию биархатной культуры. Массовая культура ориентирует на нивелирование традиционных ценностей в культуре, ломку традиционных стереотипов, в частности, образов мужского и женского. Сущность этих трансформаций связана со смешением женских и мужских ролей, что приводит к нарушению чёткого соответствия тому или иному полу.

Качества мужского образа становятся социально-привлекательными для женщин, особенно в образе «бизнес-леди». Современный женский образ второго десятилетия XXI века – это образ сексуальной, роковой, успешной женщины с присущими ей «мужскими» качествами: жёсткость, агрессивность, решительность, напористость, деловитость, предприимчивость, выносливость, сила, мужская хватка и т. д., очень часто пренебрегающей ролью матери или отодвигающей выполнение этой роли на неопределённый срок. Философ В. В. Розанов предостерегал,

что если начинаются внешние преобразования в мужскую сторону, то это приводит к серьёзным духовным и душевным изменениям самой женщины и культуры в целом [7, с. 74].

Ярко выраженная тенденция привыкания и принятия мысли о том, что мужчины и женщины равны и свободны, окрашена идеями эмансипации: социальные (гендерные) роли разделяют людей не с целью господства, а для равноправного партнёрства. Женщина второе столетие доказывает «мужскому» миру, что всё может быть по-другому: завоёвывает, осваивает, изменяет «мужской мир», провоцируя порождение всевозможных «измов», явно подрывающих нравственные основания Бытия человека. Поэтому взаимоотношение мужского и женского образов в культуре – это не борьба с избытком мужского начала и его доминированием, а, скорее, восстановление Мужского через культивирование отчётливо Женского. Любовь, нежность, сила духа, рассудительность, свет, чувственность, красота, сострадание, присущие исконно женщине, вместе с законом, разумом, настойчивостью, мужеством, силой, присущими извечно мужчине, способны созидать, творить, находить пути выхода из кризиса культуры с возможностью взаимного духовного роста.

Сохранение самостоятельности и независимости – вот та идея, ради которой многие современные российские женщины (бездетные, одноклеточные) могли бы отказаться (отказываются) от рождения детей. Сущность изменений, затронувших женщину, связана более всего с утратой признаков материнства в том виде, в котором они должны быть присущи женщине.

Нельзя забывать о таких факторах в современном российском обществе, как неоднозначность общественного отношения к многодетности и деторождению у «слишком молодых» или «слишком старых» матерей. По утверждению В. А. Рамих [6], сегодня дети поднимаются на качественно иную ступень ценностных отношений, когда главным становится не количество, а качество воспитанных детей. В культуре России наметилась тенденция детоцентризма с ярко выраженным сектором «родительских вложений».

В рамках государственной политики в сфере семьи, материнства и детства ставится задача укрепления института семьи как приоритетной социальной задачи в России, а также создание Концепции семейной политики, что позволяет рассматривать и решать проблему материнства в психологическом, социальном, экономическом аспектах [5].

Государственная политика в современных условиях должна быть направлена не только на стимулирование рождаемости, на создание условий, обеспечивающих всестороннюю подготовку женщины к появлению желаемого ребёнка и его полноценного воспитания с учётом изменившегося положения женщины в обществе и её потребности самореализации в различных сферах общественной жизни, но и должна сфокусировать своё главное внимание и влияние на формирование нравственных основ материнства, его осознанного принятия.

Сознательное материнство – результат выбора жизненных приоритетов. Женщина не «запрограммирована» природой настолько, чтобы неизбежно стать матерью. Чтобы дать потомство, необходимо позаботиться об источнике, дающем жизнь этому потомству. Полнота личностного развития женщины, принятие материнства как смысло-жизненной ценности гарантирует полноценное развитие ребёнка и культуры в целом.

Нельзя забывать, что «...ценности культуры – священные», и всякий нигилизм по отношению к ним не приемлем [4, с. 236]. Для выравнивания кризисных процессов на уровне государственной политики, экономики, национальной культуры необходимо вернуться к традиционному наследию, культурным идеалам, нормам и духовному опыту русской культуры, необходимо восстановление утраченной целостности в понимании и осмыслении материнства как фундамента культуры, духовные основания которого являются «гарантом устойчивости при всех исторических метаморфозах культуры» [3, с. 170].

Литература:

1. Алёшина, Ю. Е. Проблема усвоения ролей мужчины и женщины / Ю. Е. Алёшина, А. Волович // Вопросы психологии. – 1991. – № 4. – С. 79–80.
2. Бадинтер, Э. Любовь в дополнение: история материнской любви (17-20 века) / Э. Бадинтер. – М., 1990.
3. Балакина, Е. И. Метаморфозы диалога в системе культуры и искусства (Теория и практика созидательных путей культурогенеза): монография / Е. И. Балакина. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2014. – 276 с.
4. Бердяев, Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев // Философия творчества, культуры и искусства. – В 2-х т. – М. : Искусство, 1994. – Т. 1. – 542 с.
5. Заседание президиума Госсовета, посвященное политике в области семьи, материнства и детства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>. – Заглавие с экрана.
6. Рамих, В. А. Материнство и культура (Философско-культурологический анализ) / В. А. Рамих. – Ростов-на-Дону : Издательский центр ДГТУ, 1997. – 145 с.
7. Розанов, В. В. Опавшие листья. Короб второй и последний / В. В. Розанов // Уединенное. – М. : Политиздат, 1990. – 543 с.

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Роль женщины на протяжении веков изменялась в противоположных направлениях. В период матриархата её значение было доминирующим. В эпоху рыцарства она была предметом поклонения, но уже не имела в политической жизни общества существенного значения. Таким образом, начало формирования классового общества охарактеризовалось изменением социальной роли женщины в сторону исключения её из экономических отношений. Замужество и свадебный обряд представляли собой акт передачи женщины как объекта собственности от отца к супругу.

Индустриализация общества привела к вовлечению женщины в профессиональную деятельность, активизации её общественно-политической роли и отразилась на социально-экономическом статусе мужчин – это положило начало кризису патерналистских ценностей.

Во взглядах В. Г. Белинского на проблему брака содержится неприятие патриархальных домостроевских понятий, он уверен в том, что женщина «...решительно должна отстаивать своё человеческое достоинство и право самостоятельно устраивать свою личную жизнь» [1].

Женщины стали осваивать новые сферы деятельности: общественно-трудовую и политико-культурную, а также преобразовывать семейную. Российский историк и социолог В. М. Хвостов утверждал: «...пролагая пути к новой жизни для себя, женщина тем самым содействует обновлению и укреплению духовной жизни всего человечества, служит тем высшим ценностям – истине, добру и красоте, – без которых самое явление жизни было бы только биологическим фактом» [4, с. 510].

Французский философ-просветитель Ж. А. Кондорсе писал: «Одним из наиболее важных для общего счастья результатов прогресса человеческого разума мы должны считать полное разрушение предрассудков, создавших неравенство прав между двумя полами, губительное даже для того, кому оно благоприятствует» [2, с. 220–223]. Как подметила Кэрл Гиллиган, профессор психологии Гарвардского университета, «...женщины обладают большей нравственной силой, у них более высокие этические нормы и особая способность устанавливать и поддерживать хорошие отношения с людьми, т. е. все качества настоящего политического деятеля» [3].

Роль женщины как хозяйки дома, организующей межличностные отношения в семье, обеспечивающей внутреннюю стабильность семейной структуры, связана с функцией медиатора между отцом и детьми, членами своей семьи, родителями и родственниками своими и мужа. Мать со своей стороны транслирует ребёнку культурный опыт, который ей был передан предыдущим поколением. Значимость семьи для поддержания социокультурной жизни заключается в том, что она является первоначальной единицей, по структуре и функциям необходимой и достаточной для воспроизведения культурных форм социальности. Вступая в брак, мужчина и женщина объединяют ранее полученные в своих семьях образцы и навыки семейной жизни и на их основе строят собственный дом. Так удерживаются и воспроизводятся некоторые традиционные характеристики культуры семейных отношений, с одной стороны, и их модификация за счёт проявления индивидуальных особенностей каждого из супругов, с другой. Ребёнок в семье впервые осваивает элементы культуры через общение с родителями, через семейную атмосферу. В данном случае женщина выступает как «донор» культурных ценностей и стереотипов.

В последнее время появилось немало публикаций, суть которых сводится к тому, что ослабление семейных уз, снижение рождаемости, ухудшение здоровья женщин и детей связываются, прежде всего, с широким вовлечением женщин в трудовую и общественную деятельность. Радикальный выход из создавшегося положения авторы видят в том, чтобы вернуть женщине её «истинное» предназначение – быть хранительницей домашнего очага, вести хозяйство и воспитывать детей. На современном этапе развития общества социально-экономическое положение – безработица, низкая заработная плата – вынуждает женщин совмещать различные социальные роли: матери, жены, работника, коллеги, подруги.

Наряду с проблемами, общими для женщин развитых стран: угрозы здоровью, жизни, ограничения на участие в общественной жизни, в современной России женщины поставлены ещё и перед необходимостью адаптации к новым условиям жизнедеятельности. Осуществляемые в стране преобразования в перспективе открывают новые возможности для ускорения интеграции женщин в сферу экономики, политики и культуры, но могут послужить и источником обострения конфликта между основными ролями женщины: матери, домохозяйки, профессионального работника, экономически независимой и свободно развитой личности.

С одной стороны, профессиональная деятельность расширяет круг социальных контактов женщины (формируются внебрачные и внесупружеские коммуникации), способствующих обогащению личности, тем самым стимулируя её духовную жизнь, повышая интерес к социальной информации. С другой стороны, множество обязанностей по ведению хозяйства и воспитанию детей в сочетании с профессиональной занятостью существенно сужает сферу социального общения и возможность насыщения эмоционально-духовного мира.

Большая часть женщин вынуждена совмещать семейные обязанности с профессиональной деятельностью, так как мужчины уже не справляются с ролью кормильца не только детей, но и жены. В связи с этим, в поисках более высокооплачиваемой работы женщины идут, и подчас охотно, на работу с тяжёлыми и вредными условиями труда. И несмотря на то что существует Перечень, запрещающий женщинам виды труда, которые вредны для их здоровья и здоровья будущих детей, число работающих в тяжёлых и вредных условиях женщин снижается крайне медленно.

Роль женщин в современном обществе постоянно возрастает. Во всех странах мира неуклонно увеличивается удельный вес их участия в экономике, политике, культуре, общественной жизни. Изменение социального и юридического статуса женщин затрагивает глубинные структуры общественной психики: старые взгляды, старые представления, привычные способы поведения и оценки оказываются непригодными в новых условиях. По этой причине возникает определённая дезориентация. Исследование роли и места женщины в современном социальном пространстве является одной из актуальных проблем современной науки.

Литература:

1. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В. Г. Белинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 2. – 755 с.
2. Кондорсе, Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсе. – М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. – 265 с.
3. Лебедева, Л. Ф. Гендерные вызовы и реальность: права и положение женщины / Л. Ф. Лебедева // Экономика США. – 1996. – № 6.
4. Хвостов, В. М. Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос / В. М. Хвостов. – М. : Изд-во Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнёва, 1914. – 510 с.

*Букастая Любовь Павловна,
г. Барнаул*

ЗДОРОВЬЕ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ НАРОДА

Традиционно принято считать, что вопросами здоровья занимаются органы здравоохранения, по крайней мере, приоритет в этом вопросе остаётся за ними, хотя в основном они ориентированы на выявление и лечение заболеваний. К сожалению, при решении проблем оздоровления людей остаётся ряд принципиальных вопросов, несмотря на огромные достижения в современной медицине. Одной из причин такого положения, на наш взгляд, является отсутствие единого фундамента и недостаточно организованных связей между концепциями профилактики заболеваний в сфере образования, медицинскими методами лечения и системами миропонимания отдельных людей. Основываясь на опыте работы нашей организации, мы убедились, что для фундаментального решения указанных проблем может служить практическая реализация идей культурного наследия семьи Рерихов, поддержанная на государственном уровне.

Одной из главных идей философско-мировоззренческого учения «Живая Этика» является призыв к познанию, осознанию и применению психической энергии в повседневной жизни: «Не опоздайте с изучением психической энергии. Не опоздайте с применением её» (Община, §249). Механизм действия психической энергии показывает применение метода духовной саморегуляции (МДС) в решении проблем здоровья [2]. Для наглядности характеристики процесса мы прибегли к аналогии с работой лазера, величайшего изобретения XX века, ставшего неотъемлемой частью культуры. При этом мы исходили из следующих фактов.

Природа мудра в своей простоте. Мир можно представить как голограмму: всё существует в одном, одно – во всём. Человек как часть этого мира не может придумать того, чего не существует в природе. Поэтому предположим, что модель проявления и действия психической энергии человека можно уподобить работе лазера (см. рис. 1). Проведём параллель: у каждого человека есть его духовный стержень, его высшее Я (и в лазере важная часть прибора – активное вещество, его стержень); высшее Я, дух, окружён личностными энергетическими телами

мыслей, эмоций и желаний, причинно-следственных связей (в лазере есть лампа из нескольких спиралей, обвивающая стержень). Каждый человек живёт в обществе и является его отражением, в котором формируется наше мировоззрение (по аналогии, составной частью лазеров являются качественные зеркала). Некачественные зеркала в лазере (как и ограниченное мировоззрение в обществе) приводят к дефекту в работе прибора (так же как и узкое мировоззрение приводит к «дефектам» здоровья).

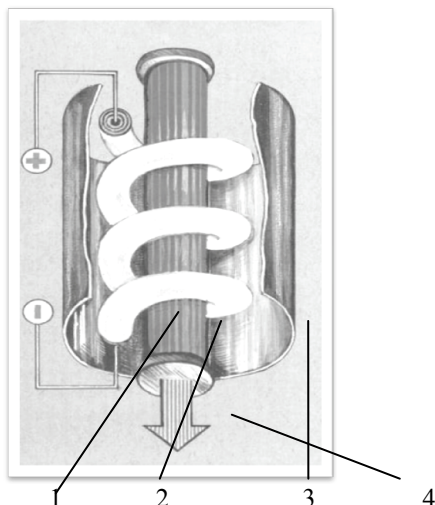

Рис. 1. Строение лазера на рубине (1 – импульсная лампа; 2 – рубиновый стержень; 3– зеркала, 4 – лазерный луч) [5].

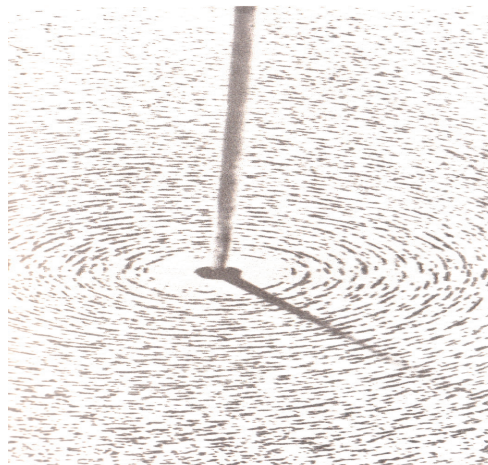

Рис. 2. Картина силовых линий магнитного поля, созданного длинным прямолинейным током [4].

К примеру, импульсная лампа с зеркальным отражателем «накачивает» энергию в рубиновый стержень (рис. 1). В веществе стержня, возбужденном световой вспышкой, возникает лавина фотонов. Отражаясь в зеркалах, она усиливается и вырывается наружу лазерным лучом [5]. В методе духовной саморегуляции «накачка» энергии происходит, как и во многих духовных практиках, религиозных и различных философских системах, во время чтения молитв. В данном случае они работают как метод, позволяющий сознанию человека выйти на более высокий энергетический уровень. Пусть на короткое время, но в результате практики оно становится всё продолжительнее, а качество психической энергии всё выше (меняется частота вибраций луча, как и в лазере, она зависит от свойств стержня).

Символический луч духа на рисунке 1 имеет как бы продолжение на рисунке 2 [4], который иллюстрирует действие его энергии на материю, запуская процессы саморегуляции и самоорганизации. Другими словами, «лазерный» луч психической энергии помогает человеку решать его проблемы болезней организма, психологические, общественные и др., так же, как безгранично применение лазера в нашей жизни. На наш взгляд, это служит иллюстрацией «культуры как самоорганизующейся системы духа» [6; 2].

Изучение и применение психической энергии, благодаря практике нашего метода, позволило нам приобрести опыт в самооздоровлении, воспитании, помощи своим близким и тем, кто обращался к нам за содействием по различным вопросам. Так возникла программа «Культура народа – здоровье общества» (рис. 3), которую мы предлагаем единомышленникам реализовать на практике, что сами и делаем, создавая с коллегами оздоровительный центр «Разум».

Реализация этого проекта даст возможность людям познать свою психическую энергию и уметь проявлять свои резервные силы для решения различных проблем. Кроме того, это возможность убедиться на личном опыте, насколько мощно духовный план влияет на физический.

Наши клиенты уже получают личные доказательства влияния этических законов на функциональную деятельность своего организма, насколько культура мышления помогает уменьшить количество принимаемых лекарств и, возможно, избежать предстоящей операции (при тесном взаимодействии с врачами), довольно быстро восстановиться после серьезных заболеваний. Считаем, что главный результат нашей работы заключается в том, что люди, которые мало задумывались о своей духовной жизни или воспринимали её только внешнюю сторону, основываясь на знаниях из литературы и телевизионных программ, принимая личное участие в решении своей проблемы, в том числе и на духовном уровне, повышают уровень ответственности за качество своей внутренней культуры. Кроме того, благодаря познанию и применению психической энергии, они получают опыт внутреннего способа познания, которым ак-

тивно пользовались члены семьи Рерихов, В. И Вернадский, А. Л. Чижевский, К. Э. Циолковский и другие [6]. Надеемся, что наш опыт поможет в научно-методической работе по развитию духовно-нравственного воспитания молодёжи, ведь в настоящее время актуальны вопросы психического здоровья, часто связанные с незнанием и неумением справляться с естественным проявлением неосознанных духовных сил человека [1; 3 и др.].

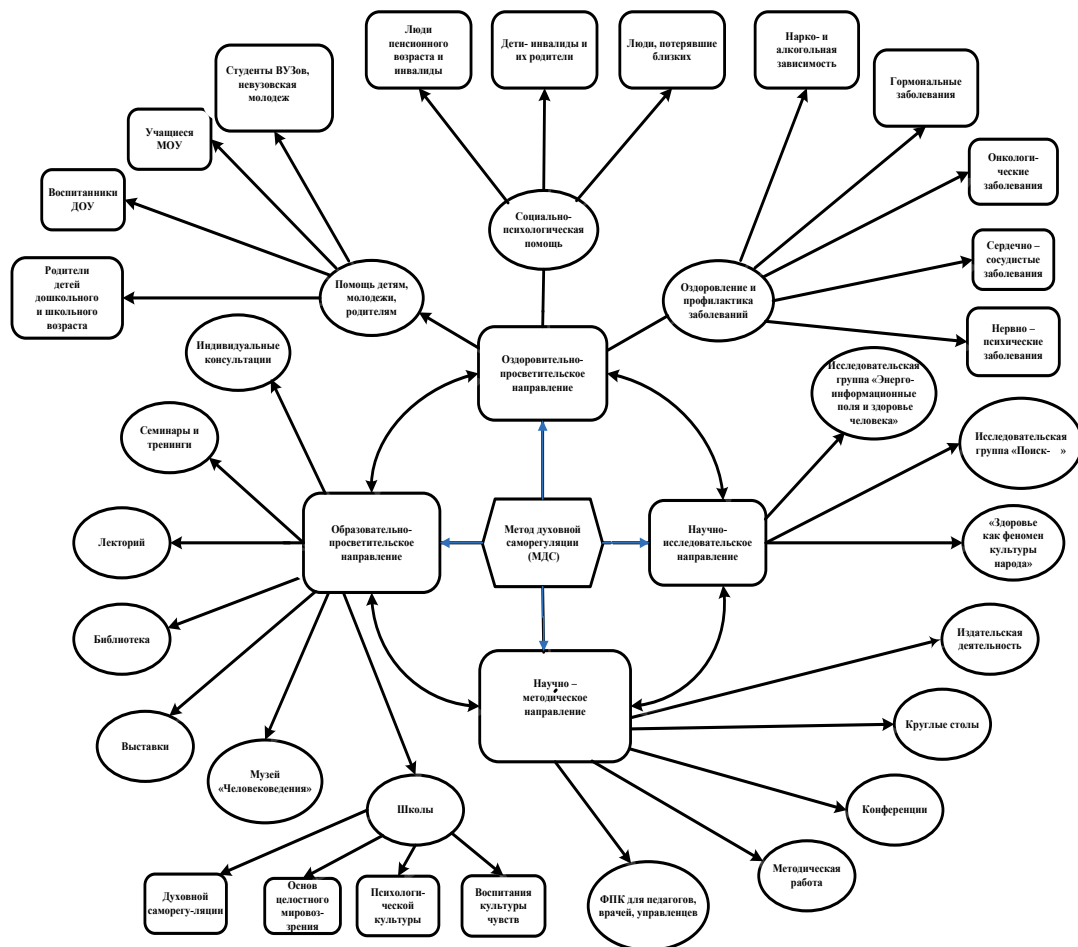

Рис.3. Структура научно-исследовательской и культурно-просветительской программы

«Культура народа - здоровье общества»

Литература:

1. Ассаджолли, Р. Психосинтез: теория и практика / Р. Ассаджолли. – М. : «REFL-book», 1994. – 314 с.
2. Букатая, Л. П. Опыт формирования духовной составляющей личности: теория и практика / Л. П. Букатая // Человек и культура в третьем тысячелетии: сборник материалов второго культурологического конгресса Алтайского края «Стратегия и перспективы взаимодействия человека и культуры в третьем тысячелетии». – Барнаул, 2013. – С. 142–149.
3. Гроф, К. Духовный кризис: Когда преобразование личности становится кризисом / К. Гроф, С. Гроф. – М. : Изд-во АСТ и др., 2003. – 377 с.
4. Орир, Дж. Популярная физика / Дж. Орир. – М., 1966. – 446 с.
5. Транковский, С. Д. Книга о лазерах / С. Д. Транковский. – М. : Дет. лит., 1988. – 112 с.
6. Шапошникова, Л. В. Философия космической реальности / Л. В. Шапошникова // Листы Сада Мории. Книга первая. Зов. – М. : Международный Центр Рерихов, 2003. – С. 5–165.

РОЛЬ КРЕАТИВНЫХ КЛАСТЕРОВ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В последнее время наблюдается повышенный интерес к проектам в сфере креативных индустрий. Говоря о пространственном их проявлении, следует прежде всего иметь в виду креативные кластеры и креативные пространства. Многие исследователи отмечают позитивный эффект, который производят кластеры на качество территорий, а значит и на городскую среду. Предлагается разобраться: соответствует ли это действительности?

По мнению О. Дацко и У. Бобко, «...последние десятилетия характеризуются изменением подходов к обеспечению устойчивого развития регионов. Масштабное промышленное производство и агропромышленный комплекс перестают быть основой социально-экономического роста для многих территорий, особенно городов, областных центров. В развитых странах интенсивно увеличивается доля отраслей так называемой «городской экономики», активизируются культурные и творческие ресурсы с целью создания новых источников развития населенных пунктов и целых административных единиц» [2].

Творческие кластеры, креативные пространства как часть стратегий развития территорий через культуру становятся всё более востребованным инструментом. С этим соглашаются эксперты и представители креативного сообщества, некоторые представители властных структур.

Исследователь Федотова отмечает: «Мировой опыт свидетельствует о том, что культурный потенциал региона (от архитектурных комплексов до уникальных культурных мест, мифов, преданий, фестивалей) может быть использован не только в целях воспитания и приобщения к духовному наследию. Культура может выступать как мощный региональный ресурс, способный переломить кризисную ситуацию и дать новый импульс провинциальной территории, стать фундаментом её интенсивного развития».

Примеры реализованных проектов, таких как Эмшер-парк в Германии, Mushroom work в Великобритании или «Subtopia» в Швеции, подтверждают идею позитивного влияния творческих пространств и креативных кластеров на некоторые качества территорий, а значит такие проекты способны влиять и на городскую среду. Это подтверждается примером из книги «City as loft» в статье «Следы города как лофта».

Подобный опыт представляет собой и художественное движение «The provo», действовавшее в 60-х годах XX века. Изначально оно вело свою деятельность в стенах креативного пространства, а затем, когда ему стало «неинтересно» и тесно в здании, представители движения вышли в город. Проекты оказали огромное влияние на качество городской среды. Одним из результатов подобных инициатив стало появление во многих европейских городах системы городских велосипедов, в основу которых был положен «План белых велосипедов», созданный движением «The Provo». Также этим движением был запущен проект городского электромобиля, но из-за дороговизны был остановлен. Сегодня эта идея очень востребована. Почти все автопроизводители выпускают автомобили с гибридным двигателем, а некоторые предлагают и полностью «электрические» автомобили.

Многие крупные коммерческие компании осознали ресурс развития культуры, содержащийся в проектах креативных индустрий. Кис Кристиансе описывает в своей статье «Корпоративный урбанизм и устойчивое развитие» влияние компаний «MTV» и «Universal», которые намеренно расположили свои европейские штаб-квартиры в приспособленных бывших складах в Берлине на берегу Шпрее, в месте, где были сосредоточены творческие профессионалы. Эти компании не просто вложили средства в реставрацию зданий. Как говорит Кис Кристиансе, их решение является примером так называемого корпоративного урбанизма, когда компании отказываются от рекламы и вкладывают средства в долгосрочные проекты непрямого маркетинга, например, через строительство или реконструкцию зданий или территорий для собственных нужд.

Реконструированные здания «MTV» и «Universal» повлекли за собой череду подобных конверсий по всему району. Но это, как говорит Кристиансе, только «технический» аспект устойчивого городского развития. Существует также городской и социальный аспекты. В данном случае они заключаются в том, что компании поместили свои собственные креативные центры в ту среду, которая и является их целевой аудиторией. Здесь они получают и сотрудников, и потребителей своего продукта. А молодые профессионалы, в свою очередь, могут получить рабочие места, пространство для жизни, а также смогут вести образ жизни, который им нравится. Это является идеальным вариантом. Во-первых, исключаются лишние передвижения по городу: люди живут близко к месту своего труда. Во-вторых, формируется благоприятная среда, сосредоточенная из представителей

смежных профессий, к тому же никто никого никуда специально не «загонял» и не строил специально. Творческие профессионалы уже жили на этой территории, а работодатель органично вписался в эту среду как в пространственном, так и в социальном смысле. Тем самым, согласно Кристиансе, оба фактора устойчивого городского развития были приняты во внимание.

Для создания уникальной научной модели креативного пространства на территории Восточной Сибири наряду с лучшим мировым опытом также необходимо обратиться к советскому опыту и сети Дворцов культуры и клубов, которая охватывала территорию страны. Очевидно, что у подобных учреждений есть как достоинства (богатый набор услуг для населения), так и недостатки. Недостатком в данном случае является слишком большая зависимость от государства – как идеологическая, так и финансовая.

Практика показывает, что перенос моделей креативных пространств с Запада находит весьма необычные последствия. Перенести пространство с его составляющими (креативными предприятиями и культурными продуктами) с Запада невозможно. Ситуация, когда в «западную модель» помещают российские креативные проекты, показывает себя, как правило, с негативной стороны. На выходе получается как бы «вывернутое наизнанку» креативное пространство. Культурный, языковые барьеры, а также неготовность жителей одной страны воспринимать творческое наполнение, характерное для другой страны, не позволяют проекту работать на полную мощность, раскрывать свой потенциал и выполнить программу развития.

Креативные пространства и креативные кластеры необходимо закладывать в формирование стратегий регионального развития как мощный инструмент, несущий позитивные изменения, ведь эти образования действительно способны благоприятно воздействовать на качество городской среды.

Внедрение уникальных моделей креативных пространств позволит качественно влиять на инновационный климат региона, создавать новые, основанные на идентичности места, культурные продукты, которые дадут импульс к развитию региона.

Креативное пространство – проект, который рассчитан на привлечение творческого населения города и реализацию на своей территории всевозможных креативных арт-замыслов.

Литература:

1. Креативные индустрии: учеб. пособие / Е. В. Зеленцова, Е. Х. Мельвиль, М. В. Румянцев и др. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. – 252 с.
2. Дацко, О. И. Творческие кластеры как перспективное направление развития территорий [Электронный ресурс] / О. И. Дацко, У. П. Бобко // Социально ориентированная модель экономического развития: опыт Германии и Беларуси: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2011 г. / Фонд им. Фридриха Эберта [и др.]. – Минск : И. П. Логвинов, 2011. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/43792>. – Заглавие с экрана.
3. Baum, M. City as Loft : Adaptive Reuse as a Resource for Sustainable Urban Development/ M. Baum, K. Christiaanse. – Zurich, 2012. – 360 p.

*Галиев Рустам Салимжанович,
г. Барнаул*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РФ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Права и свободы человека и гражданина в сфере культуры являются частью основных прав и свобод человека и гражданина, закреплённых Конституцией Российской Федерации. На современном этапе проведение политики в области культуры является одним из важнейших направлений деятельности российского государства, неразрывно связано с экономической и социально-политической жизнью общества.

Для человека и гражданина права и свободы в области культуры в Российской Федерации являются условием достойного и свободного существования, социальной предпосылкой для удовлетворения духовных потребностей, основой нравственного воспитания. Для государства значимость данной категории прав выражается в том, что обеспечение их реализации характеризует его как демократическое и правовое государство. В последнее время правам граждан в области культуры уделяется всё большее внимание, но это всё ещё наименее обеспеченная категория прав и свобод. Особенно актуальным представляется создание механизма их реализации и защиты.

Законодательство Российской Федерации закрепляет широкий круг прав в области культуры, которые должны обеспечивать реализацию культурных прав человека и гражданина

[3]. Это такие права как право на творчество; право на личную культурную самобытность; право на приобщение к культурным ценностям; право на эстетическое воспитание и художественное образование; право собственности в области культуры; право создавать организации, учреждения и предприятия в области культуры; право создавать общественные объединения в области культуры; право вывозить за границу результаты своей творческой деятельности.

Праву граждан на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры корреспондирует обязанность государства по обеспечению условий для общедоступной культурной деятельности (деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей).

Для реализации указанного права государство должно осуществлять поддержку учреждений культуры. При необходимости оно принимает долевое участие в финансировании негосударственных организаций культуры. Кроме того, государство посредством налоговых льгот, кредитов и другими способами призвано стимулировать создание и деятельность организаций культуры. Так, к примеру, общий объём финансирования Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» [9] составляет порядка 193 млрд рублей. Однако Алтайского края нет в списке распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование мероприятий по укреплению материально-технической базы объектов культуры регионов.

Следует также отметить, что Конституция Российской Федерации и действующее законодательство не только закрепляют права граждан в области культуры, но и налагают на них определённые обязанности.

В соответствии со ст. 44 Конституции Российской Федерации, каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Так, в Алтайском крае в целях реализации данных положений Конституции было принято постановление администрации Алтайского края от 26.05.2010 № 228 «Об утверждении концепции сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия в Алтайском крае на период до 2020 года» [6].

Политика государства в области культуры должна быть направлена на воспитание образованной, культурной личности. Государство призвано поощрять свободу творчества, обеспечивать право каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Однако на практике имеет место сокращение участия государства в поддержке отечественной культуры, что негативно сказывается на обеспечении прав и свобод человека и гражданина в области культуры.

Реализация прав и свобод в сфере культуры затруднена и наличием в действующем законодательстве устаревших норм, не соответствующих современным общественным отношениям. Так, 16 сентября 2014 г. на заседании рабочей группы по проекту ФЗ «О культуре в Российской Федерации» главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Е. Чуковская отметила, что «...сегодня мы имеем дело с разветвлённым и устаревшим федеральным и очень большим региональным законодательством. Часть законов сферы культуры имеют внутренние противоречия» [5].

Как справедливо отражено в «Основных направлениях государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года» [2], необходимость сохранения и развития единого культурного и информационного пространства России обусловлена неоднородностью обеспечения населения услугами организаций культуры в силу географических особенностей страны и ряда факторов экономического характера. Такая ситуация порождает социальное неравенство в творческом развитии детей и молодёжи, реабилитации людей с ограниченными возможностями и оказывает негативное влияние на самочувствие населения.

Так, к примеру, в интернет-приёмной администрации Алтайского края в феврале 2014 года жительница посёлка Южный г. Барнаула обратилась к начальнику департамента администрации края по связям с институтами гражданского общества Труевцеву В. А. с вопросом: почему в ноябре 2013 года в День народного единства не проводился ставший уже традиционным краевой фестиваль национальных культур «Я горжусь тобой, Алтай!» (который в последнее время проводился в ДК п. Южный и являлся для людей большим событием). Валерий Александрович пояснил, что опыт нашего края в проведении фестиваля национальных культур в День народного единства был положительно воспринят на федеральном уровне. И с 2013 года Министерством культуры Российской Федерации было принято решение о проведении Всероссийского фестиваля народного творчества «Вместе мы – Россия», а регионам рекомендовано проводить зональные и региональные этапы фестиваля. Поэтому 4 ноября управлением Алтайско-

го края по культуре и архивному делу в краевом театре драмы проводился краевой фестиваль народного творчества «Вместе мы – Россия» [1].

Несомненно, увеличение масштабов проводимых мероприятий – это положительная тенденция в развитии культуры, однако представляется, что и проведение творческих мероприятий в отдельных районах муниципальных образований не теряет своей актуальности, так как некоторые люди в силу своего возраста или состояния здоровья не имеют возможностей для реализации своих прав в сфере культуры.

Несмотря на содержащиеся в «Основных направлениях государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года» цели, одной из которых является обеспечение равных условий доступа различных групп граждан к услугам в области культуры, на сегодняшний день в г. Барнауле люди с ограниченными возможностями не всегда могут реализовать своё право на доступ к культурным ценностям. Поэтому, отмечая положительные тенденции оснащения учреждений культуры оборудованием для людей с ограниченными возможностями, заметим, что проблема не решена в полной мере.

Однако следует подчеркнуть: постановлением администрации г. Барнаула № 1708 от 07.08.2014 г. утверждена муниципальная программа «Развитие культуры города Барнаула на 2015–2017 годы» [8], в которой отмечено, что одной из причин трудностей творческого и культурного развития личности и участия населения в культурной жизни города является недостаточная приспособленность учреждений для их посещения и предоставления услуг различным категориям лиц с ограниченными возможностями здоровья. Это даёт основание полагать, что власти города в курсе существующих проблем и работают над их решением.

Директор одной из сельских школ Алтайского края в личной беседе рассказала: приоритетным национальным проектом «Образование» предусмотрена программа по приобретению автобусов для школ, расположенных в сельской местности, которая реализуется. Но на сегодняшний день руководство муниципального образования и непосредственно данной школы столкнулись с трудностями: при желании приобщить детей к прекрасному и свозить их на автобусе в какое-либо учреждение культуры столицы Алтайского края они не могут этого сделать – цены на ГСМ не позволяют. Здесь стоит отметить, что, в соответствии с программой «Культура Алтайского края» на 2011–2015 годы [7], одним из важнейших индикаторов и показателей программы является посещаемость учащимися театрально-концертных мероприятий, музеев, выставочных залов, планетариев.

Положительно следует отметить следующие моменты. На состоявшейся 25 сентября 2014 г. инаугурации губернатор Алтайского края А. Б. Карлин, выступая с ответной речью, сказал: «Наше новое обязательство перед населением Алтайского края – программа «80x80», и в рамках её реализации в ближайшие пять лет будет построено или реконструировано тридцать пять объектов образования, тринадцать – культуры» [4]. Проводившаяся к 75-летию Алтайского края программа «75x75» была реализована. Отраднo, что в общую программу мероприятий по увековечению памяти народного артиста РСФСР В. Золотухина, утверждённую губернатором, вошло проведение в г. Барнауле I Всероссийского молодёжного театрального фестиваля им. В. С. Золотухина.

На сегодняшний день формально-юридическая сторона вопроса реализации культурных прав граждан решена, получив отражение в различных правовых актах. В целях обеспечения прав человека в области культуры, развития культуры населения Российской Федерации и Алтайского края необходимо сделать акцент на реализации принятых программ и концепций федерального, регионального и муниципального уровней.

Литература:

1. Интернет-приёмная администрации Алтайского края. Форум - Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае. Дата проведения: 18 февраля 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.altairregion22.ru/public_reception/on-line-topics/13856. – Заглавие с экрана.
2. Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года и план действий по их реализации. Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkrf.ru/dokumenty/581/detail.phsp022-01p?ID=61208>. – Заглавие с экрана.
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 05.05.2014) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru>. – Заглавие с экрана.
4. Официальный сайт Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: http://www.altairregion22.ru/region_news/aleksandr-karlin-ofitsialno-vstupil-v-dolzhnost-gubernatora-altaiskogo-kraya_370652.html. – Заглавие с экрана.

5. Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkrf.ru/press-tsentr/novosti/ministerstvo/uchastniki-rabochey-gruppy-obsudili-strukturu-zakonoproekta-okulture-v-rossiysk>. – Заглавие с экрана.
6. Постановление администрации Алтайского края от 26.05.2010 № 228 «Об утверждении концепции сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия в Алтайском крае на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru>. – Заглавие с экрана.
7. Постановление администрации Алтайского края от 19.11.2010 № 517 (ред. от 04.04.2014) «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Культура Алтайского края» на 2011–2015 годы» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru>. – Заглавие с экрана.
8. Постановление администрации города Барнаула от 07.08.2014 № 1708 «Об утверждении муниципальной программы «Развитие культуры города Барнаула на 2015–2017 годы» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru>. – Заглавие с экрана.
9. Постановление Правительства РФ от 03.03.2012 № 186 (ред. от 10.09.2014) «О федеральной целевой программе «Культура России» (2012–2018 годы)» // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru>. – Заглавие с экрана.

*Бобина Галина Сергеевна,
г. Барнаул*

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ КАК ФАКТОР ЕДИНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ

Жизнь современного человека, общества и государства неразрывно связаны с существованием такого феномена как конституционализм. Любая конституция формируется на основании взаимодействия человека, общества, власти и культуры. Конституция охватывает социально-экономические отношения, сферу науки и образования, воспитания, культуру, семью, систему средств массовой информации и др. Все эти сферы жизни общества находятся в непрерывном движении. Именно Конституция призвана обеспечивать это движение, вывести на новый уровень гражданские отношения.

Сложность феномена Конституции заключается в его актуальности во все времена, даже если этот документ создавался десятилетия, а порой и сотни лет назад. Являясь первоосновой развивающегося, цивилизованного общества, Конституция не может быть застывшим памятником, ей положено обладать гибкостью, быть «живой тканью», но в то же время оставаться прочным и надёжным фундаментом всего общества [3].

Рассматривая принципы общественного развития, содержащиеся в Конституции России, нельзя обойти их аксиологическую составляющую. Ведь именно ценности являются средством единения культуры, общества, государства, его граждан, фактором стабильности и динамичного развития страны. Особую значимость вопрос о ценностях приобретает в Конституции, которая сама является величайшей общегосударственной ценностью, ведь каждое государство имеет базовые ценности. Российские конституционные ценности так же неповторимы и уникальны, как и у всякого суверенного народа, воспроизводящего свою государственность в историческом контексте лингво- и социально-культурной преемственности и смены поколений [2].

З. А. Жаде, А. М. Шадже анализируют преамбулу Конституции Российской Федерации, выделяя группы базовых ценностей: нравственные ценности: «вера в добро <...> и справедливость»; ценности социального мира: «гражданский мир и согласие»; ценности демократии: «права и свободы человека», определение природы государственности как «демократической»; ценности политические: сохранение «исторически сложившегося государственного единства», стремление «обеспечить благополучие и процветание России», провозглашение задачи «возрождения суверенной государственности России»; ценности патриотизма: «любовь и уважение к Отечеству», «ответственность за свою Родину»; ценности преемственности: «чтя память предков»; ценности интернационализма: «сознавая себя частью мирового сообщества» [1]. Авторы подчёркивают, что наличие Конституции само по себе является конституционной ценностью, которая обязательна для государства, общественных объединений и граждан. Таким образом, Конституция является ценностью, потому как вносит определённое согласие и упорядоченность, обеспечивает ценностные ориентиры для прогрессивного развития государства и культуры, выделив главнейшие, которые определили устои государственного и общественного строя. Конституционной ценностью является служение конституционных норм и правил интересам человека и гражданина.

Также в Конституции России декларировано как ценность уважение к культуре и традициям всех национальностей. основополагающим условием для успешной реализации ценно-

стей культуры является: **стабильность общества; свобода** (способность человека быть ответственным в свободе, стремиться не только к свободе от принуждения, подчинения и зависимости (так называемая негативная свобода), но и стремиться к свободе для самореализации, постановки социальных целей, осуществления своих планов (так называемая позитивная свобода)); **справедливость** (синтез социального, правового, политического и других форм равенства, справедливость как качество гражданского общества может реализоваться только на условиях равных прав и полномочий каждого индивида, которые гарантированы ему (индивиду) и конституционно закреплены); **порядок** (предполагает движение гражданского общества в направлении институционализации российского социума, а также выполнение правовых и социальных норм жизни); **организованность; дисциплина; гражданственность** (объединяющее звено таких понятий как гражданское общество, гражданская культура, гражданское сознание и др. Гражданственность выступает как качественная характеристика общества, его гражданских прав и свобод. Гражданственность моделируется в трёх ракурсах: в антропологическом (гражданин), социальном (гражданское общество) и политическом (демократическая политическая система)).

В настоящее время правительство пытается повысить эффективность деятельности госорганов за счёт их открытости, а также привлечения граждан к участию в управлении делами государства. Для этих целей была создана система «Открытое правительство». В статье Д. А. Медведева отмечается, что «...новые механизмы взаимодействия исполнительной власти с институтами гражданского общества создают предпосылки для решения проблемы, которую можно назвать хронической для российской государственности. Ещё в 1862 году выдающийся русский правовед Б. Н. Чичерин писал о том, что «разлад между правительством и общественным мнением всегда составляет преграду народному развитию» [3]. Сегодня ряд шагов по преодолению такой преграды уже сделан: «В июле 2012 г. на сайте Министерства экономического развития РФ был размещён для общественного обсуждения документ под названием «Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан Российской Федерации с использованием сети Интернет для рассмотрения в Правительстве Российской Федерации предложений, получивших поддержку не менее 100 тыс. граждан» («Российская общественная инициатива»). В августе 2012 года концепция была утверждена Правительством РФ» [3]. Следуя принципу открытости, был создан и помещён в свободное использование сетевой ресурс, который обеспечивает открытый доступ любого человека к существующим предложениям, возможность ознакомиться с принятыми по ним решениями и результатами голосования.

Документ определяет правила, по которым граждане с помощью современных технологий могут донести до власти и общества свои предложения по вопросам социально-экономического и культурного развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления [3]. Так, предметом общественной экспертизы стали такие значимые документы как проекты федеральных законов «Об образовании в Российской Федерации», «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», «Об охране здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» и др. [3].

Роль Конституции России в развитии государства, человека, общества и культуры сложно переоценить, так как она фактически определяет уровень экономического, политического, социального, культурного, научно-технического развития страны в целом. Однако задача модернизации общества не может быть решена без вовлечения в этот процесс как можно большего числа творческих, свободных и активных граждан.

Литература:

1. Жаде, З. А. Роль конституционных ценностей в формировании политико-правовой идентичности россиян / З. А. Жаде, А. М. Шадже // Система ценностей современного общества. – 2012. – № 22. – С. 131–135.
2. Крусс, В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы / В. И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 2. – С. 7–14.
3. Медведев, Д. А. 20 лет: путь к осознанию права / Д. А. Медведев // Российская газета. – 2013. – 11 дек.

РАЗДЕЛ 2. ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

*Если человек хочет прийти к самому себе,
его путь лежит через мир.
Виктор Франкл*

Раствориться в человечестве,
С ним себя соединить
И с молитвой перед вечностью
Низко голову склонить.
Воспринять травинку малую,
Светлый ветер воспринять.
Воспринять душой усталую
Всю земную благодать!
Всё живое, всё прекрасное
Воспринять с движеньем лет
И не мучиться напраслиной,
Что на свете счастья нет!

Василий Нечунаев

*Жерносенко Ирина Александровна,
г. Барнаул*

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА В МОДЕЛИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Всеобщий характер переходных процессов, охвативших в современной России все системные уровни бытия, обусловил высокую потребность общества в осмыслении сложившейся ситуации и моделировании будущего по всем направлениям социокультурного развития. В трудах культурологов «переходный период» рассматривается как особая фаза историко-культурного развития, осуществляющая выход культуры на новый уровень организации и позволяющая снять её системные противоречия. М. С. Каган даёт исчерпывающую дефиницию переходности: «Переходный этап – это такое историческое состояние, когда некий строй общественных отношений и связанный с ним тип культуры уже не является господствующим, теряет свою безраздельную власть, разлагается, отмирает <...>, а идущее ему на смену социокультурное состояние ещё не господствует безраздельно, но неодолимо развивается, вступая в те или иные отношения со старым порядком вещей. <...> Переходное состояние, в отличие от основных, более разнообразно по своим структурным вариациям, охватывает широкий спектр возможных модификаций и находится в постоянной вибрации поиска новых и новых способов разрешения противоречий между прошлым и будущим» [9, с. 186].

Сегодня осуществляется переход к новому способу организации общественного бытия: от технократической культуры периода модернизма – к информационному обществу, определяемому как эпоха постмодернизма. Следовательно, начинает складываться новый тип культуры, имеющий высочайшую степень сложности по сравнению с другими периодами. Осознать закономерности этого перехода возможно лишь при условии использования всеобщих методов, характеризующих процессы саморазвития сложных и сверхсложных систем, а значит – относящихся и к развитию общества и культуры. В современных исследованиях разворачивание социокультурных процессов оценивается в русле синергетической методологии, учитывающей их нелинейную самоорганизующуюся природу.

В переходные периоды историко-культурного развития возрастает необходимость осмысления происходящих процессов, синтеза и переработки прошлого опыта с целью построения новой культуры; прогнозирование будущего становится насущной потребностью, а не простым любопытством. Время требует всё более и более сознательного движения вперёд в построении современности относительно прошлого и будущего. Для выстраивания моделей и стратегий культурного развития, отвечающих условиям современной научной парадигмы, ключевую роль играют исследования, основанные на синергетических принципах и системном подходе, таких авторов как Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, В. В. Василькова, М. С. Каган, Э. С. Маркарян, Н. Н. Моисеев, А. И. Уёмов и другие. Системный и синергетический подходы

органично дополняют друг друга. Если системный подход рассматривает культуру как подсистему более сложной системы – Бытия, то синергетический подход рассматривает культуру как *органическую* (выделено нами – И.Ж.) часть Бытия, его фрактальное подобие. В обоих подходах культура предстаёт как самостоятельная часть Бытия [8, с. 58].

Осмысление будущего имеет первостепенную значимость и для решения современных проблем. Это амбивалентный процесс: «Будущее оказывает влияние сейчас, в некотором смысле оно уже существует в настоящем. Мы строим будущее, но в определённые моменты и оно строит нас» [10, с. 115].

В названной ситуации встаёт ключевой вопрос: где найти человека, который способен не ошибиться в выборе сценария построения будущего, который способен предугадать очертания аттрактора? И ответ лежит на поверхности: такого человека надо начинать формировать сегодня. Это человек нового типа: творчески мыслящий в контексте современной научной парадигмы, способный к самостоятельному поиску решений, к нравственно оправданному выбору, обладающий обострённой интуицией. Необходима и новая модель образования человека, соответствующего вызовам времени.

Процессы модернизации образования призваны были сформировать ответы на эти вызовы, но меры оказались однобокими, выстроенными в прошлой (линейной) парадигме. Они смогли, с одной стороны, «вытащить» образование из глубочайшего экономического кризиса, но с другой – не решили главную цель образования: *«ваяния образа Человека Новой Эпохи»*.

«Если государство заинтересовано в своём подлинном прогрессе, оно не может не осознавать, что осуществить этот прогресс может только общество высокой культуры. Русские мыслители П. Флоренский, Н. Бердяев, Н. Рерих, вся русская философская школа отчаянно звали к пониманию, что без *культуры* не может быть *цивилизации*. Культура же, с её опорой на нравственность, этическое начало, способна развиваться лишь в Человеке» [2, с. 171]. Сегодня размышления педагогов, философов, культурологов активно развивают данное направление. Одни предлагают парадигму личностно-ориентированного образования, другие полагают, что новая парадигма заключается в реализации принципа культуроцентризма (на практике чаще всего сводимого к введению «национальных» компонентов, таких как язык, история, религия, традиционная культура и искусство, фольклор и национально-этикетные формы быта), третьи видят выход в смещении содержания и методов образования к идеям и принципам глобально-исторического мышления (общепланетарное мышление, коэволюция человека и природы и т. д.).

Эти принципы и подходы существенны и необходимы. Вероятно, все они в своей мере должны быть присущи новой парадигме образования. Но, во-первых, ни один из названных подходов не обладает принципами целостности и достаточности в силу ряда причин, которые мы не будем анализировать в данной статье (из-за ограниченного объёма); а, во-вторых, одним из маркеров последних образовательных реформ стало резкое сокращение доли часов гуманитарного цикла и изъятие из учебных планов регионального компонента – пожалуй, единственного модуля в содержании образования, хотя бы условно, способствовавшего формированию культурной самоидентификации учащихся. Одним росчерком пера оказались перечёркнуты *все* поиски мыслителей и педагогов. И это происходит в период, когда уже стали очевидными «прорехи» перестроечного образования.

Разрушенной системе ценностей советской эпохи перестройка не смогла противопоставить адекватную идеологическую модель, в результате чего подрастающее поколение, не имея ориентиров, идеалов, не зная и не ценя собственной истории и культуры, утрачивает благоговейное чувство Родины, становится циничным и прагматичным. Распад могучей державы, сумевшей выстоять в катаклизмах XX века, создал благоприятную среду для деятельности «пятой колонны», для всякого рода цветных революций. Это стало возможным потому, что для становящейся личности сегодня нет почвы для самоидентификации, не сформированы духовные и культурные ценности.

Известно, что развитие образования зависит от комплекса социально-экономических условий. В любых вариантах этнических и государственных типов система образования направлена на формирование и закрепление в культуре народа характерных для данной эпохи представлений о человеке, его сущностных качествах и отношении к миру. Советский принцип единой культурной политики в многонациональной стране исчерпал свои возможности, и в перестроечное время начался неуправляемый процесс дифференциации на всех уровнях бытия. Союзные республики отделились по национальному признаку и теперь строят свои модели социокультурного развития на основе собственных национальных идей. В полиэтнической и поликонфессиональной Российской Федерации процесс самоидентификации малых народов не закончен и продолжает тлеть под спудом нерешённых социально-экономических проблем. По-

мимо единой государственной культурной политики необходимо формировать региональные и национальные модели социокультурного развития регионов.

С другой стороны, в условиях постмодернизма наглядно проявляется изменение роли и места этнического фактора в его институциональном контексте. До недавнего времени в советской, а затем и в российской научной традиции, доминировало представление об этносе как устойчивой общности людей, сложившейся естественно-исторически. Основными условиями её возникновения считались единство территории и языка, ставшие затем её главными признаками [11, с. 11]. В последние годы исследователи переводят решение проблемы этноса и этнического из плоскости этнологии и парадигмы социогуманитарного знания в философско-методологическую [1, с. 35]. И причина этого – открытие синкретичной целостности бытия при многообразии его составляющих; нелинейности и динамизма процессов, приводящих к глобализации и становлению информационного общества.

Республика Алтай обладает ярко выраженной этничностью, нацеленной на сохранение традиционного уклада в быту и культуре, но при этом активно стремящейся к встраиванию в современное общество со всеми его научно-техническими достижениями и сопутствующими изъянами цивилизации. Возникший цивилизационный разрыв породил глубокие внутренние противоречия, требующие пристального внимания. Чтобы понять суть процессов и возможные сценарии развития культуры Горного Алтая, необходимо выявить ключевые позиции самоидентификации алтайского этноса, основанные на традиционной культуре.

По сей день в культуре алтайского народа сохраняются черты, присущие традиционному, «исторически первичному обществу»: зависимость от религиозных или мифологических представлений; авторитаризм; коллективистский характер общества; преимущественная ориентация на метафизические, а не инструментальные ценности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, т. е. способности производить что-либо в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку; преобладание в мышлении локального над универсальным и другие [13, с. 4]. Сохранение традиционного уклада мыслится алтайским этносом как способ самосохранения. Но традиционная культура испытывает сильное давление и подвергается ряду серьёзных угроз, таких как «конфликтное усиление социального неравенства в результате возникновения «анклавов современности», копирование стереотипов, уже отброшенных западной цивилизацией, распад традиционных механизмов поддержания порядка при невозможности быстрого внедрения новых.

Возникновение в традиционных культурах множества различных социальных, культурных, этнических и идеологических проблем в условиях вхождения в современное пространство делает затруднительным формирование общих ценностей, а главное – ставит под вопрос универсальный характер модернизации как способа достижения единой цивилизационной формы.

В процессах глобализации проблематика этносов, этнической идентичности и роли этнического фактора выходит на новый уровень, так как утрачиваются традиционные меры этноса и этничности, тесно привязанные к пространству (территории) обитания этноса и к локально-типическим формам этнической культуры [3, с. 63]. Сегодня этнос перестаёт быть статичным, территориально ограниченным феноменом. Его характеристики постоянно трансформируются, и он всё больше оказывает влияние на мировые процессы. «Этническое, <...> утратив конкретно-территориальную (пространственную) локализацию и привязку, теперь обретает в социальной целостности мира совершенно новый характер – характер «диффузно-сквозного присутствия», превращая мир в «цивилизацию диаспор», поликультурности и полилингвизма, где этническое присутствует всюду» [3, с. 22–31].

Но подобное размывание границ этнического приводит к тому, что этнический фактор в современных процессах становится как бы «не видимым», либо воспринимается как исторический реликт или даже помеха на пути к универсализации мировой системы. Большинство социально-философских концепций, выстраивающих сценарии будущего в контексте «информационной цивилизации постэкономической эпохи», также не уделяют внимания роли этнического фактора в этих процессах. И в связи с этим вполне закономерен вопрос Х. Г. Тхагапсоева: «Если европейский техногенный модус цивилизации оказался тупиковым вектором истории и продуцирует кризис всех форм бытия, то «надеждой человечества» не должен ли стать потенциал развития неевропейских культур и цивилизаций, в том числе этнических?» [12, с. 20–23].

Подобными вопросами сегодня задаются передовые умы мирового сообщества, осознавая уникальность и исключительную ценность культурного опыта коренных народов и этносов, проживающих в лоне традиционной культуры. В документах Рабочей группы ООН по коренным народам подчёркивается: «Знаниями коренного населения о конкретной природной среде, в которой они живут, о рамках её использования в своей деятельности, не владеет более никто,

в том числе и наука. В промышленно развитых странах принято проводить различие между искусством и наукой, или между творческим вдохновением и логическим анализом. Коренные народы же считают, что все плоды человеческого разума и духа взаимосвязаны и как бы происходят из одного источника: взаимосвязь между народом и его землёй, его родство с другими живыми существами, живущими на одной с этим народом земле, и с духовным миром. Поскольку важнейшим источником знаний и творчества является сама Земля, художественные и научные достижения народа являются проявлением тех же самых глубинных взаимосвязей и могут рассматриваться как проявление деятельности народа в целом» [7].

На излёте второго тысячелетия, задумываясь о научной парадигме будущего, выдающийся психолог и психиатр XX века, основоположник трансперсональной психологии С. Гроф в своём фундаментальном труде указывал на необходимость схождения в едином информационном поле новейших естественно-научных открытий с откровениями традиционной культуры: «Всеобъемлющая парадигма будущего, способная воспринять и синтезировать всё разнообразие данных квантово-релятивистской физики, теории систем, исследований сознания, нейрофизиологии, а также древней восточной духовной практики, шаманизма, первобытных ритуалов и целительской практики, должна включать дополняющие дихотомии на трёх различных уровнях: космоса, индивида и человеческого мозга» [4, с. 69].

Величайшим достижением традиционных культур является то, что они сегодня сохранили (вопреки цивилизационному прессингу) гармоничные взаимоотношения с природой. Это признаёт и ценит мировое сообщество. И может быть, именно этот факт и будет положен в основу универсальных форм взаимодействия разных культур современной цивилизации. Пока же, в условиях перехода в постмодернистское пространство культуры, процессы обмена между культурой и природой, мягко говоря, не сбалансированы. И несмотря на то, что востребованными оказываются учения и концепции экологической и космической проблематики от восточных философских учений до Учения «Живой Этики»; от Пифагора до А. Эйнштейна – экологический кризис всё углубляется, а процессы культурного строительства нередко детерминированы экономически или идут по пути технологизации.

И вновь приходится вспоминать человечеству, что природа и культура – это две подсистемы бытия, с одной стороны, независимые, но, с другой, – находящиеся в нерасторжимом синергетическом единстве. Через познание природы человек пришёл к пониманию законов Вселенной; осознав их универсальность, он сформировал константные ценности культуры. Две сложные саморазвивающиеся системы – природа и культура – образуют вместе единую сверхсложную систему. И здесь уместно вспомнить вывод последних изысканий Л. Н. Гумилёва об общности законов развития биосферы и социосферы [5, с. 344; 6, с. 238]. Несформированность духовных ценностей влечёт за собой экологический кризис, выйти из которого невозможно, опираясь только на запреты или расчистки цивилизационных отходов. Тысячекратно был прав булгаковский профессор Преображенский: «Чисто не там, где убирают, а там, где не сорят». Для этого необходимо формировать «чистое» сознание, чистые души будущих хранителей планеты.

Сегодня традиционная культура коренного населения Алтая – это один из немногих феноменов, где сохранён весь комплекс экологических и культурологических знаний в их синкретическом единстве. Вся система этических отношений и социокультурных ценностей коренных алтайцев выстроена в модусе: «Не навреди природе, но приумножь её богатства». Традиционная культура изначально экологична, основана на принципах комплементарности человека и природы.

Для того чтобы этот опыт был освоен подрастающим поколением и продолжал развиваться в том целостном виде, в каком его донесла до наших дней традиция, необходимо его органичное и системное включение в систему образования. И не только путём введения в содержание образования знаний об основах традиционной культуры, этики, экологии, но, в первую очередь, путём освоения школьниками традиционных форм деятельности в их синкретичном единстве с традиционной культурой, этикой, системой духовных ценностей; путём разработки и реализации социально значимых проектов; путём включения школьников в поисковую и исследовательскую работу по названной проблематике, а также путём развития у подрастающего поколения традиционных способов познания, основанных на обострённом внимании и интуиции, деятельностном проживании значимых для той или иной культуры исторических, культурных, экологических и этических ценностей.

Литература:

1. Авксентьев, В. А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы / В. А. Авксентьев. – Ставрополь : Изд-во СГТУ, 2001. – 188 с.
2. Барков, Ф. А. Этносы в глобализирующемся мире / Ф. А. Барков, Х. Г. Тхагапсоев, В. В. Черноус ; отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ЮФУ, 2009. – 204 с.
3. Балакина, Е. И. Метаморфозы диалога в системе культуры и искусства (Теория и практика созидательных путей культурогенеза): монография / Е. И. Балакина. – Барнаул : Алт. дом печати, 2014. – 276 с.
4. Гроф, С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф ; пер. с англ. – М. : Изд-во трансперсонального института, 1993. – 504 с.
5. Гумилёв, Л. Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л. Н. Гумилёв. – М. : Айри-Пресс, 2008. – 415 с. : ил.
6. Гумилёв, Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилёв. – Л. : Наука, 1990. – 280 с.
7. Доклад Рабочей группы ООН по коренным народам (1992 г., Рио-де-Жанейро). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml. – Заглавие с экрана.
8. Иванова, О. В. Синергетический подход к исследованию культуры Постмодернизма. : дис. ... канд. культурологии / О. В. Иванова. – СПб., 2009.
9. Каган, М. С. Системный подход и гуманитарное знание: избранные статьи / М. С. Каган. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1991.
10. Князева, Е. Синергетика как методологическая основа футурологии / Е. Князева, С. Курдюмов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 496 с.
11. Козлов, В. И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика / В. И. Козлов. – М. : Старый сад, 1999. – 343 с.
12. Тхагапсоев, Х. Г. Этнос в современном мире: исторический реликт или фактор цивилизационного развития? / Х. Г. Тхагапсоев // Научная мысль Кавказа. – 2005. – № 2.
13. Федотова, В. Г. Неклассическая модернизация и альтернативы модернизационной теории / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2002. – № 12.
14. Федотова, В. Г. Глобальный мир и модернизация / В. Г. Федотова // Философские науки. – 2000. – № 1.

*Верецагина Татьяна Николаевна,
г. Барнаул*

ПЕРВОЕ ПРОВОЗВЕСТИЕ КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ БУРХАНИЗМА

Период институциализации какого-либо движения всегда сопряжён со сложностями и проблемами: например, прежде чем та или иная философская школа получит завершённость, она проходит историческое превращение и, как правило, опрощение изначальных идей. Превращение происходит благодаря дальнейшему развитию мысли создателя учения, восприятию и переработке его идеи последователями, уровню их мышления, отношениями между ними (друг с другом, с основателем, с оппозицией).

Подобное происходит и с развитием религии. Стадия её *возникновения* (мировой, локальной или региональной, этнической формы) характеризуется многообразно. Но сколь бы существенно ни различались эти характеристики, все они окрашены социальными интерпретациями.

Ещё в большей степени это наблюдается на стадии *институциализации* религии – когда она постепенно превращается в организованное учреждение с вертикалью власти, вероучением, культом, обрядностью, ритуалом, священным писанием, обычаями и праздниками. При этом внутрисистемное структурирование сопровождается ростом силы внесистемного характера, обеспечивая нарождающемуся институту влияние на жизнь общества. Последний пример касается явления, имеющего место на Алтае и получившего название «бурханизм». Сегодня он проходит стадию институциализации, изучение которой позволяет разобраться со структурно-функциональными особенностями процесса, его социальными детерминантами, а главное – с каузальным и онтогносеологическим аспектами феномена.

В научном сообществе данной проблеме уделяется незаслуженно мало внимания, за исключением, пожалуй, попытки систематического описания, предпринятой С. Б. Филатовым [10]. Махита, что наблюдается сегодня – изучение отдельных интерпретаций веры алтайцев, представленных разными сектами (термин «секта» здесь употреблён в общетеоретическом толковании её как новой религиозной группы, оппозиционно настроенной по отношению к другим, имеющей своего основателя, учение и практику): «Ак-Бурхан» (Белый Бурхан), «Ак-Дьянг» (Белая вера), «Алтай Жан» (Алтайская вера), «Круг преданных Богине Аллат».

Л. И. Шерстова [12], Н. В. Расова [6], Н. А. Шодоев, Р. С. Курчаков [13] описывают бурханизм в качестве *современного этапа* развития *алтайской традиционной политеистической религии*. Как *алтайскую форму буддизма* его характеризуют В. К. Косьмин [2], Е. Н. Тобоева [9].

Почти отсутствуют исследования деятельности прямых продолжателей учения бурханизма, действующих в ряде сёл Алтая, в том числе в долине Теренг Усть-Канского района, где в 1904 году произошло событие, послужившее началом этого движения. Между тем, данный сектор представляется наиболее важным, поскольку своими формальными и содержательными гранями апеллирует к его непосредственному источнику. В таком контексте особого внимания заслуживают работы, посвящённые именно этому аспекту: описание полевых материалов Б. Кнорре о «ревитализации алтайской веры» [1], небольшой комментарий И. Н. Попова [4] начавшегося обожествления одной из основательниц движения (Чугул Сороковой) членами монотеистической секты «Круг преданных Богине Аллат».

Обобщающее знание о бурханизме обнаруживает одну весьма важную проблему: какое бы название ни носила та или иная секта этого разнородного движения, все они претендуют на бурханистскую основу. В лучшем случае она трактуется как возвращение к топографическому политеизму, к родовому сознанию, к культу предков; в худшем – к провозвестию Чета Челпанова и Чугул Сороковой, вошедшему в историю бурханизма в качестве первых постулатов новой веры [10].

Эти двадцать три постулата имеют настораживающие свойства: помимо религиозно-нравственных и культовых рекомендаций они декларируют:

– *дискредитацию других вероисповеданий* (тезис четырнадцатый: «бубны камов (шаманов) сожгите, потому что они не от бога, а от Ерлика (то есть сатаны)»; тезис пятнадцатый: «с христианами (с новокрещёнными алтайцами) из одной посуды не ешьте»),

– *откровенный национализм* (тезис шестнадцатый: «дружбы с русскими не водите и не зовите их «орус», а зовите «чичке пут» (тонконогие)»; тезис двадцать третий: «не утаивайте от меня ни копейки: утаивший провалится вместе с русскими»),

– пронизаны *призывами к русофобии* (тезис девятнадцатый: «будем смотреть на русских как на своих врагов. Скоро придёт им конец, земля не стерпит их, расступится, и они все провалятся под землю»),

– и к *подготовке военного противостояния* (тезис двадцать второй: «у кого есть русские деньги, расходуйте их скорее на покупку пороха, свинца и товара у русских же, а оставшиеся от покупки деньги принесите все ко мне»).

В какой мере такие вероучительные установки были оправданы?

Для первых лет советской власти в Сибири весьма актуальной стала проблема сохранения этнического компонента в процессе административно-территориального устройства. Специальным Декретом ВЦИК РСФСР от 1 июня 1922 года решался и вопрос «об образовании автономной области ойротского народа как части РСФСР с административным центром в селе Улала» (современный Горно-Алтайск). Но пролонгация идеи оказалась неразрывно связана с многонациональными религиозно-культурными традициями этого региона, и все попытки их консолидации получали временное, к тому же – не всегда конструктивное выражение.

Проблема специфики региона, которую отмечал Л. П. Потапов [5], заключалась не только в том, что урянхайцы, алтайцы и джунгары, населявшие его, *не имели единства в хозяйственной деятельности* (одни были кочевниками-скотоводами, другие – только полукочевниками, а третьи – вообще оседлыми земледельцами), но и в том, что они *не имели и языкового единства*, используя как монгольский, так и группу тюркских языков. Как известно, язык и мышление теснейшим образом связаны. Народы юга Сибири имели разное *мировоззрение и разные религии*: алтайцы придерживались шаманизма, джунгары – буддизма и ислама, урянхайцы – ламаизма (северной формы буддизма). Эта специфика не всегда грамотно учитывалась, а подчас в избыточной мере политизировалась на государственном уровне.

Подобная тенденция обнаруживается не только в отечественной культуре. Сегодня мировая культура оказалась в беспрецедентном положении кризиса авраамических религий: в откровенное противостояние сынов Сарры и Агари (иудаизма и ислама) всё более втягивается христианство. Кризис уже сказывается и на других религиозных культурах, в том числе на едва ли не самой мирной из них – буддийской. Время институционализации бурханизма логически вписывается в контекст происходящего духовного опрошения: именно сейчас, когда в рокировке бурханистских сект всё ярче проступает доминанта «Ак-Бурхан», находящейся под влиянием тибетского буддизма, в протестантской Германии акцентируются слова из интервью Далай-ламы XIV-го, которые уже получили негативную реакцию в обществе.

Произошедшее связано с новой неординарной ситуацией в эволюции буддизма: впервые за семисотлетнюю историю одной из её форм (ламаизма, или, как теперь принято говорить, тибетского буддизма) Далай-лама XIV-й заявил об упразднении в границах института далай его основной традиции – тулку (преемственности в перевоплощениях духовного лидера тибетского общества) [14]. В качестве причины названа крайняя степень политизированности института, породившая в обществе странную ситуацию с двойными воплощениями одной и той же реинкарнации. Речь, безусловно, идёт о двух панчен-ламах и двух кармапах, каждый из которых признаваем только частью верующих буддистов, испытывающих *духовное опрощение*.

Оно не осталось незамеченным и в религиозном обновленчестве на Алтае. Так, художник В. Чекуев, одно время возглавлявший пантеистическое движение «Агару Санг», основателя бурханизма Чета Челпанова характеризовал как японского шпиона, буддистов-бурханистов обвинял в отсутствии твёрдой веры, которую, к тому же, они используют лишь в целях политической спекуляции. Как отмечал исследователь вопроса Филатов С. Б. [11], критика Чекуева имела под собой некоторые практические основания.

Малый возраст «алтайской веры» и неосведомлённость населения о её содержании усиливает опрощение даже тех идей, которые несут в себе облагораживающее начало. Опрощение нередко ставит своих носителей в неловкое положение: к примеру, Б. Кнорре отмечает, что язычники-бурханисты (в частности, Н. А. Шодоев, директор школы в посёлке Мендур-Соккон Усть-Канского района) стали почитать ясновидца, буддийского святого, ламу Боора «не имеющим никакого отношения к буддизму» [1].

Кроме исследователей бурханизма на опрощение обратили внимание и участники институционализации новой религии – священнослужители, пострадавшие за приверженность этому вероучению. В 2004 году в деревне Кырлык состоялся жёсткий разговор сельских старейшин с новоявленными последователями разных мастей, претендующими на духовное лидерство в среде алтайского народа, а на деле дискредитирующими идею Белого Бурхана.

Убедившись в искажении сектантами основы веры и проповедовании ими под видом бурханизма «чёрной магии», традиционалисты потребовали от них ответа на главные вопросы вероисповедания: «Вы – наши дети и внуки. По какому праву вы решили, что можете вести нас за собой? И известно ли вам, куда нас надо вести?», «С какой стати нынешние кликуши стали увязывать осеннее землетрясение с раскопками на Укоке? Своим дремучим невежеством эти "ясновидцы" опозорили республику на весь мир». Бурханистские старейшины сошлись во мнении, что новые идеологи «белой веры» «вслед за Чумаком и Кашпировским моду взяли – людям головы дурить. Нравится язычество и шаманизм? Тогда так и надо называть себя – язычниками и шаманистами. А святое для жителей Кырлыка учение “Ак-Ян” лучше не трогать» [8].

Процесс оформления религиозного института связан с духовным обновлением общества. Как убедительно показывает А. Б. Павлова [3], отсутствие духовной элиты раньше или позже ставит перед последователями вероучения проблему её определения. И без опыта, или хотя бы знаний о том, как формируется её институт, каковы его роль и место в конкретной культуре, процесс эволюции религии растягивается на долгие века. Нечто подобное может произойти и с бурханизмом.

Как тогда, так и сегодня, бурханизм характеризует этническую консолидацию [7], национально-культурное возрождение народов Алтая, которые ставят своей задачей развитие духовности и пытаются активно влиять на общественную жизнь Республики Алтай, её взаимодействие со страной. Что в такой ситуации ожидает бурханизм, который всё чаще считается в этнокультуре Алтая детищем школы гелуг (к ней принадлежит и Далай-лама) – предположить не трудно. Утрата возможности общаться с носителями истины, каковыми в тибетском буддизме признавались тулку, всякий новый её поиск будет сопровождаться обращением к истокам движения – провозвестию Челпанова и Сороковой, с его тезисами, сектантскими в религиозном отношении, и откровенно националистическими – в светском. Обращение к провозвестию основателей веры в бурхана может вызвать искажения в реконструкции этнокультурных традиций алтайского народа и осложнения во взаимоотношениях с другими традициями многонациональной России.

Вертикаль власти в стране выстраивается в зависимости от победы того или иного общественного антагониста, который будет навязывать своё видение мира остальным социальным слоям. В такой ситуации только подлинный научный анализ институционализации бурханизма позволит избежать многих социальных и этнорелигиозных проблем.

Литература:

1. Кнорре, Б. Алтайская народная вера: ревитализация в свете сакральной геополитики [Электронный ресурс] / Б. Кнорре. – Режим доступа: <http://religionip.ru/news/boris-knorre-altayskaya-narodnaya-vera-gevitalizaciya-v-svete-sakralnoy-geopolitiki>. – Заглавие с экрана.
2. Косьмин, В. К. Бурханизм на Алтае [Электронный ресурс] / В. К. Косьмин. – Режим доступа: <http://вестникдолины.рф/burchanizm/>. – Заглавие с экрана.
3. Павлова, А. Б. Значение религиозного аспекта института тулку для буддийских регионов России / А. Б. Павлова // Культура, история и литература русского мира: общенациональный и региональный аспекты: сборник статей и материалов всероссийской научной конференции «Человек и мир человека». – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2014. – С. 72–75.
4. Попов, И. Н. Метафизика абсолютного дуализма: оратория преодоления / И. Н. Попов. – Барнаул : Азбука, 2010. – 290 с.
5. Потапов, Л. П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации / Л. П. Потапов. – Новосибирск : Уполкрайлит, 1933. – 204 с.
6. Расова, Н. В. Православие и бурханизм: проблемы взаимоотношения и взаимовлияния / Н. В. Расова // Движение Ak jang (Белая вера) – бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию событий в долине Теренг. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 194–200.
7. Тадина, Н. А. Этническая консолидация и преемственность поколений в осмыслении бурханизма / Н. А. Тадина // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 4. – С. 38–44.
8. Танашев, К. Прямые потомки адептов бурханизма подозревают его современных последователей в приверженности к темным магическим ритуалам / К. Танашев // Посткриптум. № 12. – Горно-Алтайск, 2004.
9. Тобоева, Е. Н. Учение из глубины веков / Е. Н. Тобоева. – Горно-Алтайск, 2014.
10. Филатов, С. Б. Алтайский бурханизм / С. Б. Филатов // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. – М. ; СПб. : Летний сад, 2002.
11. Филатов, С. Б. Буддизм, бурханизм и шаманизм в Республике Алтай / С. Б. Филатов // Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. IV / под ред. М. Бурдо, С. Филатова. – М., 2006. – С. 118.
12. Шерстова, Л. И. Бурханизм в Горном Алтае / Л. И. Шерстова // Движение Ak jang (Белая вера) – бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию событий в долине Теренг. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 25–49.
13. Шодоев, Н. А. Алтайский Билик – древние корни народной мудрости России / Н. А. Шодоев, Р. С. Курчаков. – Казань : Центр инновационных технологий, 2003.
14. Eigendorf, Jürg. Der Dalai Lama will keinen Nachfolger mehr haben [Электронный ресурс] / Jürg. Eigendorf. – Режим доступа: <http://www.welt.de/politik/ausland/article131976724/Der-Dalai-Lama-will-keinen-Nachfolger-mehr-haben.html>. – Заглавие с экрана.

*Сигарёва Марина Николаевна,
г. Барнаул*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФОЛЬКЛОРНОГО АНСАМБЛЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследователи отмечают два направления функционирования традиционной культуры в современном социокультурном пространстве:

- первое нацелено на изучение, воссоздание, ретрансляцию подлинных форм народной культуры, сохранение, поддержание аутентичного культурного текста в максимально подлинном виде;
- второе имеет установку на альтернативную жизнь фольклора, преобразование фольклорного текста, на стилизацию народных традиций, эксперименты по сочетанию стилей, культур, направлений.

Утрата интереса к национальным культурным традициям связана с перевесом стилизованных форм народной культуры над аутентичными, подменой истинных духовных, нравственных и эстетических ценностей, фальсификацией образа народного искусства, искажением представлений о народной культуре. Вместе с тем явно ощущается притягательность, жизнеспособность форм традиционной народной культуры, востребованность её в современной жизни, интерес к аутентичному фольклору разных слоёв современного общества. Практика доказывает, что традиционная культура занимает своё, пусть локальное, место в современной жизни, а фольклор для молодёжи стал не просто увлечением, способом проведения досуга, он повлиял на образ жизни, мировосприятие, личностные качества, взаимоотношения с окружающими людьми, профессиональные интересы.

Решение проблемы сохранения и достоверного воспроизводства национального культурного наследия видится в развитии этнокультурного направления в образовании и исполнительской практике, реализации научных и творческих проектов, направленных на пропаганду аутентичной народной традиционной культуры, восстановление жизнеспособности её форм, приобщение детей и молодёжи к национальным культурным традициям.

Значительная роль в реализации этих задач отводится фольклорным коллективам репродуцирующего типа, нацеленным на изучение и максимально точное воссоздание локальных фольклорных традиций. Главным принципом их деятельности является достоверность в постижении не только народной песни, но всего комплекса традиционной культуры включая контекст бытования фольклорного произведения, обрядовое поведение, хореографию, костюм, манеру пения. Такие ансамбли отличает стремление понять, открыть для себя и слушателей народную песню. Появление в России и на Алтае ансамблей такого типа, получивших название фольклорных коллективов этнокультурного направления, связано с развитием молодёжного фольклорного движения.

Возникновение в России молодёжного фольклорного движения относится к концу 60-х годов XX века. Оно стало не только подтверждением пробуждения национального самосознания и поиска исторических корней, но и выражением своеобразного протеста против официальных стереотипов народной культуры. Предыстория названного явления связана с тем, что в 30-50-е годы прошлого столетия произошло значительное искажение представлений о народной культуре, возникшее под влиянием сконструированного в идеологии тоталитарного государства образа народного искусства, который исследователями определяется как «жизнерадостно-лакированный», «упрощённый и фальсифицированный образ деревенского искусства» [2, с. 4]. Имеющие безусловное право на существование, названные формы явились в этот период чуть ли не единственными наследниками фольклора, угнетая другие проявления крестьянского искусства.

Процесс отчуждения народной традиционной культуры от своих носителей и от своих корней можно проследить на истории русского народного хора. Крестьянский хор М. Е. Пятницкого был создан им в конце XIX века на основе подлинных региональных фольклорных традиций с непосредственным участием носителей народно-певческой культуры. Однако со временем ориентация на аутентичный материал и манеру пения народного хора изменилась на унифицированное исполнение и костюмы, сценическую манеру поведения. В таком постепенном перерождении, приспособлении к новым идеологическим условиям искусственно созданной монополии старательно закреплялся, упорно тиражировался стилизованный тип народного пения, весьма далёкий от подлинности, от своего «славного этнографического прошлого». Жёстко, но по сути верно отмечено Н. И. Жулановой, что это был «убогий, усечённый суррогат, сфабрикованный по госзаказу, причёсанный и напомаженный, одетый в нелепые сарафаны с блёстками, с приставными косами и «приклеенными» улыбками, подрядившийся выражать «задушевность» и «удаль» с помощью специально продуманной «народной» манеры пения и на удивление хорошо сохранившийся (господдержка!) до наших дней» [2, с. 5].

Кризис, постигший народно-хоровой жанр профессионального и самодеятельного творчества, стал мучительным и невыносимым для людей, имеющих представление о том, что такое настоящий фольклор. Новое открытие фольклора началось с подъёма фольклористики, проведения регулярных этнографических концертов в Москве, а затем и в других крупных городах, открывших возможность услышать подлинный фольклор, а также создания нового типа творческих коллективов, занятых поисками принципиально новых форм практического освоения народного искусства – фольклорных ансамблей. Участниками первых из них стали представители городской молодёжи, поэтому течение получило название «молодёжного фольклорного движения».

Критерием отличия фольклорных ансамблей этнокультурного направления явилось «стремление к этнографической точности, уход от любых форм обработки и стилизации фольклорного материала, характер звучания и репертуар, передающие локально-музыкальную и диалектную специфику, большой удельный вес экспедиционной исследовательской работы в деятельности коллектива» [2, с. 23]. Ярко выраженное «лицо» этих коллективов было определено, в первую очередь, своеобразием локальных фольклорных традиций, на основе которых работал коллектив. В таком самоограничении был глубокий смысл: именно этим достигалась степень погружения в традицию, локально определённая певческая специфичность и достоверность фольклорного ансамбля этнокультурного направления.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов фольклорное движение расширило свои границы, перестав быть только городским. По мнению Н. И. Жулановой, рост фольклорного движения в сёлах имел особое значение: давал «...надежду на хотя бы частичное восстановление жизне-

способности традиционной сельской культуры в местах её первичного функционирования» [2, с. 27].

Научная обоснованность, системность, комплексность, широкий масштаб в изучении и воссоздании явлений народной традиционной культуры, отличавшие в 1990-е годы развитие фольклорного движения в России, во многом были обусловлены созданием в 1989 году Союза любительских фольклорных ансамблей, позже переименованного в Российский фольклорный союз. Эта общественная организация объединила коллективы этнокультурного направления, определила программные цели движения, развёрнутую систему образовательных и просветительских программ. Инициатором её создания, идеологом и президентом стал А. М. Мехнецов, утверждавший, что «...спонтанно воспринятые и односторонне осознанные (без учёта природы, назначения и функций) факты фольклора теряют свой исходный смысл, даже если они сохраняют внешнюю сторону или отдельные элементы художественной формы <...>. Пути трансформации фактов фольклора в разнообразных явлениях и формах современного искусства (быть может, один из ярких примеров – история возникновения и судьбы русского народного хора), безусловно, ведут к совершенствованию художественно-эстетической сферы нашей жизни, но никогда не вернут нас к выработанным веками и тысячелетиями основам жизненной правды национально-своеобразных черт культуры, мироощущения и миропонимания» [4, с. 36–37].

В контексте развития молодёжного фольклорного движения в России фольклорный ансамбль «Стрела» был создан на фольклорно-этнографической специализации Алтайского краевого колледжа культуры как коллектив этнокультурного направления, нацеленный на исследование, воссоздание и введение в культурно-досуговую практику подлинных фольклорно-этнографических источников. Основой работы ансамбля является накопление слухового опыта в процессе записи, расшифровки и анализа аутентичных источников, изучение, практическое освоение и ретрансляция фольклорных традиций. На материалах исследований базируется репертуар коллектива, включающий традиционную свадьбу, народный календарный фольклор, игры, хороводы, традиционную и позднюю романсовую лирику, плясовые песни, фольклорный театр и народную хореографию. Научно-творческие проекты и программы коллектива нацелены на широкую пропаганду традиционной культуры края. Это – праздники народного календаря, игровые программы, лекции-концерты для детей и молодёжи, циклы программ краевого радио «Народный календарь» и «Неприкосновенный запас», созданные в соавторстве с радиожурналистом Юлией Михайловой, проекты «Круглый год земледельца», «Святочные традиции и обряды на Алтае», «Запросватал меня тятенька», «Не шей ты мне, матушка...», «После праздника Покрова во солдаты покатим», представленные в рамках фестиваля национальных культур в Алтайском государственном краеведческом музее, и многие другие.

Как напоминание об ответственности современных поколений за сохранение подлинных традиций, жизненной правды народного искусства звучат слова великого русского композитора П. И. Чайковского: «Никто не может безнаказанно прикоснуться святотатственною рукою к такой художественной святыне как русская народная песнь, если он не чувствует себя к тому вполне готовым и достойным» [1, с. 108]. Лидеры фольклорного движения заботятся о том, чтобы процесс приобщения к народной традиционной культуре был осознанным и целенаправленным и основывался на достоверных фактах. «Нельзя забывать, – предостерегает руководителей фольклорных коллективов и педагогов Н. Н. Гилярова, – что от того, как представляют себе народную песню, танец, хоровод современные дети, через непродолжительное время станет зависеть и судьба многонациональной культуры» [1, с. 108].

Деятельность фольклорного ансамбля этнокультурного направления не подменяет поиск, изучение и воссоздание подлинных фольклорно-этнографических источников сценическими, зрелищными формами фольклора, стилизованным воплощением народной культуры. Она направлена на обеспечение сохранения и воспроизводства национальных культурных традиций в их подлинном виде, формирование осознанного, бережного отношения к ним, выявление их художественной и историко-культурной ценности и восстановление их жизнеспособности.

Литература:

1. Гилярова, Н. Н. Российский фольклорный союз и работа с детьми / Н. Н. Гилярова // Фольклор и молодёжь. От истоков к современности. – М. : Российский фольклорный союз, 2000. – С. 98–108.
2. Жуланова, Н. И. Молодёжное фольклорное движение / Н. И. Жуланова // Фольклор и молодёжь. От истоков к современности. – М. : Российский фольклорный союз, 2000. – С. 3–29.
3. Из интервью с А. Кабановым / Матер. подгот. Е. Э. Гавриляченко // Фольклор и молодёжь. От истоков к современности. – М. : Российский фольклорный союз, 2000. – С. 57–58.
4. Мехнецов, А. М. Российский фольклорный союз – десять лет спустя А. М. Мехнецов // Фольклор и молодёжь. От истоков к современности. – М. : Российский фольклорный союз, 2000. – С. 30–37.
5. Михайлова, Н. Г. Вторая жизнь традиционной народной культуры в новое время / Н. Г. Михайлова // Традиционная культура: альманах. – 2007. – № 4. – С. 4–11.

НАРОДНЫЙ ОРНАМЕНТ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ ЗАРИНСКОГО И ТОПЧИХИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

Вышивка является неотъемлемой частью народной культуры жителей Алтайского края. Этнический состав края неоднороден. Это отразилось и в орнаментации вышитых изделий, выполненных мастерицами различных этнических групп. Районные краеведческие музеи сформировали и сохранили коллекции вышитых изделий. Основное население Топчихинского района – русские переселенцы из центральной и южной части России: Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской губерний, есть украинцы, немцы, мордва. В Заринском районе из старожильческого населения – жители с русского Поморья, Вологодской губернии, Тамбовской, Харьковской, Пензенской губернии, а также зыряне (коми). Из «рассейских» – переселенцы из Орловской, Владимирской, Тамбовской губерний.

Вышивки мастериц Топчихинского и Заринского районов тесно связаны с бытом, трудом, природой, социальными отношениями и, таким образом, отражают художественный вкус и творчество этнических групп. Для анализа орнаментов вышивок в данной статье рассматриваются вышивки 1920-1960-х годов.

Большая коллекция вышитых рушников хранится в Топчихинском краеведческом и Заринском межпоселенческом музеях. Она собиралась в то время, когда музеи носили статус общественных и, к сожалению, документация в них не велась. В связи с этим сегодня практически невозможно восстановить имена мастериц.

В коллекции Топчихинского краеведческого музея имеется всего одна вышивка, имеющая геометрический орнамент. Это – рушник с двумя красно-чёрными квадратами посередине, состоящими из восьми треугольников правильной формы, в центре – ромб. Под квадратами прямая пунктирная линия, от которой по косой расположены ветки, состоящие из мелких квадратов и трёх стилизованных лепестков.

Нижнюю часть можно истолковать как изображение водной стихии и растительного орнамента, что в целом передаёт идею плодоносящего начала. Примечательно, что в изображении присутствуют только три лепестка – трилистник. В славянской символике число «три» имеет сакральное значение, символ триединства мира: Нави, Яви и Прави.

В центральных фигурах – квадратах – заложена идея дискретности времени. Согласно позиции Гуревича, квадрат (ромб) означает конец какого-то периода. И если в жизни человека, как и в природе, последовательно меняются периоды зарождения, расцвета, зрелости, увядания-смерти, то жизнь не конечна, а циклична, и регулярно повторяется, сменяя поколения.

Пересекающиеся две парные оси исследователи связывают с солярным символом. В центре расположен ромб, от которого идут восемь лучей. Примечательно, что в архитектуре квадрат, треугольник и ромб считаются идеальными фигурами. Интересно и чётко выстроенное цветовое решение: фигуры красного цвета в композиции расположены зеркально друг к другу. Можно предположить, что здесь заложена мысль о противопоставлении двух начал: добра и зла, мужского и женского, Яви и Нави, дня и ночи, как «двух сторон одной медали». Одно без другого немислимо, и только в единстве возможна гармония (идеальная фигура).

В изделиях мастериц Заринского района геометрический орнамент представлен в тканых полотенцах и вышитых мужских рубашках поздних переселенцев. Орнамент тканого полотенца очень многосложен и состоит из модулей – три ромба в ромбе, преимущественно – это ромбы с восьмиконечными ответвлениями. М. Качаева интерпретирует изображение «три ромба в ромбе» как тоннель-колодец, путь в потусторонний мир, аналог мировой горы, её недра-основание. Восемь лучей, в которые заключён внешний ромб, в народной символике означают «крест души» – соединение мужского и женского начал, новую жизнь, зародыш, прорастающий в Мировое Древо, физический мир, жизнь, человека, душу. Еще это изображение в некоторых губерниях Центральной России называли «Звезда Богородицы или Параскевы». Эти полотенца выполнены красными и чёрными нитками и, видимо, имели обрядовое значение.

В вышивке мужских рубаш, которые выполнены в технике «крест», присутствует полихромный орнамент, состоящий из ромбов и волнистых (зигзагообразных) линий – знаков земли и воды.

Одним из наиболее часто встречающихся в вышивках Топчихинского района является стилизованное изображение женских персонажей. В основном это изображение «женщины-древа» и «женщины-вазона». Она имеет вертикальный стержень, изогнутые в разных направлениях ноги, часто превращающиеся в завитки, раскинутые руки или руки-завитки, сильно стилизованная голова, чаще в виде ромба. На всех рушниках из коллекции музея руки центральных

женских фигур подняты вверх. Нередко композиция имеет трёхчастный характер. В центре – большая стилизованная женская фигура, по краям – женские фигуры меньшего размера. Внизу под фигурами – зубчатая линия, либо волнистый растительный орнамент.

На основании изученных источников эти вышивки можно истолковать как изображения Великой Матери и двух рожаниц. Великая Мать возносит молитву с воздетыми вверх руками. Трёхчастность прослеживается по горизонтали и по вертикали. Снизу вверх идёт изображение нижнего мира и его связь с водной стихией, средний мир – рожаница с опущенными руками, верхний мир – возвышающаяся над другими и обращенная к небу. Причём нередко руки центральной фигуры сильно преувеличены, что, как известно, усиливает просьбу молящейся.

К основным элементам женских фигур часто добавляются растительные узоры – ветки, «ёлочки», что академик Б. А. Рыбаков связывает с Мировым Древом. Смысл данных вышивок можно истолковать как символы божеств, покровительствующих рождению, плодovitости и плодородию.

Интерес представляет рушник (частично сохранившийся) с изображением двух мужских фигур и двух коней в центре композиции. Фигуры показаны стоящими на спинах коней. В интерпретации Г. С. Масловой мужские персонажи и кони – символ защиты. Они связаны и с аграрно-скотоводческим культом. По краям вышивки расположены геометрические изображения антропоморфных фигур в виде лягушки, что исследователи связывают с пожеланием плодородия. Об этом же свидетельствуют и помещённые над «лягушками» ромбы. Вместе с тем, по мнению А. К. Амброз, это ещё и соляренный символ.

Чёткую трёхчастную композицию составляет рисунок в рушнике с изображением фито- и зооморфных образов. Нижний мир – волнистый растительный орнамент с листьями и плодами. Как рассматривалось выше, здесь можно говорить о соединении стихий воды и земли, дающей урожай.

Средний мир – три стилизованные женские фигуры растительного происхождения, рожаницы с воздетыми вверх руками. Предполагается, что изображение женских фигур в форме растений не случайно. Алтайский край (и в том числе Топчихинский район) – аграрный. Сюда после отмены крепостного права шли крестьяне на вольные земли в надежде на достаток, урожай, плодородие, отсюда и фитоморфные образы женских фигур.

Верхний мир чётко отделён от среднего и нижнего линией (полосой красной ткани). Возможно, он не достигаем для человека и в то же время – очень красив. Здесь также размещены розы и птицы. Алые розы означали любовь, а птицы – связь с Божественным, Раем (Ирием), душой предков.

В полотенцах заринских мастериц распространён растительный орнамент. Это многочисленные варианты стилизованных изображений гирлянд из роз – «брокеровских мотивов». В одном из полотенец изображено пять широких полос красно-чёрных роз, каждая из них неповторима. Здесь также прослеживается трёхчастность: первые два орнамента просты, особенно первый – нижний мир. В середине – очень объёмный, с большим количеством элементов (листья, бутоны) – земной мир. Верхние гирлянды – более изящны и утончённы. Завершает композицию изображение птиц – небесный мир.

Роза – самый популярный цветочный символ, эмблема весны, красоты, любви, совершенства, радости, блаженства, гордости, мудрости, тишины, тайны. Образ Богоматери. В каждом из пяти орнаментов розы изображены с бутонами – символами зарождающейся жизни. Гирлянда роз – христианский символ, блаженная душа, небесная радость, утешение в христианской вере, ангельский венец.

В коллекции музейных вышивок как в Заринском, так и в Топчихинском районах имеется большое количество полотенец с изображением лилий, выполненных по одинаковым схемам. Этот растительный орнамент пришёл к нам с украинскими переселенцами и относится к более поздним вышивкам.

Лилия – символ девичьего очарования, чистоты и невинности. Если хорошо присмотреться к контуру геометрического узора, то вырисовывается силуэт пары птиц – знак любви. Кроме цветка, неотъемлемой частью орнамента являются листок и бутон, составляющие композицию тройственности. В лилии заложена идея рождения, развития и бесконечности жизни. Иногда над цветком изображают капли росы, символизирующие оплодотворение. Волнистый орнамент и лилия – суть энергии влаги. Это выражает и древнее название цветка «крин», то есть «криница» – в переводе с украинского «колодец».

Топчихинские и заринские рукодельницы вышивали и другие растительные орнаменты – в форме виноградной лозы, хмеля, васильков.

В Песчановском школьном музее Топчихинского района сохранился старинный геометрический узор с птицами. Основной символ композиции и более объёмный – цепь ромбов с

завитками, внутри – квадрат из восьми треугольников. О смысле этих знаков говорилось выше. Здесь интересно другое: изображение в верхней части вышивки ряда птиц, причём они расположены по две – крупная птица с расставленными крыльями, а под ней – маленький птенец. Всё это явные знаки плодородия и чадородия.

И последняя вышивка, представляющая особый интерес, – ритуальное полотенце, выполненное жительницей с. Красноярка Топчихинского района Малышевой Ульяной Тимофеевной (1914 г. р.) стебельчатым швом. На полотенце изображены два голубя, поддерживающие распятие и лавровые венки. Этот рисунок более поздний и смысл его можно прочесть как «Вечная жизнь и слава Богу!». Эта работа выполнена в двух цветах: красный – символ жизни и чёрный – смерти, тайны.

Вот что говорят сами мастерицы о присутствии птиц в вышивке: «Когда Иисус воскрес, радовалось небо, птички в небе летали вокруг него и своими песнями восхваляли Бога. Птички – это символ нашей любви к Богу». В этой работе уже явно заметны христианские мотивы и символика. Более поздние вышивки (50-70-х годов XX века) выполнены гладью, имеют более реалистичный рисунок. Среди орнаментов преобладают цветы и птицы.

В вышивках топчихинских и заринских мастериц преобладает растительный орнамент, но встречается и геометрический. Несмотря на то что главный смысл орнаментов – аграрный, привлечение плодородия, богатого урожая, достатка и счастливой доли, в вышивках заложен и огромный духовный смысл – чёткая структура Вселенной и место человека в ней. Изучение и воссоздание древних кодов, заложенных в орнаменте, необходимо в современном мире, так как это – знания, переданные нам предками.

Литература:

1. Амброз, А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа / А. К. Амброз // Советская археология. – М. : Наука, 1966. – С. 18.
2. Богуславская, И. Я. О трансформации орнаментальных мотивов, связанных с древней мифологией в русской народной вышивке / И. Я. Богуславская. – М. : Наука, 1964. – 204 с.
3. Велецкая, Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов / Н. Н. Велецкая. – М. : Современник, 1978. – 250 с.
4. Маслова, Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник / Г. С. Маслова. – М. : Наука, 1978. – 298 с.
5. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 783 с.
6. Топоров, В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов / В. Н. Топоров. – М. : Знание, 1984. – 260 с.

*Бодрушова Дарья Сергеевна,
г. Барнаул*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭТНОТРАДИЦИЙ

Научный интерес к истории немцев в России имеет давнюю историю. В последние годы активизировалась деятельность научного сообщества в изучении этой проблемы. Изучение истории российских немцев способствует формированию самосознания представителей данного этноса и самооценки человека, что для российских немцев не теряет своей актуальности.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 года на территории Российской Федерации проживает около шестисот тысяч немцев. Они занимают пятнадцатое место по численности среди других народов России [1]. Современная ситуация с положением немецкого этноса в России потребовала обратиться к проблеме сохранения этнической культуры как важнейшему условию сохранения национальной идентичности российских немцев.

В современной исторической, политической, философской и другой научной литературе термин «российские немцы» вызывает разночтения. Немцев, живущих в России, рассматривают как единый народ, называя его «российские немцы». Российские немцы – это люди, принадлежащие к двум культурам одновременно [2]. В данной статье мы опираемся на определение Г. Бельгера, считавшего, что под названием «российские немцы» имеются в виду вовсе не немцы, обитающие на территории России, а вообще весь этнос, который некогда был закамуфлирован под идеологическое клише «советские немцы» и разметён державной волей по всем городам и весям нынешнего несуразного Содружества Независимых Государств» [3].

Цель статьи заключается в выявлении роли сельских центров немецкой культуры в системе сохранения этнической культуры российских немцев.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- выявить и обобщить проблемы сохранения этнической культуры российских немцев;
- оценить деятельность сельских центров немецкой культуры.

За последние десятилетия в этнической культуре и этническом самосознании российских немцев произошли значительные изменения. Последние 15-20 лет можно считать переломными, поскольку трансформации подвергались все сферы культуры.

Главной причиной трансформации культуры немцев были непрерывные миграции, которые привели к значительным колебаниям в их численности и расселении. К началу XXI века немецкое население Сибири сократилось почти вдвое, большие и процветающие немецкие сёла почти обезлюдели или изменили свой облик. Причины стремительного роста числа немцев в Сибири, а затем – стремительного их сокращения заключаются в миграционных процессах. Ведущую роль в них играли добровольные переселения, депортация и эмиграция.

Значительным было влияние на культуру немцев русских сибиряков и других народов, в непосредственной близости с которыми проживали немцы. Этнокультурное взаимодействие происходило не только между немцами и другими народами, но и между различными группами немцев, которые приехали в Сибирь из разных мест. Результатом этого взаимодействия было сложение консолидированных культурных комплексов с одновременным сохранением отдельных локальных и конфессиональных особенностей культуры.

Ассимиляционные процессы развиваются стремительно. Представители немецкой культуры в России всё чаще называют родным языком русский. Увеличивается число смешанных браков, что отрицательно сказывается на сохранении языка и национальных традиций [4]. Все эти проблемы привели к утрате важной составляющей – национальной культуры. Исследования показывают, что молодое поколение немцев не знает национальных традиций и обычаев, не владеет немецким языком. Утрачена религиозность этноса. В немецких семьях национальные традиции, обычаи не передаются.

Ассимиляционные процессы приняли необратимый характер: утрачена преемственность поколений, старшие не передают свой национальный язык, культуру детям и внукам. В современный период, когда многие традиции не сохранились, необходима консолидация вокруг немецких культурных обществ, деятельность которых прежде всего должна быть направлена на молодёжь. Молодёжь должна стать распространителем немецкой культуры, иначе произойдёт её окончательная утрата.

Несмотря на заметные перемены, можно определить следующий круг проблем в системе сохранения культуры российских немцев сегодня:

- почти не осталось мест компактного проживания немецкого населения;
- практически утрачена система школьного и высшего образования на немецком языке;
- ослаблено культурное влияние религии;
- практически утрачен процесс передачи национально-культурных традиций из поколения в поколение в семье.

Эти проблемы вызваны следующими причинами:

- рассеянное проживание немецкого населения;
- наличие большого числа межнациональных браков;
- отсутствие национальных школ;
- высокий престиж русского языка, который ускорял адаптацию немцев в иноязычной среде.

Алтайский край по специфике заселения представляет поликультурный регион, на территории которого проживают представители более ста сорока этносов. В настоящее время со стороны различных групп населения наблюдается рост интереса к истории и культуре народов, проживающих в крае. Важную роль в привлечении внимания общественности к традициям различных народов играет деятельность национально-культурных центров и автономий Алтайского края. На сегодняшний день в городе Барнауле зарегистрировано двадцать семь национально-культурных объединений [5]. Количество центров, занимающихся сохранением и развитием культуры российских немцев на территории Алтайского края, составляет сорок один. Существуют различные федеральные и региональные программы и проекты, направленные на создание и развитие национальных объединений и центров.

В 2014 году в Алтайском крае завершился конкурс по созданию экспериментальных центров народной культуры в рамках программы «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края». По итогам конкурса принято решение поддержать проекты создания центров в Кулундинском, Косихинском и Заринском районах. На базе Косихинского районного Дома культуры открыт центр традиционной немецкой культуры, на базе Кулундинской детской школы искусств и Полковниковского сельского Дома культуры появились центры традиционной русской культуры. На создание центров каждому учреждению выделены средст-

ва для приобретения расходных материалов, оборудования, костюмов, музыкальных инструментов.

На сегодняшний день в рамках ведомственной программы «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края» в регионе уже создано семь экспериментальных центров традиционной культуры. Основная цель создания центров – сохранение и развитие традиционной народной культуры, развитие самодеятельного народного творчества, промыслов и ремёсел, улучшение культурно-досугового обслуживания населения.

Вот лишь несколько примеров деятельности по сохранению и развитию культуры российских немцев.

«Маленькой Германией» называют Немецкий национальный район те, кто приезжает сюда впервые. Ровные широкие улицы, красивые большие дома, дизайнерские усадьбы, клумбы, порядок – все это рождает ассоциации с чистой и уютной Германией. Создан район в 1991 году и является уникальной территорией, центром возрождения и развития культуры российских немцев. В районе бережно хранится устный и песенный фольклор, свадебные обряды, характерный только для этих мест говор. В каждом селе есть свои фольклорные коллективы: ансамбль немецкой песни «Моргенрот» из села Подсосново, народный хор «Сибирские напевы» из села Гальштадт, поющий русские песни, и фольклорный коллектив «Сударушки».

При Октябрьском сельском лицее существует центр немецкой культуры, которым руководит учитель немецкого языка И. А. Самойлова, она же и является руководителем Ульяновской региональной немецкой национально-культурной автономии. Стержнем работы центра стали пропаганда и возрождение культуры, традиций, обрядов и истории российских немцев. Здесь работают хоровой, языковой кружки. Для коренных немцев созданы курсы по изучению родного немецкого языка.

В Шипуновском Доме культуры на сегодняшний день действуют детский клуб «Розовый слон», молодёжный клуб «Импульс», клуб пожилого человека «Надежда», ведутся курсы немецкого языка для взрослых. Дети, молодёжь и взрослые знакомятся с жизнью их сверстников из Германии, учат народные и современные танцы, песни, приобщаются к миру прекрасного посредством Интернета. Кроме этого, они получают практические навыки в знаниях компьютера, занимаются видеомонтажом, театральным творчеством, изучают психологию. Дети и молодёжь, посещающие клубы, являются постоянными участниками краевых фестивалей, форумов, семинаров и проектов, а летний отдых в краевых лингвистических лагерях – поощрение для самых активных и творческих ребят. Старшее поколение получило возможность более тесного общения друг с другом, и для многих это стало отдушиной.

Немцы находятся на 15-м месте по численности среди народов России (в 1989 году – 842 295 чел., в 2002 году – 597 212 чел.). Несмотря на активную миграцию российских немцев в Германию, численность их и в России, и в Сибири остаётся большой, а проблема сохранения национальной идентичности – острой и актуальной.

Литература:

1. Астафьева, В. Центр, несущий радость познания / В. Астафьева // Культура. – 2005. – № 8. – С. 103–104.
2. Баах, С. В. Российские немцы на территории Омской области: национальная самоорганизация в 90-е годы XX – начале XXI века / С. В. Баах // Немцы Сибири: история и современность: Материалы V международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. Б. Смирнова. – Омск : Издательский дом «Наука», 2006. – С. 83–86.
3. Барбашина, Э. Р. Самоорганизация российских немцев как многофакторная проблема / Э. Р. Барбашина // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы международной научно-практической конференции. – Москва, 29–30 октября 2007 г. – М. : МСНК-пресс, 2008. – С. 7–15.
4. Герман, А. А. История немцев России: учеб. пособие / А. А. Герман, Т. С. Иларионова, И. Р. Плеве. – М. : МСНК-пресс, 2005. – 542 с. : 16 вкл. л. ил.
5. История культуры и народов Алтая / Сайт Алтайского государственного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/naltai/index.htm>. – Заглавие с экрана.

РЕКОНСТРУКЦИЯ НАРОДНЫХ РЕМЁСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Основой формирования национального самосознания и важнейшей составляющей духовного и культурного пространства народа является традиционная культура. Это широкое понятие включает в себя национальные особенности духовного уклада, обряды, ритуалы, народные традиции, праздники, ремёсла и промыслы. Оно подразумевает также занятие людей любительским творчеством в его традиционных формах – народной песней, музыкой, танцем, театром, поэзией, декоративно-прикладным творчеством. На основе традиционности закрепляются опыт практической деятельности человеческого сообщества, формирование эстетических идеалов, моральных принципов и нравственных установок, регуляция норм поведения и социальных отношений. Вытеснение народных традиций на периферию культуры грозит разрушением самобытности, размыванием и утратой национальной идентичности.

Один из способов сохранения традиций, приобщения к родной культуре молодёжи является реконструкция народных промыслов. Несмотря на то что народные промыслы имеют огромный потенциал для развития духовности и понимания своих корней, они сегодня находятся в сложном положении. Развитие их затрудняется сокращением объёмов производства изделий и численности народных мастеров и художников. Развитие тормозят устаревшие технологии, слабая инфраструктура сбыта изделий, затруднённость участия в выставках. В связи с этим ослабляется преемственность художественного мастерства, передача навыков и секретов технологий молодым [1].

В качестве исключения можно отметить деятельность сектора «Традиционная русская культура» Государственного художественного музея Алтайского края. Это – один из немногочисленных центров, где народная культура сохраняется и развивается. Сотрудники отдела помимо традиционных для музея форм работы изучают и воспроизводят праздники народного календаря, песенные, певческие, танцевальные и обрядовые традиции; восстанавливают технологии и изготавливают копии образцов старинных ремёсел; занимаются реставрацией тканей, росписью глиняных изделий; пропагандируют, популяризируют и проводят обучение по сохранению и развитию традиционных форм художественной культуры; участвуют и проводят ярмарки мастеров, выставки народного искусства на базе коллекций различных музеев, фестивали традиционного фольклора [2].

В 2005 году сотрудниками отдела была разработана долгосрочная программа обучающих семинаров «Традиционная культура старожилов и переселенцев Алтая». В неё вошли семинары-практикумы по темам: «Глиняная игрушка», «Глиняные игрушки русского населения Алтайского края. Работа на гончарном круге», «Святочные традиции на Алтае».

В рамках ведомственной целевой программы «Сохранение и развитие традиционной культуры Алтайского края на 2012–2014 годы» в 2012 году прошёл II краевой «Фестиваль вертепных театров» и VI научно-практический семинар «Проблемы актуализации традиционных детских игр в культурно-образовательной среде» из цикла «Традиционная культура старожилов и переселенцев Алтая».

Деятельность сектора направлена на создание условий восстановления связующих нитей с наследием предков, преодоление заформализованности и неверия, подмены понятий и смысловых значений культурных традиций, сохранение этнического мироощущения и сознания [2].

Сотрудники отдела, основываясь на опыте освоения и воспроизведения традиций, участвуют в конференциях, семинарах-практикумах, творческих лабораториях различного уровня не только с научными обобщениями, фиксирующими конкретные сохранившиеся факты традиционной культуры, но и анализируют практический процесс их воспроизведения. Научные выступления сопровождаются практическим показом элементов домовой крестьянской росписи, традиционной вышивки, ручного плетения, тканья, ткачества, бисероплетения, способов лепки гончарных изделий и игрушек, песенных и певческих традиций старожилов Алтая. Отделом создан фольклорно-этнографический фонд, который включает зарисовки с глиняными изделиями, росписью, костюмами, технологическими картами по их изготовлению, схемы бисероплетения и вышивок, нотные расшифровки, фотографии, реестры аудио-, видеозаписей. Уникальность этого материала состоит в использовании большого количества собранных в полевых исследованиях элементов локальных традиций нашего края.

Опыт отдела «Традиционная русская культура» Государственного художественного музея Алтайского края может служить базой для работы общеобразовательных учреждений и уч-

реждений дополнительного образования. Подобная деятельность способствует сохранению культурных традиций через реконструкцию народных ремесел и промыслов.

Литература:

1. Амонов, Б. В. Народные умельцы / Б. В. Амонов. – Иваново ; Ярославль : Верхнее Волжское книжное издательство, 1990. – 133 с.
2. Государственный художественный музей Алтайского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://muzei.ab.ru/index.htm>. – Заглавие с экрана.
3. О народных художественных промыслах: федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgireq=doc;base=LAW;n=139788>. – Заглавие с экрана.

*Кокорина Кристина Александровна,
г. Барнаул*

ДОСУГОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ МОЛОДЁЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлен социологический анализ досуговых предпочтений молодёжи, проживающей в Алтайском крае. Главными методами получения информации при проведении исследования стали беседы, анкетирование, контент-анализ периодической печати, издаваемой в Алтайском крае.

В ходе исследования опрошены молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет из числа работающей, учащейся молодёжи. Опрос проводился в мае-июне 2014 года на основе специально разработанной анкеты, состоящей из 50 вопросов. Ответы позволили проанализировать ценностные предпочтения и досуговые потребности молодых людей, проживающих в Алтайском крае.

В исследовании участвовало 2000 респондентов, из которых 59,0% – женского пола и 41,0% – мужского. Опросом были охвачены все возрастные категории молодёжи. В процентном отношении это выглядело следующим образом: молодых людей в возрасте от 14 до 17 лет – 52%, от 18 до 24 лет – 12,0%, от 25 до 30 лет – 36,0%. Важное значение имел уровень образования анкетированных. В анкетировании приняли участие молодые люди, имевшие на момент проведения исследования следующее образование:

1. Среднее общее	57,8%.
2. Среднее специальное	4,0%.
3. Незаконченное высшее	5,2%.
4. Высшее	23,0%.

Из числа опрошенных 37,0% состояли в браке, 51,7% не были связаны семейными узами, 7,2% проживали совместно, но официально не состояли в браке, 4,1% респондентов находились в разводе. При этом 41,0% респондентов имели по одному ребёнку, 6,2% – двоих детей, 1,0% – троих и больше детей и 51,8% не имели детей.

Данное процентное соотношение возрастного состава и уровня образования опрошиваемых, их семейного положения позитивно повлияло на объективность даваемых оценок респондентов по проблемам исследования.

Возможность провести свой досуг так, как хочется, – одна из важнейших потребностей молодёжи и критерий удовлетворенности своей жизнью. Повседневное общение и досуговые предпочтения оказались для молодых людей чуть ли не основными характеристиками стиля жизни, вошли в число главных показателей их самоидентификации с социальной группой или средой.

Молодежь Алтайского края преимущественно проводит своё свободное время по-разному. 61,0% молодёжи (в возрасте от 14 до 17 лет) предпочитают встречаться с друзьями, 46,0% (в возрасте от 25 до 30 лет) – смотрят телевизионные передачи, 38,0% (в возрасте от 18 до 24 лет) – прослушивают музыкальные записи или смотрят видеофильмы, 30,0% (в возрасте от 25 до 30 лет) – занимаются спортом. 40,0% молодых людей стараются как можно чаще посещать учреждения культуры, имеющиеся в конкретном посёлке, районе, городе. 80,0% из них (в возрасте от 18 до 24 лет) активно интересуются культурной жизнью города или посёлка и лишь 20,0% (в возрасте от 14 до 17 лет) не придают ей значения.

На уровень культурного развития молодёжи, её духовности оказывают влияние просмотр телепередач, Интернет, слушание музыки, чтение книг.

Молодые люди большое внимание уделяют: развлекательным передачам (45,0% опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет); музыкальным (46,0% в возрасте от 14 до 17 лет); просмотру

отечественных и зарубежных фильмов соответственно 36,0 и 35,0%. Телевизионные программы по проблемам здоровья смотрят 25,0% молодёжи (в возрасте от 25 до 30 лет), беседы с интересными людьми – 14,0% (в возрасте от 18 до 24 лет). Не пользуются особым вниманием программы для деловых людей. Их смотрят лишь 2,1% респондентов (в возрасте от 14 до 17 лет). Религиозным передачам предпочтения не отдал никто из участников. Если сравнить общее время, отводимое молодыми людьми средствам массовой информации, то оказывается, что просмотру телевидения молодёжь края посвящает 46,0% свободного времени, а радио – лишь 8,2%.

Значимое место молодёжь отводит Интернету. Им пользуется 39,0% респондентов из числа молодежи края. С целью получения информации к услугам Интернета обращаются 70,6% молодых людей (в возрасте от 18 до 24 лет), 6,2% (в возрасте от 14 до 17 лет) – чтобы занять свободное время, 18,0% (в возрасте от 25 до 30 лет) пользуются Интернетом в целях развлечения.

К печатным изданиям чаще всего обращаются 21,0% респондентов (в возрасте от 18 до 24 лет). Востребованность радио составляет 9,3% (в возрасте от 25 до 30 лет). Вообще не обращаются к услугам СМИ 11,0% молодёжи.

Весомым компонентом досуга и духовного становления молодёжи является увлечение музыкой. Слушанию музыки молодёжь отводит 38,0% (в возрасте от 14 до 17 лет) свободного времени: 56,0% слушают популярные эстрадные песни, 33,0% – рок, 19,0% – «блатные» песни, по 10,0% бардовские, военные и народные песни. Не пользуется большим успехом оперная музыка. Её слушают лишь 1,0% опрошенных, симфоническая и оперетта – по 3,1%, 4,1% слушают старинные романсы.

Важное место занимает чтение книг. 68,0% респондентов имеют личную библиотеку. Молодёжь предпочитает читать детективы – 28,0%, исторические романы – 27,0%, приключения – 25,0%, справочную литературу – 22,0%, фантастику – 20,0%, классическую литературу – 19,0%. Меньшим спросом пользуется религиозная литература – 2,1%, поэзия – 8,2%.

Анализ содержательной части досуга показывает, что электронным средствам массовой информации всё же отдаётся предпочтение. Электронные СМИ являются важнейшим инструментом домашнего досуга молодёжи, влияющим на формирование их духовного мира и ценностных ориентаций.

Значительно меньше в жизни молодых людей присутствуют активные формы досуга, реализуемого за пределами дома, квартиры. На тип и качество досуга, доступность тех или иных его форм влияет материальное состояние молодых людей. В этих условиях учреждениям культуры важно находить резервы для организации доступных культурно-массовых мероприятий.

Для современной молодёжи проблемы её воспитания должны решаться комплексно, в том числе в рамках массового организованного досуга. Такой досуг охватывает ряд направлений воспитательной работы. На вопрос: «Какие направления воспитания молодёжи вы считаете наиболее важными в настоящее время?» 59,0% респондентов ответили – нравственное воспитание, 52,0% – физическое, 41,0% – патриотическое, 38,0% – трудовое, 28,0% – эстетическое. Вызывает тревогу то, что предпочтение гражданскому воспитанию отдали лишь 21,0% молодых людей, правовому – 20,0%, религиозному – 2,1%. В любом случае процесс воспитания целесообразно осуществлять по всем направлениям молодёжной политики, а также всеми социальными институтами, которые в той или иной степени имеют отношение к молодым людям. Лишь 19,0% респондентов отметили эффективное влияние учреждений культуры на воспитание личности, 51,0% обратили внимание на недостаточную эффективность их работы и 12,0% опрошенных высказали пожелание улучшения такой деятельности.

В вопросах воспитания детей и молодёжи родители по-прежнему остаются единственным противовесом негативу. Для 74,0% опрошенных (в возрасте от 14 до 24 лет) родители являются образцом поведения и отношения к жизни. 34,0% респондентов отметили важность влияния друзей, 16,0% – родственников и лишь 14,0% – оценили положительную роль учителя в своём личностном становлении, а 12,0% респондентов над этими вопросами никогда не задумывались. Таким образом, по мнению участников исследования, воспитание молодёжи Алтая осуществляется главным образом в семье.

Целесообразно расширять возможности молодёжи в сфере досуга в условиях его коммерциализации и дефицита средств на организацию мероприятий. Желательно находить новые формы досуга молодёжи. В этой связи интересны предложения самих молодых людей, среди которых можно отметить (табл. 1):

Рейтинг предпочтений	Формы организации досуга	%
1.	Открытие центра культурного досуга	48,0%
2.	Организация «Молодёжного клуба»	39,0%
3.	Открытие детских площадок	28,0%
4.	Проведение спортивных мероприятий	24,0%
5.	Проведение мероприятий против наркотиков, курения, алкоголизма	21,0%
6.	Создание клубов по интересам	21,0%
7.	Организация концертов	18,0%
8.	Выявление и демонстрация молодых талантов	16,0%
9.	Проведение творческих вечеров	14,0%
10.	Проведение выставок рукоделия	6,2%

Организация содержательного досуга для молодёжи есть насущная необходимость, которая способствует решению других молодёжных проблем. Активное привлечение самой молодёжи к этой работе позволит расширить её кругозор, повысить уровень потребностей, вывести молодых людей из состояния социального дискомфорта. Поддержка молодёжных инициатив, осуществляемая в крае (по мнению 42,0% респондентов), учёт интересов молодёжи будут способствовать переходу от пассивных форм её досуга к активным формам, в которых главным субъектом будут сами молодые люди.

Важным элементом здесь может стать создание молодёжных организаций – досугового характера, по интересам, за что высказались 53,0% опрошенных участников (в возрасте от 14 до 24 лет). Весомый вклад в эту работу могут внести и другие общественные объединения, например, фонд поддержки молодёжи, за создание которого высказались 36,0% респондентов (в возрасте от 25 до 30 лет), молодёжный профсоюз – 24,0%, молодёжная экологическая организация – 20,0%. От внедрения данных предложений в жизнь во многом может зависеть судьба формируемого в крае гражданского общества и развитие демократических отношений.

В организации досуга молодёжи существенную роль следует отводить работе по месту жительства. Целесообразно развивать клубную деятельность, которая, как показывает опыт, положительно сказывается на процессе снижения молодёжной преступности, особенно среди подростков. Своевременное реагирование власти на поддержку молодёжных инициатив будет способствовать более эффективной самореализации молодёжи.

Литература:

1. Культура, искусство, художественное образование: состояние, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] : сборник научных статей. Вып. 7 / ред. кол.: А. С. Кондыков [и др.]; Алт. гос. акад. культуры и искусств. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2011. – 165 с.

*Лягинова Светлана Михайловна,
г. Барнаул*

ФОЛЬКЛОР КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В последние годы XX – начала XXI века воспитанию на народных традициях, приобщению молодёжи к сокровищам народной культуры в нашей стране уделяется большое внимание. Это обусловлено потребностью общества в возрождении, сохранении и трансляции фольклора как источника мудрости и исторического развития народа. Первый социальный опыт дети приобретают в семье, где общение играет главную роль в усвоении традиций [10]. Именно в раннем детстве закладываются основы гармоничной личности человека.

Сегодня в становлении и развитии ребёнка значительное влияние имеют учреждения дополнительного образования. Изучение фольклора способствует развитию воображения, творческих способностей, формированию культуры речи, её образной стороны и в целом успешному вхождению ребёнка в социум. В связи с этим отмечается повышенный интерес общества к фольклору как педагогическому средству воспитания ребёнка.

На государственном уровне поддержка организации этнокультурного воспитания в сфере дополнительного образования предусмотрена в ряде законодательных актов и проек-

тов. В своей предвыборной программе Президент РФ В. В. Путин писал о том, что в современном мире система образования и воспитания должна соответствовать требованиям нового времени. В качестве одной из первоочередных национальных задач в этой сфере он видит и реформу системы дополнительного образования, в том числе возврат этой системы в сферу ответственности государства [9].

Фольклор относится к числу основных средств народной педагогики, является источником знаний о принципах воспитания. Его активное освоение способствует гармоничному развитию ребёнка, даёт творческий стимул к его становлению. Произведения устного народного творчества играют важную роль в воспитании речевой культуры детей. Образно-символическая природа художественного творчества, его воздействие на эмоционально-чувственную сферу личности делает его наиболее адекватным средством ненавязчивого и в то же время эффективного воспитательного воздействия [1].

Художественный метод фольклора характеризуется предельной обобщенностью образов. Основным принципом изображения жизни в нём является противопоставление добра и зла, контрастность в характеристике героев, идеализация положительных явлений, что позволяет ребёнку легко определить свои симпатии и антипатии. «Особенностями детской психики определяется выбор поэтических образов, весь состав детского фольклора. Поэтические произведения, многие столетия передававшиеся от одного поколения к другому, постепенно приобрели содержание и форму, наиболее полно соответствующие законам детской эстетики», – отмечает М. Н. Мельников [5, с. 1]. Это даёт основание предположить целесообразность использования фольклорного материала в процессе этнокультурного воспитания детей.

Синкретизм – это главное качество фольклора, которое определяет его место в культуре. «Фольклор упорно сохранял свойственный первобытному искусству двупланный синкретизм», который заключается в сочетании художественности и нехудожественности – прикладного, культурно-практического, ритуально-обрядового характера [4, с. 194]. Познавательная, эстетическая и бытовая функции составляют в нём единое целое, но заключённое в образно-художественную форму [4]. В этом состоят особые этнопедагогические возможности фольклора. Его синкретизм позволяет детям «погрузиться» в другое (сказочное, мифологическое, эпическое) измерение, пространство и время, в другую реальность.

Педагоги-классики (Я. А. Коменский, К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский) полагали, что народная педагогика обогащает науку о воспитании, служит её опорой и основой. В словаре «Дошкольное образование» Н. А. Виноградовой «воспитание» рассматривается:

1) как передача накопленного опыта от одного поколения к другому (в широком социальном смысле);

2) как направленное воздействие на человека со стороны общественных институтов (семья, образовательное учреждение, СМИ, искусство и т. д.) с целью формирования у него определённых знаний, взглядов, нравственных ценностей, подготовки к жизни (в узком социальном смысле);

3) специально-организованное, целенаправленное и управляемое воздействие коллектива, воспитателей на воспитуемого с целью формирования у него заданных качеств (в широком педагогическом смысле);

4) как процесс и результат воспитательной работы, направленной на решение конкретных воспитательных задач (в узком педагогическом смысле) [3, с. 42–43].

В Законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012) под воспитанием понимается «...деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [7]. Этнокультурное воспитание оказывает влияние на развитие личности ребёнка с опорой на ценности, традиции и нормы народной педагогики, является основой эстетического, духовно-нравственного, трудового, физического воспитания. В целом этнокультурное воспитание можно определить как деятельность, направленную на повышение этнической осведомлённости, формирование национального самосознания и идентичности через усвоение ценностных ориентаций своего народа, что способствует успешному вхождению ребёнка в контекст мировой культуры.

Взаимодействие народной педагогики, народного воспитания и научных концепций отчетливее всего прослеживается в творческом наследии великих педагогов, которые не раз обращались к жанрам фольклора, обосновывая необходимость воспитания подрастающего поколения на традициях народной культуры. Я. А. Коменский предлагал использовать в работе с детьми рассказы на моральные темы, которые могут быть заимствованы из устного народного

творчества; проводить с ними состязания по отгадыванию загадок, изучать обычаи народа, его прошлое и т. д. [2]. Термин «народная педагогика» в российскую педагогическую теорию введён К. Д. Ушинским (1864). В своих исследованиях К. Д. Ушинский, а позднее А. С. Макаренко писали о том, что народная педагогика является основой отечественной педагогической науки [2, 10]. По мнению В. А. Сухомлинского, высокая и святая миссия народного педагога – научить молодое поколение уважать достижения поколений предшественников, каждое из которых влило свою каплю в тот океан, который представляет собой народная духовная культура [2, с. 22]. Результативность педагогического опыта классиков педагогики объясняется тем, что они гениально использовали богатейший коллективный опыт народа и исходили из «педагогике общества». Они грамотно сочетали в своих трудах научные и народные педагогические представления и воззрения.

Одним из определяющих компонентов воспитания выступает передача традиций в процессе взаимодействия поколений. С древнейших времён сохранились традиции ухода за детьми, воспитания подростков и юношества, подготовки к семейной жизни. В фольклоре выражены идеи необходимости, природосообразности и непрерывности воспитания. Представления о ребёнке как субъекте воспитания реализовались в особом внимании к детям. Конкретные цели воспитания воплощались в образе идеального человека («добрый молодец», «девица-красавица», «Василиса Премудрая» и т. д.) и в виде добродетелей, в которых заметно традиционное народное понимание педагогических функций: развитие ума, воспитание честности, порядочности, трудолюбия и т. д. Главное в народной педагогике – это целостность процесса воспитания и обучения молодого поколения. В народе существует ясное представление о целях, задачах, приёмах, методах и навыках воспитания детей с учётом их возрастных и психологических особенностей.

В советский период к проблемам народной педагогики обратился Г. С. Виноградов. «У народа были и есть известные представления, взгляды на жизнь, на воспитание и обучение появившихся новых поколений, известные цели и задачи воспитания и обучения их, известные средства и пути воздействия на юные поколения и т. д. Совокупность и взаимозависимость их дают то, что следует назвать народной педагогикой» [8, с. 9].

Учреждения дополнительного образования играют большую роль в сохранении и развитии народной художественной культуры. Термин «дополнительное образование» является относительно новым, в нём сочетаются две категории: «дополнительное» (как дополнение к чему-либо) и «образование» (совокупность знаний, полученных при специальном обучении) [6]. В принятом в 1992 году законе Российской Федерации «Об образовании» внешкольные учреждения стали именоваться учреждениями дополнительного образования детей. В это время особенно актуальными становятся культурно-образовательные центры, удовлетворяющие возрастающие потребности общества в этнокультурном воспитании. Далее эти изменения закрепились в 2000 году Постановлением Правительства РФ «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» и в утверждённой в 2002 году Министерством культуры РФ и Министерством образования РФ «Концепции художественного образования в Российской Федерации».

В настоящее время возрастает роль дополнительного образования в подготовке подрастающего поколения к взрослой жизни. Оно имеет большие возможности развития творческих способностей ребенка, его профессионального и личностного самоопределения. Специфика системы дополнительного образования заключается в добровольности выбора ребёнком вида деятельности, форм реализации дополнительных программ с учётом его интересов и желаний, способностей и потребностей.

Литература:

1. Бережнова, Л. Н. Этнопедагогика: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Л. Н. Бережнова, И. Л. Набок, В. И. Щеглов. – М. : Академия, 2007. – 233 с.
2. Волков, Г. Н. Этнопедагогика: учеб. для студентов средних и высших пед. учеб. заведений / Г. Н. Волков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2000. – 176 с.
3. Дошкольное образование: словарь терминов / сост. Н. А. Виноградова. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 400 с.
4. Каган, М. С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств / М. С. Каган. – Л. : Искусство, 1972. – 440 с. : ил.
5. Мельников, М. Н. Русский детский фольклор / М. Н. Мельников. – М. : Просвещение, 1987. – 149 с.
6. Нестеренко, А. В. Этнохудожественное образование детей и подростков: учебное пособие / А. В. Нестеренко ; науч. ред. Т. И. Бакланова. – М. : МГУКИ, 2008. – 209 с.

7. О концепции художественного образования в Российской Федерации: приказ Министерства культуры РФ от 28 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://allmedia.ru/laws/>. – Заглавие с экрана.
8. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – СПб. : Наука, 1994. – 240 с.
9. Путин, В. В. Строительство справедливости. Социальная политика для России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://putin2012.ru>. – Заглавие с экрана.
10. Суровьяк, Л. В. Школа этнической социализации детей раннего возраста: методическое пособие / Л. В. Суровьяк. – Новосибирск : Книжница, 2004. – 56 с.

*Першина Дарья Михайловна,
г. Барнаул*

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАЗДНИКА «МАСЛЕНИЦА» В Г. БАРНАУЛЕ КАК СПЕЦИАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ МЕДИАХОЛДИНГА «FM ПРОДАКШН»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящее время в российском обществе стала очевидной необходимость переосмысления культурных ценностей, духовно-нравственных установок, основанных на идее национальной самобытности.

Традиционная празднично-обрядовая культура русского народа представляет совокупность традиций, обрядов, обычаев и суеверий. Всё это – мировоззренческие, нравственные и эстетические ценности, определяющие лицо нации, её самобытность, уникальность. Возникнув в языческие времена, традиционные праздники дожили до наших дней, некоторые обряды и ритуалы сохранились в народной традиции. Они организуют связь поколений, и на них основана духовно-нравственная жизнь народа. Традиционная празднично-обрядовая культура предоставляет уникальные возможности для её реализации в современных условиях. Русские народные праздники и обряды – наиболее сложное и многогранное явление русской празднично-обрядовой культуры.

Возможности народных праздников определяют целесообразность использования этой формы эстетического и нравственного воздействия в воспитании подрастающего поколения и других возрастных групп.

Повторяющиеся циклы древнеславянских праздников были неразрывно связаны с кругом земледельческих работ. В них отражался древнеславянский культ природных явлений и стихий (солнца, дождя, ветра, Матери – сырой Земли, грозы и др.), от которых зависел урожай и само выживание людей в сложных природно-климатических условиях. Отсюда безусловное соблюдение традиций, периодическая повторяемость условно-символических действий [3].

После принятия христианства на Руси в народных земледельческих календарных праздниках проявилось смешение языческой и христианской картин мира. В результате земледельческие празднества образовали в народной культуре некий синтез, а даты многих из них фактически совпали. Языческие истоки сохранили праздники Семик, Иван Купала, Масленица [2].

Одним из любимейших праздников русского народа, который празднуется до сих пор, является Масленица – языческий древнеславянский праздник, знаменующий прощание с зимой и встречу весны. Для Масленицы характерны многие условно-символические действия, связанные с ожиданием будущего урожая и приплода скота: масленичные празднества были связаны с обращениями к солнцу, «идущему на лето». Весь строй праздника, его сюжет и атрибуты призваны были помочь солнцу одержать верх над зимой. Наши предки верили, что солнцу надо было помочь. В масленичных гуляньях видна смесь обрядов языческих и христианских. Изображение Масленицы в виде соломенного чучела (или деревянного истукана), скоморошьи игры, сжигание чучела или бросание его в воду принадлежат к обрядам языческим, между тем как просьбы каждого о прощении накануне Великого поста, «прощание с умершими» на кладбище олицетворяют христианские идеи.

Празднование Масленицы в XXI веке – это не только возрождение и модификация народных традиций, но и неотъемлемая часть PR-деятельности в различных сферах общества: в политической, экономической или социальной. Масленичные гуляния можно отнести к виду специального события.

Специальные события (special events) являются социальной практикой, широко используемой в современной деловой, политической жизни, социальных коммуникациях. Без них немислимы культурные процессы. Сама сфера культуры и искусства с определённой точки зрения представляет собой относительно упорядоченную череду специально организуемых

событий и мероприятий, которые, собственно, и являются продуктом, предлагаемым слушателям, зрителям, посетителям учреждений культуры. Концерт, спектакль, выставка, праздник – всё это специально организуемые события, выполняющие ряд социальных функций: от художественно-эстетических до коммуникативных и даже экономических [4].

Стимулом развития событийного менеджмента послужил рост корпоративного сектора. Как самостоятельная отрасль event-менеджмент существует в России относительно недавно, с начала 1990-х годов, это следствие классических рыночных механизмов.

Для любого профессионально организованного специального события характерны следующие аспекты:

- активное участие, вовлечённость, активность;
- выключение из состояния монотонной работы, смена ритма, удивление (классический сленг организаторов – «чем сегодня удивлять будем?»);
- позитивное восприятие, эмоциональность, удовлетворённость [5].

Эти три аспекта тесно взаимосвязаны между собой, так как позитивное переживание способствует пробуждению активности, а активизация и вовлечённость в происходящее формируют позитивное восприятие. Побудить человека совершить желаемые действия возможно не только посредством рационального сообщения, но и при помощи эмоциональных каналов. На это и направлено специальное событие. Зачастую использование эмоционального канала бывает более эффективным благодаря двум факторам: 1) побуждение к активности на уровне эмоций действует напрямую; 2) факты и рекламные сообщения всё меньше заслуживают доверия. Затрагивая эмоциональную сферу, специальные события могут служить для мотивирования, активизации, формирования стиля поведения и установления норм.

Специальное событие, в частности, массовый праздник, является эффективным средством, важным инструментом социальной коммуникации между всеми субъектами социальной жизни: бизнесом, органами власти, СМИ, организованной и неорганизованной общественностью. Это – мощное средство воздействия на эмоциональный аспект культуры, например, коммерческой организации. Основной его принцип – позитивное эмоциональное общение.

В условиях демократического общества, рыночных отношений технологии проведения массового праздника существенно меняются. Праздник становится формой самоорганизации и самовыражения различных социальных субъектов: органов власти, бизнеса, общественных организаций. Это форма выражения общности интересов, социального партнёрства и самоорганизации общества. Эволюция современного бизнеса и менеджмента, зависимость их эффективности от известности, имиджа, лояльности персонала вывели на первый план маркетинговые коммуникации, брендинтегрированный менеджмент, персоналориентированные технологии, связанные с развитием корпоративной культуры. Это открыло новые перспективы массового праздника, ставшего одной из наиболее ярких форм рекламы и PR.

Типичным примером социального партнёрства при подготовке и проведении специальных событий является их участие в позиционировании и продвижении СМИ, которые в этом случае выступают не только средством привлечения внимания к празднику, выполняя медийную функцию, но и организаторами самих событий. Особенно показателен пример радио. Радио играет значительную роль в формировании вкусов, взглядов, предпочтений и стиля жизни своей аудитории. Сегодня радио – это коммуникативная среда, которая конструирует для своих слушателей социальное пространство.

Особое значение приобретает образ радиостанции. Как коммерческая структура, FM радиостанция нуждается в комплексе мероприятий по формированию и улучшению своего образа. 2 марта 2014 года в парке Центрального района г. Барнаула комитетом по культуре г. Барнаула совместно с медиагруппой «FM-Продакшн» было проведено специальное событие «Блин КОМ'ОН». Медиагруппа «FM-Продакшн» объединяет в себе 9 радиостанций г. Барнаула: «Юмор FM», «Радио Шансон», «Европа Плюс», «Русское Радио», «Ретро FM», «DFM», «Эхо Москвы», радио «Спорт FM», Радио «МИР», Продакшн-студию, «Служба Новостей FM-Продакшн» и рекламное агентство «FM-Продакшн».

Масленичные гулянья каждый год проводятся радиостанцией «Юмор FM». Работает несколько площадок: сцена (основное место действия), «зона шашек», кулачные бои, бой мешками, ледяной столб, катание на лошадях, упряжке с собаками породы Хаски, квадроциклах. На мероприятии выступали лучшие коллективы города, разыгрывались призы от партнёров и спонсоров. Это специальное событие в общей сложности посетили 5 тысяч человек. Была проведена огромная рекламная кампания: развешивались афиши, материал

излагался в статьях интернет-сайтов с использованием Flash-баннеров и в социальных сетях, рекламные ролики звучали на радиостанциях холдинга.

С точки зрения маркетинговых целей мероприятие «Блин КОМ'ОН» является важнейшей составляющей рекламной кампании, ориентированной на формирование позитивного имиджа радиостанции «Юмор FM», а также на привлечение внимания аудитории. Повышая свой рейтинг и популярность, станция тем самым повышает привлекательность для партнёров, а также организует досуг горожан, создавая среду для сохранения народных традиций праздника. Специальные события являются наиболее эффективным средством внеэфирного продвижения «имиджа медиагруппы».

С позиции культурологии специальные события – это явление культуры. В рамках масленичных гуляний реализуется её познавательная, развивающая, развлекающая, диагностирующая, корректирующая и другие функции.

Специальные события призваны эмоционально воздействовать на аудиторию, и радио отчасти воздействует на формирование вкусов, взглядов, предпочтений своей аудитории. Поэтому специальное событие от «Юмор FM» позитивно сказывается не только на формировании имиджа для радиостанции, но и на настроении, трансформации взглядов, культурных предпочтений горожан, которые приходили на Масленицу.

Литература:

1. Архив. Корпоративная книга Медиагруппы «FM ПРОДАКШН». – Барнаул, 2002.
2. Афанасьев, А. И. Древо жизни / А. И. Афанасьев. – М. : Современник, 1983. – 464 с.
3. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры / П. Н. Милюков. – М., 1991. – 234 с.
4. Назимко, А. Е. Событийный маркетинг : руководство для заказчиков и исполнителей / А. Е. Назимко. – М. ; СПб. : Вершина, 2007. – 223 с.
5. Тульчинский, Г. Л. Менеджмент специальных событий в сфере культуры : учебное пособие / Г. Л. Тульчинский. – СПб. ; М. ; Краснодар: Изд-ва «Лань», «Планета Музыки». – 2010. – 384 с.

РАЗДЕЛ 3. МУЗЕЙНО-ТУРИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА АЛТАЯ

*Кто знает, куда смотреть, рано или поздно
увидит то, что хочет увидеть.
Борис Акунин*

Ещё безмолвствую и крепну я в тиши.
Созданий будущих заоблачные грани
ещё скрываются во мгле моей души,
как выси горные в предутреннем тумане.

Приветствую тебя, мой неизбежный день!
Всё шире, шире даль, светлей, разнообразней,
и на звенящую на первую ступень
всхожу, исполненный блаженства и боязни.

Владимир Набоков

*Харламов Сергей Викентьевич,
г. Барнаул*

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СФЕРУ ТУРИЗМА НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Культурно-историческое наследие – материальное и духовное – является ценным туристским ресурсом и основной мотивацией туристических поездок в ряде регионов. Например, для многих мотивацией поездки в Санкт-Петербург является возможность посетить Эрмитаж, Исаакиевский собор и другие культурно-исторические памятники, в Египте – увидеть знаменитые пирамиды и т. д. Во время путешествия туристы помимо ключевых объектов официальной программы знакомятся со множеством других явлений культуры, получая в результате более полное представление о регионе.

Вместе с тем далеко не всё, что связано с культурой и историей региона, представляет интерес для туриста. Происходит это по разным причинам, одной из которых является некачественная подача информации о подчас уникальном наследии, либо отсутствие должных усилий по трудоёмкой работе включения его в сферу туристской деятельности. Интеграция культурно-исторического наследия в сферу туризма – это не просто суммирование одного объекта с другим в процессе многогранных взаимообусловленных социально-экономических отношений. Здесь необходимо учесть ряд принципов.

На стадии формирования образа региона как территории активного развития туризма в качестве приоритетной сферы экономики важно выделить из общего комплекса культурно-исторического наследия те материальные объекты и элементы духовной культуры, которые являются *уникальными*, не имеющими аналогов в мире. Это могут быть археологические древности; места, связанные с созданием произведений искусства или жизнью выдающихся людей; архитектурные объекты; сохранившаяся культура коренных народов и другое. Помимо уникальности важным качеством является *популярность* данных объектов в сочетании с *узнаваемостью местонахождения и происхождения*.

В начале 90-х годов XX века Горно-Алтайская автономная область вышла из состава Алтайского края. В результате здесь были потеряны многие направления развития туризма, основной интерес которого в те годы составляли природные достопримечательности на территории современной Республики Алтай (г. Белуха, Телецкое оз. и др.). В то же время в Алтайском крае, обладающем комфортными природными условиями для круглогодичного отдыха и разнообразным культурно-историческим наследием, встала серьёзная задача – формирование новой отрасли экономики – туристической [4].

Исследования 2010-2012 годов по определению, классификации и территориальному нахождению туристских ресурсов Алтайского края [4, 5] позволили составить примерный перечень объектов наследия культуры и истории, отвечающих названным требованиям. К ним относятся:

– Денисова пещера в долине реки Ануй (Солонешенский р-н) – место обитания так называемого *денисовца* – человека эпохи палеолита (50 тыс. лет назад), разновидность которого

не была известна. Его находка в 2008 году археологами вошла в список десяти наиболее значимых достижений мировой науки;

– созданный И. И. Ползуновым в 1764–1766 годах в Барнауле пароатмосферный двигатель;

– Чаша колоссальная (Царица ваз, 1843), изготовленная на «фабрике колоссальных вещей» – уникальной и тогда единственной не только в России, но и в Европе специализированной мастерской по обработке крупных яшмовых вещей – Колыванской шлифовальной фабрике (Курьинский р-н);

– с. Сrostки – родина В. М. Шукшина (Бийский р-н);

– с. Курья – родина М. Т. Калашникова (Курьинский р-н).

Из перечисленных туристских ресурсов только наследие, связанное с именем В. М. Шукшина, у жителей России ассоциируется с Алтайским краем. Денисова пещера, Царица ваз и паровая машина И. И. Ползунова известны узкому кругу россиян. Фамилия конструктора стрелкового оружия М. Т. Калашникова, несмотря на популярность в мире, у граждан России в большей степени ассоциируется с Ижевском – городом, где работал и многие годы жил знаменитый уроженец Алтайского края.

Данное обстоятельство следует учитывать в дальнейшей работе по формированию Алтайского края как региона с активным развитием туризма, в особенности при разработке регионального туристского сайта, создании дизайн-макетов презентационных материалов и выставочных экспозиций, а также в презентациях Алтайского края на выставках, форумах и пр.

Использование уникального культурного и исторического наследия региона для его продвижения на международном уровне с целью привлечения крупных инвестиционных проектов должно отличаться от подобной работы на российском уровне и на уровне Сибирского региона. Это наглядно выразил опыт продвижения Алтайского края как туристской дестинации в целом и его отдельных крупных туристских инвестиционных проектов, полученный в последние годы на туристских выставках, инвестиционных форумах в Германии, Франции, Китае, Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и др.

Информация о туристских ресурсах в целом и о культурно-историческом наследии как главном факторе мотивации туристских поездок в регион имеет очень важное значение. Она должна быть изложена лаконично и убежденно.

В отличие, например, от Иркутской области и Республики Бурятия, где ключевым объектом туристского интереса является озеро Байкал, в Алтайском крае такого природного или культурно-исторического объекта нет. В связи с этим, представляя наш уникальный объект культурно-исторического наследия на международном уровне, необходимо проводить аналогии с подобными объектами, известными в данной стране. Например, представляя Денисову пещеру в Западной Европе, важно упомянуть о местечках Неандерталь (Франция) и Кроманьон (Африка), где в своё время впервые были обнаружены останки неандертальца и кроманьонца, а излагая сведения о паровой машине И. И. Ползунова, напомнить об изобретении Джеймса Уатта (1781).

Любой крупный инвестиционный проект, связанный с сооружением туристического объекта или комплекса, на стадии обоснования обязательно содержит раздел, характеризующий привлекательность (аттрактивность) и раскрывающий природно-культурный потенциал региона. Информация о культурно-историческом наследии конкретной местности имеет ключевое значение. При этом необходимо представлять информацию обо всём комплексе объектов, а не только об особо значимых (уникальных), подобных тем, что приведены в начале статьи.

Для Алтайского края, начавшего развитие туристической деятельности после 90-х годов XX века практически с нуля, качественная и всеобъемлющая информация о материальном и духовном культурно-историческом наследии необходима для проведения масштабной работы по введению их в туристский оборот, в результате которой они приобретают новое качество – качество туристских ресурсов, то есть объектов туристского интереса.

В Алтайском крае в годы послеперестроечного развития туризма как примеры успешной интеграции культурно-исторического наследия в сферу туризма можно назвать следующие: музей М. Т. Калашникова в с. Курья, музей актрисы Е. Ф. Савиновой в с. Ельцовка, музеефикация Архиерейского подворья в г. Бийске [3], туристско-развлекательный комплекс «Сибирское подворье» в Смоленском районе, музей В. С. Золотухина в с. Быстрый Исток; «Казачий курень» в с. Новопокровка (Быстроистокский р-н), праздник День России на Бирюзовой Катуне (Алтайский р-н) и другие.

Задачи интеграции культурно-исторического наследия в сферу туризма решаются при формировании, продвижении и реализации туристского продукта. *На стадии формирования* экскурсий и многодневных путешествий в программы поездок наряду с прочими туристскими

ресурсами включаются объекты материального и духовного культурно-исторического наследия, отвечающие концепции планируемого тура или поездки и позволяющие гостям региона познакомиться с его самобытной культурой. Здесь может быть предложено только то наследие, которое подготовлено для посещения и показа с соблюдением всех норм и правил федерального и регионального уровня. Очень важной на данной стадии является профессионально подготовленная информация о культурно-историческом наследии, которой будут пользоваться экскурсоводы, гиды и инструктора при работе с клиентами.

При продвижении сформированного туристского продукта на рынке туруслуг лаконичная текстовая и изобразительная информация о культурном и историческом наследии является ключевым элементом в оформлении рекламных сайтов, печатных изданий, выставочных экспозиций. Зачастую именно эта профессионально подготовленная, оформленная и грамотно поданная информация заставляет потенциального покупателя принять решение о покупке того или иного турпродукта – путешествия, экскурсии.

На стадии реализации туристского продукта, то есть при совершении путешествия или экскурсии, в числе прочего клиент должен получить достоверную информацию о каждом из объектов культурного наследия, предусмотренных программой. Качество её зависит от профессионального уровня инструкторов-проводников и гидов-переводчиков, задействованных на обслуживании экскурсии или тура.

При осуществлении интеграционных задач по включению культурно-исторического наследия в туристский оборот в Алтайском крае очень важно учитывать взаимодополняющий эффект природных и культурно-исторических ресурсов. В связи с этим актуальным является использование результатов исследований Ю. А. Веденина и других [1, 2]. Эти идеи нашли воплощение при проектировании и развитии мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина в с. Сростки. В соответствии с данными принципами начата работа по созданию природно-археологического парка «Колыбель человечества» в долине р. Ануй у Денисовой пещеры, а также «Тропы тысячелетий» в санатории «Рассветы над Бией» в с. Стан-Бехтемир и другие.

Сегодня необходимы разные подходы к организации туризма в регионе, планированию и созданию инвестиционных проектов туристских комплексов, а также при формировании, продвижении и реализации турпродукта.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ р_сибирь_а №14-06-98003 «Научные основы интеграции культурно-исторического наследия в сферу туризма. Региональный аспект на примере Алтайского края» и договора АГАКИ № 4 от 22 июля 2014 г. с Главным управлением экономики и инвестиций Алтайского края.

Литература:

1. Веденин, Ю. А. Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию / Ю. А. Веденин // Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия: сборник статей. – М. : Ин-т Наследия, 1995. – С. 5-20.
2. Веденин, Ю. А. Культурное и природное наследие России (Концепция и программа комплексного атласа) / Ю. А. Веденин, А. А. Лютый, А. И. Ельчанинов [и др.]. – М. : Российский НИИ культурного и природного наследия, 1995. – 119 с.
3. Коваленко, П. С. Возрождение православной истории и культуры города Бийска / П. С. Коваленко // Вестник алтайской науки. – 2014. – Вып. 2-3 (в печати).
4. Харламов, С. В. Стимулирующая роль административно-территориальной реформы в постсоветский период для развития туризма как новой сферы экономики Алтайского края / С. В. Харламов // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время: сборник статей. Том 2/ отв. ред. Н. И. Быков, Д. А. Дишин, Ц. М. Мадры. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 344–348.
5. Харламова, Н. Ф. Туристские ресурсы Алтайского края / Н. Ф. Харламова, А. Н. Романов, Ю. И. Винокуров, С. В. Харламов. – Барнаул : Азбука, 2011. – 178 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕЛЬСКИМИ МУЗЕЯМИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА В РАЗВИТИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

В Государственной стратегии развития системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации понятие «музей-заповедник» определяется как учреждение культуры, созданное для обеспечения сохранности, восстановления, изучения и представления целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия, материальных и духовных ценностей в их традиционной исторической (культурной и природной) среде.

Отличие данных музеев от других учреждений культуры заключается в том, что в их ведении находятся не только музейные предметы и коллекции, но и недвижимые объекты культурного наследия, а также окружающая их территория. Музеи-заповедники являются комплексными по своим функциям учреждениями, они призваны сохранять в неприкосновенности не только архитектурные, археологические или мемориальные памятники, но и собственно историческую территорию, в том числе уникальные культурные и природные ландшафты, исторические городские и сельские поселения, уклад жизни проживающего на исторических территориях населения [1].

В современном мире прослеживается тенденция к созданию единых пространственных комплексов, сочетающих в себе уникальные историко-культурные и природные территории. Это целостные пространственные объекты, где в традиционной природной и социокультурной среде находятся памятники истории и культуры особой значимости. Такая трактовка культурного и природного наследия позволяет отказаться от рассмотрения памятника вне комплекса, в отрыве от различных факторов его восприятия, отойти от практики мёртвой музеефикации, стремления к сохранению внешних атрибутов памятника при утрате его жизненности [10].

Алтайский край принадлежит к числу регионов, наиболее богатых объектами культурного наследия. Особый интерес представляют памятники, связанные с периодом освоения русскими Сибири, – медеплавильные и сереброплавильные заводы, рудники, шахты, гидротехнические сооружения, шлифовальная фабрика, а также оборонительные сооружения Кольвано-Кузнецкой укрепленной линии. Большая часть памятников архитектуры края представлена зданиями, возникшими на рубеже XIX-XX веков, а также в советский период. Множество памятников истории края связано с событиями Гражданской и Великой Отечественной войн. Археологические памятники на территории края представлены поселениями, курганами, грунтовыми могильниками, горными выработками и другими объектами, отражающими историю развития человека от палеолита до этнографической современности [9, с. 114–118]. Природные, исторические и культурные памятники на территории Алтайского края узнаваемы в России, привлекают отечественных и зарубежных туристов. В условиях активизации современного строительства и реконструкции в крае проблема сохранения социально-культурного потенциала и историко-культурного наследия является острой и актуальной.

Для многих сельских территорий развитие туризма оказывается сегодня затруднительным в связи со слабой инфраструктурой поселений, отсутствием гостиниц, объектов общепита, досуга, неподготовленностью самого населения к работе в этой сфере культуры и бизнеса, отсутствием квалифицированных кадров, слабой информированностью потенциальных туристов о наличии объектов культурного наследия или культурных программ. И чем больше памятников, культурных и природных ценностей имеется в сельском районе, чем больше услуг определённого качества может быть предложено туристам, тем на более длительный срок они здесь остаются. Поэтому одной из проблем, решение которой влияет на экономическое развитие любого поселения, является расширение спектра его особенностей и достопримечательностей: реконструкция и ремонт старых зданий – памятников архитектуры, качественное строительство новых, благоустройство территории, развитие частных пансионатов и строительство гостиниц [4, с. 356–361].

Использование культурно-исторического ландшафта в развитии познавательного туризма сельскими музеями Алтайского края может осуществляться по нескольким направлениям.

Одно из направлений, наиболее выигрышное в развитии познавательного туризма, связано с мемориальными музеями, расположенными в районах края. Среди музеев края – шесть мемориальных, связанных с жизнью космонавта Г. С. Титова, писателя В. М. Шукшина, поэтов

Р. И. Рождественского и Г. П. Панова, актрисы Е. Ф. Савиновой, изобретателя М. Т. Калашникова.

В мемориальном музейном комплексе М. Т. Калашникова в селе Курья Курьинского района, связанном с именем генерального конструктора стрелкового оружия, дважды Героя Социалистического Труда, помимо школы, где учился будущий оружейник, церкви «Знамения» (1900-1903), где он крестился, бюста Михаила Тимофеевича Калашникова, могут быть использованы в познавательном туризме и здания – памятники архитектуры XIX – XX веков: «Вологская управа» (1884), памятники Гражданской и Великой Отечественной войн. В целом на территории района расположено более 100 памятников истории и культуры, в том числе федерального значения, район богат и природными памятниками.

В 2002 году в с. Полковниково Косихинского района создан Алтайский государственный мемориальный музей Г. С. Титова, в который входят два здания и объекты на прилегающей территории, тематически связанные с космосом.

Музейный комплекс Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина в с. Сростки Бийского района включает три здания в исторической части села с прилегающей территорией. Экскурсионные маршруты проходят по территории села и его окрестностям. В 2005 году Алтайский филиал института «Сибспецпроектреставрация» совместно со специалистами НПЦ «Наследие» выполнили проект зон охраны Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина в Сростках. Целью работы было создание юридического документа сохранения этих историко-культурных и ландшафтных памятников. Проведены ландшафтный, архитектурно-исторический, археологический, планировочный и объемно-пространственный анализы и подготовлены предложения по организации зон охраны, регулирования застройки, охраны культурного слоя и ландшафта памятников культуры.

Окрестности села богаты и памятниками археологии, некоторые из них известны далеко за пределами Алтая. В 2014 году НПЦ «Наследие» получил грант Губернатора Алтайского края на проект «Древности горы Пикет». В 2014 году в с. Сростки состоялась презентация экскурсионного маршрута «Древности горы Пикет» по археологическим памятникам. На горе установлены баннеры с планом-схемой памятников: городища Пикет и курганных могильников средневековья, информация об археологических раскопках и реконструкция древних жителей горы Пикет. Для сотрудников музея-заповедника В. М. Шукшина это – новое направление в работе, для осуществления которого им необходимо пройти подготовку у специалистов (археологов).

Второе направление включения культурно-исторического ландшафта в познавательный туризм развивают сельские музеи, связанные с историей камнерезного дела на Алтае, с сереброплавильными заводами, чудскими копиями, рудниками, шахтами, гидротехническими и оборонительными сооружениями Колывано-Кузнецкой укрепленной линии, с деятельностью И. И. Ползунова и других алтайских изобретателей.

В Алтайском крае сохранились остатки Линейной дороги, соединяющей крепости Колывано-Кузнецкой укрепленной линии в Чарышском районе, Алейского форпоста и Алейского сереброплавильного завода в Третьяковском районе, Сайлапского редута и Сайдыпского форпоста в Солтонском районе, остатки Локтевского сереброплавильного завода с каналом и Локтевского рудника [2, с. 192]. По мнению Степанской Т. М., поселения Горного города Барнаула, Горной Колывани, Змеиногорска, Павловского завода «...составили, наряду с Уралом, особую эпоху в градостроительстве России и породили новый ценный вид памятника, когда сливаются природа и творческая мысль человека: архитектурно-ландшафтный ансамбль» [6, с. 254].

Сельских музеев, на территории которых находятся архитектурно-ландшафтные ансамбли горно-заводских комплексов Алтая, несколько. Это – музей истории камнерезного дела на Алтае в с. Колывань, музей в с. Павловск на месте бывшего сереброплавильного завода и другие.

Музей истории камнерезного дела на Алтае в с. Колывань находится в бывшем одноэтажном кирпичном здании рисовальной школы [5, с. 56]. Напротив музея в 2000 году по проекту специалистов НПЦ «Наследие» был воссоздан фрагмент Колыванской крепости XVIII века «Капитанская» сторожевая башня.

На территории с. Колывань находится комплекс объектов культурного наследия федерального значения «Колыванская шлифовальная фабрика» (кон. XVIII – нач. XIX веков): двухэтажное здание «Производственный корпус» № 1 (1802), «Производственный «Колоссальный» корпус», в котором была изготовлена «Царица ваз» (1820), плотина-пруд (1727 г.), канал и шлюз на озере Белом. Шлюз регулировал поступление воды из озера через канал в заводской пруд. Комплекс Колыванской шлифовальной фабрики расположен в центральной части с. Колывань у горы Фабричной. Помимо указанных зданий памятников в с. Колывань находятся объекты культурного наследия «Контора» (XIX век) и «Дом управляющего» (1855). К югу от

Колывани поднимается гора Синюха, объектами для показа туристов служат также и гора «Очаровательная» и озеро «Моховое» [6, с. 254–255].

Для познавательного туристического показа можно привлечь и Колыванское кладбище, где первые захоронения относятся к началу XIX века. На протяжении столетия формировался некрополь фабричного посёлка. Надгробия были каменные, с чёткой красивой надписью, на некоторые наносились рисунки. В ходе исследовательских работ специалистов НПЦ «Наследие» выявлено более сорока памятников. Среди них – захоронение управляющего Колыванской шлифовальной фабрики М. С. Лаулина, под руководством которого изготовлялась знаменитая «Царица ваз», асессора А. П. Залесова, выпускника медального класса Петербургской Академии Художеств; мастера-камнереза П. И. Стрижкова, династий камнерезов Воротниковых и Тихобаевых и другие. Памятники были изготовлены из серого алтайского гранита Беловского месторождения, выполнены на Колыванской шлифовальной фабрике [3, с. 29–31].

Учитывая историко-культурную ценность сооружений Павловского сереброплавильного завода как одного из редких памятников промышленного зодчества XVIII века, сохранившихся в России, представляется необходимым его музеефикация. Объектом музеефикации должны стать сохранившиеся памятники истории промышленной архитектуры, представленные в большом количестве памятники археологии, этнографии русского старожильского населения, мемориальные памятники заслуженных деятелей искусства, науки, культуры района. Инновационная ценность проекта музеефикации Павловского сереброплавильного завода заключается и в использовании рекреационных возможностей окружающей среды – заводского пруда и прилегающей части Касмалинского бора, речек Касмала и Фунтовка [7, с. 91].

В НПЦ «Наследие» разработан проект реконструкции и музеефикации одного из первых оборонительных сооружений на территории Алтая – Белоярской крепости (1717). Построенные в первой четверти XVIII века русские оборонительные сооружения (Бикатунский острог, Белоярская, Бийская, Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская крепости) стали отправными точками освоения территории края Российским государством. Проектное предложение по созданию музейного комплекса под открытым небом включает вновь воссозданные оборонительные сооружения, крепости и постройки, располагавшиеся здесь в XVIII веке, комплекс подлинных усадеб XIX–XX веков традиционной крестьянской архитектуры. Внутри зданий планируется создать музейные экспозиции по военной истории, археологии и этнографии Алтая. Все эти предложения может использовать районный музей в своей работе по привлечению туристов [8, с. 32–33].

Третье направление использования культурно-исторического ландшафта в развитии познавательного туризма сельскими музеями края связано с историко-революционными событиями на Алтае. К ним относится Волчихинский районный историко-краеведческий музей им. В. М. Комарова, состоящий из музея в с. Волчиха и его филиала в с. Солонька. Каждые пять лет в ноябре в с. Солонька проводятся «Солоньские чтения», посвященные юбилею Солоньского боя и событиям Гражданской войны как части истории района. В 2014 году этому событию исполняется 95 лет. За селом в лесу находится обелиск на месте гибели командира отряда «Красные орлы» Фёдора Ефимовича Колядо. Музей проводит экскурсии не только в здании, но и с показом этих памятников. На территории района также находятся природные объекты: участок соснового бора (Касмалинская лесная дача); Сротинский сосновый бор; Гришин борок; система озёр Бор-Форпост, озеро Горькое Большое, в районе много археологических объектов – курганы, курганные группы, могильники, городища, которые можно включать в экскурсии.

Другим направлением в развитии познавательного туризма может стать этнографическое, которое привлекает туристов при условии доступного и комфортного проживания, качественного питания, отремонтированных дорог и зданий-памятников, установки информационных стендов возле объектов культурного наследия, использования информационных ресурсов Интернета.

Музейная деятельность усложняется, совершенствуется. В России создаются мемориальные музеи выдающихся людей, музеи-заповедники, музейные комплексы. Сегодня предлагается переводить музеи из категории «группа зданий» в категорию «культурный ландшафт» и расширить их территорию, включив в неё окрестности с бывшими приисками, гидротехническими системами, сельскохозяйственными и лесными угодьями.

В июле 2016 года Генеральная конференция ИКОМ в Милане будет посвящена обсуждению темы «Музеи и культурный ландшафт». В конференции примут участие более 200 музеев из Италии, Европы и Японии. Данная тема актуальна для всех музеев мира, в том числе и для музеев России.

Литература:

1. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mkrf.ru/documents/programs/detail.php?ID=61436>. – Заглавие с экрана.
2. Калашников, Д. С. Современное состояние памятника истории «Алейский свинцово-сереброплавильный завод» / Д. С. Калашников, К. Ю. Киришин, Д. А. Пугачев [и др.] // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы регион. науч.-практ. конф. Вып. 13 / отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова. – Барнаул : Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 192.
3. Кубрина, Г. А. Колыванский исторический некрополь и культура России XIX – XX вв. / Г. А. Кубрина // Камнерезное искусство России. Горная Колывань: материалы всероссийской науч.-практ. конф. – Барнаул : Изд-во «Аз Бука», 2002. – С. 29–31.
4. Скворцов, Б. Праздник как фактор реализации социально-культурной политики и развития территорий / Скворцов, Б. // Человек, культура и общество в контексте глобализации современного мира. – РИК. – 2005. – С. 356–361.
5. Сомова, Е. А. История создания и развития Колыванского музея камнерезного дела на Алтае / Е. А. Сомова // Камнерезное искусство России. Горная Колывань: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул : Изд-во «Аз Бука», 2002. – С. 56.
6. Степанская, Т. М. Архитектура Алтая XVIII–XX вв. / Т. М. Степанская. – Барнаул : АРТ, 2006. – 300 с.
7. Труевцева, О. Есть такая задумка... Руины Павловского завода в ожидании реставраторов / О. Труевцева // Алтайский благодатный край. Вып. 8. – Можайск : Можайский полиграф. комбинат, 2007. – С. 91.
8. Фролов, Я. В. Итоги реализации проекта «Белоярская крепость – российский форпост на Алтае» / Я. В. Фролов, Д. С. Калашников, А. А. Ситникова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы регион. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. А. Никитина, В. П. Семибратов. – Барнаул : Алт. полиграф. комбинат, 2009. – С. 32–33.
9. Целищева, М. А. Проблемы сохранения историко-культурного наследия Алтайского края и пути их решения / М. А. Целищева // Краеведение и туризм : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию историка и краеведа А. Д. Сергеева (Барнаул, 8 апр. 2010 г.). – Барнаул, 2010. – С. 114–118.
10. Шульгин, П. М. Возрождение и развитие памятников истории, культуры и природы на принципах уникальной исторической территории / П. М. Шульгин // Музейное дело и охрана памятников. Экспресс-информация. Вып. 2: Новое в музеефикации памятников. – М., 1991.

*Стороженко Юлия Владимировна,
г. Барнаул*

КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ РЕГИОНА (на примере МБУК «Хабарский историко-краеведческий музей»)

В современном культурном пространстве большое значение имеет коммуникация. Коммуникативная деятельность является важной частью функционирования современного музея любого профиля. основополагающим признаком классификации выступает связь музея с конкретной наукой или видом искусства, техникой, производством и его отраслями. Эта связь заметна в составе фондов музея, тематике его научной, экспозиционной и культурно-образовательной деятельности [2]. Исторические музеи связаны с системой исторических наук, хранящиеся в их фондах музейные предметы позволяют воссоздавать историю и образ жизни ушедших эпох или недавнего прошлого.

Музеи объединяются в профильные группы: естественно-научные, исторические, художественные, архитектурные, литературные, театральные, музыкальные; музеи науки и техники; промышленные, сельскохозяйственные, педагогические. В зависимости от структуры профильной дисциплины или отрасли знаний эти основные группы делятся на более узкие группы [3].

Существуют музеи, собрания и деятельность которых связаны с несколькими научными дисциплинами или отраслями знаний. Это – музеи комплексного профиля. Самыми распространёнными являются краеведческие, сочетающие часто историческую и естественно-научную специализацию, поскольку их собрания документируют историю и природу края. В них порой создаются художественные и литературные отделы, что в ещё большей степени усложняет их профиль: например, историко-краеведческие музеи.

Также музеи различаются по статусу: они могут быть ведомственными, государственными, муниципальными. В рамках темы остановимся подробнее на муниципальных музеях. В Алтайском крае их 51, среди них – и Хабарский историко-краеведческий музей.

Хабарский историко-краеведческий музей как муниципальное заведение начал деятельность в 1991 году. Изначально это был школьный музей под руководством Н. П. Цапко – основателя и первого директора музея. Она организовала отряд «Поиск» для собирательской и ис-

следовательской деятельности. Находки отряда, постепенно накапливаясь, стали базой уже муниципального музея. Комплектование фондов музея осуществлялось благодаря дарениям от жителей и частичной закупке экспонатов [7].

В плане-проекте работы на 2013 год «Тихая моя родина» музей ставит перед собой следующие задачи:

- сохранять, развивать, популяризировать традиционную культуру Алтайского края;
- способствовать формированию чувства патриотизма;
- приобщать население к культуре и традициям Алтайского края.

Сотрудники музея работают в области патриотического, культурного и экологического воспитания посетителей, создали слайд-фильмы (17), лекции (15), разработали другие мероприятия [6]. За 2012 год посещаемость музея выросла, по сравнению с уровнем предыдущего года, на 250 человек и составила 2650 посетителей. Этому способствует привлечение гостей из других районов края и регионов России. Постоянными посетителями остаются школьники Хабаровского, Немецкого, Панкрушихинского районов, г. Славгорода, г. Ярового, посёлков Новосибирской области. За год проведено: экскурсий – 61, лекций – 62, массовых мероприятий – 6 [4].

В музее также проведено мероприятие «Наша память и боль», посвящённое дню вывода советских войск из Афганистана. В «Боевом зале» музея 15 февраля организована встреча участников войны в Афганистане с детьми из неблагополучных семей, продемонстрирован слайд-фильм по материалам собрания музея. За «круглым столом» школьники общались с воинами, рассказы которых о боевых действиях, солдатской дружбе и непреходящей боли о погибших товарищах не оставили ребят равнодушными. Закончилось мероприятие возложением венков к мемориалу воинов, погибших в локальных войнах [5].

Самыми привлекательными в работе музея были выставки:

– «К 75-летию Алтайского края» – при поддержке администрации Хабаровского района проведена выставка картин члена Союза художников России, заведующего кафедрой изобразительного искусства Института архитектуры и дизайна АлтГТУ С. Прохорова.

– «21 век... Молодое поколение выбирает» – выставка предоставлена Алтайским государственным краеведческим музеем.

– «Пасхальный сувенир» – работы 256 школьников и воспитанников детских садов (рисунки, вышивка, моделирование, вязание, аппликации).

– «Рождественская звезда» – более 100 работ (рисунки, использование бросового материала, флористика, вышивка, шитьё).

В музее были организованы выставки работ учащихся художественного отделения детской школы искусств, ежегодно проходят выставки (совместно с органами социальной защиты населения) творческих работ ребят с ограниченными возможностями и др.

Для успешной реализации коммуникативной деятельности сотрудникам Хабаровского музея необходимы навыки привлечения посетителей. Сегодня в местных газетах постоянно выходят рекламы музейных выставок и мероприятий. В школы и дошкольные учреждения, другие учреждения района ежемесячно передаются планы мероприятий. Хабаровский историко-краеведческий музей играет значимую роль в культурной среде региона, способствуя адаптации подрастающего поколения к современному социокультурному пространству и его самоидентификации в мире, реализует коммуникативную функцию.

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М. : науч. изд-во «БРЭ» ; СПб. : Норинт, 1997. – 885 с.
2. Гнедовский, М. Б. Музейная коммуникация и музейный сценарий / М. Б. Гнедовский // Музей и современность : сб. науч. тр. НИИ культуры. – М., 1986. – С. 54–57.
3. Гнедовский, М. Б. Профиль музея / М. Б. Гнедовский // Советский музей. – 1985. – № 5. – С. 45–54.
4. МБУК «Хабарский историко-краеведческий музей». Динамика основных показателей муниципального бюджетного учреждения культуры «Хабарский историко-краеведческий музей» на 01.01.2012 г. – с. Хабары, 2012. – 7 с.
5. МБУК «Хабарский историко-краеведческий музей». Отчет за 2012 г. – с. Хабары, 2013. – 5 с.
6. МБУК «Хабарский историко-краеведческий музей». План-проект «Тихая моя родина» на 2013 г. – с. Хабары, 2013. – 9 с.
7. Устав МБУК «Хабарский историко-краеведческий музей» (новая редакция). – с. Хабары. – 17 с.

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В МУЗЕЯХ БАРНАУЛА

Современная коммуникационная модель музея позволяет его культурному пространству служить «ареной» самых разных форм общения с многоликой аудиторией. Развиваются уже проверенные и ставшие традиционными для отечественных музеев формы работы, а также рождаются новые, продиктованные активизацией роли музеев в жизни общества.

Сегодня музей становится не только образовательным, культурным центром, но и центром общения, дефицит которого является одной из примет времени. Подобные формы способны объединить людей по интересам – социальным, возрастным, профессиональным, научным, духовным. Основной принцип любой формы музейно-педагогической деятельности – создание для посетителей условий их самореализации. При этом важно учесть психологические особенности различных категорий музейных посетителей. Молодежная аудитория имеет массу специфических черт, которые важны для разработки музейно-педагогического мероприятия.

Основной формой музейно-педагогической деятельности является лекция. Она стала основой для создания новых форм музейной работы: лекторий, музейный урок, школа в музее, учебный курс, дискуссия, конференция (научные чтения), беседы и другие.

Экскурсия как базовая динамичная форма соединяет предметы и пространство в единый коммуникационный музейный ритуал – музейное путешествие в поисках знаний, открытий и впечатлений. При сочетании таких признаков экскурсии как тематичность и коммуникативная способность экскурсовода активизировать аудиторию создаётся комплекс свойств, позволяющий экскурсии быть одной из эффективных форм музейно-педагогической работы. В зависимости от содержания в современной музейной педагогике закрепились обзорные и тематические экскурсии, которые обязательно есть в каждом музее. Обзорные экскурсии включают осмотр основных разделов экспозиции музея и показ главных шедевров музейного собрания, а тематические экскурсии сосредоточены на углубленном раскрытии одной темы. Обзорные экскурсии иногда называют комплексными, а для привлечения постоянных посетителей разрабатываются экскурсионные циклы. Для тематических экскурсий в музееведческой литературе последних лет даны новые определения: проблемные, фабульные и специализированные экскурсии, которые превращаются в экскурсии-путешествия, экскурсии-поиски, экскурсии-загадки и т. д. [5, 6].

Обзорная и тематическая экскурсии в последнее время широко театрализируются. Трудно назвать музей, где не было бы театрализованной экскурсии или другого театрализованного мероприятия. Такая экскурсия иначе воспринимается посетителями, особенно детьми. Почувствовать себя участником исторических событий или сказочного действия, русского праздника или космического полёта можно только в музее, где есть подлинные свидетели прошлого – музейные экспонаты. Однако некоторые музейщики, указывая на эффективность театрализованных экскурсий с элементами интерактивности, отдают дань традиционной музейной экскурсии.

Наряду с базовыми и производными от них формами музейно-педагогической работы в настоящее время в музеях широко применяются синтетические (интегративные, комплексные) формы: программы, проекты, конкурсы, игры, праздники, фестивали, мастер-классы, музейный театр (спектакль) и др. Они представляют собой коммуникационные образования, комплексные музейно-педагогические формы, характеризующиеся синтезом предметной музейной среды и различных организационных структур в музейном (или внемузейном, информационном) пространстве.

Большой популярностью пользуются мастер-классы в музее. Это – одна из форм взаимодействия, направленная на решение спектра задач в получении и обмене профессиональным опытом, с преподнесением методически выверенной информации и практических наработок с рекомендациями мастера и изучением его профессиональной индивидуальности. Проведение мастер-классов в музее позволяет задействовать подлинные явления искусства и культуры в культурно-образовательной деятельности.

Ещё одно новое направление в деятельности музеев – музейный конкурс – это синтетическое коммуникационное образование с использованием музейных предметов и музейного пространства, основой которого является соревновательный компонент, направленный на активизацию аудитории. Конкурс как музейное мероприятие является стимулом углубленного изучения экспозиции и её отдельных экспонатов. Он заставляет участников внимательно рассматривать, искать, сопоставлять, анализировать – то есть действовать и мыслить в музейном пространстве. Конкурс учит работать в команде, общаться, чётко, ясно и обоснованно формулиро-

вать ответы и задавать соперникам вопросы. Конкурсы проводятся как краткосрочные (в музее, на выставке), так и долгосрочные (с домашним заданием); они могут быть как внутримuseumные, так и межmuseumные [2].

В целях выявления предпочтений форм музейно-педагогической работы молодёжной аудиторией нами был проведен опрос студентов АГАКИ. В нём приняли участие 32 человека из трех групп разных курсов (1, 2, 3, 5 курсы). Опрос состоял из трех вопросов:

- Посещаете ли Вы музей по своему желанию? (Да, нет, редко)
- На какие мероприятия Вы пойдете с большим удовольствием: лекция, экскурсия, мастер-класс, праздник, примете ли участие в конкурсе, конференции?
- Оставляете ли Вы отзывы в специализированной книге? (Да, нет, редко)

Ответы на вопросы были следующими:

- первый вопрос: музей по желанию посещают 24 человека, редко – 5 человек, не посещают – 3;
- второй вопрос: экскурсию посетили бы с удовольствием 12 человек, лекцию – 4, мастер-класс – 24, праздник – 29, приняли бы участие в конкурсе – 16, на конференцию бы пришли – 7;
- третий вопрос: отзывы оставляют – 2 человека, нет – 24, редко – 6.

Большинство студентов посещают музеи и предпочитают синтетические (интегративные) формы музейно-педагогической деятельности. Обратная связь с музеем, осуществляемая через книгу отзывов, с молодёжной аудиторией практически отсутствует, что означает неосведомленность музеев о предпочтениях данной категории посетителей.

Музеи Барнаула гибко реагируют на потребности молодёжной аудитории. Алтайский государственный краеведческий музей предлагает для данной аудитории экскурсии по темам: «Научно-технический прогресс на заводах и рудниках в XVIII-XIX вв.», «Горное производство на Алтае в XVIII-XIX вв.», «Из истории развития торговли и предпринимательства на Алтае в конце XIX – нач. XX вв.», «Земледельцы», «Алтай – житница Сибири. Конец XIX – нач. XX вв.», «Мы наш, мы новый...» (1920-1930 годы на Алтае), «Биоразнообразие Алтайского региона», «Особо охраняемые природные территории», «Экологические проблемы Алтайского края», «Природные ресурсы Алтая». Музей в рамках культурно-образовательной деятельности использует мультимедийные программы по темам: «Река, давшая название городу», «Как рубашка в поле выросла», «О, самовар родной, семейный наш очаг», «Колывань камнерезная», «Истоки. Народный костюм» [1].

Государственный художественный музей Алтайского края предлагает молодым людям посетить выставки «Народное искусство. Связь поколений» (крестьянская интерьерная роспись, гончарная посуда, домотканые узорные скатерти, орнаментированные свадебные полотенца, берестяные туеса). В рамках работы выставки организаторы дают мастер-класс по изготовлению рождественского ангела «Миру заступница». Для студенчества проводятся занятия в информационно-образовательном центре «Русский музей: виртуальный филиал» [4].

Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая с молодёжью работает в основном в рамках массовых мероприятий – это музейные праздники, концерты, литературные мероприятия, кинопоказы, киноуроки, кинопрограммы, конкурсы, лекции, экскурсии, мастер-классы, слайд-программы, просветительные программы [3].

Музей «Город» предлагает для студентов и взрослых лекции по темам «Советские награды времён Великой Отечественной войны» и «Барнаульцы – Герои Советского Союза», «Алтайские крылья», экскурсии «История местного самоуправления в Барнауле», «Из истории речного флота в Барнауле», «Храмовое зодчество Барнаула конца XIX – начала XX вв.», «Духовная культура горожан конца XVIII – начала XX вв.». Музей проводит большое количество выставок, мастер-классов, интерактивных программ.

Молодёжь требовательно относится к формам подачи информации, что служит важным сигналом для работы современного музея. Предпочтение данная категория посетителей отдает инновационным формам работы. В Барнауле музеи предоставляют молодым людям востребованные услуги.

Литература:

1. Алтайский государственный краеведческий музей: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agkm.ru/excursion.html>. – Заглавие с экрана.
2. Галкина, Т. В. Основы классификации музейно-педагогических форм в российских музеях / Т. В. Галкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2009. – № 10. – С. 3–4.
3. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gmilika22.ru/category/posetiteljam/konkursy>. – Заглавие с экрана.

4. Государственный художественный музей Алтайского края: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://muzei.ab.ru/for/for_students.htm. – Заглавие с экрана.
5. Столяров, Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика : учеб. пособие / Б. А. Столяров. – М. : Высшая школа, 2004. – 216 с.
6. Шляхтина, Л. М. Музейная педагогика : учеб. пособие / Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастерница, Е. Е. Герасименко. – СПб. : Кафедра музееведения СПбГУКИ, 2000. – 67 с.

*Покидаев Андрей Владимирович,
с. Солоновка, Алтайский край*

«МУЗЕЙ СЛОВА» НА АЛТАЕ

Руководством Российской Федерации стратегическим ресурсом XXI столетия определена культура. Основой культуры любого народа является язык. Основа – это то, на чём как на фундаменте выстраивается любое здание, со всеми особенностями архитектуры. Есть надёжный фундамент – значит здание будет стоять. Видимо, не случайно в начале церемонии открытия Олимпиады 2014 года в Сочи появились элементы русской азбуки и алфавита. «Сперва аз да буки, а там и науки», – гласит народная мудрость. Проект «Музей Слова» направлен на сохранение культурного наследия и мудрости, переданной нам предками для жизни в единстве друг с другом и в гармонии с природой.

«Музей Слова» расположен на личном подворье художника Андрея Владимировича Покидаева в селе Солоновка Алтайского края как центр созидательных усилий, направленных на популяризацию русского языка и его распространения в других странах. В разных странах мира уже существуют национальные музеи, реализующие программы по сохранению письменности.

Южная Корея. Глава государства поручил Министерству спорта и туризма создать туристическую достопримечательность, которая была бы посвящена национальному письму и служила пропаганде корейского алфавита как символа корейской культуры. Корейцы считают, что именно благодаря созданию алфавита они обрели культуру и национальную идентичность.

Армения. Буквы армянского алфавита изготовлены из золота и хранятся как реликвия в храме. «В 2012 году армянский алфавит побывал на космической орбите, произошло событие поистине космического масштаба для Армении и достойное, по мнению специалистов, не только Книги рекордов Гиннесса, но ещё и исторического осмысления со стороны мировой цивилизации и, конечно, армянского народа. Впервые на международной космической станции побывал армянский алфавит как общепризнанное национальное достояние человеческой мысли, как основа сохранения, развития и подтверждения идентичности одного из древнейших народов мира» [1].

Проект «Музей Слова» соответствует задачам развития культурно-исторического туризма в Алтайском крае и является одной из реальных основ экономического, социального и культурного подъёма, а также послужит формированию культурной среды близлежащих территорий.

По исследованиям учёных, русский алфавит и славянские азбуки представляют собой древнейшие информационные технологии сохранения, трансляции и передачи информации, формирующей мировоззрение народа, национальную идентичность и основы его культуры. В городе Белокуриха в 2014 году по инициативе проекта «Музей Слова» был возведён ледовый парк: аллея букв, ледяной храм русского алфавита в виде полусферы, скульптурная композиция образов букв. Организована выставка «Алфавиты народов мира». В 2012 году в городе Белокуриха, Алтайском и Смоленском районах проведен фольклорный фестиваль старообрядческой культуры «Белая гора». В формате фестиваля состоялась научно-практическая конференция «Старообрядцы Сибири». Издан сборник докладов.

Ко Дню славянской письменности и культуры 25 мая 2014 года проект «Музей Слова» распечатал 33 футболки с изображением флага России и русского алфавита. Цель данной акции – привлечь внимание к главным символам России – государственности и культуры. Был проведен концерт с участием фольклорных коллективов г. Белокуриха, академического хора г. Новосибирска, исполнителей авторской песни. Русский алфавит рассматривается как информационный код, содержащий мировоззренческую идею русского народа как «ядра полиэтнической цивилизации».

Особое внимание в проекте «Музей Слова» уделяется различным видам письменности и её эволюции, а также алфавитам других народов.

Раздел «Алфавиты народов мира», в котором посетителям будет предложено увидеть и приобрести в качестве уникального сувенира славянские азбуки, алфавиты народов мира,

петроглифы, инопланетные рисунки на полях, нанесённые с помощью лазерной технологии на обожжённые глиняные лепёшки, камни, деревянные срезы, бересту.

Творческие мастерские являются составной частью «Музея Слова», где все желающие могут попробовать себя в роли древнего писца или художника, работая с различными материалами. Расположение музея на одной территории с гончарной мастерской позволяет говорить о создании единого творческого пространства *«Ремесленного подворья»*.

Образовательная программа музея включает в себя лекции, целью которых является привлечение внимания к знакомому с детства алфавиту и раскрытие его «необыкновенности», глубины мировоззренческого смысла, простоты, красоты и значения для русского народа. Буквы, написанные на ткани, дереве и керамике, являются дизайнерским решением по оформлению помещения музея и в то же время служат материалом для лекционных занятий. Важно сформировать понимание, почему *основой* любого народа является **язык**.

За время деятельности музея было получено множество положительных отзывов посетителей, среди которых большую часть составляют ученики и преподаватели школ близлежащих районов и городов Белокуриха, Бийск, Барнаул и многих других.

Сегодня много говорится о возрождении национальных ценностей, воспитании патриотизма и уважения к наследию предков – всё это вмещает тема «Русский алфавит», которая находит отражение в проекте «Музей Слова». Надеюсь на оказание научно-практической помощи в продвижении культурно-образовательного проекта «Музей Слова», поддержку и популяризацию со стороны представителей органов местного самоуправления региона.

Литература:

1. Оганова, Н. Урок армянского языка в космосе [Электронный ресурс] / Н. Оганова. – Режим доступа: <http://noev-kovcheg.ru/mag/2013-02/3662.html>. – Заглавие с экрана.

*Сметанникова Елена Владимировна,
г. Барнаул*

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ (на примере музеев г.Барнаула)

Нематериальное наследие – это часть духовно-нравственного мира человека, его истории и культуры. Фольклор созвучен человеку на подсознательном уровне, чем можно объяснить возрастающий интерес к истокам. Термин «нематериальное культурное наследие» утвердился в 1990-х годах в качестве аналога материальному культурному наследию, которое было основным объектом исследования и защиты ЮНЕСКО. В 2003 году была принята Конвенция по защите нематериального культурного наследия.

В Конвенции указаны проявления нематериального культурного наследия:

- устные традиции и формы выражения, в том числе язык как носитель нематериального культурного наследия;
- исполнительские искусства: актёрская игра, музицирование, пение, танцы и прочее;
- обычаи, обряды, праздники;
- знания и обычаи, относящиеся к природе и Вселенной;
- знания и навыки, связанные с традиционными ремёслами [2, с. 3].

Нематериальное наследие более всего подвержено утрате под воздействием процессов всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции. Долгое время презентация нематериального наследия ограничивалась показом лишь его элементов: танцев, песен, обрядов и других, причём подавалось всё это как составляющие определенной культуры, не связанные единым понятием «нематериальное наследие». Современное состояние музейного дела ориентировано на интегративность, вовлечённость, комплексность музея и объектов хранения.

О музее как об основе будущего всеобщего воскрешения и бессмертия говорил Н. Ф. Фёдоров: «Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мёртвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями» [1, с. 512]. Он призывает понимать музей как хранилище и центр «исследования, учительства и деятельности». Роль музея, по Фёдорову, – в воспитании и передаче социального опыта.

Обращение к нематериальному культурному наследию и включение его в музейную деятельность даёт предпосылки формированию новой концепции «живого» музея, который от-

вечает запросам и интересам современного человека. Транслируя специфическую информацию, заложенную в фольклоре, «храм муз» обеспечивает «выживание» этнической культуры. Ярким примером являются экомuzeи. Они отличаются широким пониманием историко-культурного наследия, в качестве которого выступает территория проживания социума, а сосредоточенные на ней объекты материальной и духовной культуры являются потенциальными музейными объектами.

Несмотря на то, что в Барнауле нет экомuzeев, государственные и муниципальные музеи хранят материал об обычаях, обрядах, праздниках и других формах нематериального наследия. Подобным образом осуществляется музеефикация культуры разных народов, но примеры преобразования компонентов нематериального наследия в объекты музейного показа с целью максимального их сохранения и актуализации встречаются довольно редко. Хотя есть предпосылки к созданию временных выставок, постоянных экспозиций и даже музеев, оберегающих от утраты современным обществом огромного пласта культуры – нематериального культурного наследия.

Основными формами трансляции нематериального культурного наследия можно назвать музейный праздник, фестиваль и музейную акцию.

Активным продвижением фольклора занимаются Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ) и Государственный художественный музей Алтайского края (ГХМАК). АГКМ начал проводить подобные мероприятия раньше, соответственно их количество больше, чем в ГХМАК. Специфика музея тоже играет свою роль. Профильные музеи по-разному презентуют нематериальную часть культуры: через визуальные или игровые формы. Сложно сказать, какая из этих форм более эффективна или интересна, они играют одинаково важную роль. Проведя мониторинг мероприятий краеведческого музея за последние несколько лет, можно заметить тенденции развития форм презентации фольклора.

В сентябре-октябре каждого года там проводится этнофестиваль «Мы живём на Алтае». Первый раз он был проведен в 2008 году. В рамках этого мероприятия проходили дни народной русской, немецкой, еврейской, украинской, татарской, польской и белорусской культур.

В течение года в музее реализуется цикл «Народный календарь», в рамках которого проходят мероприятия, популяризирующие народные праздники: Рождество, Святки, Масленица. «Под синюю звездой...» – программа с мастер-классом по изготовлению рождественских символов. «Святочные посиделки» окунают аудиторию в традиции праздника «Святки».

В течение последних лет АГКМ активно участвует в общероссийской акции «Музейная ночь», и среди его мероприятий всегда присутствует презентация нематериального культурного наследия. В «Музейную ночь» 2009 года был дан мастер-класс изготовления оберегов «К мудрости ступенька...».

В 2010 году организован похожий мастер-класс по изготовлению традиционных оберегов для детей «Зайчик на пальчик». Также сотрудники музея провели мастер-класс по изготовлению традиционных народных кукол и оберегов «Солнечная колесница». Под занавес акции были проведены вечерки на околицах «От обряда к хороводу» [3].

В 2011 году в список мероприятий, популяризирующих нематериальную культуру, вошёл ряд мастер-классов по урало-сибирской росписи «В гости к нам пришла матрёшка», по изготовлению традиционных народных кукол, оберегов «Солнечная колесница» и «Поющая глина».

Акция «Музейная ночь – 2012» в стенах краеведческого музея представила фольклорную программу ансамбля казачьей песни «Вечёрки» под названием «С казачьей песней и жить интересней», программу рекрутских традиций и обрядов «Солдатушки, бравы ребятушки...». В список мероприятий «Музейная ночь – 2013» вошёл фольклорный праздник к 1150-летию славянской письменности и культуры «На Кирилла и Мефодия».

Государственный художественный музей Алтайского края также проводит подобные мероприятия, направленные на ознакомление посетителей с традициями предков. Одним из примеров являются краевые фестивали вертепных театров 2010 и 2012 годов к празднованию Рождества Христова [4]. 6 октября 2011 года в музее приходило награждение победителей международного открытого конкурса детского и юношеского творчества «Сказки странствий», в рамках которого участники выбирали народную сказку, создавали её электронную версию и иллюстрацию произведения.

Несмотря на то что художественный музей занимается презентацией фольклора, в рамках «Музейной ночи» нематериальное наследие появилось только в 2013 году в народных гуляниях на усадьбе «От Пасхи до Троицы».

В данных музеях презентация нематериального наследия реализуется показом его элементов – танцев, песен, обрядов, но музеи всё чаще стали обращаться и к таким инновацион-

ным формам культурно-образовательной деятельности как мастер-класс, фестиваль, музейный праздник.

Особенности презентации духовной культуры в музеях Барнаула заключаются в вербальной трансляции предметов наследия и культуры, но в большинстве случаев этого не достаточно. При включении в процесс презентации средств визуальной трансляции и их взаимодействия с уже сложившейся системой популяризации ценностей и фольклора прогнозируется увеличение интереса населения к духовной культуре.

Литература:

1. Исупов, К. Г. Русская философия собственности (XVII-XX вв.) / К. Г. Исупов. – СПб : Изд-во СП «Ганза», 1993. – 512 с.
2. Конвенция об охране нематериального культурного наследия : принята в г. Париже 17.10.2003 г. на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО.
3. Официальный сайт Алтайского государственного краеведческого музея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agkm.ru/>. – Заглавие с экрана.
4. Официальный сайт Государственного художественного музея Алтайского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agkm.ru/>. – Заглавие с экрана.

*Полтева Ирина Владимировна,
г. Горно-Алтайск*

НАСЛЕДИЕ КОМПОЗИТОРОВ В МУЗЕЯХ АЛТАЯ И ЕГО РОЛЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализ характера, условий, особенностей динамики музыкальной жизни в отдельных субъектах России способствует определению значимости музыки в общем культурном поле страны. Каждый регион имеет свою специфику, которая обнаруживается в народном, классическом и современном искусстве. Своеобразие Алтая выражается в яркой и самобытной традиционной культуре коренных этносов и русских переселенцев, в активной культуротворческой деятельности интеллигенции, посвятившей себя сбору и изучению фольклора, композиции и популяризации искусства. Об этом свидетельствует наследие деятелей культуры Алтая, хранением и распространением которого занимаются библиотеки, архивы и музеи. Музеям, в отличие от других фондодержателей, свойственно документирование всех типов источников, раскрытие потенциала которых способствует комплексной презентации и популяризации музыкального достояния.

Целью данной статьи является обзор наследия композиторов XX века в крупнейших музеях Алтайского края и Республики Алтай (Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая, Национальном музее имени А. В. Анохина) в соответствии с общепринятой в источниковедении классификацией и обозначение его роли для современной культуры.

Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА) – музей историко-культурного профиля. С момента возникновения ГМИЛИКА (1989) музыкальное искусство стало предметом документирования, исследования, презентации и популяризации. В его собрании сформированы личные фонды композиторов А. В. Анохина [1; 15, с. 130–131], К. К. Княгинина [2; 15, с. 143–145], С. В. Голубкова [3; 15, с. 137–138] и тематическое собрание «Деятели музыкальной культуры Алтая», включающее свидетельства жизни и творчества И. И. Веселкова, Е. В. Галкина, О. Б. Иванова, А. М. Ильина, Е. К. Крючкова, Ю. И. Кулешова, В. М. Пенькова, Л. П. Савельева, М. Ф. Старикова, Ю. А. Тюльпина, В. Ф. Хохолкова, И. Е. Щербакова, Э. К. Юнкмана и других [4; 15, с. 200–202].

Национальный музей имени А. В. Анохина – музей комплексного типа: его собрание охватывает широкий спектр предметов природного и культурно-исторического достояния Республики Алтай. Он располагает материалами композиторов А. В. Анохина [12], А. М. Ильина [9], Б. М. Шульгина [10], В. Ф. Хохолкова [11] и других. Целенаправленный процесс формирования личных фондов деятелей музыкальной культуры был начат в музее на рубеже XX-XXI веков, ранее его отличала стихийность и фрагментарность.

Среди перечисленных имён есть как профессиональные композиторы, так и композиторы-любители, параллельно занимавшиеся педагогической или исследовательской работой. В их творческом наследии выделяется группа произведений вокальных, вокально-инструментальных и инструментальных жанров, связанных с Алтаем как тематически, так и благодаря использованию текстов местных поэтов, а также освоению музыкального искусства коренных этносов

и русских переселенцев. Информация о композиторах Алтая опубликована в «Путеводителе по фондам и собраниям Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая» (2009) [15], в «Музыкальной энциклопедии Алтайского края» (2011) [8]. Отдельные статьи представлены в «Очерках культуры Барнаула в годы Великой Отечественной войны» (2005) [14], в изданиях «Страницы истории Алтая: Календарь памятных дат», «Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай», в научных трудах музеев.

Особый интерес представляют работы, посвящённые персоналиям, – сборник «Композитор Андрей Викторович Анохин. Сказание об Алтае» (1989), составителем которого являлся В. Ф. Хохолков [6], монография Е. В. Галкина «Наш маэстро» (2006) об И. Е. Щербакове [13], издание «Мой Алтай, обнимаю тебя» (2014), посвящённое В. Ф. Хохолкову, под редакцией А. И. Гурьева [7]. Фрагментарные сведения о жизни и творчестве композиторов встречаются в заметках и статьях периодических изданий и предисловиях к сборникам нот. Автором был проанализирован источниковый состав и содержание наследия композиторов в музейных собраниях Алтая. В рамках работы по изучению собрания ГМИЛИКА и Национального музея имени А. В. Анохина были опубликованы и приняты к печати научные статьи, характеризующие личные фонды и коллекции А. В. Анохина (1869–1931), К. К. Княгинина (1898–1976), С. В. Голубкова (род. в 1969), А. С. Анохина (1904–1975), В. М. Пенькова (1925–2003), Л. П. Савельева (1929–1996), Ю. А. Тюльпина (род. в 1934), В. Ф. Хохолкова (1938–2008) и И. Е. Щербакова (1926–2000).

Состав наследия композиторов определяется письменными (рукописными и печатными), фото-, фоно-, изобразительными и вещественными источниками. Значительную часть составляют письменные источники. К ним относятся документы биографического характера, служебной и общественной деятельности, творческого характера, документы о фондообразователе, материалы переписки и печатные издания.

Большая часть личных фондов и коллекций композиторов из собрания ГМИЛИКА имеет в своём составе рукописные автобиографии. Например, автобиографии А. С. Анохина [1, ОФ 16389/1], К. К. Княгинина [2, ОФ 16130/2], В. М. Пенькова [4, ОФ 51070], И. Е. Щербакова [4, ОФ 16815/1], которые позволяют привести дополнительные сведения, характеризующие жизнь и творчество деятелей искусства, свидетельствуют о неповторимости автора как личности, служат критерием его образованности и культуры. В Национальном музее подобные документы отсутствуют. Другие материалы биографического характера, как и документы служебной и общественной деятельности в различных сочетаниях, присутствуют в ГМИЛИКА и в Национальном музее. Они дают возможность конкретизировать биографические данные, представить направления деятельности и достижения композиторов.

Из документов творческого характера в музейных собраниях Алтайского края и Республики Алтай наибольшую ценность представляют ноты музыкальных произведений композиторов. Это – рукописи (наброски и чистовые записи) сольных и хоровых песен, инструментальных композиций, в том числе и неопубликованных. Они представляют важность для искусствоведов, музыкантов и слушателей, так как позволяют проследить динамику творческой мысли композитора в процессе музыкального сочинительства, расширить репертуар современных исполнителей и коллективов, познакомить аудиторию с музыкальным достоянием прошлого.

В композиторском наследии имеются документы о фондообразователе: воспоминания, статьи, отзывы и рецензии. В ГМИЛИКА хранятся воспоминания музыковеда К. А. Верткова об А. В. Анохине [1, ОФ 53413], отзыв ответственного секретаря комиссии правления Союза композиторов СССР М. А. Парцхаладзе на шесть пьес К. К. Княгинина [2, ОФ 199/75] и другие материалы, содержащие редко встречающиеся в биографических документах факты, а также заключающие личностную и профессионально-критическую оценку событий музыкальной жизни.

Особый пласт документов в наследии композиторов Алтая составляет переписка. Например, письма А. С. Анохину от музыковеда К. А. Верткова [1, ОФ 53459- ОФ 53478] в ГМИЛИКА, письма Б. М. Шульгину от композитора, ректора и преподавателя Казанской государственной консерватории Н. Г. Жиганова [10] в Национальном музее. Её изучение позволяет понять творческое окружение композитора, оценить дух времени, в котором он жил и создавал свои произведения, извлечь абсолютно новые сведения, отражающие музыкальную культуру региона.

Печатные издания, относящиеся к личностям композиторов Алтая, в музейных собраниях представлены сборниками нот, брошюрами, буклетами, репертуарными листками.

В структуру наследия композиторов входят фотоисточники. Обязательным в личных фондах и мемориальных коллекциях является наличие классического фотопортрета. Так, в

ГМИЛИКА имеются портреты А. С. Анохина [1, ОФ 16389/5], К. К. Княгинина [2, ОФ 199/107], В. М. Пенькова [4, ОФ 51039], Л. П. Савельева [4, ОФ 16187/51], Ю. А. Тюльпина [4, ОФ 510/37], И. Е. Щербакова [4, ОФ 55893, ОФ 55894], в Национальном музее – А. В. Анохина [12], А. М. Ильина [9], В. Ф. Хохолкова [11, ОФ 10647/58], Б. М. Шульгина [10]. Музейные собрания включают сюжетные постановочные и репортажные снимки, отражающие направления деятельности композиторов: музыкальное сочинительство, исполнительство, исследование, педагогика.

Особой частью наследия деятелей музыкальной культуры Алтай являются фоноисточники. Это – магнитные ленты с сочинениями К. К. Княгинина [2, НВФ 199/152] в ГМИЛИКА, Б. М. Шульгина – в Национальном музее [10] и грампластинки, например, грампластинка «Хан-Алтай. Посвящается 120-летию со дня рождения А. В. Анохина», представленная в обоих музеях [1; 10; 12].

Также выделяется группа изобразительных источников. В музеях имеются живописные и скульптурные портреты деятелей музыкальной культуры Алтай. Примерами являются портрет И. Е. Щербакова в ГМИЛИКА (автор – В. Э. Октябрь) [4, ОФ 16815/24], бюст А. В. Анохина (автор – А. В. Гурьянов) [12], барельеф Б. М. Шульгина (автор – П. Т. Гриценко) [10] в Национальном музее. В Национальном музее имени А. В. Анохина хранятся произведения различных жанров, выполненные композитором Б. М. Шульгиным: портреты Г. И. Чорос-Гуркина, Л. В. Кокышева, Л. В. Бетховена, Д. Д. Шостаковича, пейзажи и натюрморт [10].

В наследии композиторов Алтай содержатся вещественные источники. Среди личных вещей композиторов можно назвать курительную трубку А. В. Анохина [1, ОФ 17600/2], портфель К. К. Княгинина [2, ОФ 199/116], дирижёрскую палочку И. Е. Щербакова [4, ОФ 16815/25] из фондов ГМИЛИКА, фонограф А. В. Анохина [12], письменный прибор, пепельницу, предметы одежды А. М. Ильина [5;9], аккордеон «Weltmeister Caprice» и электрофон монофонический «Россия-323» Б. М. Шульгина [10] из Национального музея.

Анализ музейных собраний Алтай (ГМИЛИКА, Национального музея имени А. В. Анохина) позволяет сделать вывод, что наследие композиторов представляет собой комплекс письменных, фото-, фоно-, изобразительных и вещественных источников. Роль данных материалов для современной культуры значительна: она проявляется в их научной, мемориальной и эстетической ценности. Музейные предметы из личных фондов и отдельных коллекций композиторов могут служить источником информации для восполнения пробелов истории музыкальной культуры Алтай. Они позволяют полноценно (информативно и визуально) представить творческую личность посредством публикаций, посвященных отдельным персоналиям, презентации материалов в рамках экспозиционных и выставочных проектов, разработки и внедрения различных культурно-образовательных форм (экскурсий, лекций, музейных уроков, музыкальных гостиных и др.). Произведения, ноты которых занимают особое место среди документов творческого характера в музеях, дают возможность современным деятелям музыкального искусства (исполнителям, коллективам, композиторам) расширить свой репертуар и создать собственные оригинальные сочинения на основе осмысленного опыта.

Первостепенной задачей авторского исследования является актуализация наследия композиторов из музейных собраний Алтай посредством представления его анализа в широких научных и культурных кругах, а в перспективе – изучение экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности музеев и разработка коммуникативной модели на основе существующего опыта.

Список источников и литературы:

1. ГМИЛИКА. Личный фонд композитора, этнографа и педагога А. В. Анохина.
2. ГМИЛИКА. Личный фонд композитора и педагога К. К. Княгинина.
3. ГМИЛИКА. Личный фонд композитора и педагога С. В. Голубкова.
4. ГМИЛИКА. Тематическое собрание «Деятели музыкальной культуры Алтай».
5. Кабекова, Т. М. О творческом наследии композитора А. М. Ильина (1908–1972) / Т. М. Кабекова // Анохинские чтения. – Горно-Алтайск, 2008. – С. 74–75.
6. Композитор Андрей Викторович Анохин. Сказание об Алтае / сост. В. Ф. Хохолков. – Горно-Алтайск, 1989. – 120 с.
7. Мой Алтай, обнимаю тебя / В. Ф. Хохолков. Избранное / под ред. А. И. Гурьева. – Барнаул ; Горно-Алтайск : ИП Колмогоров И. А., 2014. – Т. 1. – 275 с.
8. Музыкальная энциклопедия Алтайского края / под общей ред. В. Е. Огневой, И. Н. Свободной. – Барнаул : ГМИЛИКА, АЗБУКА, 2011. – 472 с. : ил.
9. Национальный музей имени А. В. Анохина. Личный фонд композитора А. М. Ильина.
10. Национальный музей имени А. В. Анохина. Личный фонд композитора и педагога Б. М. Шульгина.
11. Национальный музей имени А. В. Анохина. Личный фонд композитора и педагога В. Ф. Хохолкова.

12. Национальный музей имени А. В. Анохина. Личный фонд композитора, этнографа и педагога А. В. Анохина.
13. Наш маэстро: монография / автор-сост. Е. В. Галкин. – Барнаул : АлтГАКИ, 2006. – 92 с.
14. Очерки культуры Барнаула в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Труды ГМИЛИКА. Вып. X / отв. ред. И. А. Коротков. – Барнаул : АЗБУКА, 2005. – 218 с.
15. Путеводитель по фондам и собраниям Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. – Барнаул : Изд-е ГМИЛИКА, Алтайский дом печати, 2009. – 247 с. : ил.

*Щетинина Яна Сергеевна,
г. Барнаул*

**«МУЗЕЙНАЯ НОЧЬ» КАК СПОСОБ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ
(на примере опыта сектора «Традиционная русская культура»
Государственного художественного музея Алтайского края)**

Традиция проведения акции «Музейная ночь» была заложена Международным советом музеев ЮНЕСКО. Впервые акция под названием «Долгие музейные ночи» состоялась в 1997 году в Берлине, которая имела огромный успех и распространилась по всему миру. Акция организовывалась с целью приблизить культурное наследие к зрителю, показать нетрадиционным способом знакомства с музеями и галереями их значимость в жизни общества, а также разнообразие мирового музейного сообщества. Открытость для зрителей – основной девиз «Музейной ночи», в результате которой посетители в неформальной обстановке знакомятся с экспозицией, встречаются с деятелями искусств, посещают постановки или мастер-классы.

В России акция «Музейная ночь» была апробирована в 2002 году в Красноярском музейном центре. В Барнауле акция впервые проводилась в 2006 году одновременно с европейской. Инициатором акции выступил Государственный художественный музей Алтайского края, предложение которого было поддержано музеями и галереями г. Барнаула (ил. 1), [1].

Музеи Барнаула, являясь особыми социокультурными учреждениями по сохранению и трансляции материальной и нематериальной культуры, несут аутентичную культуру в массы через предметы, традиции, технологии. Популяризацию традиционной культуры осуществляют краеведческие и художественные музеи. В Государственном художественном музее в 1994 г. в результате реорганизации центра фольклора и народных ремёсел был создан отдел реконструкции и реставрации традиционной русской культуры (в 2012 г. он был переименован в сектор научно-исследовательского отдела) [2].

Сектор «Традиционная русская культура» – постоянный участник «Музейной ночи», для которой с 2008 года он разрабатывает экскурсии, интерактивные программы, мастер-классы для всех категорий посетителей. Сотрудниками сектора готовятся для продажи сувениры – традиционные тряпичные и керамические игрушки (ил. 2).

Для «Музейной ночи» сотрудниками создаются музейные выставки на основе этнографических изделий современных мастеров и художников по народным промыслам. В 2008 году проведена выставка «У самовара я и моя Маша...», в 2011-м – «Живая старина», в 2013-м – «Народное искусство. Связь поколений», в ходе которых посетители познакомились с устройством жилища, эстетикой народного быта, примеряли традиционный костюм и становились участниками коммуникативного процесса [1].

На выставках в 2012-2014 годах проводились мастер-классы по освоению старинных традиционных ремёсел, рукоделий и фольклора. На занятиях посетители осваивали множество техник рукоделий: ткачество, тряпичная и глиняная игрушка, урало-сибирская роспись, что позволяло им познакомиться с наследием старожилов Алтая. В мастер-классах активное участие принимала не только детская, но и взрослая аудитория.

Важное место среди программ «Музейной ночи» занимает цикл занятий о календарных праздниках (Рождество, Масленица, Пасха, Троица) с показом игр, забав, включением элементов фольклора. В 2012 году прошли Троицкие гуляния «Зеленые Святки», в 2013-м – народные гуляния на усадьбе «От Пасхи до Троицы» (ил. 3), в 2014-м – фольклорная программа «Пасхальный Благовест». Каждый присутствующий в них является не только зрителем и слушателем, но и активным участником происходящего действия [1].

«Музейная ночь» является популярной формой досуга. Вне зависимости от места проведения её целью является привлечение зрителей в музеи. Специфика организации праздничных мероприятий в музее заключается в популяризации традиционной народной культуры.

Литература:

1. Государственный художественный музей Алтайского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://muzei.ab.ru>. – Загл. с экрана.
2. Щетинина, Я. С. Изучение, популяризация традиционной народной культуры Алтая в свете сохранения нематериального культурного наследия России (из опыта работы сектора «Традиционная русская культура» Государственного художественного музея Алтайского края) / Я. С. Щетинина // Снитковские чтения, Барнаул, 2013 г.

*Рохлина Евгения Владимировна,
г. Барнаул*

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ БАРНАУЛА (на примере памятников советского авангарда)

На формирование современного общественного сознания, социальное и экономическое состояние общества влияют различные факторы, в частности, культурная среда. Исследование роли историко-культурного наследия становится актуальным в связи с усилением влияния среды на человека и общество в целом. Связи, возникающие между человеком и историко-культурной средой, а также отношение общества к историко-культурному наследию являются объектом памятниковедения. «Памятник – это эстетический образ истории, реконструируемый «культурный текст» прошедшей эпохи» [4, с. 8], а «обилие историко-культурных объектов дает российскому обществу большие возможности для их использования в духовном возрождении, но, в то же время, налагает ответственность за их сохранение, реставрацию и содержание» [3, с. 4].

Отношение к памятникам определяется общим уровнем образованности и культуры населения и господствующей идеологией, отношением государства к историко-культурному наследию, развитием основного художественного стиля, патриотическими настроениями, экономическим состоянием страны и рядом других факторов. Забота об историко-культурном наследию является важным показателем духовной и гражданской зрелости общества.

Инициатива граждан в деле сохранения памятников истории и культуры важна, но она возникает тогда, когда они информированы об этих памятниках. Каждый регион имеет свои уникальные памятники истории и культуры, которые важно сохранять. Барнаул – центр Алтайского края – не является исключением. Здесь можно обнаружить архитектурные сооружения различных стилей и эпох. Архитектурные памятники XIX века сохраняются и широко пропагандируются общественности, а памятники советского авангарда, в частности, конструктивизма, находятся в состоянии, близком к разрушению.

Конструктивизм – ведущее творческое направление архитектуры России в период с 1917-го по 1930-е гг. Он возник как реакция на эклектику, научно-технический прогресс, появление новых строительных материалов и конструкций, формировал потребности трудящихся. «Творческие концепции конструктивизма в архитектуре утверждали функциональность, конструктивность, технологическую целесообразность архитектурной формы» [1, с. 274]. Данное направление в советском искусстве возникло в результате синтеза формально-эстетических поисков «левых» художников (прежде всего тех, которые искали «выхода» в предметный мир через эстетическое освоение материала, фактуры и конструкции: В. Татлин, В. и Г. Стенберги, Н. Габо, А. Родченко, К. Медунецкий) с идеями «производственного искусства» (О. Брик, Б. Арватов, Б. Кушнер, А. Ган) [8, с. 451]. Художников призывали создавать не образ действительности, а саму предметную действительность – окружающие человека вещи.

Самоопределение конструктивизма как течения относится к 1921 году. В марте 1921 года в ИНХУКе была создана рабочая группа конструктивистов, теоретиком которой был А. Ган, изложивший свои взгляды в книге «Конструктивизм» (1922). В программе, написанной А. Ганом и утверждённой 1 апреля 1921 года, провозглашалось, что группа ставит своей задачей коммунистическое выражение материальных ценностей. Основными средствами выражения объявлялись «тектоника, конструкция и фактура». Конструкция понималась как доведённая до предела избирательная функция.

Принципы конструктивизма в архитектуре были сформулированы братьями Весниными и предполагали чёткий, рациональный план и выявленную во внешнем облике конструктивную основу здания. Впервые проект конструктивизма был воплощён во Дворец труда (Москва, 1923). Помимо городов Центральной России (Москва, Санкт-Петербург) конструктивизм имел большое развитие в архитектуре Екатеринбурга. Это – единственный город в мире, сохранивший квартальную застройку с характерными чертами конструктивизма. В Сибири направление

получило развитие в архитектуре Новосибирска и было представлено работами лидера архитектурной школы А. Д. Крячкова (1876–1950).

В Барнауле также имеются объекты архитектуры этого стиля. Ярким примером конструктивизма считается четырёхэтажное административное здание, построенное в 1928-1929 годах на углу улицы Пушкина и проспекта Ленина (Ленина проспект, 8). Оно имеет характерные особенности раннего конструктивизма 1920-х годов: ритмическую повторяемость крупных форм, динамичность и выразительность.

Если в архитектуре административных зданий Барнаула стилистика конструктивизма была использована эпизодично, то наиболее последовательно направление было реализовано в жилой архитектуре «социалистического поселения» при Барнаульском меланжевом комбинате. Проект планировки первой и второй очередей жилищного строительства был разработан при мастерской А. В. Самойлова (1883–1953).

Характерными образцами архитектуры конструктивизма являются школа-десятилетка (Комсомольский проспект, 115) и жилые дома (ул. Сизова, 26, 28). В процессах формообразования данной застройки происходит ориентация на конструктивно-функциональную целесообразность. Здание одной из первых школ-десятилеток построено по проекту московских зодчих в 1934 году. «Это было первое здание в Барнауле, специально предназначенное для организации учебного процесса» [7, с. 132]. Сооружение имеет горизонтальную направленность с чёткой ритмикой. Горизонталь разбивают органичные выносы частей фасада здания, которым характерны стилистические особенности конструктивизма – фрагменты сплошного, ленточного остекления и «окна-иллюминаторы». Архитектура данных строений имеет ассиметричное расположение с геометрически-чётким членением масс, а также контрастом остекления и глухих плоскостей стен. Жилые дома имеют крупные объёмные формы, которые остаются выразительными даже без деталей, так как объёмно-пространственная композиция зданий соответствует функциональному назначению.

Основа художественно-композиционной системы классики, упростившая формы и детали жилых домов социалистического городка текстильного комбината, относится к позднему периоду строительства (1936-1939). Данный процесс привел к утрате масштаба и, как заметил С. Н. Баландин, «не способствовал типологической выразительности архитектуры жилых зданий» [2, с. 74]. В целом посёлок Барнаульского меланжевого комбината является архитектурным и градостроительным памятником 1930-х годов.

С конца 1930-х годов в архитектуре Барнаула происходит постепенный возврат к классике в переработанном варианте – сталинскому ампиру. В настоящее время архитектурный конструктивизм снова актуален, и это можно заметить в застройке нашего города. Например, жилой дом (Социалистический проспект, 89), построенный в форме корабля (2003, главный архитектор – Л. В. Храбрых), имеет конструктивистские элементы и общие характеристики: ленточное остекление, окна-иллюминаторы и техноморфизм постройки.

Российский архитектор, председатель правления Алтайской организации Союза архитекторов России П. И. Анисифоров отмечает, что «барнаульские архитектурные памятники конструктивизма выполнены по образцовым проектам для повторного применения, соответственно не являются единственными. Несмотря на это данные сооружения редки и имеют высокое эстетическое значение» [5, с. 2]. Помимо этого, памятники советского авангарда, как и другие памятники культуры в своём первоначальном виде, способны передавать аутентичную историко-культурную информацию о событиях и явлениях. В этом ещё одна значимость данных сооружений.

Таким образом, современное состояние памятников архитектурного конструктивизма в Барнауле можно оценить как критическое. В список объектов культурного наследия регионального значения включена лишь часть памятников, другая же находится в аварийном состоянии. Сходные проблемы присущи в большей или меньшей степени и другим регионам. Коммерческий подход к проблеме использования памятников становится подавляющим. Также складывается «...непонимание исторической и архитектурно-художественной ценности конструктивизма, вызванное негативным отношением потребителей, оценивающих здание с позиции современных социальных условий» [6, с. 117].

На современном этапе решение проблем сохранения памятников советского авангарда в Барнауле заключается в разработке технологий и форм их презентации. Повысить степень сохранности архитектуры можно, прежде всего широко популяризируя её среди граждан, что, в свою очередь, должно пробудить охранные инициативы и активизировать политику государства в вопросе сохранения архитектурных памятников.

Литература:

1. Аполлон: Изобр. и декоратив. искусство. Архитектура: Терминолог. слов.: А-Я / [В. Г. Арсланов, Т. Л. Астраханцева, А. Л. Баталов и др.]; Рос. акад. художеств, Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобраз. искусств]. – М. : Эллис Лак, 1997. – 735 с. : ил.
2. Баландин, С. Н. Архитектура Барнаула / С. Н. Баландин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1974. – 108, [1] с., [16] л. ил.
3. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление : дис. ...доктора культурол. наук : 24.00.03 / А. М. Кулемзин. – Томск, 2001. – 403 с.
4. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России: (теория, история, методика) : учебник / А. М. Кулемзин; М-во образования и науки Рос. Федерации, Кемер. гос. ун-т. – Кемерово : КемГУ, 2013. – 285, [1] с.;
5. Личный архив автора: [беседа с П. И. Анисифоровым, архитектором, председателем правления Алтайской организации Союза архитекторов России]. – Барнаул, 2014. – [3 с.].
6. Невзгодин, И. В. Значение наследия архитектуры эпохи конструктивизма в Западной Сибири / И. В. Невзгодин // Развитие исторических центров Сибирских городов с учетом сохранения историко-культурного наследия: проблемы и новые подходы: материалы международного научно-практического семинара 18-30 октября 1997 г. – Новосибирск: научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 1999. – С. 117–118.
7. Памятники архитектуры Барнаула // А. П. Долнаков [и др.]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1982. – 158, [2] с. : ил.
8. Архитектура советского авангарда. Проблемы формообразования. Мастера и течения / С. О. Хан-Магомедов. – М. : Стройиздат, 1996. – Ч. 1. – 709 с. : ил.

РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОЗРАСТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

*Если бы мы только могли понять, что такое дух,
мы бы гораздо сильнее, чем сейчас, почитали
бы человеческое существо.
Хазрат Инайят Хан*

Есть на земле высокое искусство –
Будить в народе дремлющие чувства,
Не требуя даров и предпочтенья,
Чтоб слушали тебя не из почтения,
Чтоб, слышав раз, послушали и снова,
Чтоб ни одно не позабыли слово,
Чтобы в душе – не на руках! – носили.
Ты о такой мечтал словесной силе?
Но, не смущаясь гомоном и гамом,
На площади меж лавками и храмом,
Где блеют маски и скрежешут доски,
Сумей взойти на шаткие подмостки,
Как великан в неистовстве упрямом!
Пускай тебя за скомороха примут,
Пускай тебя на смех они подымут,
Пусть принимают за канатоходца, –
Употреби высокое искусство –
Будить и в них их дремлющее чувство.
И если у тебя оно найдётся,
Так и у них, наверное, проснётся!

Леонид Мартынов

*Голик Надежда Васильевна,
г Санкт-Петербург*

«ПУТЬ ДУХОВНОГО СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ» КАК ФИЛОСОФСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Если «глаза человека – зеркало его души», то мир ребёнка – зеркало культуры взрослых. Культуры, где ребёнку неуютно, холодно и одиноко. Об этом свидетельствует равнодушная статистика всех стран: среди десяти основных причин смерти – суицид. Россия, занимая прочное лидерское место по числу взрослых самоубийств, никогда не была первой по количеству самоубийств среди детей и подростков. Но сегодня Россия вышла на первое место – таков печальный итог и последний штрих в картине современной культуры. Невольно вспоминаются слова мудреца, полагавшего, что с самого рождения цивилизация пошла не по тому пути.

Непреодолимое желание не быть, не жить в мире расчёта, бездушия и лжи знакомо человечеству с незапамятных времён. Стоическая позиция античных философов возвела переживание бессмысленности бытия в ранг особой стратегии и тактики человеческого существования, ориентирующихся на мужество, достоинство и стойкость вопреки любым обстоятельствам. Но детскому сознанию в силу возраста неведомы решения взрослых, и подростки отвечают на обрушивающуюся громаду неприкаянности своим путём – путём исчезновения. Не есть ли это один из главных симптомов эпохи бездомности (Hauslosigkeit), если воспользоваться идеями Мартина Бубера: «В истории человеческого духа я различаю эпохи обустроенности (Behaustheit) и эпохи бездомности (Hauslosigkeit). В эпоху обустроенности человек живёт во Вселенной как дома, в эпоху бездомности – как в диком поле, где и колышка для палатки не найти» [3, с. 164–167].

Поиск причин сложившейся ситуации, если говорить о более близкой перспективе, приводит ряд мыслителей к выводу о несостоятельности и исчерпанности универсального «проекта Просвещения». Сокрушительная критика Просвещения началась ещё в XIX веке и продолжилась в XX-м, на исходе которого была издана книга с симптоматичным названием «Поминки по Просвещению». Её автор, английский теоретик Джон Грей, стремится доказать тезис, согласно которому современная западная цивилизация находится в тупике и не способна справиться с такими проблемами как глобализация, этнические и религиозные конфликты, со-

циальная и этническая нетерпимость [4]. Шокирующая реальность современности никак не укладывается в оптимистическую картину возможности будущего «вечного мира» по мысли И. Канта.

Однако следует сделать одну существенную поправку: западная цивилизация исчерпала проект Просвещения лишь отчасти, воплотив только одну тенденцию Просвещения. Когда Просвещение обвиняют в том, что апелляция к Разуму как последней инстанции потерпела крах, то имеют в виду не *Разум*, а *рассудок*. Происходит подмена понятий. Рассудок в немецкой классике противопоставлялся Разуму как более высокой «способности души». *Рассудок* ориентирован на опыт, прагматику, пользу (вспомним классическую статью Ги Бесса «Полезность как основное понятие Просвещения» [2]), *Разум* же открывает в человеке и человечестве иное измерение, отличное от прагматики, от ориентации на культ денег, прибыль и приспособления к обстоятельствам. Собственно, именно Разум – та инстанция, которая творит из Homo Sapiens, живого существа, высшее создание природы – человека, и определяет его вторую, духовную природу. «Всё действительное разумно» по Гегелю, а не рассудочно. Власть рассудка обрекает на «близорукость», закрывающую видение стратегической цели и возможных метаморфоз претворения идеи в реальность – следствие «безумия самомнения» (Гегель), с которым рассудочное мышление бесстрашно предпринимает попытки и обосновывает проекты по переустройству. Финальный результат ориентации на Рассудок нам теперь хорошо известен – расцвет общества потребления, связанный с «перезагрузкой» иерархии ценностей: деньги превращаются в цель, подчиняя ей свою основную функцию – функцию средства.

Для полноты картины могу сослаться на один, пожалуй, самый впечатляющий и чудовищный со всех точек зрения, социальный эксперимент Германии XIX века, эксперимент по ассимиляции евреев в социальное тело и культуру Германии. Одна из ключевых интеллектуальных фигур немецкого Просвещения, Лессинг, искренне полагал, что «еврейский вопрос» разрешится сам собой в ходе естественной эволюции общества, ибо одно из фундаментальных требований прогресса человечества – равноправие, что означает и улучшение положения евреев. Таким образом, прибавим от себя, своеобразным критерием прогресса (по Лессингу) становится положение евреев в мире. Финал нам хорошо известен: неумолимая последовательность истории спустя век привела к Холокосту, о чём пророчески писал Генрих Гейне: «...там, где жгут книги, будут жечь и людей», наблюдая антипатию высших классов и социальную ненависть низших классов к евреям в 40-е годы XIX века. «Слепота» Просвещения не давала возможности «предугадать», как его «слова» отзовутся в реальности: рассудочность Просвещения сопровождалась уверенностью в том, что все проекты общественного устройства обладают магической силой воплощения в действительность с небольшими потерями. История, как и природа, сказала своё «последнее слово», превратив именно Германию – нееврейскую родину «еврейского вопроса» – в Ад Холокоста [подробнее: 1]. В который раз была подтверждена мысль Густава Лебона о том, что должна произойти смена многих поколений, чтобы люди распрощались со своими глубоко укоренёнными предрассудками, шаблонами мышления и поведения. Но этот вывод был сделан лишь в XX веке. Более того, сама социальная психология стереотипов, предубеждений, враждебности и агрессии становится «самой интригующей» темой специальных исследований лишь к концу XX века. В результате многочисленных научных экспериментов, в частности, было установлено, что подавление стереотипного мышления может быть эффективным в течение непродолжительного времени, но позднее эти мысли возвращаются (как отдача с большей интенсивностью и могут оказывать влияние на установки и поведение) [8, с. 123].

Но... сколько бы мы не устраивали «поминок по Просвещению», однако остаётся одна фундаментальная проблема, поставленная Просвещением и не решённая до сих пор. Это – проблема самого Просвещения. Таково суждение М. Фуко, которое он высказывает в статье «Что такое Просвещение?». Статья написана в 1984 году, спустя ровно 200 лет после выхода в свет статьи И. Канта с аналогичным названием. М. Фуко полагает, что вопрос о том, что есть Просвещение, остаётся до сих пор именно тем вопросом, «...на который философия нового времени не была способна ответить, но от которого ей так никогда и не удалось избавиться. И теперь, вот уже два столетия, она его повторяет в различных формах. Ведь от Гегеля до Хоркхаймера или Хабермаса, включая Ницше или Макса Вебера, почти не встречается философии, которая прямо или косвенно не сталкивалась бы с этим вопросом: что за событие мы называем Просвещением (Aufklärung), по крайней мере, в какой-то части предопределившее то, что мы сегодня думаем и делаем? И на вопрос, что такое современная философия, можно ответить: эта та философия, которая пытается ответить на вопрос, опрометчиво подброшенный ей ещё два столетия назад» [9, с. 336].

Два столетия назад участники дискуссии о причинах неразберихи со словом «Просвещение» отмечали, что со словами «культура» и «образование» – та же самая ситуация: толпа едва ли понимает подлинный смысл этих слов, ибо прошло ещё не так много времени, чтобы эти <...> одинаковые по значению слова можно было бы различать, и их словоупотребление не установило между ними границы. Очевиден был лишь один общий знаменатель смысла этих понятий: «...образование, культура, просвещение – это проявления общественной жизни; результаты усердия и усилия людей в стремлении улучшить свое общественное положение». Исходя из этой посылки, образованным становится тот народ, который достигает гармонии общественного положения (благодаря искусству и усердию) с предназначением человека. Последнее есть мера и цель всех наших стремлений и усилий, отправная точка всех наших помыслов, «если не хотим потерять себя» [7, с. 84].

Дискуссия о Просвещении поднимает и вопрос о псевдокультуре, как бы мы сказали сегодня. Внешний блеск и кажущаяся утонченность, теряющие при критическом рассмотрении свои признаки, один из участников дискуссии, Мендельсон, называет *политурой*. Напомним, что политура (лат. Politura – полировка, отделка) – материал, применяемый для полировки изделий из дерева. Смысл термина Мендельсон поясняет так: истинного блага достигает лишь та нация, чья «...политура является результатом культуры и просвещения, чей внешний блеск и утонченность имеют в своей основе подлинную добротность». Отмечая неодинаковое соотношение культуры и просвещения у различных народов (немцев, французов, англичан, китайцев), он считает образцом *образованной нации* древних греков, а наилучшим показателем образования, просвещения и культуры – язык. Мендельсон специально обращает внимание на необходимость соблюдения меры в любой сфере. В противном случае просвещение и культура будут «неправильными», ослабляющими моральные чувства и приводящими к твердолобию, эгоизму, безверию, суеверию, анархии, расточительству, беспутству и рабству. Современному читателю вряд ли потребуются комментарии, чтобы убедиться в непреходящей актуальности всего сказанного.

В статье И. Канта встречаем похожие суждения, но в целом ответ на вопрос «что есть Просвещение?» выводит мысль на совершенно иной уровень. Кант показывает, что и как именно необходимо сделать человеку, чтобы стать «просвещённым». Формулировки Канта давно превратились в расхожие клише, заполнившие многочисленные порталы Интернета. Однако чтобы добраться до их подлинного смысла, каждый раз требуется интеллектуальное усилие для понимания. Напомню, что Кант определяет Просвещение следующим образом: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом – таков, следовательно, девиз Просвещения» [5, с. 25–35].

Подчеркнём настойчивое повторение выражения «по собственной вине» и слово «мужество». С первых строк своей статьи Кант указывает на роль личного самосознания: человек сам ответственен за состояние своего несовершеннолетия, следовательно, выйти из него и перейти в состояние совершеннолетия человек может лишь благодаря самому себе, своей воле, понуждая самого себя, прилагая для этого определенные усилия, освобождаясь от привычных «помочей» опекуна. Иначе говоря, Кант определяет «выход из состояния несовершеннолетия» как задачу осуществления человеком своего предназначения, а, следовательно, и как нравственную обязанность, вменяющую ему быть отважным не только в том, чтобы знать, что само по себе сопряжено с бесстрашием, но и быть способным совершать смелый поступок по своему разумению. Девиз Просвещения (Sapere aude!) как всякий девиз – это ещё и наказ самому себе и другим: «...отказываться от просвещения для себя и тем более для будущих поколений означает нарушить и попортить священные права человечества». В движении к просвещению люди являются не только действующими лицами, непосредственными участниками процесса. Осуществление самого процесса возможно в той степени, в какой они совершают свой выбор, отваживаясь на добровольное участие.

Переход к совершеннолетию, как полагает Кант, считается большинством людей не только трудным, но и весьма опасным, ибо быть несовершеннолетним чрезвычайно удобно! «Несовершеннолетие» обозначает состояние паралича воли, который заставляет нас полагаться на авторитет кого-то другого и его власть, вместо того чтобы пользоваться собственным разумением: «Если у меня есть книга, мыслящая за меня, если у меня есть духовный пастырь, совет которого может заменить мою, и врач, предписывающий мне такой-то образ жизни, то мне нечего и утруждать себя. Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить; этим

скучным делом займутся вместо меня другие» [5, с. 29]. Для этого просвещения требуется только свобода, и притом самая безобидная, *а именно свобода во всех случаях публично пользоваться собственным разумом...* «Под публичным же применением собственного разума, – пишет Кант, – я понимаю такое, которое осуществляется кем-то, *как учёным* пред всей *читающей* публикой. Частным применением разума я называю такое, которое осуществляется человеком на доверенном ему *гражданском* посту или службе». Иначе говоря, учёный является существом свободным в пространстве досуга и размышлений, обучающий свободе размышления и отношению к вещи так, как того требует сущность вещи (а не чиновник от науки или бюрократ). Но учёный не свободен в исполнении обязанностей гражданина (налоги, дисциплинированность на службе и т. д.).

Обращаясь к учению Канта спустя 200 лет, Фуко выявляет «укоренённость в Просвещении философского вопрошания особого рода, проблематизирующего как отношение к настоящему, способ историчности, так и формирование себя как автономного субъекта». Для него важно подчеркнуть, что неразрывная связь с Просвещением – это не приверженность его каноническим началам, а верность «философскому этосу», понуждающему постоянно воссоздавать установку анализа нашего исторического бытия и постоянно работать над самим собой в качестве свободного существа.

Тогда современность предстанет не эпохой между прошлым и будущим (временной модус), а определённой установкой сознания, включающей особый способ отношения ко всему, что происходит сейчас, свободный выбор, на который способен не каждый, особый способ мыслить и чувствовать, особый способ действовать и вести себя. Это можно подытожить в понятии «задания» самому себе, и именно оно будет определять нашу сопричастность современности. Добавлю от себя: выполнить «задание» самому себе можно при условии «коперниканской» революции собственного сознания, когда в центр мира на место «я» со своими «уникальными» страстями, помыслами, желаниями и капризами ставится понимание сопричастности общему движению и ответственности за всё происходящее – всего того, что можно обозначить, в частности, словами «культура самоанализа». Культура самоанализа предполагает способность на «моральный упрёк, который человек должен поставить сам себе», что никак не связано с «классификацией» людей, с оценочными суждениями: одни хуже, другие лучше. Это означает нравственную и политическую задачу «иметь мужество в своей работе идти до конца увиденного в своей душе и не останавливаться на демократических ритуалах среды, принадлежности какой-то команде» [6, с. 371].

Философско-культурологическое завещание Просвещения даёт нам представление о миссии интеллектуала в культуре, или интеллектуальной элиты. Подчеркиваю – интеллектуальной, а не финансовой, как это принято сегодня. «Интеллектуальная элита» или «аристократы духа» – *это лучшая*, привилегированная часть класса или социальной группы, которая вырабатывает и сохраняет фундаментальные ценности, задавая стратегию культуротворчества, обеспечивая бесперебойную работу «механизма» культуры, возвышения человекообразного существа до состояния человечности – *humanitas*.

Рождение понятия *humanitas* связано с культурой Средних веков и, соединяясь с разившимся в эллинистический период значением слова «пайдейя», вбирает в себя спектр смыслов: человеческая природа, человеческий род, человечество; человеческое достоинство, человеколюбие, гуманность, доброта, обходительность; образованность, духовная культура; утончённый вкус, тонкость обращения, изящество манер, изысканность речи, учтивость, воспитанность.

История развития мировой культуры делает очевидным следующий тезис: интеллектуальная элита – одно из необходимых условий существования, воспроизводства и устойчивости культуры. И если в культуре отсутствуют в достаточной мере те, кто не просто декларируют, а создают и задают нормы «высокого», воплощая интеллектуальные, моральные и в целом жизненные свойства любой нации, формируя образцы для совершенствования, то неизбежен режим «самопереваривания» культуры. Утрата этих образцов, равно как и способности к их оценке, что само по себе является трагедией, с неизбежностью обрекает культуру на потакание «низменным инстинктам толпы» и в итоге – на деградацию.

Литература:

1. Арндт, Х. Просвещение и еврейский вопрос // Х. Арндт. Скрытая традиция : эссе / пер. с нем. и англ. Т. Набатниковой, А. Шибаровой, Н. Мовниной. – М. : Текст, 2008. – 221 с.
2. Бесс, Ги. «Полезность» как основное понятие Просвещения / Ги Бесс // Вопросы философии. – 1972. – № 4.
3. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. – М. : Республика, 1995. – 464 с.

4. Грей, Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Д. Грей ; пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М. С. Фетисова и др. – М. : Праксис, 2003. – 367 с.
5. Кант, И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // И. Кант. Соч. в 6-ти тт. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 25–35.
6. Мамардашвили, М. К. Необходимость себя : лекции, статьи, философские заметки / М. К. Мамардашвили ; под. ред. Ю. П. Сенокосова. – М: Лабиринт, 1996 г. – 432 с.
7. Мендельсон, М. О вопросе «Что значит просвещать?» / М. Мендельсон ; пер. и вступ. статья М. Деминна // Философский век. Альманах 27. – СПб., 2004.
8. Нельсон, Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения / Т. Нельсон ; пер. С. Комаров, А. Боричев. – СПб. ; М. : Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.
9. Фуко, М. Что такое Просвещение / М. Фуко // Мишель Фуко. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С. Ч. Офертаса, под общей ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. – М. : Праксис, 2002. – С. 104–110

**Власенко Валентина Васильевна,
г. Санкт-Петербург**

О СУЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ УЧИТЕЛЯ

С целью «привлечения внимания общественности к вопросам развития культуры» 2014 год в России объявлен Годом культуры, и это закономерно. В третьем тысячелетии уровень и качество культуры труда, культуры управления, политической культуры, экономической культуры, нравственной культуры, художественной культуры, иначе, всех аспектов культуры как многогранной целостности становится решающим фактором в решении глобальных проблем человечества. Под эгидой Года культуры принимаются решения, проводятся различные мероприятия, разрабатываются проекты, но главный вопрос, определяющий успех реализации планов развития культуры в нашем Отечестве, вопрос о **культуре личности** оказался вне внимания разработчиков программ [17]. Вызывает удивление, что Министерство образования и науки практически не задействовано в планах мероприятий и проектов Года культуры, тогда как в современной ситуации именно система образования обладает огромными возможностями формирования и развития культуры индивида.

Реализация этих возможностей напрямую зависит от **учителя**, точнее, от **уровня и качества культуры** самого учителя, но сегодня в таком аспекте отсутствует даже постановка вопроса, поскольку деятельность учителя анализируется лишь через призму его **профессионально-педагогической** культуры. Не в последнюю очередь это определяет и **установку** самого учителя, оценивающего себя лишь «сквозь магический кристалл» прагматического профессионализма. Современного учителя, в отличие от учителя начала 90-х годов прошлого столетия, не волнуют вопросы, связанные с повышением качества личной культуры, для него «...важно его положение в обществе», что приходит в противоречие с требованиями, предъявляемыми учительству обществом [2; 6, с. 97]. Так, по мнению советника заместителя Министра образования и науки П. Б. Мрдуляша, «...при тех требованиях, которые мы выдвигаем в новых ФГОСах к выпускникам школ, учитель должен быть чрезвычайно разносторонней личностью, настоящим “человеком Возрождения”» [17]. Но на разного рода мероприятиях, посвященных проблемам **реализации новых образовательных стандартов**, по-прежнему обсуждаются прагматично-профессиональные вопросы, такие как «развитие дидактической культуры педагога как условие реализации нового стандарта; методическое обеспечение реализации основной образовательной программы в контексте ФГОС; компетентность педагога в области развития проектно-исследовательских умений школьников; изменение оценочной деятельности педагога» и т. д., и т. п. [8, с. 5], но не вопросы, связанные с созданием условий для развития **культуры** учителя.

При этом игнорируется следующее аксиоматическое положение: результаты деятельности учителя определяются прежде всего уровнем его общей культуры, а не профессионально значимыми навыками и умениями, и, следовательно, **потребность** учителя в освоении **нового** обусловлена его культурой как **целостным образованием** [2]. Однако в педагогической литературе невостребованность учителями новых идей объявляется как закономерность учительского труда, как естественное отчуждение теории обучения от практики обучения, когда только спустя десятилетия «основная масса практиков или их значительная часть проникается осознанием практической ориентированности теоретической идеи» [15, с. 9], но не как проблема качества и уровня культуры учительского корпуса [1, с. 289; 22].

Невнимание к проблеме культуры учителя и, следовательно, к выявлению её содержания, структуры и функций оказывается вполне закономерным на фоне отсутствия теоретических работ, посвященных анализу **культуры человека**.

Проблема выявления содержания и структуры культуры человека детерминирована как сложностью культуры, так и – человека. Положение о том, что культура человека есть проекция культуры в целом, т. е. *единичное* (культура человека) изоморфно *общему* (культуре человечества), не является предметом дискуссий. Противоречия обнаруживаются в определении элементов культуры человека, выводящихся в соответствии с той или иной трактовкой культуры. Так, для Платона структура отдельного человека и структура государства тождественны [18, с. 277–287]. Он «...совершенно параллельно рассматривает структуру отдельной личности и строение государства. <...> в личности человека совмещается несколько начал. <...> “низшая часть души” – это чувства. Вторая “часть” души – это воля. <...> высшая часть души – способность познания, или разум» [5, с. 332–333]. По мнению С. И. Гессена, тем самым Платон определил метод, действенный и сегодня, в разрешении единой проблемы педагогики – проблемы образования личности как *тождественной* «в основе своей с проблемой культуры...» [5, с. 340]. В конце XVIII века тема воспроизводства человека культурой становится одной из важнейших идей И. Г. Гердера: «Человек не рождает себя сам, не рождает он и свои духовные силы. <...> только человечество (культура – В.В.) и превращает каждого из нас в человека» [4, с. 228, 230]. Природа создаёт, а культура творит человека: «...если ребенка с момента его рождения отдать на воспитание волчице, то он останется единственным на Земле человеком, совершенно лишённым культуры» [4, с. 231]. Э. Кассирер был убеждён, что культура человека проявляется в *символическом мышлении*, ибо культура есть *символическая вселенная*, а человек, соответственно – *символическое* животное (animal symbolicum). Определяя *деятельность* как главную характеристику человека, «его отличительный признак», философ составными элементами деятельности считал «*символические формы*» – *язык, миф, религию, искусство, науку, историю*, которые служат своеобразными средствами, создаваемыми человеком для себя, чтобы с их помощью сотворить человеческое «Я» [13, с. 517–710]. Следовательно, «...всё, что есть в человеке, как *человеке*, предстаёт в виде культуры...» [11, с. 257], то есть каждая структурная грань культуры как *целостного образования* воплощается в элементах структуры культуры *человека*.

Обращение к философской теории культуры М. С. Кагана, в которой «в отличие от *всех односторонних трактовок культуры* – ценностной, символической, игровой, деятельностной, семиотической, информационной и т. д., и в отличие от суммативных её трактовок», культура представлена в *системной трактовке* «как процесс перехода *предметной деятельности* человека в саму эту *предметность*, ее – в совокупность *специфически-человеческих духовных качеств*, обретаемой людьми в процессе распредмечивания созданной ими предметности и порождающих новые формы предметной деятельности...» и позволяет определить содержание и структуру культуры человека как *системной* целостности [10, с. I, II]. Необходимо отметить, что еще в 80-е годы прошлого столетия эта мысль философа стала основой для построения модели личности в социологии и обоснования принципов культурологического подхода в образовании [15; 21].

Созидательной силой культуры является человеческая деятельность, *функционально-детерминированной структурой* которой становится диалектика «*опредмечивание – распредмечивание*» [13, с. 105]. В динамическом процессе сопряжения *опредмечивания* и *распредмечивания* последнему принадлежит особая роль в формировании и развитии подлинно человеческих качеств. Поскольку «*действительное бытие*» культуры «обнаруживается именно *и только в предметной фазе* её динамического существования», очевидно, что предмет культуры (*артефакт*) является *культурным кодом*, «раскодирование» которого и становится условием *обретения* каждым поколением «закодированных» в предмете *культурных* качеств и свойств человека [12, с. 172].

В истории культурфилософской мысли интерпретация роли предметов культуры в формировании и развитии человеческого начала отличается широким разбросом мнений. Э. Кассирер в «Логике наук о культуре» отмечает, что сомнения в достоинствах культуры регулярно возникают перед человечеством, когда именно в культуре начинают «...усматривать всё большее отчуждение от подлинной цели бытия» [14, с. 112]. Так, в середине эпохи Просвещения «в пламенном трактате» Ж.-Ж. Руссо убеждает, что «...все культурные ценности – фантомы, от которых следует отречься...», поскольку все науки и искусства «...в нравственном отношении изнежили человека и лишили его восприимчивости, в физическом же отношении они, не удовлетворив его потребностей, возбудили, напротив, в нём тысячу неутолимых влечений» [14, с. 112]. Как трагедию воспринимал развитие культуры Г. Зиммель, который обратил внимание на исторически возникшую асимметричность соотношения *субъективной* культуры человека и *объективной* культуры человечества. Различны их масштабы, ибо культура человечества неизмеримо больше культуры отдельного человека и культивируемый субъект «*не может*

возрасти в той же степени, как всё расширяющаяся объективная область вещей, разделённая между бесчисленными её работниками» [7, с. 482]. Различно их качество: предметы, созданные человеком и ставшие культурой, могут «культивировать» низкие порывы человека.

Иная позиция Э. Кассирера, который, полемизируя с Зиммелем, утверждал, что «...то закрепление, которое получает жизнь в различных формах культуры, в языке, религии и искусстве, не просто встаёт в *оппозицию* по отношению к тому, чего каждое Я в силу своей собственной природы должно требовать, а образует одни из *предпосылок* для того, чтобы определить и понимать себя самого» [14, с. 115; 117]. В XXI веке на фоне ностальгии по уходящим предметам культуры происходит более острое осознание их значимости в формировании подлинно *человеческих* качеств. В последнее десятилетие появился ряд исследований, посвящённых судьбе *ручного письма*, авторы которых убеждены, что исчезновение письма несёт за собой целую серию «культурных утрат: физиологических, эстетических, визуальных, интеллектуальных и эмоциональных» [23, с. 297–298]. Уходит не одно письмо, а целая «Атлантида» предметного бытия культуры: *чернильница, перо-уточка, промокашки, пишущая машинка*, (которую называли «*пишущая*», но не «*печатная*»), *копирка и т. д.* [23]. Вместе с ними уходят элементы *деятельности*, формировавшие те или иные качества человека. По мнению Г. Д. Трунова, воспринимающего ручное письмо как *экзистенциальную ценность*, «...переход от письма к клавишам – это движение от *самостоятельности* к *зависимости*, от *естественности* к *механистичности*, <...> от *уникальности* к *стандартности*, от *чувственности* к *рациональности*» [курсив наш – В.В. 20, с. 173]. Но как бы ни различались позиции учёных, неоспоримо одно: *вне предметов культуры невозможно обретение качеств и свойств человека*, т. е. его культуры.

Предметы культуры подразделяются на *материальные, духовные и художественные*, но все они в процессе *распредмечивания* формируют *духовные* качества человека, то есть, если культура *не может быть* сведена к чисто духовному состоянию, то культура *человека* по своему субстрату всегда *духовна*. Это обусловлено особым проявлением материального и духовного в культуре, в которой, во-первых, не существует что-то *чисто* материальное или *чисто* духовное, и такие понятия как «материальная культура» и «духовная культура» условны. Они «...фиксируют лишь *разные типы соотношений материального и духовного* в способах и плодах человеческой деятельности», поскольку «...в субстанцию культуры <...> материальность входит лишь в той или иной её связи с духовностью» [12, с. 172–174]. Во-вторых, культурное качество предмета заключено не в способе его «овнешнения» (материализации духовного содержания), а в его *семиотической* структуре, которая позволяет «другим людям, современникам и потомкам “прочитать” их содержание, каким бы “языком” <...> оно ни выражалось» [12, с. 175]. Таким образом, предметы культуры, становясь *знаками, символами*, несут в себе *смыслы*, заключённые не в них самих, а в культуре, их породившей (Ю. М. Лотман), и каждый из них способствует формированию того или иного духовного чувства.

Соответственно и *структура* культуры человека детерминирована видовой структурой человеческой деятельности и представляет собой сопряжение пяти потенциалов, в которых раскрывается её (культуры человека) *содержание: гносеологического, аксиологического, творческого, коммуникативного и художественного*. Гносеологический потенциал определяется объёмами и глубиной знаний человека и раскрывается в сопряжении разных видов познания: познания *природы* (естественно-научное знание), *общества* (социальное знание), *культуры* (культурологическое знание), *человека* (антропологическое знание). Сюда же включается и знание о самом себе, то есть – *самопознание*. Система *ценностных ориентаций* в разных сферах жизни и деятельности человека характеризует *аксиологический* потенциал его культуры. *Творческий потенциал* раскрывается в способности человека к *действию*, «созидательному и (или) разрушительному, продуктивному или репродуктивному, и мерой их реализации...». Умения и навыки *общения*, характер и прочность контактов, устанавливаемых с другими людьми, определяют содержание коммуникативного потенциала культуры человека. Художественный потенциал характеризуется *уровнем, содержанием и интенсивностью художественных потребностей человека и тем, как он их удовлетворяет* [9, с. 132]. Таким образом, культура человека есть *конкретное соотношение усвоенных им знаний, выработанных им ценностей, обретенных им идеалов, мерой его общительности и качества его художественного вкуса* [11, с. 478].

Представленная идеальная модель культуры человека является *инвариантом* и модифицируется, во-первых, в каждом типе культуры, во-вторых, в социальных группах и, в-третьих, в профессиональных группах. Подробный анализ содержания каждого из потенциалов культуры учителя требует развёрнутого исследования и выходит за рамки данной статьи, но необходимо отметить следующее. Учитель есть личностное выражение культуры, он способен собственным примером и

индивидуальной судьбой «учить жизни», приобщать к ценностям духа, то есть осуществлять свою *родовую* функцию – быть *Значимым другим* для учеников. Именно поэтому культура учителя не может не быть *целостным* образованием, представленным во взаимосвязи и взаимоопосредованности *всех* её потенциалов, поскольку неразвитость хотя бы одного из них приводит к деформации личности, её ущербности.

Полностью разделяя положение М. С. Кагана о том, что «...*главной педагогической проблемой социокультурного бытия должно стать одухотворение* новых граждан...» [12, с. 294], хочу обратить внимание на следующее важное обстоятельство. Учитель сможет пробудить и развить *духовность* своих учеников только в процессе *распредмечивания* предметов культуры, т. е. *обучения и воспитания* [3]. Но учебный предмет для учителя может быть не только средством, с помощью которого он, приобщая учеников к духовным поискам предшествующих поколений и раскрывая *смыслы* их деяний, способствует подлинному *рождению* (в сократовском понимании) своих подопечных, но и средством механического воздействия, цель которого – *преподавание формальных* знаний. И педагогическая тайна раскодирования предметов культуры открывается учителю, сформировавшему *целостность личной культуры*. В своё время К. Поппер точно определил способность учителя посредством *каждого* преподаваемого предмета развивать *духовность* ученика: «Я согласен с тем, что существует серьёзная проблема профессионального образования, а именно – проблема *узколобости*. Однако я не верю, что “литературное” образование может быть средством против этого, поскольку оно может создать свой особый тип узколобости, свой особый снобизм. <...> Обычное возражение, согласно которому интерес к изучению электричества или стратиграфии мало что даёт для познания человеческих дел, только выдаёт полное непонимание человеческих дел. <...> наука – это не только собрание фактов об электричестве и т. п.; это одно из наиболее важных *духовных* завоеваний наших дней. Следовательно, наши так называемые факультеты искусств, основанные на теории, согласно которой литературное и историческое образование вводят студента в духовную жизнь человека, в их сегодняшних формах совершенно устарели. Не может быть истории человека, которая исключала бы историю его интеллектуальной борьбы и интеллектуальных достижений. Не может быть истории идей, которая исключала бы историю научных идей. <...> науке можно учить как *увлекательнейшей части человеческой истории – как быстро развивающемуся росту смелых гипотез, контролируемых экспериментом и критикой*» (курсив наш – В.В.) [19, с. 327–328].

По убеждению М. С. Кагана, в культуре третьего тысячелетия целью деятельности «главного героя» преобразования всей педагогической системы – Учителя – и должно стать умение преподавать свой предмет как *увлекательнейшую часть человеческой истории*, то есть учитель должен быть не «предметником», владеющим более или менее эффективной методикой обучения основам своей науки, а *Художником*, формирующим Человека как целостную и уникальную Личность [11, с. 675].

Литература:

1. Бермус, А. Г. Модернизация образования: философия, политика, культура: монография / А. Г. Бермус. – М. : Канон ; Реабилитация, 2008. – 384 с.
2. Браже, Т. Г. Из опыта развития общей культуры учителя / Т. Г. Браже // Педагогика. – 1993. – № 2. – С. 70–75.
3. Власенко, В. В. К вопросу о культурологическом смысле основных педагогических понятий / В. В. Власенко // Вестник Тамбовского университета, серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 6. – С. 85–91.
4. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 703 с.
5. Гессен, С. И. Педагогические сочинения / С. И. Гессен ; сост.: Е. Г. Осовский (вступ. ст. и общ. ред.), М. В. Богуславский, О. Е. Осовский; подгот. текста и коммент. Е. Г. Осовского, В. П. Киржаевой, О. В. Осовского. – Саранск : Тип. «Красный Октябрь», 2001. – 564 с.
6. Заречнева, Е. Н. Социокультурный концепт «учитель»: когнитивно-дискурсивное исследование: дисс. ... к. фил. н. / Е. Н. Заречнева. – Барнаул, 2009. – 214 с.
7. Зиммель, Г. О сущности культуры / Г. Зиммель // Избранное в 2-х т. Т. 1: Философия культуры; пер. с нем. – М. : Юрист 1996. – С. 475–482.
8. Инновационная деятельность педагога в условиях реализации ФГОС общего образования: сборник научных статей 1-й Всероссийской научно-практической конференции, 28–29 марта 2013 года. – СПб. : ФГНУ ИПООВ РАО, 2013. – 343 с.
9. Каган, М. С. Избранные труды в 7-ми т. Т. 2/ М. С. Каган. – СПб. : ИД «Петрополис», 2006. – 660 с.
10. Каган, М. С. Избранные труды в 7-ми т. Т. 1/ М. С. Каган. – СПб. : ИД «Петрополис», 2007. – 300 с.
11. Каган, М. С. Избранные труды в 7-ми т. Т. 3/ М. С. Каган. – СПб. : ИД «Петрополис», 2007. – 755 с.
12. Каган, М. С. Метаморфозы бытия и небытия: Онтология в системно-синергетическом осмыслении / М. С. Каган. – СПб. : Logos, 2006. – 416 с.

13. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая / М. С. Каган. – СПб. : Изд-во «Петрополис», 2003. – 368 с.
14. Кассирер, Э. Опыт о человеке / Э. Кассирер // Кассирер Э. Избранное. – М. : Гардарика, 1998. – С. 514–710.
15. Лернер, И. Я. Философия дидактики и дидактика как философия / И. Я. Лернер ; РАО Ин-т теории педагогики и образования. Лаб. теорет. пробл. дидактики. – М. : Изд-во РОУ, 1995. – 49 с.
16. Образование России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.education.mon.gov.ru/articles/98/>. – Заглавие с экрана.
17. Планы субъектов Российской Федерации по проведению Года культуры: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mkrf.ru/ministerstvo/departament/list.php?SECTION_ID=46630. – Заглавие с экрана.
18. Платон. Государство / Платон. – СПб. : Наука, 2005. – 570 с.
19. Поппер, К. Открытое общество и его враги : в 2-х т. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К. Поппер ; пер. с англ., под ред. В. Н. Садовского. – М. : Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
20. Трунов, Д. Г. От письма к клавишам: анализ потерь / Д. Г. Трунов // Философия образования и искусство : сб. ст. – СПб. : Санкт-Петербургское филос. об-во, 2010. – 242 с.
21. Художественная культура и развитие личности : проблемы долгосрочного планирования / Ю. У. Фохт-Бабушкин, В. Я. Нейгольдберг, Ю. В. Осокин [и др.]; отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин ; АН СССР, ВНИИ искусствознания М-ва культуры СССР. – М. : Наука, 1987. – 222 с.
22. Хуторской, А. В. «Происходящая» теория обучения как методологическая предпосылка инновационной деятельности в общем среднем образовании [Электронный ресурс] // Эйдос : интернет-журнал. – 2006. – 14 февраля. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0214.htm>. – Заглавие с экрана.
23. Шмелева, Т. В. Письмо как культурная утрата / Т. В. Шмелева // Концепты культуры и концептосфера культурологии : коллективная монография ; под ред. Л. В. Никифоровой, А. В. Конево. – СПб. : Астерион, 2011. – С. 291–301.

**Балакина Елена Ивановна,
г. Барнаул**

НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЩЕНИЯ С ИСКУССТВОМ В НЕЛИНЕЙНОМ ПРОЦЕССЕ ЖИЗНЕННОГО САМОРАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

*Искусство (серьёзное, о котором можно говорить)
должно возвышать, влить в человека силу подняться,
высоко держать душевный строй...*
Иван Крамской

Ни одна серьёзная образовательная или духовная система в истории человечества не обходилась без помощи искусства. Вероятнее всего, это было связано с заложенной в нём способностью оказывать воздействие на поведение или внутренний мир личности – в зависимости от способов взаимодействия с ним. Так, например, в пору греческой Классики искусство было главным средством воспитания идеального человека. В религиозных культурах мира искусство тоже становится формой передачи духовных ценностей и пробуждения тонких душевных состояний участников ритуалов (по мере готовности человека).

Даже в советское время, в годы становления государства, при всех сложностях революционных перемен, искусству в школе планировалось отвести важное место: «Когда в Наркомпросе впервые разрабатывали принципы советской школы, – писал А. В. Луначарский, – мы придавали огромное значение художественному воспитанию. Потом, за отсутствием средств от художественного воспитания ничего не осталось кроме кое-где уроков пения, <...> немного театрализации и чуточку рисования» [8, с. 20].

Современное бытие искусства как объекта научного исследования, образовательного направления, профессиональной деятельности или развлечения **сужают границы** его проявлений, **искажают смысл**.

Представления о простой и однородной механической Вселенной наложили глубокий отпечаток на разные области человеческой деятельности, в том числе – на познание культуры и искусства. В статье «Время, хаос, квант» И. Пригожин и И. Стенгерс обращают внимание на назревшую методологическую проблему: «Парадокс искусства не был осмыслен вплоть до начала XX века. К тому времени искусствоведческие исследования уже давно воспринимались как выражающие идеал объективного знания о нём» [3].

Сходные идеи высказывает немецкий исследователь Э. Гроссе: «Почему существо и жизнь искусства остаются окутаны мраком? Мы отвечаем: потому что наука об искусстве до

сих пор держится совершенно фальшивого метода и до сих пор ограничивается совершенно недостаточным материалом. Во всех прочих отраслях социологии мы научились начинать с *начала*; <...> Надо начинать снизу, даже под страхом, что изучение монотонных песен и однообразного орнамента жалких дикарей на первых порах не возбудит общего интереса, на который могут рассчитывать смелые и оригинальные выводы о современном и будущем искусстве» [2, с. 18–19].

Краеугольные вопросы современности из серии «Быть или не быть Искусству?» отсылают мысль и интуицию к самым ранним формам его проявления. В комментарии к 23 гексаграмме «И цзина» говорится: «Когда всё внимание сосредоточено на чём-то внешнем, всё, *священное с самой сущностью*, отступает на задний план. На неё не обращают внимания, и она, предоставленная произволу случайностей, приходит к упадку. Начало же всякого упадка – это *разрушение существенного...*» [9, с. 360].

Разрушение существенных качеств искусства в современной культуре подсказывает, что это может быть связано с укрепившейся традицией изучать искусство с точки зрения его внешних проявлений. Вероятно, исправить положение можно перенесением акцента на «внутреннее».

В данном контексте вопрос о зарождении искусства в системе культуры первобытного общества приобретает основополагающее значение. Древнейшее состояние культуры человечества необходимо прочесть как смысловой исток художественного творчества, в границах которого сформировалась идея, «суперэйдос», изначальный смысл Искусства в системе культуры, его назначение в сложном взаимодействии человека и мира, который сохраняется в нём и в настоящее время, и будет оставаться его истинным смысловым ядром при всех изменениях языка и социального бытия искусства в будущем.

История искусства уходит в глубокую древность человечества. Первые попытки творчества рождались в запредельные времена в языках пламени магического костра, в сакральном пространстве первобытного ритуала.

*Пещерный человек учился рисовать.
Не находя в изяществе резона,
Тяжёлым камнем начал выбивать
Фигуру угловатого бизона.
Случайный шаг. Опасная стезя...
Закончил, и впервые с Сотворенья
Из глаз звериных длинная слеза
Устало потекла – от умиленья...*

Так живописал процесс зарождения искусства Евгений Винокуров. Как это было на самом деле – точно определить сегодня вряд ли возможно, да и так ли это важно? Важнее найти убедительный научный путь, позволяющий определить место и значение искусства в системе культуры. Почему в исторической смене эпох, стран и народов, в напряжённой динамике развития научных парадигм, значительных обновлениях пёстро, но целостного поля мировой культуры появляются и исчезают многие явления, но искусство остаётся? Остаётся, несмотря на тревожные предсказания его судьбы в контексте стремительного развития техники, которая давно должна была вытеснить и уничтожить дружное семейство классических искусств!

Исследователи расходятся во мнениях о возможностях и назначении искусства, но в одном все единодушны: искусство будет жить до тех пор, пока существует Человечество как уникальное культурное сообщество.

Взаимодействие с искусством в современной культуре почти повсеместно приобрело образовательный, рациональный характер. Оно изучается и преподносится как преимущественно материальное явление – в истории жанров и форм, детальном описании артефактов, в аналитических конструкциях, раскрывающих закономерности драматургии произведения или особенности творчества автора. При этом ясно обозначилась глубочайшая проблема утраты интереса общества к искусству, которое, как утверждают мыслители всех веков, только и предназначено для помощи человеку в решении сложнейших вопросов его жизни и судьбы. В чём же причина противоречия, доведённого жизненной практикой последних десятилетий до своего предельного состояния?

В известной фразе В. Маяковского о звёздах, которые зажигаются, потому что это кому-то нужно, звучит один из универсальных древних законов, в XX веке доказанный наукой: в мире не появляется и не существует ничего, что не было бы ни для чего нужно. Если искусство до сих пор существует, значит, в этом есть высшая непреложная необходимость. Для чего же и кому нужно искусство? Каково его место в системе культуры, гуманитарном образовании, процессе формирования личности?

Вопросы о сущности и предназначении искусства в развитии духовных и материальных оснований мировой культуры являются едва ли не самыми обсуждаемыми в научно-философской и публицистической литературе мира.

В работе Г. В. Гриненко искусство представлено как форма участия человека в саморазвитии мира: «Это магические реалии, которые имеют изобразительную, пантомимическую, подражательную, интонационно и вербально суггестивную формы. Уходящие к истокам культуры канонизированные словесные суггестивные высказывания (заговоры, заклинания, проклятия, любовные «прислушки», поминания, военные песни, «уничтожающие» врагов) не являются ни индивидуальным, ни даже коллективным самовыражением и представляют собой целенаправленную ритуально-магическую деятельность, исходящую из уверенности в практической действенности слова. «Словом останавливали солнце, словом разрушали города» (Николай Гумилёв). Эта словесная форма магии обычно синкретически связана с музыкальной и танцевальной обрядовой деятельностью» [1].

В таком понимании сходятся многие исследователи первобытного общества: «Мы опять-таки должны помнить, что такие ритуалы не просто символичны, они составляют неотъемлемую часть космических событий, посредством их осуществляется участие человека в этих событиях» [6].

Магическая гипотеза происхождения искусства представлена и в работах многих других исследователей: Э. Тайлора, Дж. Фрэзера, С. Рейнака, А. Брейля, М. Ферворна, С. Н. Замятина, А. С. Гущина, З. А. Абрамова, Я. Я. Рогиньского, Л. Б. Вишняцкого. В сущности феномена, называемого на рациональном языке «мистикой» или «магией», можно увидеть его типологическое созвучие с широким спектром явлений современной культуры. Эту идею развивает Л. Леви-Брюль (см. Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление): «Если разуместь под «магической» операцией всякую операцию, которая предполагает мистические отношения, приведение в действие тайных сил, то не окажется почти ни одного акта даже в относительно развитых обществах, который не носил бы в некоторой степени мистического характера. Пока мышление более или менее подчинено *закону сопричастности*, виды и способы действия определяются этим же законом» [7, с. 151].

О широком распространении магии и весьма размытом в современной науке и культуре смысле этого понятия и сегодня продолжают размышлять учёные: «В современную эпоху <...> интерес к истокам культуры и феноменам архаической жизнедеятельности не угасает <...> Среди этих феноменов архаической жизнедеятельности – магия <...> использовалась для широкого круга действий в жизни человека во все времена» [5, с. 213].

В явлениях архаической и более поздней магии стержнем всех манипуляций всегда была задача оказать воздействие на разных системных уровнях – на мир другой реальности, на природу, общество в целом или его часть, человека или его душу. Видимо, не случайно в качестве инструмента, при помощи которого совершаются магические действия в культурах разных народностей, используется исключительно искусство. Этот факт свидетельствует о внутреннем изоморфизме магии и искусства, что можно заметить и в других концепциях происхождения искусства. Так, например, выделяемые трудовая и игровая концепции искусства тоже содержат в себе магическую составляющую и, более того, являются магическими по сути, так как и в обоих случаях задача «оказать воздействие» остаётся определяющей.

Мистические корни искусства определили его место в культуре как проводника духовных состояний, способного устанавливать прямой контакт человека с действующими в мире «высшими и низшими» силами. Сущность искусства традиционно видели в его способности «воспроизводить божественное творение» (Ф. Р. Ламенне).

Религиозные культуры мира обладали единственным средством, способным погрузить человека в состояние религиозного чувства, озарения, транса, – искусством. Эпохи светского характера ставили перед искусством более «земную» задачу внутреннего преображения человека – задачу по существу тоже магическую, хотя формы и содержание произведений становятся далёкими от религиозного культа или древней, известной по практике архаических племён, магии.

Непостижимость и неопределённость воздействия искусства, непредсказуемость эмоционально-психологических реакций разных людей на одно и то же произведение сближает процесс общения с искусством с древним мистическим ритуалом, в котором с человеком что-то происходило, ощутимо изменялось его состояние, но каким образом и что именно оказывало воздействие – окутывало покрывало тайны. В восприятии искусства и сегодня мало что изменилось.

Вера в преображающую силу искусства была источником композиторского вдохновения и духовной основой философских исканий А. Н. Скрябина: «Музыка – путь откровения. Вы не можете себе представить, какой это могущественный метод познания. Если бы вы знали, сколь многому я научился через музыку! Всё, что теперь думаю и говорю, – всё это я знаю через своё творчество. Музыкальные и творческие аналогии удивительны, они часто совершенно объясняют то, что иначе было бы совершенно непонятно. Вы не можете себе представить, до

какой степени творчество в искусстве есть путь откровения» [4, с. 61]. Возможность получать «откровения» посредством музыки отмечается А. Н. Скрябиным как данность, он не пытается осмыслить, каким образом оно рождается.

При этом мы неоднократно оказываемся свидетелями и другого процесса: на начальном этапе исполнительской практики музыка заучивается как текст, или вызывает лёгкое чувство удовольствия при поверхностном прослушивании... Разнообразие взаимодействия человека с музыкой (как, собственно, и с другими видами искусства) тоже укладывается в типологию отношений «диалог-монолог». Рациональное освоение текста произведения необходимо как начальный этап знакомства с ним, но дальше начинается настоящая магия! Углубление в духовно-эмоциональный мир произведения непременно предполагает установление с ним диалогических отношений, создание ситуации «вопросания», где *искусство становится равноподобным человеку, а человек – продолжением искусства*.

Это касается и создателей произведений, и всех участников общения с ним. Рождение гениального произведения происходит в результате диалога автора с духовными проявлениями высшего порядка, когда ему в состоянии творческого устремления удаётся внутренне дотянуться до вершин парения Духа и стать для них на тот момент «равноправным субъектом». И восприятие искусства, и само усилие быть человеком тоже требуют вхождения в диалог с высшими представлениями о духовной сути человека и его миссии в культуре.

В сущностном понимании специфика человеческой деятельности – это особое соединение духа и материи, облакающее идею Человека в зримые и осязаемые формы земного существования и приближающее земную жизнь конкретной личности к небесным высотам Идеала. В основе этого процесса – работа духа, рождающего идею, достойную воплощения (см. М. С. Каган «Философская теория ценностей» и «Философия культуры»). Каждая идея – это прыжок Человека в Небо.

К. Г. Юнг подчёркивает исходную направленность произведения на совместность проживания – автора и зрителя, автора и персонажей произведения, зрителя и героев произведения – называя это состояние не просто «событием», а буквально – «со-бытием». Он утверждает необходимость прорастания смыслового зерна произведения в душе и сознании воспринимающего его человека.

В 20-е годы XX века из этой идеи в России *М. М. Бахтиным* была выстроена *методология гуманитарного знания*, направленная не столько на произведение и человека, сколько на их духовное сотрудничество, взаимодействие и взаимовлияние. Идея «со-бытия» привела к кардинальным изменениям и в содержании науки об искусстве, и в поиске путей включения искусства в образование и культуру.

Вопрос о сущности искусства и его роли в процессе саморазвития личности – это сегодня вопрос о культуре, человеке и мире. Чтобы постичь силу Искусства, требуется изменение понимания современного человека. Параллельно с поиском сущности искусства важно «запустить» процесс, способствующий преображению, магической метаморфозе сущности человека.

Чтобы между Искусством и Человеком в их глубине окрепло качественно новое отношение, Человек должен снова ощутить широту своего Бытия в его многослойности и космичности. И помочь ему в этом может именно Искусство, совершающее скрытое влияние на тонкие структуры личности в нелинейном поле гуманитарного диалогического общения.

Литература:

1. Гриненко, Г. В. Искусство [Электронный ресурс] / Г. В. Гриненко. – Режим доступа: <http://gudocs.exdat.com/docs/index-47964.html?page=18>. – Заглавие с экрана.
2. Гроссе, Э. Происхождение искусства / Э. Гроссе ; пер. с нем. А. Е. Грузинский. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1899. – 294 с. : 32 ил., 3 табл.
3. Пригожин, И., Стенгерс, И. Время, хаос, квант [Электронный ресурс] / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Режим доступа: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/vrema-haos.html>. – Заглавие с экрана.
4. Рыбакова, Т. В. Этот звенящий эльф... / Т. В. Рыбакова. – М. ; СПб. : Экстрапринт, 2008. – 160 с.
5. Старунова, Ю. В. Феномен магии в культуре общества / Ю. В. Старунова //: II Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему» 25–29 ноября 2008 г. Программа. Тезисы докладов и сообщений. – СПб. : Эйдос ; Астерион, 2008. – С. 213.
6. Франкфорт, Г. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека [Электронный ресурс] / Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен ; пер. с англ. Т. Н. Толстой. – Режим доступа: <http://profismart.ru/web/bookreader-133684.php>. – Заглавие с экрана.
7. Художественная культура первобытного общества: хрестоматия / сост. И. А. Химик. – СПб. : Славия, 1994. – 415 с.
8. Щетинин, М. П. Объять необъятное. Записки педагога / М. П. Щетинин. – М. : Педагогика, 1986. – 176 с.
9. Щуцкий, Ю. К. Классическая китайская «Книга Перемен» / Ю. К. Щуцкий. – Ростов-н/Д : Феникс, 1998. – 544 с.

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БИБЛИОТЕКИ: ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ И ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Широта распространения и доступность Интернета способствуют максимальному вовлечению людей (человечества) в процессы создания, обмена и потребления разнообразной информации. Эти процессы носят творческий или познавательный характер, или утоляют жажду общения.

Общество XXI века – общество информационное. Сегодня всё большее число коммуникаций совершается с помощью Интернета. Многие виды деятельности не представляются без интерактивной виртуальной среды, её возможностей. В телекоммуникационное пространство Интернета уверенно вошли и библиотеки. Интернет как информационная среда даёт возможность получить информацию и предоставить сведения о себе.

Обретая новые технические возможности, библиотеки стали располагать большим потенциалом для успешного вхождения в социум. Освоив работу с виртуальными ресурсами, библиотека как общественный институт становится полноправным элементом виртуального пространства.

В современной культурной среде явно прослеживается разделение библиотечного пространства на реальную и виртуальную составляющие, причём активность библиотеки в электронном мире неуклонно возрастает.

Изменения, связанные с активным вмешательством информационных технологий в практику работы библиотек, не могут не влиять на традиционное пространство библиотек, а также кардинально изменять его границы. С. А. Езова определяет библиотечно-информационное пространство как территорию библиотеки и всех мест, где она реализует свои контакты с пользователями. Библиотека, осваивающая Интернет, открывающая в нём представительства (сайты), ведущая диалоги через форумы, блоги, социальные сети, – это реальная практика. Отсюда появление виртуальной библиотеки и виртуального пользователя [3].

Е. В. Древетняк считает, что информационное пространство – это не только и не столько технологическая база, представленная рассредоточенным по земному шару компьютерно-телекоммуникационным оборудованием, каналами связи, средствами доступа к данным и самими данными. Это – система отношений между производителями, распространителями, хранителями и потребителями информации, то есть между всеми участниками нынешней системы информационных коммуникаций [2].

Физически не ощущаемая часть пространства современной библиотеки получила в профессиональном сообществе устойчивое наименование «виртуальное библиотечное пространство». Она имеет дело с электронными ресурсами. Внутренняя составляющая виртуального пространства включает в себя размещённые в реальном пространстве АРМы и точки доступа для портативных компьютеров; зоны wi-fi внутри библиотеки; память библиотечных компьютеров, с дисплеев которых считывается информация при удалённом доступе, и серверы, на которых хранятся электронные каталоги, базы данных и иные ресурсы, произведённые библиотекой, а также веб-сайт библиотеки [5].

Виртуальное пространство как глобальная система коммуникации является отражением процессов, характерных для современного общества и в настоящий момент лишённых всякого рода ограничений и законов. Появляясь на свет в результате познавательной деятельности человека, в обстановке повседневности бытовой и виртуальной, культура в пространстве сети Интернет приобретает новые качества и новые формы.

Наличие неограниченных возможностей и относительной свободы поведения в Сети, тем не менее, не должно рассматриваться как предоставление каждому права делать в Интернете всё, что хочется. Как и в реальном мире, в Интернете должны действовать некоторые социальные регуляторы поведения. Речь идёт о соблюдении регламента и традиций, примыкающим к ним норм морали, правил поведения людей в отдельных сообществах. Вопрос об этических нормах в Сети приобретает всё большую актуальность. Интернет поистине является средством массовой коммуникации людей, и здесь, несомненно, нужно придерживаться определённых этических норм и ценностей. Опыт развития Сети подтвердил высокую степень эффективности неюридических норм регулирования.

Специалисты постоянно пытаются составить общесетевой свод правил поведения в Интернете. Одной из первых попыток подобного рода можно считать выход в начале 90-х годов XX-го века книги *Netiquette* (англ. Net и etiquette «сеть» и «этикет»), где детально рассматрива-

лись правила, которым должно следовать абсолютное большинство пользователей Интернета [6].

Правила нетикета не являются всеобщими и жёстко установленными – каждое сетевое сообщество формирует свои правила. Обычно правила записаны и оформляются в виде устава или списка. В других случаях существуют в умах и словах модераторов, а иногда и просто «старожилы» сообщества и поддерживаются на основании их личного авторитета.

Чаще всего под явным нарушением этикета понимают оскорбления и переход на личности, злонамеренный отход от темы, рекламу и саморекламу в не предназначенных для этого местах. Нарушением нетикета могут считаться клевета и иная злонамеренная дезинформация (обман) или плагиат.

Положения (рекомендации) нетикета можно разделить на три категории: (1) психологические, эмоциональные; (2) технические, оформительские; (3) административные.

В целом, правила нетикета почти не отличаются от традиционного этикета: они предполагают уважение к партнёрам по коммуникации и опираются на базовое этическое правило взаимности, то есть «золотое правило» морали. В преамбуле одной из версий нетикета говорится: «При работе в Сети прежде всего не следует делать того, что не поощряется в любом цивилизованном обществе. А именно – разжигать национальную рознь, оскорблять людей, ругаться матом, воровать, умышленно пытаться что-то сломать, призывать к свержению существующего строя и т. п.».

Научное осмысление проблем, связанных с виртуальной реальностью вообще и с реальностью интернет-коммуникации, в частности, только начинается. Поэтому очевидна необходимость создания виртуальной этики – как области прикладной этики, в задачи которой должны входить моральная и нравственная оценки виртуальной коммуникации; теоретическое обоснование этических норм и принципов, регулирующих поведение в этой сфере; создание механизмов, обеспечивающих соблюдение этих принципов.

Специфика виртуальной этики определяется спецификой объекта исследования. Интернет никому не принадлежит, никем не контролируется, а следовательно – не управляется, участник виртуальной коммуникации, как правило, анонимен и в любой момент может уйти от контакта, а возможности законодательного регулирования этой области жизнедеятельности сравнительно невелики, по крайней мере, на данный момент. Это даёт пользователю иллюзорное ощущение неограниченной свободы – вплоть до вседозволенности.

Не менее важным механизмом этической регуляции Сети являются профессиональные этические кодексы, сфера действия которых, однако, не ограничивается узкими группами специалистов, но распространяется на всех субъектов информационного общества.

Наряду с общечеловеческими этическими нормами (социальная и персональная ответственность, равноправие партнёров по коммуникации, точное и добросовестное исполнение своих профессиональных обязанностей и т. п.) во всех кодексах фиксируются базовые права, принадлежащие каждому взрослому участнику виртуальной коммуникации. Эти права основаны на соблюдении трёх главных моральных принципов: общедоступности, тайны частной жизни и неприкосновенности частной собственности.

– Принцип «общедоступности», один из главных нормативных принципов информационного общества, гарантирует право граждан на коммуникацию и предполагает доступность любой информации в любой общественной сфере для каждого субъекта коммуникации.

– Принцип «сохранения тайны частной жизни» выражает право человека на автономию и свободу в частной жизни, право на защиту от вторжения в неё других людей и органов власти. Поэтому одной из главных моральных норм создателей и пользователей информационных систем является обязательство по соблюдению конфиденциальности доверенной информации.

– Принцип «неприкосновенности частной собственности» является основой имущественного порядка в экономике. Применительно к виртуальной этике следование этому принципу означает соблюдение права собственности на информацию и норм авторского права [5, 18–19.].

Этические кодексы приняты у большинства существующих в мире профессиональных организаций библиотечных специалистов. «Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря» в целом соответствует принципам международного библиотечного сообщества и провозглашает следующие регламентирующие положения:

Библиотечный специалист:

- обеспечивает качество и комфортность услуг, их доступность и разнообразие;
- декларирует свободный доступ к информации как право личности;
- препятствует ограничению доступа к библиотечным материалам;
- не несёт ответственности за последствия использования информации;
- выражает уважение к личности пользователя и её информационным потребностям;

- сохраняет конфиденциальность данных об информационной деятельности пользователя;
- соблюдает авторские права на интеллектуальную собственность;
- стремится к профессиональному самосовершенствованию, повышению уровня профессионального образования и компетентности;
- уважает знания коллег и передаёт свои знания;
- относится с уважением к коллегам;
- заботится о высоком статусе своей профессии.

В основе профессиональной этики библиотечного специалиста лежит непосредственное общение с людьми, постоянное внимание к их интересам, стремление наиболее полно удовлетворить читательские запросы. Развитие научного, культурного, духовного потенциала общества, в конечном итоге, напрямую зависит от нравственных установок работника библиотечно-информационного учреждения.

Этический аспект современной информационной работы библиотеки заключается прежде всего в вопросе свободы доступа к информации.

В любом обществе охраняются государственные, юридические, врачебные и некоторые другие тайны. Гражданский долг библиотекаря заключается в том, чтобы способствовать выполнению общественных предписаний. Когда библиотекарь уверен, что информация, которую он может предоставить, будет использована в каких-то неблагоприятных целях, он обязан предпринять противодействующие меры. В этом случае этические соображения, законы сохранения жизни и собственности граждан страны будут превалировать над абстрактным требованием предоставления информации в любых случаях и по любому вопросу.

Сравнительно новая этическая проблема – сохранение государственной, коммерческой и личной тайны чтения (конфиденциальности), которая напрямую зависит от коммерциализации библиотечных услуг, расширения объёма предоставляемой информации и её доступности.

Факты привилегированного обслуживания в библиотеках также относятся к вопросам этики. Профессиональный библиотекарь предоставит оперативную, точную и полную информацию любому читателю независимо от его социального положения, возраста, занимаемой должности. Профессиональные нормы выступают как разновидность социальных норм.

Наличие корпоративной морали у определённой социальной группы – свидетельство её зрелости, развитости профессионального сознания, способности выступать активным субъектом деятельности. В этом ключе на одно из важных мест выдвигаются нормы поведения как основа консолидации профессиональных сообществ. Заявленные в них принципы, нормы как раз и выступают основой корпоративной морали. Принцип действия этих норм, как правило, рекомендательный, хотя нарушение влечёт за собой обязательные санкции, прежде всего морального характера [1].

Кодекс профессиональной этики устанавливает приемлемые границы поведения и критерии, которыми руководствуются специалисты в профессиональной деятельности, то есть кодекс призван сформулировать принципы правильного поведения библиотекаря во время выполнения им своих профессиональных обязанностей.

Виртуальное пространство стало неотъемлемой частью жизни современного человека. Развитие современных средств коммуникации привело к лёгкому и быстрому доступу к сети Интернет, что, в свою очередь, повлекло бурный рост интернет-технологий и предоставляемых услуг в библиотечно-информационных учреждениях. Регламентирующие положения «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря» соответствуют принципам международного библиотечного сообщества и позволяют использовать их в организации виртуального пространства российских библиотек.

Литература:

1. Алтухова, Г. А. Профессиональная этика библиотекаря / Г. А. Алтухова. – М. : Изд-во МГУКИ, 2000. – 112 с.
2. Древетняк, Е. В. Роль библиотеки в современном информационном пространстве [Электронный ресурс] / Е. В. Древетняк. – Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология. Том 24(65). – 2013. – № 3. – С. 101–106. – Режим доступа: http://sn-philcultpolsoc.crimea.edu/arhiv/2013/uch_24_3filosof/012_drev.pdf. – Заглавие с экрана.
3. Езова, С. А. Дискурс о библиотечном пространстве [Электронный ресурс] / С. А. Езова. – Электронная библиотека ГПНТБ России. – Режим доступа: <http://ellib.gpntb.ru/subscribe/index.php?journal=ntb&year=2006&num=9&art=1>. – Заглавие с экрана.

4. Интернет в профессиональной информационной деятельности: электронный учебник [Электронный ресурс] / авт.-сост. В. К. Степанов. – Режим доступа: <http://textbook.vadimstepanov.ru/index.html>. – Заглавие с экрана.
5. Прикладная этика : учебное пособие / под общ. ред. И. Л. Зеленковой. – М. : Изд-во «ТетраСистемс», 2002. – 208 с.
6. Татарников, О. Кодекс поведения в Интернете / О. Татарников // Компьютер Пресс. – 2007. – № 10. – С. 100–103.

*Афонина Раиса Николаевна,
г. Барнаул*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗМЕНЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ВУЗЕ

Введение естественно-научного образования как обязательного компонента общепрофессиональной подготовки студентов гуманитарных вузов в отечественной системе высшего профессионального образования произошло в середине 90-х годов XX века благодаря инициативе академика Н. Н. Моисеева. Он считал, что современное состояние взаимоотношений Общества и Природы, в которых явно просматривается опасность нарушения биотического равновесия на Земле, возникло из-за длительного разрыва между гуманитарным и естественно-научным знанием. Ослабление ценностных и нравственных позиций на фоне нарастающей лавины рациональных знаний о фактах, по утверждению Н. Н. Моисеева, может быть преодолено посредством кропотливой работы по сближению естественно-научного и гуманитарного знания.

В процессе становления и развития общего естественно-научного образования происходила последовательная смена доминирующих целевых установок. На начальном этапе развития общего естественно-научного образования его цель определялась как формирование естественно-научной грамотности, далее эта целевая установка была заменена на развитие представлений об основополагающих естественно-научных концепциях, и в настоящее время цель естественно-научного образования определяется как формирование единой научной картины мира обучающихся. Практическая реализация современной целевой установки общего естественно-научного образования на формирование целостной научной картины мира обучающихся стала осуществляться с 2011 года, когда в учебные планы вузовской подготовки специалистов-гуманитариев вместо учебной дисциплины «Концепции современного естествознания» была введена учебная дисциплина «Естественно-научная картина мира».

Анализ теории и практики становления и развития общего естественно-научного образования в гуманитарных вузах позволяет констатировать, что для высшей школы разработаны различные концепции и модели естественно-научного образования, авторские программы, учебники и учебные пособия. Вместе с тем, в многочисленных научных докладах и публикациях утверждается, что проблем в естественно-научном образовании больше, чем достижений.

Образование неразрывно связано с социально-культурными процессами, его развитие определяется тенденциями развития современной науки и культуры. Ведущей тенденцией современного социально-культурного развития общества является сближение и взаимодействие естественно-научной и гуманитарной культуры и науки. Современная тенденция к гармонизации взаимодействия традиционно противостоящих естественно-научной и гуманитарной культуры созвучна потребности общества в целостном мировидении, что обуславливает актуальность трансдисциплинарного синтеза естественно-научного и гуманитарного знания. Этот процесс в современных философских, социально-экологических и культурологических исследованиях принято называть конвергенцией [3].

Конвергенция естественно-научной и гуманитарной культур и соответствующих систем научного знания обусловлена тем, что на современном этапе социокультурного развития общества возрастает проявление неплототворности их существующего разделения. Актуальность и необходимость решения проблем взаимодействия естественно-научной и гуманитарной сфер культуры в едином поле культуры человечества впервые была озвучена в лекции «Две культуры и научная революция», прочитанной Ч. Сноу в 1959 году в Кембридже. В его книге «Две культуры» была поднята проблема взаимодействия гуманитарной и естественно-научной сфер культуры. Констатируя нарастающий разрыв между двумя традиционно сложившимися научными культурами в XX веке, Ч. Сноу [10] предостерегал, что если не принять срочных мер по сближению «двух культур», то увеличивающийся разрыв между ними может привести вообще к гибели цивилизации.

Традиционно обыденное понимание культуры связывают только с гуманитарной культурой, сводящейся к художественным ценностям и к гуманитарному знанию, включающему гуманитарные науки. Но при этом не учитывается тот факт, что культура, определяющая внутренний мир человека, не может быть сформирована без представлений о природе. Поэтому культура должна включать и естественно-научное знание. В этом аспекте особую значимость представляет тезис К. Маркса о том, что «...естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [8]. Сегодня эту конструктивную точку зрения А. Д. Суханов и О. Н. Голубева формулируют следующим образом: «Два лика культуры – это образы человека и природы. Их единство рождается в понимании, что человек – это часть природы, а природа – его естественное окружение» [5].

Преодоление разобщённости двух ветвей единой культуры человечества сегодня видится в общей и объединенной культуре, которую Т. Парсонс предложил понимать «как образец действий и выбора целей» [8]. Существующее несколько столетий жёсткое разграничение гуманитарных и естественных наук в настоящее время ослабевает. Илья Пригожин в статье «Дано ли нам будущее», говоря о программе нового естествознания, проводит обсуждение кардинального замысла по сближению социальных и естественных наук, а также проблемы различия между этими типами наук. Он вводит синергетическую интерпретацию природной и социальной реальности: «Вдали от равновесия мы вновь обнаруживаем те характеристики, которые мы перечислили для социальных наук: стрела времени, точки бифуркации, события. Точнее говоря, мы являемся свидетелями знаменательного сближения двух культур» [9]. Необходимость сближения и позитивного взаимодействия естественно-научной и гуманитарной культур с позиций соединения когнитивных и ценностных параметров научного знания всё отчетливее осознаются в гуманитарных и естественных науках. Как справедливо считают В. И. Аршинов и В. Г. Буданов, «...начинает утверждаться убеждение, что наука едина, что нельзя строить «китайскую стену» между методологией естественных и гуманитарных наук» [2].

На современном этапе социокультурного развития общества имеет место взаимное влияние и взаимодействие наук, интеграция научного знания, отход от узкой дисциплинарности. Особенно важными и значимыми являются тенденции к преодолению разрыва между естественно-научной и гуманитарной культурой. Единство научного знания является одним из важнейших итогов интеллектуального развития человечества, его объективная основа состоит в материальном единстве природы и общества, в общности материалистических основ науки. Взаимосвязь двух сфер культуры определяется в связи с формированием мировоззрения человека, представляющим собой целостное явление. Целостный подход с учётом естественно-научной и гуманитарной сфер культуры даёт возможность человеку целостно увидеть мир, почувствовать единство человека, общества и природы.

Неразрывное единство двух культур проявилось в связи с современными процессами и тенденциями развития науки и культуры. Традиционная дифференциация научного знания, характерная для естественных, технических и гуманитарных наук, подготовила основание для междисциплинарного интегративного построения их системы. Интеграция научного знания становится возможной благодаря тому, что аппарат современного научного знания сегодня приспособлен для реализации интегративных представлений, которые обусловлены внутренней логикой формирования науки, универсальностью структур и приёмов научного мышления. Решение глобальных проблем современного этапа развития цивилизации требует активизации интегративных тенденций в структуре науки. Сегодня происходит переосмысление роли и места науки в человеческом обществе и сохранении цивилизации, становится важным целостность научного знания, разработка и создание единой картины мира.

Тенденции современной науки находят отражение и в развитии образования. Именно в существующей системе образования, которая, по его мнению, является излишне специализированной, не позволяющей получить всестороннее образование, видел корни конфронтации естественно-научной и гуманитарной культуры Ч. Сноу. Академик Н. Н. Моисеев в одной из своих последних работ «Универсум. Информация. Общество» тоже говорил о необходимости преодоления узкой специализации и создания целостной картины мира: «Кризис во взаимоотношениях Природы и общества стремительно нарастает, и образование должно далеко выходить за рамки узкого профессионализма» [7]. Узкоспециализированное образование, доминирующее в XX веке, распределяя знания по отдельным дисциплинам, не учило создавать связи внутри системы знания, создавать целостное знание.

На фоне глобальных кризисных явлений становится особенно очевидным кризис традиционных оснований и принципов образования, рождается убеждение, что образование нуждается в обновлении. Кризис современной системы образования, по мнению ведущих методологов есте-

ственно-научного образования В. И. Аршинова, В. Г. Буданова, А. Д. Суханова, «...обусловлен узко прагматическими установками, ориентацией на жёсткое разграничение гуманитарных и естественных дисциплин» [2]. Н. З. Алиева утверждает, что сегодня «...требуется новое культурное пространство, новое поле междисциплинарного синтеза, в котором сольются естественно-научное и гуманитарное, три гегелевских момента: интеллект, нравственные качества и практические умения» [1]. Необходимость единства и взаимодействия естественно-научного и гуманитарного знания определяется в первую очередь тем, что в естественно-научном знании осуществляется объектное отношение, а в гуманитарном – ценностно-смысловое. Ценностное отношение может существовать только по поводу и в связи с объектно-предметным отношением, а предметное, в свою очередь, с необходимостью должно включаться в сферу ценностей. Узкая специализация, дробление знаний, способствуя всё более фрагментарному восприятию действительности, затрудняют построение целостной научной картины мира. Особенно значительным выглядит разрыв между интуитивно-образным, эмоционально окрашенным, синтетичным взглядом на мир, выработанным в рамках гуманитарного знания, и рациональным, аналитическим, формализованным взглядом естествознания.

Время кризисов и перемен обуславливает поиск точек соприкосновения двух культур и их конвергенции. Конвергентные процессы, являющиеся одновременно и системообразующей ценностью, и механизмом гармонизации культуры, отражаются в междисциплинарном и трансдисциплинарном синтезе, что обуславливает возможность конвергентных процессов в образовании и в его естественно-научном блоке. Поиск путей формирования у обучающихся целостной научной картины мира выявляет перспективность конвергентного подхода в качестве условия повышения эффективности естественно-научного образования. Конвергентный подход, лежащий в основе обучения естествознанию, понимается как средство гармонизации и взаимосвязи естественно-научной и гуманитарной систем знаний обучающихся [4].

В существовании современного общества имеется целый ряд пограничных проблем, которые возможно изучить только при комплексном использовании методов естественно-научного и гуманитарного знания. Свидетельством сближения и взаимодействия основных систем научного знания является взаимодополнение инструментария двух областей знания, в качестве общей методологии которых выступают системный подход, глобальный эволюционизм и теория самоорганизации систем. Целостность мира с включённым в него социумом и человеком требует синтеза культур, наук, технологий, междисциплинарного синтеза отдельных наук, образования и их синтеза между собой.

Литература:

1. Алиева, Н. З. Постнеклассическое естественно-научное образование: концептуальные и философские основания: монография / Н. З. Алиева. – М. : Изд-во «Академия естествознания», 2008. – 512 с.
2. Аршинов, В. И. Естественно-научное образование гуманитариев на пути к единой культуре / В. И. Аршинов [и др.] // Человек. – 1994. – № 5. – С. 5–21.
3. Афонина, Р. Н. Научно-методические основы естественно-научного образования будущих учителей гуманитарных специальностей в логике конвергентного подхода [Электронный ресурс] / Р. Н. Афонина // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-н/Д, 2012. – № 1. – С. 228–232. – Режим доступа: http://hses-online.ru/2012_01.html. – Заглавие с экрана.
4. Афонина, Р. Н. Построение гуманитарно-ориентированной среды естественно-научного образования в логике конвергентного подхода [Электронный ресурс] / Р. Н. Афонина // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – Режим доступа: <http://teoria-practica.ru/-8-2011/philosophy/myasnikova.pdf>. – Заглавие с экрана.
5. Голубева, О. Н. Стратегия развития общего высшего образования: достижение целостности через трансдисциплинарность / О. Н. Голубева, А. Д. Суханов // Известия РАО. – 2010. – № 1. – С. 5–10.
6. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 42. – 536 с.
7. Моисеев, Н. Н. Универсум. Информация. Общество / Н. Н. Моисеев. – М. : Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
8. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева, под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
9. Пригожин, И. Дано ли нам будущее / И. Пригожин // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. – М. : Наука, 2004. – С. 453–461.
10. Сноу, Ч. П. Две культуры / Ч. П. Сноу. – М. : Прогресс, 1973. – 142 с.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ТЕАТРАЛИЗОВАННОГО ПРАЗДНИКА

Современные гуманитарные исследования опираются на широкий арсенал научных методов. Традиционно методы подразделяются на три группы: универсальные, общенаучные и специальные. В данной статье ведущим методом представлен общенаучный метод моделирования. Проблемы научного моделирования в педагогике исследовали многие учёные: Р. Атаханов, А. А. Беляев, В. П. Беспалько, В. Г. Афанасьев, А. Н. Дахин, В. И. Загвязинский, Б. С. Гершунский, В. В. Краевский и др.

Для раскрытия сути вопроса нам понадобятся понятия модели и моделирования. Модель (лат. *modulus* – мера, аналог, образец) – это упрощённое воспроизведение определённых сторон, связей, функций предмета исследования; это наглядная теоретическая система, исследование которой служит средством получения информации о другой системе. Моделирование – построение и изучение моделей с целью получения новых знаний или дальнейшего совершенствования характеристик объектов исследования. В гуманитарных исследованиях модель рассматривается как мысленный или условный образ, воспроизводящий в символической форме основные типические черты прототипа, поэтому моделирование позволяет наглядно представить изучаемый процесс, его компоненты, связи и движение.

А. Н. Дахин считает, что моделирование реализует дескриптивную, прогностическую, нормативную функции исследования. Дескриптивная функция позволяет объяснить наблюдаемые процессы и явления; прогностическая – обеспечивает эффективное предсказание будущих состояний моделируемых систем, обеспечивая эффективное управление педагогическим процессом; нормативная – позволяет построить желаемый для исследователя образ будущей системы.

Процесс моделирования определяется логикой научного познания. Эмпирический уровень вырастает из связи с жизнью. Теоретический уровень познания предполагает установление закономерных связей между различными явлениями. *Теоретическое познание отражает явления и процессы со стороны их универсальных внутренних связей и закономерностей, постигаемых при рациональной обработке данных эмпирического знания.*

В гуманитарных исследованиях преимущественно используются структурно-функциональные модели, в которых педагогический процесс рассматривается как целостная система. Авторы современных концепций (В. А. Сластёнин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов и другие) едины во мнении: раскрыть сущность педагогического процесса можно только на основе системного подхода, который позволяет рассматривать педагогический процесс во всей его сложности и противоречивости, как целостность, состоящую из взаимосвязанных компонентов и подчиняющуюся закону организационного строения и функционирования системы. В. А. Сластёнин, И. Ф. Исаев, В. И. Волынкин отмечают, что педагогический процесс – это многоуровневая, иерархическая, динамичная самоорганизующаяся и развивающаяся система, которой свойственно движение, преодоление противоречий, перегруппировка сил, образование нового качества.

Для любой системы характерно наличие системообразующего фактора, который определяет её необходимые компоненты и функциональные связи между ними, отражающие внешнюю и внутреннюю подчинённость, логическую и временную последовательность решения отдельных задач. Этим системообразующим фактором является социально-государственный заказ. Для социальной группы подростков государственный заказ конкретизируется в целях изучаемого педагогического процесса – формирование проектно-художественной культуры. В теоретической модели государственный заказ связан с наличием противоречивой ситуации между должным и существующим.

Один из вариантов формирования проектно-художественной культуры подростка реализуется в учебном процессе детской школы искусств.

Цель разработанной модели – формирование проектно-художественной культуры подростков, для реализации которой необходимо решение ряда задач при построении модели: определение подходов, принципов; организация педагогического процесса; разработка процедур и параметров диагностики уровней формирования проектно-художественной культуры подростков.

Для нашей педагогической модели были определены основные подходы и принципы осуществления педагогического процесса. Ими стали системный, синергетический, полихудожественный, деятельностно-проектный, полисубъектный, социально-художественные подходы.

Системный подход является ведущим в построении модели, поэтому он был рассмотрен выше. Синергетический подход рассматривается как методологическая основа описания и прогнозирования многомерных, открытых процессов педагогической системы. Полихудожественный подход важен как педагогически адаптированный социально-художественный опыт человечества, обусловленный духовной связью человека с миром художественной культуры. Полихудожественный подход рассматривается как условие развития художественной культуры подростка. Деятельностно-проектный подход – это способ целесообразного изменения личности подростка через формирование его активной позиции в продуктивной разработке социально-художественного проекта. В модели особое место занимает полисубъектный (диалогический) подход, направленный на раскрытие творческих качеств личности через вовлечение её в социально-художественные и проектно-художественные взаимодействия.

На основании ряда подходов культурно-досуговой деятельности определены соответствующие принципы, параметры компонентов проектно-художественной культуры: когнитивного, мотивационно-ценностного, проектно-художественного и рефлексивно-оценочного. В данной учебно-воспитательной модели отражена логика построения педагогического процесса на основе выделения этапов. Подготовительный этап включает целеполагание, прогнозирование результатов и параметры их диагностики. Основной этап направлен на реализацию целей и связан с выбором средств, методов, форм, обеспечением условий и других факторов. Заключительный этап направлен на анализ результатов путём их сравнения с планом.

Целеполагающий этап включает анализ данной детской школой искусств социально-культурной ситуации в области праздничной культуры. На этом этапе важно выявить художественные интересы и предпочтения учащихся подростков детской школы искусств; выявить их отношение к праздникам; уровень знаний и умений в области празднично-игровой культуры. Содержательно-подготовительный блок включает мотивационно-ценностное, развивающее направления. Функционально-деятельностный этап направлен на вовлечение подростков в проектирование школьного театрализованного праздника искусств: организацию штаба праздника, целью которого было его проектирование. Оценочно-рефлексивный блок включает анализ компонентов проектно-художественной культуры на основании уровневых критериев: низкий, средний, высокий. Результативный блок предполагает диагностику с привлечением независимых экспертов, анализ анкет, видеозаписи.

В предлагаемой модели педагогический процесс имеет две линии: деятельность педагога и группы подростков. В основе деятельности педагога лежит цель-процесс – развитие проектно-художественной культуры подростков. В основе проектной деятельности подростков лежит цель-результат – социально-художественный проект праздника.

В модели задействован большой арсенал методов общей педагогики, художественной педагогики, педагогики досуга и т. д., среди которых ведущими методами проектирования являются игра, драматизация, иллюстрирование. В развитии художественной культуры подростков большое значение имеют условия творческой развивающей среды, которые создаются в ходе взаимодействия субъектов педагогического процесса, объединённых художественными интересами и общей проектной деятельностью.

Модель формирования проектно-художественной культуры подростков позволяет педагогам корректировать и уточнять компоненты и этапы проектно-художественной деятельности подростков на научной основе; на основе модели педагоги школ искусства могут достоверно и точно выбирать направления своей деятельности, способствующие целенаправленной реализации замысла. Модель позволяет отслеживать и анализировать этапы проектирования театрализованного праздника подростками и оказывать им консультативную помощь в процессе проектирования.

ФОРМИРОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНОГО НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Изменения последних десятилетий в современной России имеют рыночную направленность, что подтверждается целевыми установками государственной политики, широко реализуемыми в практической деятельности: либерализацией экономики, приватизацией и переделом собственности, заменой бесплатных социальных услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры платными и так далее. Радикальные перемены затронули все сферы жизни общества, в том числе и сферу формирования личности.

Актуальность проблемы формирования основ оптимального научного мировоззрения студентов современных вузов обусловлена рядом причин социокультурного, политического и экономического характера. Мы постоянно сталкиваемся сегодня с нравственной деградацией, пропагандой культа насилия, успешно насаждаемой различными СМИ под лозунгами прагматизма и индивидуализма. В процесс образования необоснованно и бездумно внедряются зарубежные модели. При этом вместо поликультурного диалога, направленного на выработку современного мировоззрения, адекватного реальным условиям, происходит навязывание инокультурной модели развития, приводящей к социальной и имущественной поляризации. Как следствие, в обществе нарастает конфликтогенный потенциал, и направленность воспитания так же приобретает неоптимальный и конфликтогенный характер.

Стабильное и устойчивое развитие современного российского общества возможно только при условии проведения сбалансированной и научно обоснованной образовательной и воспитательной политики. Современная политика в области образования молодёжи не обеспечивает рост духовного уровня населения. Напротив, происходит катастрофическое ухудшение ситуации. Реалии культуры демонстрируют непоследовательность, противоречия в правовом, нравственном регулировании системы образования, а также отсутствие научно обоснованного подхода.

Философия образования, исследующая теоретико-методологические проблемы образовательного пространства России, разрабатывает социальные основы образовательных систем и содержание образовательного процесса. В данной статье потенциал философии образования используется во втором аспекте, применительно к структуре и содержанию философских и правовых дисциплин. Речь пойдет о необходимости включения в современное медицинское образование теоретических и прикладных знаний.

Сложные процессы образования и воспитания в современной России требуют углублённого междисциплинарного исследования. По мнению Т. С. Косенко, они «...адекватно могут быть проанализированы на основе методологии социальной философии, как необходимой методологической базы философии воспитания» [1, с. 5]. Исключительную важность приобретает философия воспитания как неотъемлемая часть философии образования и самостоятельное научное направление. Философия образования позволяет рассматривать современные проблемы воспитания во взаимосвязях социально-экономической и воспитательной политики государства. Наличие концептуальной основы «в лице» философии воспитания способно успешно разрешить задачи профессиональной подготовки студента гуманитарного вуза.

Образование и воспитание неразрывно связаны с формированием основ оптимального научного мировоззрения, способного адекватно оценивать и преобразовывать бытие человека и общества в целом. По мнению Н. В. Наливайко, «...переходное состояние российского общества к новой фазе своего развития приводит к тому, что социокультурные смыслы, стереотипы деятельности подвергаются если не полному переосмыслению, то новой интерпретации в изменившихся социально-экономических и общественно-политических условиях» [4, с. 216].

Радикальные перемены современного российского общества неизбежно привели и к изменениям на уровне общественного сознания, а система образования, как наиболее значимый элемент духовной сферы общества, отразила их в своём движении. Реформационные процессы имеют не только конструктивный, созидательный, но и деструктивный, разрушительный для образования характер.

Динамика общественных отношений и их адекватное отражение на уровне общественного, индивидуального, а также правового сознания невозможны без преемственности традиционных религиозных и духовных ценностей, закрепления их на уровне действующего права, поскольку без этого невозможны ни оптимальное развитие личности и государства в целом, ни

эффективные социально-экономические реформы, в том числе и реформа системы образования современной России [2, с 119].

Формирование основ научного мировоззрения играет значительную роль в процессе обучения в условиях медицинского вуза. Специфика будущей профессии требует формирования у студента тех необходимых личностных качеств, которые будут способствовать его успешной социализации. Преподавание наряду с дисциплинами специализации значительного блока гуманитарных и естественно-научных дисциплин, безусловно, необходимо. Формирование оптимального мировоззрения студентов медицинского вуза возможно только на базе крепкого научного философского мировоззрения. Решение данной задачи предполагает повышение роли таких дисциплин как философия, правоведение, отечественная история и других.

В воспитательном процессе основу составляют нравственное, правовое, патриотическое, экологическое направления. Таких направлений можно выделить гораздо больше, однако вряд ли возможно охватить их в одной статье. Поэтому сконцентрируем внимание на теоретико-методологических основаниях и целях воспитания применительно к подготовке будущего врача. Для сложной и ответственной профессиональной деятельности будущего врача эта цель заключается в формировании особой личности, способной гармонично вступать в социальные отношения своего времени.

Сегодня обществу, безусловно, нужны образованные, нравственные, предприимчивые граждане, способные к принятию решений, сотрудничеству, отличающиеся мобильностью, динамизмом, чувством ответственности за судьбу свою и – страны. Необходимо воспитать поколение людей, способных стать достойными гражданами, любящих свою семью, Родину и профессию, выбранное дело. В этом смысле формирование научного мировоззрения при подготовке специалиста в области медицины должно строиться исходя из требований Госстандарта, других нормативно-правовых актов, определяющих приоритеты государства в сфере подготовки кадров, отвечающих по уровню знаний и подготовки современным условиям. Содержание подобных актов и положений, в свою очередь, должно базироваться на концептуальных положениях философии образования и воспитания.

Литература:

1. Глиос, Г. Н. Социально-философский анализ правосознания переходного периода в постсоветской России : монография / Г. Н. Глиос. – Новосибирск : изд-во СО РАН, 2008. – 232 с.
2. Глиос, Г. Н. Социально-философские аспекты правосознания / Г. Н. Глиос // Философия образования.– 2008. – № 1.– С. 81–83.
3. Косенко, Т. С. Социально-философский анализ проблем воспитания в современной России : автореф. дис. ... к. ф. н. / Т. С. Косенко. – Новосибирск, 2009. – 22 с.
4. Наливайко, Н. В. Аксиологические аспекты развития отечественного образования / Н. В. Наливайко. – Философия образования. – 2008. – № 1. – С. 213–219.

*Курникова Татьяна Анатольевна,
г. Барнаул*

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ»

Курс «Аналитико-синтетическая переработка информации» (АСПИ) занимает одно из базовых мест в учебном плане подготовки по специальности (направлению) «библиотечно-информационная деятельность». За годы внедрения образовательных стандартов высшего профессионального образования эта дисциплина подверглась содержательным трансформациям. Однако все стандарты относили её к циклу обязательных федеральных дисциплин, играющих значимую роль в подготовке профессионала, несмотря на то что название самого курса тоже менялось (научная обработка документов, аналитико-синтетическая обработка документов, аналитико-синтетическая переработка информации).

В 2003 году вступил в действие второй образовательный стандарт, включающий АСПИ. Данный ГОС ВПО раскрыл содержание дисциплины, включив в него всё разнообразие видов переработки информации (составление библиографического описания, систематизацию, предметизацию, аннотирование, реферирование, обзорно-аналитическую деятельность). Одновременно во втором стандарте произошло содержательное разделение курсов АСПИ и СПА (Справочно-поисковый аппарат). Процессы создания, ведения, редактирования разных видов каталогов стали предметом изучения курса СПА.

Третий ФГОС ПО (2008 г.) не дает четких содержательных характеристик наполнения курса АСПИ. Акцент в преподавании должен быть сделан на реализацию компетентностного подхода. Количество компетенций для освоения АСПИ (как и любой дисциплины) были отобраны преподавателем из заданного в стандарте списка общих и профессиональных компетенций. С учетом их реализации и должно строиться преподавание аналитико-синтетической переработки информации и его содержательное наполнение.

Основополагающее значение в освоении курса имеют учебные издания, стандарты на составление библиографического описания и библиографической записи, система библиотечно-библиографической классификации.

Учебники и учебные пособия охватывают комплекс проблем (весь курс). Долгое время основным учебником было издание под редакцией Г. И. Чижковой «Библиотечные каталоги» (1977 г., 2-е изд., перераб. и доп.). Оно было написано в соответствии с «Программой дисциплин библиотекведческого цикла», утвержденной Управлением учебных заведений Министерства культуры РСФСР в 1973 году. В учебнике рассматривались процессы переработки документов и организации библиотечных каталогов: их значение и роль; описание произведений печати, алфавитный каталог, классификация произведений печати, систематический каталог, предметизация произведений печати, предметный каталог, система каталогов и т. д. Процессы аннотирования, реферирования, обзорно-аналитической деятельности в данном учебнике не представлены. Общая и частная методика составления библиографического описания основана на ГОСТ 7.1-76 Библиографическое описание произведений печати. В написании учебника приняли участие ведущие специалисты Г. Г. Фирсов, С. Е. Шамурина, Г. И. Чижкова и др. [2].

В 1981 году было издано второе переработанное и дополненное издание учебника для библиотечных техникумов и библиотечных отделений культурно-просветительных училищ К. Л. Воронько «Организация библиотечных фондов и каталогов». Учебник включал анализ проблем состава и структуры библиотечных фондов, процессов их организации, проверки фондов; значения, видов, форм каталогов; организации разных видов каталогов (алфавитного, систематического, предметного); процессов обработки произведений печати (составление библиографического описания, частная методика составления библиографического описания); сущности и значения библиотечно-библиографической классификации, общей и частной методики систематизации. Процессы предметизации и проблемы организации предметного каталога в этом учебнике не освещались [3].

Долгое время существовали лакуны в методическом сопровождении курса АСПИ. Только в 2003 году вышло учебно-методическое пособие «Библиотечная обработка документа» (научный редактор Ю. Н. Столяров). В этом издании представлены современные взгляды на процессы обработки документов, её виды, объекты и др. Пособие отразило терминологию курса (заголовки, авторитетные/нормативные записи). Впервые был очерчен круг проблем, связанных с аннотированием, реферированием документов [5].

В 2008 году издан учебник тех же авторов и редактора – «Аналитико-синтетическая переработка информации». В нём представлен материал по эволюции дефиниций «аналитико-синтетическая обработка документов», «аналитико-синтетическая переработка информации», видов АСПИ. Учебник включает все виды переработки информации для создания библиографической записи. Общая и частная методика составления библиографического описания основана на ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления [4].

Стандарты третьего поколения сократили количество часов преподавания курса, сместили сроки освоения дисциплины, потребовали создание учебников для бакалавриата. На страницах профессиональной печати развернулась дискуссия об учебнике нового поколения по АСПИ. Итогом её стало издание учебника под редакцией А. В. Соколова [1].

Однако, несмотря на изменения наполнения курса, новые точки зрения, традиции в преподавании дисциплины сохраняются, например, традиционность в закреплении навыка составления библиографической записи. Общая методика преподавания дисциплины «Аналитико-синтетическая переработка информации» связана с освещением проблем каталогизации и применения системы Библиотечно-библиографической классификации (ББК), с учетом специфики каталогов разных видов библиотек (национальных, научных, массовых (муниципальных)). Курсом закладывается формирование навыков создания электронных каталогов. Знания, которые приобретаются в рамках дисциплины, являются основой для заполнения полей в электронной библиографической записи, поэтому необходимо владеть профессиональной терминологией и оперировать понятиями: библиографическое описание, библиографическая запись, их взаимосвязи, виды аналитико-синтетической переработки информации, одноуровневое библиографическое описание и т. д.

Качественную подготовку бакалавров по дисциплине «Аналитико-синтетическая переработка информации» позволит обеспечить интеграция традиционных и современных подходов в обучении студентов.

Литература:

1. Аналитико-синтетическая переработка информации: учебник / науч. ред. А. В. Соколов. – СПб. : Профессия, 2013. – 336 с.
2. Библиотечные каталоги : учебник / под ред. Г. И. Чижковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Книга, 1977. – 302 с.
3. Воронько, К. Л. Организация библиотечных фондов и каталогов : учебник / К. Л. Воронько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Книга, 1981. – 326 с.
4. Зупарова, Л. Б. Аналитико-синтетическая переработка информации : учебник / Л. Б. Зупарова, Т. А. Зайцева; под ред. Ю. Н. Столярова. – М. : ФАИР, 2008. – 400 с.
5. Зупарова, Л. Б. Библиотечная обработка документа : учебно-методич. пособие / Л. Б. Зупарова, Т. А. Зайцева, Л. И. Сазонова; под ред. Ю. Н. Столярова. – М. : Либерия, 2003. – 208 с.

*Марченко Наталья Николаевна,
г. Рубцовск*

КУРС «ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ КУЛЬТУРА» В СИСТЕМЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В Законе РФ «Об образовании», в президентской образовательной инициативе «Наша новая школа», в стандартах нового поколения в качестве приоритетной обозначена задача формирования целостной картины мира и целостного духовного опыта подрастающих поколений, воспитание духовно-нравственной личности [3, 4]. В общеобразовательной школе задачи духовно-нравственного и культурологического воспитания решаются посредством таких учебных предметов как мировая художественная культура, искусство, изобразительное искусство и музыка, основы религиозных культур и светской этики, занятий внеурочной деятельностью, воспитательных мероприятий, экскурсионной и музейной деятельности.

В каждой школе накоплен свой опыт работы в данном направлении, но поиск новых интересных методов, форм и средств приобщения детей к культуре ведется постоянно. Одной из таких новаций стало введение в некоторых школах Алтайского края факультативного курса «Традиционная русская культура». Это – экспериментальный курс, появление которого было инициировано в 2008 году. Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования разработал программу курса (её авторы – Жерносенко И. А., Стюхина Г. В., Шалабод М. Л.) [1] и предложил для реализации нескольким учебным заведениям края. В число таких учреждений вошло МБОУ «Гимназия «Планета Детства» города Рубцовска.

«Планета Детства» – современное инновационное общеобразовательное учреждение, которое обеспечивает непрерывное образование детей с 2-х до 18 лет. Гимназия работает в экспериментальном режиме с момента своего создания. Основное направление – создание культуротворческой среды, формирование культурного и духовного пространства школы, благотворно влияющего на образовательный процесс [2]. Таким образом, идея апробации нового курса стала созвучной целям и задачам гимназии.

Курс «Традиционная русская культура» реализуется в начальном и среднем звене в рамках школьного компонента. Целью курса является введение личности обучаемого в пространство отечественной культуры, формирование в нём готовности и способности к самостоятельному духовному освоению подлинных ценностей русской национальной культуры, к осознанию её места в мировом историко-культурном процессе.

Задачи курса:

- освоение способов познания в сфере гуманитарного знания (способ системного освоения сложных явлений, способ построения исторической типологии, способы сопоставления, классификации) и умение ими самостоятельно пользоваться;
- освоение русской традиционной культуры как одного из типов исторической памяти человечества и формы народного самосознания;
- усвоение этико-эстетических понятий народа, обеспечивающих преемственность и воспроизводство национальной культуры в современности;

- осознание и определение места русской национальной культуры в процессе развития мировой культуры;
- формирование представлений о русской традиционной культуре как явлении синкретическом, полифункциональном, органично связанном с хозяйственной, семейно-бытовой жизнью человека.

Решение задач курса будет способствовать развитию у учащихся таких компетентностей как:

1) ценностно-смысловая, позволяющая судить об отношении ребёнка к усвоению духовных ценностей русской традиционной культуры, готовности к обучению и личностному развитию;

2) социально-личностная, демонстрирующая понимание ценности традиционной русской культуры как историко-культурного фундамента современной российской культуры; владение формами социокультурного общения в рамках диахронического и синхронического диалога культур; умение работать в группе; готовность к самостоятельной работе, постоянному обучению и саморазвитию в сфере отечественной культуры;

3) информационно-методическая, отражающая уровень развития познавательных способностей учащихся, профессиональных (в том числе информационно-коммуникативных), систему знаний и умений учащихся;

4) общекультурная, реализующая инкультурацию и социализацию личности ребенка; демонстрирующая понимание учащимися условий и особенностей формирования русской традиционной культуры [1; 3–4].

Несколько лет экспериментальной работы показали востребованность, нужность такого курса в школе.

Многие учебные предметы гуманитарного и эстетического цикла, имея свою специфику, реализуют узкие учебные цели, которые почти не дают возможности созданию в сознании ученика целостной национальной картины мира, так необходимой сегодня современному молодому человеку, для того чтобы найти своё место в мире.

Курс «Мировая художественная культура» (10-11 класс), имеющий мировоззренческую основу, вводит учащегося в мир культуры, созданный людьми разных эпох и национальных школ, но за два года обучения учащемуся достаточно сложно в полной мере осознать тот культурный путь, который прошло человечество до наших дней, и системно освоить огромный культурный опыт. С другой стороны, очень много внимания уделяется истории мировой культуры, но крайне мало – истории нашей родной русской культуры, богатой своими духовными традициями. Эту проблему отчасти помогает решить курс «Традиционная русская культура». Конечно, в его преподавании много сложностей различного характера. Самая огромная проблема – это методическая обеспеченность курса. К сожалению, для него нет полного учебно-методического комплекта, есть только авторская программа и заданы направления работы. С другой стороны, это дает преподавателю курса «Традиционная русская культура» возможность в полной мере проявить свои способности и раскрыть творческий потенциал, особенно если педагог имеет культурологическое образование.

Сложность в преподавании курса заключается и в том, что литературы по традиционной русской культуре довольно много, она разноплановая по формам, содержанию, но материал не адаптирован к преподаванию в школе, приходится его перерабатывать, подстраивать под детей, учитывая их возрастные и психологические особенности.

За три года преподавания традиционной русской культуры в начальном и среднем звене накоплен большой объём различного материала. В 2012 году началась его систематизация и создание копилки справочно-методического материала для подготовки и проведения уроков. Методическая копилка постоянно пополняется и обновляется. Весь материал в ней собран на CD-диск по разделам. На его основе учитель может выстраивать свой урок, подбирать вопросы и задания учащимся.

На диске материал собран в тематические папки, такие как:

- «Авторские разработки», где представлены собственные презентации и уроки, созданные в программе для работы с интерактивной доской;
- «Адаптированный материал», где собраны презентации коллег, найденные в сети Интернет, но адаптированные к условиям нашей гимназии, уровню знаний наших учащихся;
- «Иллюстративный и видеоматериал» – папка, которая содержит подборку тематических иллюстраций, фотографий, видеосюжетов и даёт возможность учителю самому разрабатывать и подбирать наглядный материал к урокам. А потребность в наглядности очень велика;
- «Литература, источники, тексты» – папка, где собрана литература, всесторонне рассматривающая вопросы развития русской традиционной культуры;

– «Работы учащихся» – здесь собраны проекты и презентации к урокам, созданные учащимися.

Данный курс предполагает интеграцию с другими учебными дисциплинами, в частности, с музыкой, изобразительным искусством, технологией. И опыт такой интеграции тоже имеется.

В качестве результатов работы по изучению курса традиционной русской культуры можно рассматривать активное участие школьников в конкурсе «Живая старина», создание проектов и презентаций к урокам по традиционной русской культуре, а также по изобразительному искусству и технологии (в рамках интеграции) самими учащимися.

Как показывает практика, интерес к изучению истоков родной культуры у учащихся повышается, особенно в начальном звене, где закладывается база культурологического воспитания школьника в целом.

Литература:

1. Жерносенко, И. А. Экспериментальная программа курса «Традиционная русская культура» для средней общеобразовательной школы» / И. А. Жерносенко, Г. В. Стюхина, М. Л. Шалабод. – Барнаул : АК ИПКРО, 2008. – 56 с.
2. Комплексная программа развития МБОУ «Гимназия «Планета Детства» г. Рубцовска Алтайского края на 2011–2015 гг. «Культуротворческая среда образовательного учреждения как фактор, обеспечивающий социализацию обучающихся в рамках новой образовательной инициативы» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pldetstva.edusite.ru/p108aa1.html>. – Заглавие с экрана.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://standart.edu.ru/>. – Заглавие с экрана.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://standart.edu.ru/>. – Заглавие с экрана.

*Костина Татьяна Сергеевна,
Барнаул*

ОРИЕНТИРЫ МАССОВОЙ МОЛОДЁЖНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПЕРСПЕКТИВА ВОЗРОЖДЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

На сегодняшний день на уровне бытового сознания «культура» ассоциируется с хорошим воспитанием, посещением театров и музеев, художественной эрудицией. Научное определение культуры значительно шире. Под культурой понимаются убеждения, ценности и выразительные средства, которые являются общими для группы людей и служат для упорядочения опыта и регулирования поведения её членов [7, с. 313].

Влияние массовой культуры ощущается весьма заметно. Видимо, она помогает молодым людям в их стремлении отгородиться и защититься от сложных жизненных проблем. В период общественных катаклизмов важнейшими становятся компенсаторная и развлекательная функции искусства. Именно эти функции выполняет массовое искусство.

Молодёжную культуру как культуру возрастной группы характеризует эмоционально-нравственное самоутверждение и поиск развлекательного содержания под воздействием групповых стереотипов отношений, установок и интересов [7, с. 34]. Некоторые исследователи считают, что «массовая культура» наносит большой вред людям, особенно молодым, ибо сознательно обедняет духовный мир человека. Она преподносит суррогат вместо подлинного продукта, вследствие чего у молодёжи путаются понятия, портится вкус. Например, музыку Моцарта молодой человек впервые слышит не в исполнении оркестра, а в пародийном исполнении на электрогитаре, а «Джоконду» видит не на хорошей репродукции в художественном альбоме, а на обложке компакт-диска, притом опять-таки в искажённом виде: поработало постмодернистское воображение оформителя обложки [9, с. 53].

Какой же смысл имеет понятие «молодёжная массовая культура»? Это, прежде всего, возрастная ассимиляция, переработка культуры, присущей обществу на данном этапе развития. Это культура молодого поколения, но в то же время это и культура определённого возрастного этапа в жизни каждого человека, когда происходит формирование личности, самоопределение и самореализация индивида, которые не могут не включать культурный аспект.

Вместе с тем молодёжная культура обусловлена и социумом, в котором она функционирует, его психологией, нормами, потребностями, идеалами. Она имеет одновременно временной и вневременной характер, отражая социальный и психологический облик своего времени и общества.

Современный этап переосмысления культурных ценностей и дальнейшая судьба культуры России во многом зависят от духовного состояния, социальной и гражданской позиции каждого россиянина, его отношения к историко-культурным традициям своей страны, народа, а также от освоения богатств отечественной и мировой культуры нашей молодёжью. В свою очередь, сохранение и создание ценностей культуры и формирование культуры человека связано с направленностью, характером деятельности субъектов творчества и с отношением к ним всего общества.

Уровень осмысления традиционного и инновационного в обществе требует понимания их природы как явлений, качественно различных, но имеющих одно основание. Таким основанием является не только социальное время, но и будущее состояние общества во времени. Инновация и традиция являются формами движения социума в будущее. Без сохранения достигнутого состояния не было бы никакого прогрессивного развития – и традиция обеспечивает консервативную и стабилизирующую функцию общественного процесса, открывая возможность для его следующего шага в будущее. Однако сложность состоит в том, что будущее при тщательном рассмотрении оказывается вовсе не простым однокомпонентным целым [4].

Один из парадоксов сегодняшней ситуации в культуре – сосредоточение инициативных, ярких, талантливых подвижников на одном берегу культуры, а средств, зданий, юридических прав в лице учреждений и организаций культуры – на другом. Для его разрешения необходимо новое осмысление такого понятия как «культурная политика».

Наиболее полным представляется определение культурной политики как «...деятельности, связанной с формированием и согласованием социальных механизмов и условий культурной активности как населения в целом, так и всех его групп, ориентированных на развитие творческих культурных и досуговых потребностей. В качестве механизмов формирования и согласования условий культурной деятельности выделяются административные, экономические и демократические условия» [1, с. 17]. В контексте «культурной политики» традиции и традиционные ценности обретают особый смысл, становясь нравственной опорой в поисках путей дальнейшего развития общества, государства и человека [3, с. 15].

Смысл традиций в культуре проявляется в том, что они сохраняют основу, содержание исторических форм жизни общества, которые их породили, и специфические формы собственного существования. Это особо значимо в наше неустойчивое время, но одновременно и мифицирует роль и значение традиции в развитии общества.

Система обычаев, традиций любого народа – это результат его духовных усилий в течение многих веков. Через неё каждый народ воспроизводит себя, свой характер и психологию в бесконечном ряду поколений [8, с. 107].

Сложно и многопланово обусловленные народные традиции отражают и выражают реальные взаимоотношения людей определенных социумов и являются важным средством формирования и закрепления нравственных чувств, норм и привычек, определяющих поведение человека. Они выступают действенным условием образования коллективной жизни, на их основе складывается сеть межличностных отношений, социально-психологических взаимодействий. Именно через народные традиции каждое поколение усваивает прежний опыт, нормы и принципы поведения, осваивает и «присваивает» мир. Поэтому воспитание подрастающего поколения в народных традициях – одна из важных задач в работе с молодёжью [3, с. 13].

Традиция составляет основу народной культуры. К. В. Чистяков отмечает, что «...традиция – сеть или система связей настоящего с прошлым, причём при помощи этой сети совершается определённый отбор стереотипов, которые затем опять воспроизводятся. Общество без традиций так же невозможно, как общество без культуры» [8, с. 10]. Поэтому современное молодое поколение нужно приобщать к родной культуре, воспитывая его в «стиле русских народных традиций».

Праздники существовали во все времена, меняясь по содержанию и форме, сообразуясь с духовным и эстетическим развитием общества. Они несут большую эмоциональную и воспитательную нагрузку, обеспечивая передачу традиций между поколениями. Праздники сохраняют прошлый опыт культуры в новых условиях и препятствуют окостенению наличной культуры – тренируется способность к мобильному и гибкому видению мира. Праздничная культура – важная часть массовой молодёжной культуры.

Возрождение духовной культуры народа в современных условиях обусловлено необходимостью восстановления исконных этических и эстетических норм, форм художественного и духовного воспитания человека, характерных для народной художественной культуры, её праздников, обрядов, игр и т. д. [5, с. 3]. Однако найти действенные средства и методы привлечения детей, молодёжи, взрослого населения к традиционным формам развлечений, обрядам, праздникам, народным промыслам и ремёслам можно и необходимо, так как это часть на-

шей истории, культуры и быта. Д. К. Зеленин отмечал, что «...в истории обряда форма меняется, а функция при этом часто остается, хотя иногда и перетолковывается на иной лад» [2, с. 26].

Этот принцип является основой современной идеи молодёжных и подростковых клубов, центров, направленных на возрождение народных традиций с их частичным внедрением в современную жизнь.

Культура не возрождается сама, мир ценностей должен возобновляться и перестраиваться усилиями людей. Поэтому важны механизмы, которые служат этому обновлению, напоминая, осознанию ценностей, интеграции вокруг них членов сообщества в коллективном действии. В прошлом праздник был одним из главных источников творчества, двигателем развития культуры. Будний день, даже при наилучшей его организации, вряд ли может вполне заменить эту творческую функцию праздника.

Многообразные воспитательные функции праздников делают целесообразным широкое использование этой формы эстетического и нравственного воспитания молодёжи. Массовые праздники – это своего рода педагогическая система, органически связанная с воспитательной работой в данной среде. Она воздействует на людей, на их мировоззрение.

Можно выделить следующие функции праздников, имеющие прямое отношение к формированию молодёжной культуры: 1) торжественное обновление жизни; 2) коммуникативная и регулятивная; 3) воспитательная; 4) идеологическая; 5) игровая; 6) функция проективной разрядки; 7) трансляции социального и культурного опыта и много других не менее важных функций. Праздник – это текст культуры, а обрядово-зрелищные формы праздника сохраняют и передают информацию, в числе которой и культурные традиции.

Культура каждого народа существует и проявляет себя как культурное наследие и культурное творчество. Отнимите одно из слагаемых – и народ лишится возможности развития. Культурные традиции являются критерием национального самосознания народа, а его отношение к культурным традициям – барометром духовного здоровья и благополучия.

Литература:

1. Диагностика социокультурных процессов и концепция культурной политики: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Ф. Сухой. – Свердловск, 1991. – 55 с.
2. Иваненков, С. П. Традиция и будущее / С. П. Иваненков // Credo new. – 2010. – № 4.
3. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.yandex.ru-http://www.lawmix.ru/. – Заглавие с экрана.
4. О некоммерческих организациях : федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 21.02.2014) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. – Заглавие с экрана.
5. Ромм, М. В. Социальная адаптация личности как объект философского анализа : автореф. дис ... д. филос. н. / М. В. Ромм. – Томск, 2003. – 47 с.
6. Сикевич, З. В. Молодёжная культура: «за» и «против» / З. В. Сикевич. – Л. : Лениздат, 1990. – 204, [2] с.
7. Социология молодёжи : учебник / под ред. проф. В. Т. Лисовского. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. – 460 с.
8. Суханов, И. В. Обычаи, традиции, преемственность поколений / И. В. Суханов. – М. : Политиздат, 1976. – 216 с.
9. Щенникова, Л. С. Духовные ориентиры псковских студентов / Л. С. Щенникова // Социологические исследования. – 1999. – № 8. – С. 16–18.

*Старцева Анастасия Сергеевна,
г. Барнаул*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ (на примере организации клуба пожилых людей)

По данным ООН, с каждым годом возрастают темпы старения населения планеты. Кроме увеличения в обществе доли людей старше 60 лет, происходит удлинение жизни человека вообще. Это вызывает ряд проблем экономического и социального характера. Международное сообщество обратило внимание на это ещё в прошлом веке. Первоначально большее внимание уделялось проблемам здравоохранения, создания комфортных бытовых условий жизни, устранению дискриминации. Постепенно внимание переключилось на задачи активного включения пожилых людей в культурную, общественную, политическую, социальную, экономическую жизнь общества.

В России клубная деятельность пожилых организуется при Домах культуры, библиотеках, учреждениях социального обслуживания. Нередко организаторами выступают энтузиасты, не всегда обладающие необходимыми квалификацией и опытом. Программы и проекты разрабатываются на основе опыта отдельных учреждений в организации досуга пожилых, из иных сфер работы с пенсионерами или другими группами населения.

Сущность клубного объединения для пенсионеров заключается в самом понятии «клуб»: в его чётких признаках (добровольность и свобода, активность участников, продолжительный контакт, совместная деятельность, организационное оформление), а также в многообразии его форм и типов. Специфика же заключается в самой социально-демографической группе: её физиологических и психологических особенностях.

Подробно работу клубов для пожилых рассматривает Е. И. Холостова. Автор указывает цели формирования клуба для пожилых, его задачи, а также на то, что большее внимание требуется уделить оборудованию помещения: в клубном помещении должно быть тепло; важно хорошее освещение и окраска стен в светлые тёплые тона, способствующие созданию приятной атмосферы; желательно наличие удобной мебели [4].

Особого подхода также требует организация самой группы участников клуба, а также встреч. В каждом конкретном случае важно ответственно подобрать форму занятий и число его участников, темы для обсуждений и время проведения занятий клуба [4].

Организация клубного объединения для пожилых может проходить по общей технологии:

1) главная цель создания клубного объединения для пенсионеров должна заключаться в предоставлении возможности приятно проводить время, пробуждении интересов, облегчении установления дружеских контактов;

2) главной задачей клуба является создание условий для удовлетворения духовных потребностей людей пожилого возраста;

3) Этапы создания клубного объединения включают:

1 этап. Информационно-диагностический. Поиск будущих участников клубного объединения, его актива и лидера. Привлечение общественных организаций, таких как Союз пенсионеров.

2 этап. Организационно-психологический. Организатору необходимо подвести выявленных любителей к мысли о создании клубной группы по досуговым интересам.

3 этап. Психолого-педагогический. Необходим, если на втором этапе не был получен положительный результат. Он заключается в изменении отношения к созданию клубного объединения с отрицательного на положительное.

Руководитель, организующий клуб при учреждении культуры, должен знать и выполнять требования к оборудованию помещения; знать технологию организации клуба; психологические особенности пожилых людей и их досуговые предпочтения и учитывать их при составлении программы клуба.

Литература:

1. Как и зачем создается клубное объединение?: методические рекомендации в помощь школьному и студенческому активу / сост. Г. В. Оленина. – Барнаул : Изд-во АГИИК, 2004. – 75 с.
2. Смирнова, Е. И. Клубные объединения / Е. И. Смирнова. – М. : Просвещение, 1977. – 160 с.
3. Старение: главные вопросы повестки дня ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/globalissues/ageing/index.shtml>. – Заглавие с экрана.
4. Холостова, Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми: учеб. пособие / Е. И. Холостова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Дашков и К^о, 2008. – 348 с.

*Комарова Софья Петровна,
Барнаул*

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (на примере фестиваля патриотической песни школьников Мамонтовского района Алтайского края)

В настоящее время наблюдается процесс депатриотизации российского общества. Основные его причины связаны с происходящими изменениями в обществе. Смена ценностей, нравственных ориентиров, разрушение прежней идеологии стали причиной понижения воздействия таких ведущих институтов воспитания как семья, учреждения образования, культуры на

формирование патриотических качеств учащихся. Равнодушие, цинизм, неуважительное отношение к стране, падение престижа военной службы, утрата чувств патриотизма и другие негативные явления современного общества создают пространство деформации духовной сферы личности, затрудняют позитивную социализацию подрастающего поколения [1].

Важную роль в патриотическом воспитании общества и молодёжи играют учреждения культуры клубного типа и действующие на их базе любительские объединения. В таких учреждениях, по мнению Е. В. Сысоева, создаются благоприятные условия для формирования патриотизма учащейся молодёжи, так как они не ограничены стандартами, ориентированы на интересы, потребности и способности человека. Они обеспечивают его самоопределение и самореализацию, способствуют созданию «ситуации успеха» и творческому развитию участников, создают условия для социально значимой деятельности и проявления активности, что и способствует формированию патриотического сознания [2, с. 5–6]. Основным направлением патриотического воспитания в учреждении культуры клубного типа является *художественное творчество*. Оно ориентировано на развитие творческих способностей учащихся, вовлечение их в творческую среду.

В этой связи интересен опыт районного фестиваля патриотической песни «Пою моё Отечество!», проведённого в рамках программы патриотического воспитания «Знаю! Помню! Горжусь!». Фестиваль состоялся 23 февраля 2014 года в Мамонтовском районном Доме культуры в целях патриотического воспитания и развития творческих способностей учащейся молодёжи, а также оптимизации имиджа инициативного клуба «Юный патриот». Фестиваль был посвящён 25-летию вывода советских войск из Афганистана.

Особенностью фестиваля является дружеское общение, в котором превалирует доброжелательная атмосфера человеческих отношений. При разработке сценария фестиваля учитывались возрастные особенности его участников, условия проведения, социальное пространство.

Программа была условно поделена на две части – официальную и музыкальную. Официальная часть включала в себя ведение программы, выступление глав администрации сельсовета и района, начальника военного комиссариата, вручение юбилейных медалей и почётных грамот ветеранам Афганской войны, минуту молчания в память погибших. Основной частью фестиваля стала музыкальная часть под названием «Так точно!» (ведущие в театрализованной форме рассказывали о военной истории нашей Родины). Театрализация способствовала эмоциональной разгрузке зрителей, привлекала внимание. В заключение фестиваля участники были награждены дипломами и призами, возложена гирлянда к монументу воинам-интернационалистам.

Фестиваль собрал около 650 человек, 30% из которых – школьники. Анализируя данное событие, можно отметить следующие результаты:

- 1) фестиваль был освещен в районной газете «Свет Октября»;
- 2) посещаемость РДК возросла почти на 20% за счёт школьников;
- 3) социологический опрос показал: фестиваль патриотической песни «Пою моё Отечество!» произвёл яркое впечатление, затронул сердца людей и получил положительные отзывы организаторов, участников и зрителей. Ольга Ефремова, педагог детской школы искусств, оценила данное событие так: «Фестиваль прошёл на «ура!». Оказывается, у нас в районе очень много талантливых и активных детей. Было бы неплохо проводить такого рода события чаще...». Сергей Губин: «...Хороший фестиваль: добрый, душевный». Ученик 10 класса Алексей Мусса отметил: «Я хоть петь и не умею, но в фестивале участие принимал – был ведущим. Мне нравится. Мы не должны забывать свою историю, свою Родину, нужно её воспевать...».

Следует продолжать традицию фестиваля «Пою моё Отечество!» и внедрять новые формы культурно-досуговой и социально-культурной работы по патриотическому воспитанию учащейся молодёжи.

Литература:

1. Актуальность и значимость патриотического воспитания в условиях малочисленной сельской школы : учебный материал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-329973.html>. – Заглавие с экрана.
2. Сысоев, Е. В. Методика оценки эффективности и результатов работы по патриотическому воспитанию в учреждениях культуры : методические рекомендации / Е. В. Сысоев; Упр. Алт. края по культ. и архив. делу; Алт. краев. центр нар. тв-ва. – Барнаул, 2012. – 24 с.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СТИЛИЗОВАННОГО АНТИКАФЕ «АНИМЕ-КЛУБ»

В России с конца XVIII века стали возникать клубные формы времяпрепровождения знати – английские клубы в Москве и Петербурге для потомственных дворян. Своей задачей они ставили организацию отдыха, общения и развлечений представителей дворянских кругов. Клуб как общественное объединение появился значительно раньше, чем клуб как учреждение. Клубные учреждения – массовые культурно-просветительские учреждения, организующие досуг и способствующие развитию творческих способностей населения. К традиционным видам клубных учреждений принято относить Дома культуры, центры творчества и т. д. [3].

Антикафе является инновационной формой клубного учреждения. Чем же антикафе отличается от привычных нам кафе и учреждений клубного типа?

Традиционное кафе – это прежде всего место для потребления еды и питья. Там обычно играет громкая музыка, есть обслуживающий персонал – официанты, и если просто сидеть и отдыхать (либо общаться), вас неправильно поймут и, возможно, попросят уйти. Главное различие кафе и антикафе заключается в том, что в антикафе платят не за заказанную еду или напитки, а за время, проведённое в нём, а напитки и десерты посетители берут сами. Также антикафе совмещает в себе концепцию «коворкинга» (совместное рабочее, совместно работающие). Многие «фрилансеры» используют такие заведения именно для работы. В антикафе обычно имеется Wi-Fi-интернет, канцелярские принадлежности, принтер и т. д. Ещё антикафе используют для проведения презентаций, выставок, мастер-классов, тематических вечеров, совместного просмотра фильмов. Это – место, где встречаются с друзьями, знакомятся с новыми людьми, играют в настольные игры, проводят игровые турниры, например «Крокодил» и «Мафия».

Антикафе – это по-домашнему уютное место, в котором нет определённых правил и каждый сам для себя решает, как он будет использовать ресурс времени. Единственный и категоричный запрет таких заведений – употребление алкоголя и курение. От традиционных клубных учреждений антикафе отличается разнообразием предоставляемых услуг и возможностей проведения досуга, необычным форматом заведения. Одним из нестандартных форматов является стилизация антикафе под стиль аниме.

Что же такое аниме? Аниме – это японская анимация. Она отличается характерной манерой рисовки персонажей и фонов, издаётся в форме телевизионных сериалов и фильмов. Сюжеты могут отличаться разнообразием мест и эпох, жанров и стилей. В отличие от мультфильмов других стран, предназначенных в основном для детей, большая часть выпускаемого аниме рассчитана на подростковую и взрослую аудитории и во многом за счёт этого имеет популярность в мире, широкое распространение и в России.

Источниками для аниме-сериалов чаще всего являются: манга (японские комиксы), ранобэ (лайт-новел) или компьютерные игры (как правило, в жанре visual novel). При экранизации сохраняется графический стиль и другие особенности оригинала. Реже используются произведения классической литературы. Есть также аниме, имеющие полностью оригинальный сюжет (в этом случае уже само аниме может послужить источником для создания по нему книжных и манга-версий). Значение термина «аниме» может варьироваться в зависимости от контекста [1].

Субкультура «анимешников» сформировалась в среде увлечённой аниме молодёжи. Зародилась она в Японии, где и сегодня около четверти населения заявляют о своём интересе к аниме. В России она появилась в 1990-е годы, когда телеканалы начали показывать переведённые японские мультфильмы. Особую популярность субкультура «анимешников» в России получила в 2000-х годах, когда аниме стало доступно на телеканалах, видеодисках и в Интернете.

По-настоящему увлечённый «анимешник» проводит значительное время за просмотром и изучением японского аниме или манги: читает издания об аниме или посещает такие страницы в Интернете. Как правило, «анимешник» занимается творчеством (рисованием, прозой, стихами и т. п.). Наиболее продвинутые интересуются историей и культурой Японии, японским языком.

«Анимешники» общаются с единомышленниками на специальных собраниях – они называются «анимки», где знакомятся, делятся впечатлениями и общаются, используя привычную терминологию и язык. Сленг «анимешников» почти полностью заимствован из японского языка.

Специфическими аниме-мероприятиями являются «косплеи» – костюмированные игры, представления (от английского *costumeplay* – «костюмированная игра»). Участники «косплея»

отождествляют себя с каким-то персонажем, называются его именем, носят аналогичную одежду, употребляют соответствующие речевые обороты. Часто в «костплей» включается ролевая игра. Костюмы обычно шьются самостоятельно, но могут и заказываться в ателье, а в Японии нередко покупаются готовыми (в России рынок таких товаров пока не развит).

В повседневной жизни облик «анимешника», как правило, не может быть сведён к определенному образу – любители аниме встречаются среди людей самых разных предпочтений. Иногда представителя аниме-субкультуры можно выделить по значку, брелочку или одной выкрашенной в необычный цвет пряди волос. Среди других распространённых, но не обязательных примет – значки и элементы одежды с логотипами персонажей аниме.

На арене молодёжных российских субкультур «анимешники» – одна из самых разнообразных и разновозрастных: это направление вызывает огромный интерес не только у школьников и студентов, но и у взрослых людей.

Движение «анимешников» хорошо развито в крупных городах. Там проводятся масштабные «костплей»-фестивали, например, «Аниматрикс» в Москве, «Анимацури», «Манифест», «Anyfest», «Отаку Фестиваль» в Санкт-Петербурге, «Всероссийский фестиваль японской анимации» в Воронеже, «Дай-фест» в Омске, «Отакун» и «Jiyuu» в Рязани, «MikannoYuki» в Коврове и т. д. В 2011 году «костплей»-индустрия России отпраздновала своё десятилетие.

«Анимешники» – миролюбивая субкультура, а повседневный облик её представителей не эпатажен. В результате у общества нет оснований относиться к «анимешникам» с настороженностью, как это бывает со многими другими субкультурами. Позитивное влияние «анимешников» на общество выражается, в частности, в пропаганде в среде молодёжи интереса к японской культуре и языку, а также толерантности к другим культурам.

Аниме может привлекать людей, как и любые мультфильмы, близкие и понятные человеку с детства. Именно аниме может быть интересно своей проблематикой: внутреннее развитие через миропонимание и стремление к цели — классические анимешные темы, которые находят отклик у людей любого возраста. В России на сегодняшний день насчитывается более 500 фан-клубов и кружков японской анимации. В Барнауле существует около 4 крупных групп, объединённых интересом к данному жанру.

Во многих странах мира получили широкое распространение аниме-заведения, мейд-кафе можно найти в Китае, Канаде, странах СНГ, Америке и др. Ключевой особенностью мейд-кафе является обслуживающий персонал, который напоминает героев мультфильмов аниме. Подобные заведения так же есть и в некоторых крупных городах России.

Аниме-клуб – это стилизованное антикафе, то есть публичное заведение социальной направленности, место для встреч, времяпрепровождения. Это заведение для общения, где, однако, также можно выпить горячего чая или кофе с печеньем и другими сладостями. В антикафе гарантированы напитки и десерты, бесплатный Wi-Fi-интернет, игры с друзьями и незнакомыми людьми, «коворкинг», просмотр аниме, а также возможность посещения уроков рисования манги, игры на гитаре и другие услуги. За все предоставленные услуги плата не взимается, оплачиваются лишь минуты, проведённые в антикафе. Предположительно стоимость одной минуты будет составлять 1 рубль. «Аниме-клуб» рассчитан на людей разного возраста и профессий, но основной возраст постоянных посетителей – от 15 до 25 лет.

«Аниме-клуб» предусматривает несколько зон: отдел продаж аниме-продукции «Рай анимешника», основной зал, кухонная зона «Печенько-бар» и звукоизолированная «Комната творческого отдыха». На входе нужна гардеробная, где будет отмечаться время, проведённое в клубе, и приниматься оплата. Рабочие часы «аниме-клуба» – с 10 до 24, а по определённым дням – ночной показ аниме-сериалов и полнометражных фильмов.

В отделе продаж аниме-продукции предусмотрен ассортимент аниме-товаров: значки, канцелярия, фигурки, манга и многое другое. В Барнауле нет специализированных магазинов, только отдельная аниме-продукция в книжных отделах. Партнёрами отдела будут являться интернет-магазины аниме-товаров: аниме-интернет-магазин «FastAnimeStudio» и «НЯПИ».

В основном зале будут располагаться диваны и столы. Посетитель сможет почитать мангу и другие книги, поиграть в игры: головоломки, шахматы, настольные и карточные игры, собирать пазлы и т. д. Также в основном зале будет специальная зона «Печенько-бар», где можно сделать себе чай или кофе и бесплатно угоститься печеньем и сладостями. Еду посетителям можно приносить с собой, разогревать, хранить в холодильнике.

Стилизация «аниме-клуба» предусматривает использование узнаваемых персонажей из мультфильмов, плакатов и картин. Данный проект рентабелен и является инновационным решением в сфере клубного отдыха. Его реализация поможет развитию молодёжной культуры и вызовет интерес различных слоёв населения, будет разнообразить культурную и досуговую жизнь в городе.

Литература:

1. Аниме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B5>. – Заглавие с экрана.
2. Владимирская областная библиотека для детей и молодёжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.detmobib.ru/pda/young/subcultures/553/>. – Заглавие с экрана.
3. История возникновения клубов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lektsiopedia.org/lek-7097.html>. – Заглавие с экрана.

*Каратаев Алексей Антонович,
г. Барнаул*

ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Компьютерные технологии и Интернет являются неотъемлемой частью быта современного человека. Их влияние на формирование личности (на её интеллектуальное и нравственное развитие) вызывает обоснованную озабоченность у родителей и педагогов. Наиболее популярные в подростковой и молодёжной среде интернет-ресурсы, как правило, содержат информацию, оказывающую негативное влияние на нравственное, интеллектуальное и эстетическое развитие личности. При этом интернет-ресурсы, направленных на формирование позитивных личностных качеств, крайне мало, а ориентированных на детей и подростков, – практически нет.

Важным институтом формирования личности являются культурно-досуговая сфера и сфера дополнительного образования детей, которые были достаточно развиты в стране до «лихих 1990-х». В условиях занятости родителей досуг детей был организованным. Они посещали творческие и спортивные кружки и секции, что способствовало формированию разносторонне развитой и социально адаптированной личности.

В наше время число детей, посещающих кружки и секции, заметно сократилось (*в особенности в малых городах и сельской местности*). С одной стороны – в малых городах немногие родители имеют возможность оплачивать услуги дополнительного образования, а с другой – муниципальные власти не могут обеспечить достойную заработную плату достаточному количеству специалистов в области дополнительного образования. В итоге воспитанием детей занялись не профессиональные педагоги, а сомнительные интернет-ресурсы. Учитывая потребность в услугах дополнительного образования детей и те информационно-технические возможности, которые открываются нам с развитием Интернета, вполне логичным является развитие СКД и дополнительного образования в сети Интернет, создание интерактивных творческих студий и школ. Именно таковым является интерактивный творческий клуб «Феникс».

Интерактивный творческий клуб «Феникс» – это система интернет-ресурсов по обучению детей и молодёжи различным видам творчества. Формы обучения – онлайн-консультации (индивидуально с педагогом), вебинары, видеуроки и учебно-методические материалы. Отличительная особенность клуба – систематически и последовательно выстроенные программы обучения. Выбор формы обучения зависит от специфики того или иного вида творчества, программы обучения и личных пожеланий учащихся.

Помимо обучающих программ здесь будет множество материала для любителей и для профессионалов, полезных советов для родителей и детей. Также будет создан форум – площадка для общения и обмена опытом. Будут обеспечены возможности для самовыражения и самореализации учащихся – конкурсы, конференции, в которых каждый независимо от места проживания сможет принять участие. Обучение ориентировано на формирование нравственных ценностей у учащихся.

Преимущества подобной формы работы:

1. Организованный досуг детей и подростков.
2. Доступность обучения для любого региона или района.
3. Индивидуальный график и темп освоения учебных программ.
4. Комфортное средство для организации досуга людей с ограниченными возможностями.
5. Возможность обмена опытом со специалистами из любых уголков России и зарубежья.
6. Создание благоприятной сферы общения.

РАЗДЕЛ 5. ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Творчество возникает из внутреннего, неестественного, таинственного побуждения, в котором участвует индивидуальный инстинкт и которым руководит сам личный дух.

Иван Ильин

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.
Но что нам делать с розовой зарёй
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?
Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.
Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем;
Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Ещё не появившиеся крылья;
Так век за веком – скоро ли, Господь? –
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Николай Гумилёв

*Денисов Андрей Владимирович,
г. Санкт-Петербург*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МУЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Интертекстуальные взаимодействия¹ в музыке второй половины XX века можно в полной мере считать одной из ведущих творческих стратегий. К ним обращаются разные авторы², интерпретируя подчас их самым причудливым образом. Можно сказать, что использование чужого материала в том или ином качестве обрело статус устойчивой тенденции, имеющей многоликие внешние очертания и, вместе с тем, общие глубинные предпосылки.

Впрочем, их исследование составляет лишь одну сторону проблемы. Правомерно утверждать, что анализ межтекстовых взаимодействий в целом неизбежно ставит проблему *границы личностного творчества*. Чужой текст для композитора – не просто объект воспроизве-

¹ Самой проблеме интертекстуальности посвящено огромное количество работ, в которых она рассматривается как в общекультурологическом и философском ракурсах, так и в преломлении конкретных областей творческой деятельности. В первую очередь это работы, посвящённые анализу интертекстуальных взаимодействий в литературе (Юлия Кристева, Ролан Барт, Жерар Женетт, Натали Пьеге-Гро, Умберто Эко, Игорь Павлович Смирнов, Ирина Владимировна Арнольд и т. д.). В музыкальной науке к этой проблеме обращались Марк Генрихович Арановский, Людмила Владимировна Гаврилова, Людмила Сергеевна Дьячкова, Марианна Сергеевна Высоцкая, Дзюн Тиба, Вера Борисовна Валькова, Марина Григорьевна Раку, Ирина Самойловна Стогний, Елена Викторовна Титова и т. д. Изложение основных идей теории интертекстуальности см., например, в: [3], [2].

² Характерно, что среди них – композиторы с принципиально различными творческими и эстетическими установками: Эдисон Васильевич Денисов, София Асгатовна Губайдулина, Альфред Гарриевич Шнитке, Родион Константинович Щедрин, Маурицио Кагель, Бернд Циммерман, Джордж Крам. Подчеркнём, что в настоящей работе речь будет идти про интертекстуальность как *сознательно* использованный художественный приём (так как она, естественно, неизбежно воплощается и на неосознаваемом уровне — как естественный механизм творческой приемственности).

дения, но и подчеркнута иная смысловая инстанция, мир смыслов, который либо впускает в себя другую позицию, либо оказывается замкнутым, закрытым для всякого обсуждения и интерпретации. Именно XX век представляет кричаще пёструю картину вариантов подобных взаимоотношений и, соответственно, степени дифференцированности между заключёнными в текстах смыслами.

Общие *тенденции*, связанные с интертекстуальными взаимодействиями в музыке второй половины XX века, можно представить так:

- 1) разнообразие как исходного материала, который становится *источником* заимствования, так и жанрово-стилевого *контекста*, в который он помещается;
- 2) крайнее расширение *градаций* в степени сохранности и узнаваемости чужого материала — от едва заметных аллюзий (подчас вплотную приближающихся к стилизации) до точных цитат;
- 3) вариативность композиционных *методов* обращения с заимствуемым материалом;
- 4) многообразие *отношений* между своим и чужим материалом;
- 5) индивидуализация художественных *функций*, которые выполняют интертекстуальные взаимодействия.

В первую очередь отметим, что композиторы второй половины XX века осознают значительную свободу в том, *что* именно они используют в качестве заимствованного материала и в какие именно условия его помещают. Уже сам его исторический диапазон впечатляет — от григорианского хора до сочинений современников (а также и своих собственных опусов). Автор может обратиться и к мотивам популярной песни, и к знаменному распеву. Любопытно, что при этом интертекстуальные взаимодействия проявляют себя отнюдь не только в сфере академической музыки — достаточно вспомнить про направление *classical crossover*¹, в котором классика и эстрада оказываются в зоне непосредственного контакта (причем в разных формах — от цитирования до аранжировок).

Не менее разнообразной оказывается и степень *узнаваемости* заимствованного материала. Во-первых, всё чаще композиторы обращаются к более или менее явным аллюзиям на другой текст, как бы предполагая активизацию слушательского восприятия (см., например, вторую часть из Третьей симфонии А. Шнитке, содержащую аллюзию на тему первой части Сонаты для клавира KV 545 Вольфганга Амадея Моцарта). Чужой текст должен быть не просто узнан, его образ как будто скрыт под покровом авторского «Я», просвечивая сквозь него мерцанием новых смыслов.

Во-вторых, активно используется принцип цитирования, при котором автор ссылается на конкретный текст в явной форме. При этом оказываются ясно различимыми две тенденции:

- использование точных цитат, помещённых в диссонирующий по отношению к ним контекст²;
- применение сильно деформированных цитат (вплоть до полной неузнаваемости).

В первом случае цитата предстаёт как образ иного мира, со своими временными и топологическими координатами. Не случайно композиторы обычно подчёркивают резкий контраст между цитатой и её окружением, например, — за счёт темброфактурных средств, внезапных синтаксических обрывов в её границе. Именно подобная трактовка цитаты характерна для Б. Циммермана (см. цитаты из медленной части Бранденбургского концерта № 1 Иоганна Себастьяна Баха и танца Феи Драже из «Щелкунчика» Петра Ильича Чайковского в «Луче света» — пример 1), Дж. Крама (четвёртая часть «Ancient Voices of Children» — цитата арии Готфрида Штельцеля «Bist du bei mir», а также Макрокосмос I и II), ряда произведений Э. Денисова (например, Скрипичный концерт), Родиона Константиновича Щедрина (цитаты из сольных скрипичных сочинений И. С. Баха в Эхо-сонате, органных хоральных прелюдий в «Музыкальном приношении» — пример 2), Рута Цехлина («Muzik zu Bach» — цитата из Contrapunctus III «Искусства фуги» И. С. Баха).

Во втором — она находится в новой системе координат, как бы отчуждаясь от исходного мира первоисточника. Цитата вовлекается в новые структурно-смысловые отношения, подчас достаточно агрессивные и конфликтные (например, в Concerto grosso № 1 А. Шнитке). Впрочем, соотношение сохранности/трансформированности материала может иметь многомерные очертания — если происходит сочетание деформации одного параметра ткани при сохранении

¹ Подробнее см.: [2].

² Возможно и согласованное соотношение с контекстом, например, в ситуациях цитирования литургического материала в их сакральном качестве (например, во Второй симфонии А. Шнитке).

других¹ (в «Играх» Дьердя Куртага в Посвящении П. И. Чайковскому начало партии солиста из его Первого фортепианного концерта предоставлено в виде кластеров при сохранении ритма и общего направления движения).

В любом случае достаточно часто чужое слово оказывается не просто чужим, а даже чужеродным по отношению к авторскому высказыванию. Как правило, это обусловлено и тем, **как именно** композиторы обращаются с заимствуемым материалом. С одной стороны, интертекстуальность часто сочетается с другими видами техники – серийной (Анри Пуссер), алеаторикой (М. Кагель, Э. Денисов), анаграммированием (Фарадж Караев), с другой – сама трактовка заимствованного материала оказывается крайне свободной – в отношении его структурных границ, приёмов трансформации и т. д. Варьируются и сами типы обращения к чужому тексту; в этом плане можно разграничить следующие, наиболее характерные, ситуации интертекстуальных взаимодействий:

I. Обращение к чужому тексту как относительно **целостной** структуре:

- ситуации транскрипций и аранжировок (см. например Партию для скрипки с оркестром и «Пять каприсов Паганини» для струнного оркестра Э. Денисова);
- ситуации досочинений – либо в виде завершений неоконченных произведений (у Л. Берио, А. Шнитке), либо своего рода авторских комментариев к ним (Восьмая симфония Бориса Ивановича Тищенко, «дополняющая» Неоконченную симфонию Франца Шуберта, «Прелюдия к Девятой симфонии Бетховена» Р. Щедрина).

II. Обращение к чужому тексту как **источнику** материала нового произведения:

- цитирование;
- использование заимствуемого материала в качестве интонационной основы тематизма.

В результате **взаимоотношения** чужого и своего материала оказываются вариативными как с точки зрения внешнестилевых параметров (от гармоничных² – до конфликтных, когда между своим и чужим «словом» возникает резкая оппозиция – при коллаже, например), так и с точки зрения параметров структурно-семантических (автор может как чётко дифференцировать область своего и чужого смыслов, так и подвергать последнюю «растворению» в собственном смысловом пространстве).

Ситуации чёткой дифференциации, описанной выше в случаях с точным цитированием, противостоит явление нивелирования барьеров между авторским и неавторским высказываниями, когда оппозиция между ними постепенно исчезает. В результате в тексте формируются сложные диалогические отношения, действующие на границе, разделяющей смысловые сферы. Именно этот приём использован в произведении Ф. Караева «Я простился с Моцартом на Карловом мосту в Праге» (в основе тематизма лежит начало *Lacrimosa* из Реквиема В. А. Моцарта), в финале «Ancient Voices of Children» Дж. Крама (цитата из финала «Песни о земле» Густава Малера).

Художественный эффект здесь оказывается заключённым в двойственной игре, носящей одновременно интеллектуальный и эмоциональный характер. Слушатель должен постоянно балансировать между узнаванием тематизма, репрезентирующим другое сочинение, и собственно авторским материалом, уверенностью в его подлинности и сомнением в нём. Облик первого хранится в памяти слушателя и одновременно преодолевается, разрушается. Отсюда – напряжённость как в восприятии собственно интонационного профиля сочинения, так и решении рациональной задачи детерминации материала.

Наконец, сами **функции**, которые выполняют интертекстуальные пересечения, также крайне многообразны – от серьёзного отношения автора к чужой точке зрения до откровенной пародии, от апелляции к общезначимым художественным темам – до интимно-личностных смыслов. Так, чужой материал может воплощать и знак имени другого композитора или даже целой эпохи, с которой композитор вступает в диалог (цитата из «Семи слов Иисуса Христа на кресте» Генриха Шюца в композиции «Семь слов» С. Губайдулиной – пример 4), а может скрывать глубинные, иногда – автобиографические мотивы, до конца ясные только самому автору (цитата из «Утреннего привета» Ф. Шуберта в Скрипичном концерте Э. Денисова). В ре-

¹ Или же цитировании только одного компонента чужого текста – ритма сопровождения (третья часть «Ancient Voices of Children» Дж. Крама – цитата ритма из «Болеро» Мориса Равеля), мелодии с редукцией аккомпанемента («Музыка для клавесина и ударных инструментов из коллекции Марка Пекарского» С. Губайдулиной – начальный мотив Вальса *cis-moll* Фредерика Шопена – пример 3), и т. д.

² Например, цитаты из Струнного трио Арнольда Шёнберга в Струнном трио Э. Денисова с точки зрения стилевых отношений фактически незаметны.

зультате интертекстуальные пересечения становятся средством аккумуляции значительного масштаба смыслов, подчас варьирующегося в довольно широких пределах. Изменчивым оказывается и общий ракурс, авторская точка зрения в отношении чужого материала.

Так, подчёркнуто объективный, дистанцированный взгляд представляют многочисленные сочинения-посвящения, в которых интертекстуальные пересечения воплощают творческую преемственность разных исторических эпох (вспомним сочинения, посвящённые И. С. Баху Р. Щедриным, С. Губайдулиной, Р. Цехлиным; Людвигу ван Бетховену – М. Кагелем, Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу – Б. Тищенко и т. д.). Но и в этих ситуациях они могут иметь откровенно игровой характер («Токката-коллаж» из «Полифонической тетради» Р. Щедрина с цитатой Инвенции F-dur И. С. Баха – пример 5; пьесы-посвящения композиторам в «Играх» Д. Куртага), а подчас – и комический смысл¹, вплотную приближаясь к пародии (цитаты из «Дон Жуана» В. А. Моцарта в опере Ацио Корги «Оправданный распутник»).

Рассматривая всё многообразие конкретных ситуаций обращения к интертекстуальным взаимодействиям в музыке XX века, невольно задаешься очевидным вопросом: не оказываются ли они для авторов некоей навязчивой идеей, своего рода идеологией творчества, подчас полностью снимающей проблему творческого поиска? Очевидно, что для многих композиторов XX века, с одной стороны, проблема самоопределения и творческой индивидуальности оказывается достаточно острой, требуя иногда крайней индивидуализации художественных средств. С другой – проблема интертекстуальных взаимодействий неизбежно ставит вопросы *этического* порядка, касающиеся допустимости преодоления границ между «своим» и «чужим» творчеством, вообще степени свободы творческого переосмысления уже существующих произведений.

Правда, здесь следует напомнить о том, что далеко не для всех композиторов интертекстуальность выступала творческой универсалией. Конечно, многие могли бы признать справедливость следующих слов Л. Берно: «Текст есть всегда множество текстов. Великие сочинения неизменно подразумевают неисчислимое множество других текстов, не всегда различимых на поверхности – множественность источников, цитат и более или менее замаскированных предшественников, которые были ассимилированы, не всегда на сознательном уровне, автором» [1, 82-83]. Но параллельно во второй половине XX века складывается и иная позиция, в основе которой лежит полное (или же почти полное) отрицание преемственности, радикальный отказ от диалогических отношений с Прошлым. Так, Карлхайнц Штокхаузен отмечал: «Я никогда не принимал уже найденный объект или стиль. В течение 10 лет я хотел вычеркнуть любой знакомый элемент из моей музыки. Я был самым абстрактным из всех абстрактных композиторов. Теперь, с тех пор как я пришёл к новым реальностям сознания и порвал с прошлым, с памятью, с предоформленным миром – знакомое стало очень таинственным, очень магическим...» [5, 26].

Фактически в этом случае композитор стремится создать произведение на основе материала, изначально неиндивидуализированного, не имеющего каких-либо ссылок на художественный опыт прошлого. Исходным материалом здесь служит либо нечто принципиально новое, отсутствовавшее в интонационной памяти слушателей и композиторов, или же никак не связанное с художественной ситуацией. На первый план выступает именно аспект *функционирования* этого материала, его эстетизация в силу контекста существования, а не исходных свойств. Для автора самоценным оказывается либо радикальный эпатаж авангардистского плана, либо смыслообразующей основой произведения становится разрушение традиционных слушательских установок восприятия.

Возникает впечатление, что ряд композиторов XX века просто теряются в безграничном пространстве уже созданной музыки, и в результате возникает эффект потери как ориентации в историческом времени, так и отчётливой дифференциации между художественным и нехудожественным измерениями культуры. Автору всё можно и всё дозволено. Он может сотворить произведение из пустоты, или же из внехудожественных по происхождению звучаний, а может смешать в нём все мыслимые стили в виде гротескной мозаики, являющей миру чудовищную фантазмагорию видений Прошлого. И, как ни странно, в ряде ситуаций и то, и другое бывает оправданным, если подчинено определённой единой концепции. В любом случае, Композитор, шествуя над бездной, заключающей безбрежный звучащий океан, должен сам выбрать тот путь, который приведёт его к новым горизонтам или же в безвыходный тупик. Да и сам этот

¹ Например, откровенно юмористический облик имеет цитата из начала Богатырской симфонии Александра Порфирьевича Бородина в № 2 из «Хоровых игр» Сергея Михайловича Слонимского, появляясь на словах «мальчик Петя *Бородин!*».

путь редко оказывается прямым, скорее, он напоминает лабиринт Минотавра, только без спасительной нити Ариадны.

С другой стороны, всё это, как представляется, отображает и ряд существенных черт художественного мышления второй половины XX века в целом. Хорошо известно, что развитие музыкальной культуры последних десятилетий связано с резкой перестройкой системы ценностей, затрагивающей фактически все аспекты её существования. Одновременно интенсивное вторжение новейших средств коммуникации и информационных технологий (в первую очередь – среды Интернет) в повседневную жизнь, образование, индустрию развлечений неизбежно привело и к значительной трансформации мышления человека, в котором сама модель мира обрела *мозаичный* характер, складывающийся из множества несовместимых элементов. Она оказывается подобной гипертексту, оперируя бесконечным множеством уже созданных, «готовых» смыслов, рождающих самые причудливые и невообразимые комбинации.

Другая особенность современного мышления заключается в том, как именно координируются эти элементы. Они могут существовать в полной взаимной *изоляции*, образуя как бы дезинтегрированные осколки смыслов, или же находиться в *амбивалентных отношениях*, предполагающих одновременную поляризацию и сближение противоположных качеств, их склонность к диалогу и резкой оппозиции. Так, традиционные ладовые, фактурные, метроритмические закономерности вступают в сложные диалогические взаимосвязи с абсолютно новыми принципами организации музыкального текста, дополняя друг друга и конкурируя между собой.

Судя по всему, высокая значимость интертекстуальных взаимодействий – не только в музыке, но и в других областях творчества, да и в обычной жизни – во многом предопределена именно этими глубинными психологическими предпосылками. Одновременно именно в искусстве роль чужих смыслов, скорее всего, обусловлена и личностным статусом самого авторского «Я» в социокультурном пространстве, его мировосприятием действительности.

Чужие тексты оказываются собеседниками автора, участниками того полноценного творческого диалога, который далеко не всегда оказывается возможным между Автором и Слушателем. Может показаться, это что чувство внутреннего одиночества, невозможности адекватного диалога и понимания (со стороны слушателя) для автора подчас оказывается субъектом не только психологической рефлексии, но и поводом для определённой модели художественного поведения. Желание быть понятым (в том числе – и за счёт ссылок на уже созданные и известные произведения) и одновременно высказать нечто новое, не всегда адекватному пониманию подвластное, и здесь образует амбивалентную оппозицию.

Очевидно, что усиление интертекстуальных взаимодействий в музыке приводит к повышенной семиотичности её структуры. При этом для авторов нередко оказывается актуальным не её имманентное семантическое измерение, континуальное и внепонятийное по самой своей природе, а возникающая в процессе семиотизации дискретная сетка отношений между заимствуемыми фрагментами чужих текстов и их относительно конкретными значениями в новом контексте. В известной степени авторы начинают уподоблять музыкальный язык вербальной семиотической структуре, стремясь воплотить свойственные ей детерминированные соответствия.

Конечно, подобная семиотизация возникла при интертекстуальных взаимодействиях всегда, но в разные эпохи она имела неодинаковый облик. Если до XIX века цитаты, например, как правило, находились в относительно согласованных отношениях с контекстом (а в литургической музыке служили средством утверждения единства и неизменности сакральной истины), то в более позднее время они всё чаще становятся предметом полемики. В то же время в большинстве случаев авторы видят в чужом материале именно *однозначный* смысл, с которым можно либо согласиться, либо подвергнуть критическому переосмыслению.

В связи с этим возникает ещё один неизбежный вопрос: имеет ли интертекстуальность как специальный художественный приём перспективы в будущем, возможно ли её дальнейшее развитие? На первый взгляд, композиторы полностью исчерпали её потенциал, использовали все мыслимые варианты – вплоть до построения сочинения целиком из одних цитат. Но вопрос о перспективах, конечно, имеет и более общий характер, так как ощущение внешней исчерпанности оказывается связанным с большинством композиторских техник XX века. Представляется, что проблема заключается не в самом методе, а в том, какую реальную смысловую нагрузку он несёт в целостном контексте произведения. Ведь многочисленные ситуации пародийного заимствования в церковной музыке Ренессанса и барокко отнюдь не превращают её в пересказ чужого текста. Реальные перспективы интертекстуальности – в умении композитора услышать в чужом материале новый смысл, или же создать его с помощью смысла, уже заключенного в нём. Возможности её развития – в преодолении семантической инерции, ощущении динамики и

подвижности, возможности *смещения сформированных значений*. Необходимость понимания *многозначности* чужого материала, открытость его смыслового потенциала и представляют объективное будущее межтекстовых взаимодействий как творческого метода.

Литература:

1. Берно, Л. Поэтика анализа / Л. Берно // Учёные записки Российской академии музыки им. Гнесиных. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2012. – № 2. – С. 80–90.
2. Данько, Л. Музыкальное направление classical crossover в современной аудиовизуальной культуре: автореф. дис. ... к. иск / Л. Данько. – СПб., 2013. – 24 с.
3. Тиба, Д. Введение в интертекстуальный анализ музыки / Д. Тиба. – М. : МГК, 2002. – 44 с.
4. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
5. XX век. Зарубежная музыка. Очерки, документы: Вып. 1. – М. : Музыка, 1995. – 158 с.

Приложение

Пример 1

Musical score for Example 1, featuring the following instruments: Tr., 2 ob., c.i., Vl., Vle, Vl. Vc., Vle Vc., Cb.Fg., Tb., Cel., and Arpa. The score is in 4/4 time and includes dynamic markings such as *p*, *pp*, *mp*, and *cresc.*

Пример 2

Musical score for Example 2, featuring piano accompaniment. The score is in 4/4 time and includes dynamic markings such as *pp*.

Пример 3

Musical score for Example 3, featuring a single melodic line. The score is in 3/2 time and includes a dynamic marking of *p*.

Пример 4

Example 4 shows two staves of music in 3/2 time. The top staff is for Violoncello solo (Vc. solo) and the bottom staff is for Bassoon (Bajan). The music is marked *pp* (pianissimo). The Vc. solo part consists of a series of eighth and quarter notes, while the Bajan part consists of a series of chords and single notes.

Пример 5

Example 5 shows a piano score in 3/4 time. The music is marked *f* (forte) in the first measure and *p* (piano) in the last measure. The score consists of two staves, with the right hand playing a series of eighth and quarter notes and the left hand playing a series of chords and single notes.

*Фроловская Марина Николаевна,
г. Барнаул*

СТАНОВЛЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА НА ОСНОВЕ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ КУЛЬТУРЫ¹

*В принципе обучение,
творчество и понимание – это синонимы.
Владимир Зинченко*

В культуротворческой парадигме образования (А. П. Валицкая, В. П. Зинченко, М. С. Каган, В. Е. Клочко, Л. М. Мосолова, Ю. В. Сенько) педагог рассматривается как самоорганизующийся субъект, посредник между духовным опытом учащихся и учебным предметом, наукой, культурой. Одной из главных характеристик педагога, ставшего в подлинном смысле слова субъектом собственной жизнедеятельности, является его авторская позиция. Авторскую позицию педагога можно рассматривать как целостное отношение к педагогическому процессу, к себе и другим его участникам, включающую в себя аксиологическую (ценности и смыслы), онтологическую (взаимодействие непосредственных участников педагогического процесса), методологическую (принципы стиля педагогического мышления) компоненты. Это поле субъектной (смысловой) педагогики предполагает самоопределение педагога в профессионально-личной сфере жизни.

Однако, несмотря на то что ещё в конце XX столетия наметилась общая тенденция к гуманитаризации образования, к отказу от сциентистской методологии, в общеобразовательной школе и вузе до сих пор преобладают авторитарность, однозначность, предметоцентризм, монологизм, объяснение, являющиеся барьерами выражения авторской позиции педагога.

Ситуация усугубляется прежде всего тем, что образование сведено, по сути, к подготовке. Эта подмена выражается в установке на овладение закрепленными федеральным государственным образовательным стандартом компетенциями в отчужденной, «предметной» форме (цель, содержание, принципы, технология и др.).

Процессы модернизации оборачиваются «сумерками» образования, точнее, подготовки. Чтобы сквозь сумерки пробиться к свету, необходимо уточнение каждым учителем собственного понимания сути реформ и своей роли. В логике культуры центральной задачей образования является становление авторской позиции, укоренённой в ценностях и смыслах жизнедеятельности участников педагогического процесса.

Сошлёмся на авторское суждение Дж. Дьюи: «Если же педагогика сама по себе превращается в руководящую цель, потенциальные возможности настоящего приносятся в жертву

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 13-06-00010, тип проекта «а»)

предположительному будущему. Когда это случается, реальная подготовка к будущему как раз и не происходит. Мы живём сейчас, а не в какое-то другое время, и только лишь извлекая здесь и теперь полный смысл из всего получаемого нами опыта, мы готовимся делать то же самое в будущем. Это единственная подготовка, которая в дальнейшей перспективе чего-нибудь стоит». Но «извлечение здесь и теперь полного смысла из всего получаемого нами опыта» – это и есть действительное образование, в котором определяется авторская позиция учителя, позволяющая и ученику выражать собственное отношение к тому, что он учит, к тем, с кем он учится. Следование только внешним целевым установкам вряд ли приведёт к проявлению авторства.

В педагогическом процессе авторская позиция педагога реализуется только через обращение к Другому за со-чувствием, со-мыслием, со-действием на основе понимания, через выстраивание отношений не столько социальных ролей, функций, сколько людей в мире образования. Поскольку авторская позиция педагога уникальна, неповторима, не укладывается в рамки перечней и стандартов, она регулирует отношение «Педагог-Ученик» как творческое обращение к Другому, сотворчество. Для успешной реализации этого призвания учителю необходимо быть мудрым, избавляться от «гордыни всезнания». К преодолению предметоцентризма ещё более четырёхсот лет назад призывал учителей Я. А. Коменский. В «Великой дидактике» он характеризовал школу как место, где «не учат всему, даже самому главному»: «Оставив в стороне древо жизни, мы беспорядочно стремимся к одному только древу познания» [4; с. 301]. И мечтал об учителе, способном представлять знание «наглядно и ясно», раскрывать «зёрна вещей», обучать «лёгким методом», привлекающим детей, воспитывать «добродетели характера». Значит, самому, вместе с детьми *со-творять* педагогический процесс, постигая «древо жизни».

Идея, высказанная в XVII веке Я. А. Коменским, остаётся актуальной и в современном образовании. Содержание модернизации, по большому счёту, ориентировано на достижение личностного результата школьником, освоение им компетенций, связанных с идеями опережающего развития. Приобретение опыта, который позволит *образ-овываться* и строить свою будущую взрослую жизнь. Для качественного осуществления инновационной деятельности, позволяющей достичь намеченных результатов, необходима позиция педагога – автора собственной своей жизненной и профессиональной траектории.

Для этого необходимо ощутить себя частью культуры и увидеть себя в культуре: «Культура – предпосылка, процесс, результат творения людьми жизненно необходимых обращений друг к другу и к себе текстами» [6; с. 266]. Встреча обращающихся друг к другу поколений, где культура «оживает и длится от века к веку», происходит в целостном педагогическом процессе, частью которого является и педагогическая деятельность. Она являет собой «жизненный мир» (Э. Гуссерль), горизонт смыслов, опредмеченный в текстах, охватывающий всё, что может знать каждый участник этой деятельности о переживаниях, мыслях и воображении Другого. В таком случае, педагогический процесс представляет собой текст культуры, который обусловлен авторской позицией его непосредственных участников.

Педагогический процесс наполнен «текстами», они представлены проектами содержания образования, а также текстами взаимодействия, которые «пишут» сами участники педагогического процесса. Понимание текстов культуры – это и есть одновременно понимание педагогом самого себя. Оно разворачивается в круге: педагог организует процесс понимания предметного содержания, в ходе которого происходит понимание Другого, себя, уточняется осмысление предметного материала. М. Хайдеггер писал, что это герменевтический круг предвосхищения, «...понимание того, что содержится в тексте, заключается в разработке предварительного наброска, который подвергается постоянному пересмотру и углублению в смысл текста» [2; с. 318]. В этом особенность педагогики понимания. Она носит вероятностный характер. Меняется и педагогическая установка учителя, умеющего слушать и говорить в диалоге, воспринимать позиции других, принимать их инаковость; имеющего герменевтическое (понимающее) сознание.

Понимание текстов – не самоцель, в их содержании отражены отношения вещей (предметов), имеющих значение для образа мыслей, поступков, намерений людей. Именно эти отношения существенны для участников педагогического процесса, желающих понять тексты. Каждый вносит нечто своё в понимание, раскрывает новые, неизвестные даже самому автору смыслы и значения в их интерпретации, а тем самым, как подчёркивал М. М. Бахтин, не только открывает их «наличный смысл», но и делает к нему «прибавление путём творческого созидания» [1; с. 362]. При пересечении культуры педагога и культуры школьника возникает «горизонт ожидания» (пред-понимание, по М. Хайдеггеру), пересечение их ожиданий, осуществляется акт интересубъективного общения. Иными словами, индивидуальное бытие становится бы-

тием, «задетым за живое»: понять себя – значит понять себя до текста и получить от текста условие иного «Я» (П. Рикёр).

В процессе становления авторской позиции рождаются стратегии понимания, которые связаны с пониманием культурного текста, культуры Другого и своей. Отсюда авторская позиция педагога в образовании рождает такую цепочку: «текст – интерпретатор – результат интерпретации – текст (вторичный)». Последний элемент цепочки может стать первым звеном новой цепочки педагогического процесса. Например, педагог вместе со студентами обращается изначально к научному тексту «своей» дисциплины с позиции его интерпретаторов, они обнаруживают в тексте личностные смыслы, «переводят» текст на педагогический язык, открывая в нём педагогический потенциал, создавая «вторичный» текст, который становится новой точкой отсчёта. Такая деятельность при определённых условиях обеспечивается авторской позицией того, кто хочет понять.

Движение к обнаружению смыслов успешно осуществляется при реализации в вузе стратегий понимания текстов культуры. Например, поиск ключевой фразы, построение ассоциативных цепочек какого-либо термина, подбор метафор, аналогий, сборка деталей, достройка образа, опора на жизненный опыт участников педагогического процесса, перевод текста (живописи, литературы и др.) на иной язык культуры. Каждый новый язык, как писал Г. Гессе [3], увеличивает количество возможностей пережить что-то. Сколько языков, столько способов мышления, понимания.

На одном из практических занятий по педагогике состоялась «встреча» с живописным текстом – картиной К. Моне «Дама в саду». Студентам было предложено «перевести» язык живописи на другие языки (по выбору). Например, представить (словесно) портрет героини (она стоит к зрителю спиной), её чувства, музыку живописного полотна, настроение. Наверное, вы уже можете предположить, что, глядя на один и тот же художественный текст, каждый «вычерпал» значимые для себя смыслы. Студенты представили абсолютно разные портреты: влюблённая девушка и задумчивая женщина... Услышали мелодию и гитары, и скрипки, и фортепиано, и флейты. Это были вальсы, романсы и даже меланхолический вокал. Зрителей охватил и различный спектр чувств: от грусти, ожидания до разочарования, огорчений. Объединяло общее состояние нежности, романтики. Некоторые полагали, что за героиней в саду наблюдает мужчина. Интересен исторический факт: К. Моне хотел изобразить на заднем плане мужчину в чёрном, но передумал.

Особую ценность диалога, способность услышать Другого и продолжить его мысль ощутили студенты, когда в группе вместе с преподавателем составляли общий текст (по очереди, продолжая друг друга). Вот один из примеров – «встречный» текст, который написан шестью авторами:

– Может, я нарушу все законы искусствоведения, но мне кажется, что эта женщина в белом очень храбрая. Я бы умерла от жалости к себе самой, если бы оказалась в саду одна. Одиночество, пусть и такое нежное и трепетное, очень страшная вещь.

– А может, девушка наслаждается одиночеством в тихом прохладном саду?

– Но в любом случае, в таком чудесном, райском уголке ей не придётся долго быть одной, хочет она этого или нет.

– Ведь даже в одиночестве каждый человек «говорит» со своим вторым «я». И чаще всего спорит, размышляет, пытается разрешить противоречия души. Хорошо было бы иметь такое же спокойствие и умиротворение на сердце, как в этом саду.

– Природа, кажется, тоже замерла в задумчивом созерцании, только легкий ветерок и щебетание птиц...

– Девушка погружена в мечтания и надежды, ожидание любимого. По погоде, цветам в саду видно, что её одиночество недолговечно. Скоро она будет не одна.

Чувствуется со-голосие. Студенты были удивлены степенью взаимопонимания и оценили значение такой работы. За текстом картины они попытались увидеть замысел художника, за текстами, созданными ими самими, – людей, стремящихся выразить свой мир. Оказалось, что «открытие» смысла произведения искусства направлено и на «открытие» самих себя. Если педагог и студенты пытаются выйти за пределы предлагаемого текста, достроить его, тогда образ, обладающий объяснительной силой, приближает их к пониманию.

Встречи с художественными текстами предоставляют человеку уникальную возможность поставить перед собой жизненные вопросы и обнаружить созвучие с авторской позицией, высвечивают новые перспективы отношений его участников к истории, обществу, собственному бытию. По Я. Корчаку, теория обогащает интеллект, а практика расцветивает чувства. «Я знаю» не значит: «действую сообразно тому, что я знаю». Чужие взгляды незнакомых мне людей должны преломиться в моём живом «я», – пишет педагог, подчёркивая в очередной раз

значимость взаимоотношений с Другими. Благодаря Другому, пониманию его позиции, педагог «возвращается», «приходит» к себе иным.

«Ребёнок обогащает меня опытом, влияет на мои взгляды, на мир моих чувств... Ребёнок поучает меня и воспитывает. Ребёнок для воспитателя – книга природы: читая её, он созревает... Путь к самовоспитанию и самоопределению ты найдёшь сам и в себе, молодой воспитатель. Путём длинного ряда осенений улыбки, взгляда, жеста, слёз раскаяния или слёз бессилия» [5; с. 187–188].

В ключевых словах текста студентам открываются гуманитарные основания авторской позиции Я. Корчака: доминанта на Другого, эмоциональное отношение к нему, понимание человека, установка на самовоспитание и самоопределение. Метафора, представленная в тексте («ребёнок – книга природы»), – образ, в котором соединились все гуманитарные составляющие его авторской позиции. Ценностным основанием выступает признание права ребёнка быть таким, каков он есть, его права на сегодняшний день. Онтологическое основание – построение взаимодействия с ребёнком через обращение к нему. Методологические характеристики направлены на обнаружение понимания себя и ребёнка через рефлексивность, метафору, диалог, доминантность.

В диалоге с текстами культуры происходит обнаружение особенностей педагогической позиции их авторов, что даёт возможность будущему педагогу задуматься и над собственными ценностями, о роли учителя. Так, используя сборку деталей, в молитве воспитателя Я. Корчака студенты выделяют концептуальные основания педагогической позиции автора исходя из своих педагогических приоритетов. Затем они обращаются к тексту Е. А. Ямбурга.

Диалог студентов перетекает в «разговор» с современным педагогом-новатором, учёным, который по-своему интерпретирует молитву Я. Корчака. Она «...служит утешением педагогу, ободряет его в дни неизбежных сомнений, спасает от отчаяния. Это так естественно, что воспитатель Корчак приносит молитву Богу за ребёнка. Я же молюсь за учителя. Даже не «тишайшим шепотом», как Корчак во всех иных случаях, когда не возвышал свой голос за ребёнка, а молча. «Господи, учитель всего-навсего человек со всеми своими человеческими слабостями. Несовершенный, он призван принять и взрастить ребёнка – существо, подобное Тебе, ещё не отравленное миазмами жизни. Кто поручится за то, что он справится со своей задачей? Господи, пошли ему мудрости построить дом свой не на песке. Убереги его от гордыни всезнания, соблазна присвоить себе Твой помысел. Спаси от искусителей. Ниспошли воспитателям – воспитателей, учителям – учителей» [7; с. 319–321].

В этом диалоге времён, голосов – размышление об авторской позиции педагога, которая реализуется только через обращение к Другому на основе понимания. Установка на осмысление (а не только воспроизведение) учебного материала исключает проверку знаний по схеме «знаешь – не знаешь». Реализация принципа понимания, направленного на «открытие» смыслов текстов и самих себя, способна естественным образом включить приёмы самоконтроля в профессиональном становлении. Это даёт и учителю, и ученику чувство собственной защищённости, право на ошибку, на утверждение себя через преодоление трудностей, позволяет войти в мир смыслов. И это «вхождение», как справедливо отмечал М. Хайдеггер, возможно путём со-понимания, со-осмысления, со-оценивания, со-переживания, приобщения к совместному творчеству, создающему гармоничное отношение человека к миру, Другому и к самому себе.

Задача современного образования заключается в возвращении к его подлинным смыслам и ценностям. Общим вектором движения здесь является гуманитаризация педагогического процесса, развёртывание его в координатах педагогической культуры, с чем глубинно связано проявление авторской позиции педагога как целостного отношения к себе, профессиональной деятельности и взаимодействию участников педагогического процесса.

Необходимость и возможность проявления авторской позиции учителя базируется на следующих положениях:

- центральное действующее лицо модернизации образования – педагог, способный организовать педагогический процесс как гуманитарную практику понимания текстов культуры;
- основанием профессиональной деятельности педагога является его авторская позиция;
- педагогическое авторство развёртывается во взаимодополнительных координатах: отношении к себе, к взаимодействию, к профессиональной деятельности.

Именно авторская позиция педагога объединяет заданные федеральным государственным стандартом образования компетенции и позволяет осуществить эффективный поиск, постановку и решение педагогических задач, что составляет суть педагогической деятельности. Выстроить и реализовать гуманитарную практику способен педагог-автор собственной и совместной

с Другим деятельности, педагог, который понимает и осмысливает незавершённость образования, является носителем общечеловеческих ценностей, способен находить и реализовывать жизненные и профессиональные смыслы. Успешность решения проблем современного педагогического образования (не подготовки!) заключается в становлении авторской позиции будущего учителя на основе понимания, в котором педагог совместно с учащимися мыслит, чувствует, поступает в смысловом ряду своей жизни.

Литература:

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 699 с.
3. Гессе, Г. Магия книги // Г. Гессе. Письма по кругу. – М. : Прогресс, 1987. – С. 177–184.
4. Коменский, Я. А. Великая дидактика // Я. А. Коменский. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. Т. 1. – М. : Педагогика, 1982. – 658 с.
5. Корчак, Я. Воспитание воспитателя ребёнком / Я. Корчак // Антология гуманной педагогики. – М. : Издательский дом Ш. Амонашвили, 1998. – С. 187–189.
6. Михайлов, Ф. Т. Избранное / Ф. Т. Михайлов. – М. : ИНДРИК, 2001. – 576 с.
7. Ямбург, Е. А. Педагогический декамерон / Е. А. Ямбург. – М. : Дрофа, 2008. – 367 с.

*Киркинская Татьяна Ивановна,
г. Барнаул*

ЧЕГО МОЖЕТ ДОСТИЧЬ ЧЕЛОВЕК ПОСРЕДСТВОМ ЯЗЫКА, И КАК ЭТОМУ УЧИТЬ?

Природосообразность обучения носителей родного языка в своей основе и цели связана с возвышением человека, с его нравственностью. Однако в наше время наблюдается вытеснение такого целеполагания из профессионального сознания учителя. Природа человека духовна. Язык есть инструмент этой природы. Ещё в 1806 году Вильгельм фон Гумбольдт предостерегал от того, что понимание слова как знака, становясь господствующим, может превратиться в «крайне ложное представление» о языке, убивающее в нём всё живое и духовное. Язык – это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Эта идея «языкового мировидения» Гумбольдта важна в наше время для осознания более глубоких основ коммуникации и как образовательная идея.

Называя язык интеллектуальным инстинктом, Гумбольдт тем самым подчёркивает уникальность языка как антропологического феномена и обращает наше внимание, с одной стороны, на неосознанную форму его существования, а с другой – на его интеллектуальную активность, заключающуюся в фундаментальном акте превращения мира в мысли. «Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другой, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности» [1].

Учёные отмечают, что многие поставленные В. фон Гумбольдтом задачи и высказанные им идеи ещё не получили разработки в современном языкознании и тем более в лингводидактике. Современные философы и филологи считают, что среди лингвистических подходов *энергетический*, предлагаемый Гумбольдтом, по-видимому, наиболее адекватен тому философскому пониманию человека, который деятельность человека рассматривает как определённую целостность. (Целостность действия, слова, мысли, чувственного образа). Более того, *энергетическую* теорию языка предлагают понимать как особое лингвистическое введение в общую теорию человека, которая должна ответить не только на вопрос «Что такое язык?», но и на вопрос «*Чего достигает человек посредством языка?*» [1, с. 11]. Это, на наш взгляд, ключевой вопрос современной лингводидактики и методики обучения родному языку. Иначе чему же, по большому счёту, учиться ребёнок, уже имеющий базовый языковой опыт?

Александр Романович Лурия наметил очень важную для развития нравственности ребёнка линию – *изучение характера семантических полей на разных ступенях развития ребёнка* [3, с. 134]. Обращая внимание на мысле- и словотворчество ученика, учитель помогает ему искать внутренние ориентиры собственной жизни. В итоге формируется отношение к качеству мысли, которое затем определяет качество и полноту жизни человека. Так происходит взросление сознания.

В данной парадигме мы понимаем, что традиционная система языкового образования и выращивание рефлексированного языкового опыта практически не совместимы. Не совместимы, в основном, по причине ещё не осознанной учителем идеи языка как духовной практики, ведущей ребёнка по ступеням нравственного взросления. Нравственность, являясь основой духа, воспитывается путём формирования внутренней мотивации (в оппозиции – внешняя мотивация

через запреты, наказания, поощрения). Рефлексирующее сознание всегда задаётся вопросами «почему так? зачем мне это надо?». Оно воспитывается тренировкой, «примеркой на себя» разных семантических полей слов, текстов. Накапливая такой опыт, ребёнок способен видеть своё саморазвитие. Понимая это и делая наше понимание целью обучения, мы уходим от хаоса неопределённости, нравственной деградации многих людей. Ориентируемся не только на онтогенез и филогенез личности, но и на космогенез, о котором, в частности, писали Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи. (Смысл космогенеза – в понимании полноты жизни и взаимосвязи всего со всем, в принятии тонкого, невидимого мира мысли, чувств, формирующих качество индивидуальной голограммы и возможности дальнейшего существования).

Слово в этом процессе является одновременно средством формирования процесса и его результатом. Через слово идёт личная диагностика – где я нахожусь, куда могу продвигаться? Данный принцип ясно проявляет себя на примере слова *любовь*. Первый уровень сознания находим в выражении *заниматься любовью* (фиксируется механическое, телесное действие). Второй уровень – в пушкинских строках:

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Здесь любовь – муза, питающая и возвышающая чувства. И, наконец, третьим, высшим уровнем пронизаны следующие строчки:

Я там всегда с тобой, где души роз,
Где можно всё божественно исправить,
Ведь дивным током лучезарных лоз –
В душе – бессмертья световая память.

Я там всегда с тобой в волнах любви,
Где мы возлюблены ещё до сотворенья
И беспричинно благословлены
Небесным даром – счастья излученья...

Через эти строки у читающего возникает чувство высокой торжественности, предвосхищения изначальной красоты мира и причастности к этой красоте. Таким образом можно показывать ученикам разные уровни восприятия и понимания слов, учить различать эти уровни в естественной языковой среде и диагностировать собственное развитие. Ясно, что такая стратегия обучения не противоречит онтологии языка, а, напротив, помогает квалифицировать варианты по отношению к языковой норме.

Кроме понимания актуализированной идеи природной целесообразности обучения учителю требуется некоторая *технология развития общетекстовых умений*, начало которой изложено в нашем пособии [2]. Общетекстовые умения универсальны, они гибко соединяют в процессе учебной работы с текстами донормовые, нормовые и постнормовые языковые навыки. Общетекстовые умения формируются в процессе разнообразных учебных действий с текстами. В школьной практике таковые есть, но они используются не системно и не сориентированы на высшую цель духовного развития и взросления ребёнка:

- соединение элементов в целое,
- вычленение элементов из целого,
- прогнозирование пропущенных элементов текста,
- сжатие текста,
- развёртывание заданного текста,
- воспроизведение заданного текста,
- составление собственного текста.

Действия по конструированию, реконструированию, деконструированию учебных текстов и составляют типологический каркас упражнений. Причём заключительное действие напрямую связано с предыдущими. Наблюдая устройство разноликих чужих текстов, ученик может осознанно повторить желаемый приём (приёмы) построения текста в рамках своей темы и материала.

Приведём несколько примеров эффективных форм работы с текстами на уроках русского языка, позволяющих учителю развивать универсальные общетекстовые умения, а ученикам – быть в новой стратегии обучения «мой языковой опыт – часть опыта человечества». Через рассмотрение поля ученических вариантов при выполнении конкретного действия с текстом мы получаем ценную информацию о языковом опыте ребёнка и усиливаем естественную мотивацию обучения.

Рассмотрим, например, такое привычное учебное действие как озаглавливание текста. Этот вид учебной работы тренирует и развивает два важных качества языковой способности – навык вычленения смысловой доминанты на фоне информационной избыточности текста, а также навык сжатия текста без смысловых потерь. Важно обсуждать с учениками варианты полученных заголовков, так как именно на фоне вариантов ученик видит место своего заголовка и начинает осознавать, где и почему он ошибся в понимании текста. Мы считаем, что разновидности непонимания представляют собой дополнительную иллюстрацию уровней понимания текста, и для каждого типа непонимания может быть обнаружен тот уровень языковой личности (по классификации Г. И. Богина), на котором он возникает. Для этой работы важен грамотный подбор текстов.

Поле вариантов полезно создавать и обсуждать и в других видах тренировочных упражнений с небольшими текстами:

а) выборочное списывание (варианты исключённых предложений, слов, конструкций, которые не влияют на главную мысль текста);

б) восстановление границ текста (варианты выделения абзацев, границ предложений, словосочетаний);

в) свободная диктовка или фразовое письмо (варианты замены и потери слов, словосочетаний, перестановки и утраты некоторых предложений);

г) клоуз-тест (варианты заполнения пропусков в тексте).

Дополнительной проработки требует организация учебной работы по переводам. Переводы интересны не только с иностранных языков, изучаемых в школе, но и с родственных славянских языков. Наш опыт выявил большой азарт у учеников к этой работе.

Работая в технологии развития общетекстовых умений, мы заметили несколько важных позиций относительно языковых реакций, действий учеников:

- спонтанная опора идёт не на норму, а на языковой опыт; формируется самобытность стиля; сохраняется интерес к учебной работе, даже если она выполнена не точно;

- языковой опыт ученика расширяется через призму вариантов одноклассников, учителя и автора текста;

- приобретается опыт рассматривания частных элементов текста по отношению к целому;

- развивается исследовательская (не оценочная) позиция учителя по отношению к учебным ситуациям и детским текстам.

Можно допустить мысль, что подобные упражнения с органичными установками на результат, а также ориентирование на язык как на инструмент накопления рефлексивного, нравственного опыта ученика могут привести к энергетической форме знания языка, о которой писал В. Гумбольдт. «Энергейя» в применении к языку является силой, которая воздействует на познавательную и практическую деятельность его носителей и которая присутствует в языке как возможность роста сознания человека.

Литература:

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт / под ред. Г. В. Рамишвили, послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
2. Киркинская, Т. И. Развитие общетекстовых умений школьников на уроках русского языка в 5-9 классах. Типология упражнений: практикум / Т. И. Киркинская, А. В. Вульфович. – Барнаул : АлтГПА, 2011. – 83 с.
3. Лурия, Я. С. Язык и сознание / Я. С. Лурия ; под редакцией Е. Д. Хомской. – Ростов н/Д. : Феникс, 1998. – 416 с.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ УЧЕБНОГО ТЕКСТА В ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

В среде культуры участники читают тексты, которые подлежат пониманию. И здесь важно подчеркнуть неотъемлемую связь эмоций и разума при понимании, осмыслении культурного текста, так как чувственно-образные источники, основанные на эмоциях субъекта, создают условия и предпосылки для наиболее естественного перехода к пониманию научного знания.

«Образование объединяет в себе всё многообразие текстов: учебный повествовательный текст, текст – студент, текст – преподаватель, текст – группа, текст – обстановка (мизансцена) и др. Взаимовлияние этих текстов представляет весь процесс обучения. В зависимости от того, как будут складываться отношения между данными текстами, как они будут восприниматься, осмысляться, создаются определённые условия и атмосфера, организуется процесс: прагматично, технократично или личностно, гуманитарно» [2, с. 5].

Содержание образования представлено текстами культуры, которые являются фрагментами культуры «ставшей», подлежащей усвоению; результат деятельности автора, разработчиков стандартов образования. Учебный текст, обращенный лишь к разуму и обладающий исключительно информативной силой, технократичен, ограничен в познании. Текст, условия, в которых он интерпретируется, заложенные в нем смыслы могут послужить основанием, на котором запускается механизм саморазвития, самопознания личности.

Текст представляет собой основную единицу диалога: его когнитивную, смысловую, эмоционально-чувственную, поведенческую компоненты. Но текст становится диалогичным только тогда, когда выходит за рамки значений, то есть преобразуется в текст культуры, «моей собственной» культуры. Текст – это внешняя манифестация, можно сказать, это роль, знак для выражения своего собственного смысла, своего Я.

Попытаемся выделить некую схему преобразования учебного текста в текст культуры, который несёт в себе уже смысловое содержание (рис. 1). И так, первым этапом является восприятие текста как «приём» некоторого сообщения некоторым «устройством», затем наступает этап осмысления, через анализ вербальной формы, который приводит к пониманию текста. И затем, путём соотнесения «декодированной», вычлененной из текста информации с имеющимися знаниями об экстралингвистической реальности, происходит интерпретация текста. Все три стадии крайне важны для осуществления адекватной, успешной коммуникации. Следует также ещё добавить этап означивания нового, встречного или «компрессированного», по Л. Н. Мурзину, текста для осуществления коммуникации или диалога. Получившийся в результате восприятия, осмысления и интерпретации текст необходимо ещё адекватно ситуации донести до слушателя, зрителя, наблюдателя и т. д., чтобы получить ответную реакцию.

В учебном процессе текст выполняет три основных функции: информативную, когнитивную и креативную. Информативная функция предполагает извлечение только лишь общепринятых значений из содержания, когнитивная – вычитывание контекстов, креативная – написание своих собственных текстов на основе исходного текста. Информативная и когнитивная функции подразумевают изучение и углубление авторского замысла, креативная функция предполагает развитие собственных личностных качеств читателя и изучение своего внутреннего мира. Очень часто процесс понимания трактуется как освоение авторского замысла, креативная функция чтения упускается из виду. Но именно творчество в процессе чтения и понимания представляет особый интерес и выводит учебный текст из просто профессионального использования в область внутреннего роста, превращает значения в смыслы и позволяет увидеть в учебном тексте скрытые мотивы.

Вопрос понимания есть предмет многих научных исследований (А. А. Брудный, В. П. Зинченко, Ю. В. Сенько, И. Л. Бим, С. К. Фоломкина, М. Н. Фроловская и другие) В зависимости от того, какие факторы лежат в основе, разными авторами выделяются уровни понимания или типы чтения.

Уже на стадии восприятия закладывается проработка текста. И здесь важно создать условия для целенаправленного дальнейшего прочтения. Автором предлагается ролевое восприятие, интерпретация, осмысление, означивание учебного текста. Предполагается, что ролевая идентификация в момент чтения позволит читателю выйти на последующие стадии прочтения. Например, зритель воспринимает учебный текст с помощью визуальных знаков и переходит на роль, допустим, критика, который выдвигает спорные факты, аргументы, сопоставляет со своим жизненным опытом, взглядами и далее выбирает роль для вынесения смысла вовне. Это мо-

гут быть различные формы выражения: знаки, проявленные в письме, рисунке, этюде, – в зависимости от того, что участвует в создании знака: разум, чувство, эмоция.

Исходный текст или авторский 1

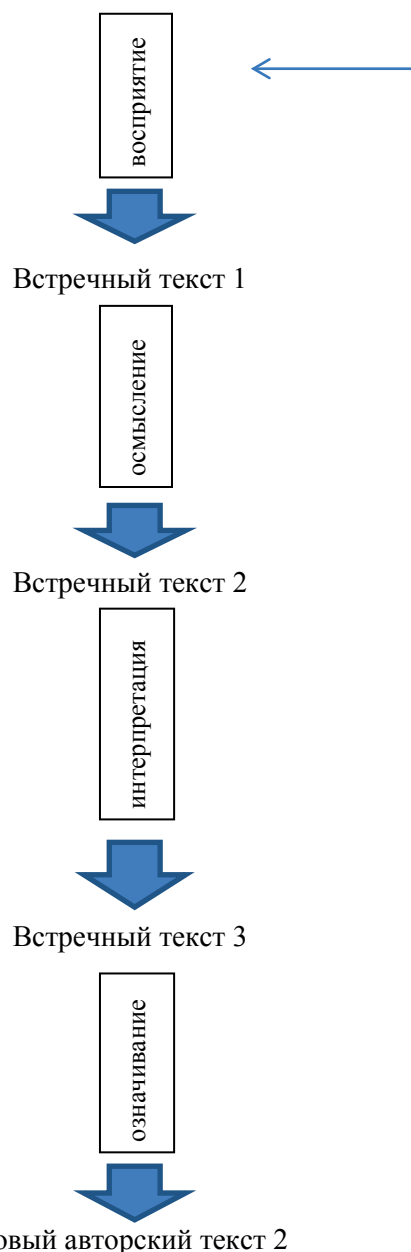

Рис. 1. Схема преобразования учебного текста в текст культуры

Таким образом, роль помогает читателю более гибко работать с текстом и трансформировать его из учебного повествовательного явления, которое останавливается на стадии восприятия (самое дальнее его развитие – интерпретация), на последующие не менее важные стадии прочтения текста, которые позволяют и нам, собственно, погрузиться в осмысленное чтение.

Понимание ролевых состояний в обучении – важный аспект для продуманного, осмысленного планирования педагогического процесса. Педагог может прогнозировать действия и закладывать некоторые приёмы для целенаправленного проигрывания определённых ролей. Умение преподавателя оперировать ролевыми позициями в процессе обучения помогает ему создавать условия для продуктивного диалогического общения, что, в свою очередь, положительно влияет на качество образования будущего специалиста.

Как для педагога, так и для студента главное – найти свою роль, в которой отобразится внутренний, авторский мир, уметь оперировать разнообразными ролевыми проигрываниями. Некоторым легко выражать себя через роль драматурга, другим близок режиссёр, некоторые – неподражаемые артисты, есть и такие, которые прекрасно слушают и слышат, другие умеют

вычерпнуть из увиденного столько смысла, иногда скрытого даже от самого автора и т. д. Но для этого необходимо апробировать себя во всех ролях и найти своё единственное. Ролевые проигрывания помогут студентам и преподавателю разнообразить свои позиционные взгляды.

Предлагаемое автором видение планирования учебного процесса (содержание как авторство, целеполагание как пьеса, социальные формы как ролевые трансформации) может приводить к преобразованию всех его участников через самоактуализацию, самоопределение, самораскрытие. В данном случае учебный текст становится осью преобразования личности.

Литература:

1. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие: монография / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск : Изд-во УГУ, 1991. – 172 с.
2. Мясникова, О. В. Чтение и понимание педагогических текстов средствами драматизации: учеб. пособие / О. В. Мясникова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 100 с.

*Севастьянова Светлана Климентьевна,
Назарова Татьяна Васильевна,
г. Рубцовск*

ПРОЧТЕНИЕ ТЕКСТА КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

На развитие культуры специалиста оказывает влияние практический опыт, а интеллектуальную основу профессионализма формирует образование, главная цель которого сегодня – профессиональная компетентность. Чтобы овладеть профессиональной культурой, необходимо подчинить профессиональную деятельность ценностным социокультурным приоритетам.

В современном техническом вузе культурологическое образование призвано повышать общекультурную подготовку будущих специалистов, приобщать студентов к мировому культурному наследию. Одним из важнейших и полезных способов освоения мирового культурного наследия при изучении культурологии является чтение студентами культурологических текстов. Это способствует приобретению ими опыта личного общения с явлениями культуры и искусства, развитию умения интерпретировать культурные тексты, а также совершенствованию навыков устной и письменной речи, что служит важнейшей основой формирования профессиональной компетентности будущего специалиста.

Примером текста культуры и искусства служит картина И. Е. Репина «Парижское кафе» (1875).

Алгоритм прочтения этого культурологического текста следующий:

- Знакомство с художником и особенностями его творчества.
- Визуальное знакомство с картиной: сюжет, образы.
- Выделение содержательно-смысловых слоёв, планов, особенностей цветовой гаммы.
- Описание образов послойно.
- Соединение реальных личностей с образами, представленными на картине.
- Портрет эпохи, запечатлённый в сюжете и образах.

Обратим внимание на заключительные этапы «чтения» полотна и охарактеризуем персонажей картины, чья жизнь и деятельность в большей степени связаны с реальным историко-культурным контекстом.

На переднем плане картины – дама в чёрном платье без сопровождения – французская опереточная певица Анна Жюдик (1849–1911). В год создания картины – 1875-й – 25-летняя актриса была на гастролях в Петербурге. Рядом с ней – двое покидающих кафе мужчин, один из них безразлично зевает, а его спутник пристально рассматривает Анну через пенсне. На Жюдик смотрят сидящие за соседним столиком посетители кафе и официант.

Анну отличают выразительные глаза, соболиные брови, чуть заметная улыбка, взгляд одновременно гордый и спокойный – всё свидетельствует о безразличии к происходящему вокруг. О равнодушии актрисы говорит и её поза, больше подходящая для портрета: руки небрежно играют зонтом в цвет платья, голова чуть приподнята, правая рука облокотилась на столик; кроме того, Анна сидит спиной к посетителям кафе.

Репин И.Е. «Парижское кафе». 1875

Выделяется героиня и своим нарядом в чёрном цвете с полупрозрачным ажурным верхом и кокетливым цветком на груди. После французской революции (1789–1799), поставившей под удар монархический уклад Европы, аристократы в знак скорби носили чёрное. В викторианскую эпоху (1837–1901) ношение траурного платья регламентировалось этическими законами. Возможно, героиня переживает траур. В европейском искусстве чёрный цвет одежды символизировал скромность, умеренность и дисциплинированность. Чёрные одежды носили все европейские чиновники; а в XIX–XX веках – серый и более тёмных оттенков цвет был принят как самый «практичный» в одежде и самый спокойный в интерьере.

Украшения в XIX веке указывали на статус обладательниц. На Анне, возможно, золотые серьги, жемчужное ожерелье с крестиком, золотой браслет. Во второй половине XIX века в Европе было модно носить ювелирные украшения, а жемчуг считался одним из самых дорогих камней. Анна – представительница либерального парижского общества, в ней совмещено благородство, личное достоинство и внутренние переживания. Этой «контрастностью» она напоминает Эстер ван Гобсек – героиню романа О. де Бальзака «Блеск и нищета куртизанок» (1838–1847). По первоначальному замыслу художника, Анна должна была стоять – так она изображена на одном из подготовительных этюдов. Но художник усадил героиню на стул и переписал лицо. Возможно, он хотел повысить коммерческую привлекательность картины или изобразить Анну жертвой общества и её личных переживаний.

Словно зеркальное отражение Анны – женщина за соседним столиком. На ней платье бирюзового цвета, в христианской образности символизирующего благородство и высокую нравственность. Расшитая накидка скрывает верх платья, она имеет гранатовый оттенок. Шляпка опущена на лицо (головной убор Анны высоко поднят, открывая лицо певицы). Перо и розовый цветок (как у Жюдик на груди) украшают шляпку, соответствуя европейской женской моде второй половины XIX века, когда шляпка – популярный аксессуар женского наряда – обильно украшалась цветами и перьями. Образ дамы и причёска (волосы опущены на спину – у Жюдик волосы аккуратно собраны) свидетельствуют о респектабельности, свободе и независимости. В 70–80-е годы XIX века женщины зачёсывали волосы над висками высоко вверх, а на спину спускали длинные локны.

Соседка Анны изображена в компании, возможно, мужа, дочери и приятельницы или родственницы, одетой в синее платье и золотые серьги.

По одежде дам, представленных на полотне, можно судить о французской моде, развивающейся в направлении «позитивизма», главной идеей которого была демонстрация богатства и благополучия. Костюм перегружался деталями и украшениями, часто сочетал в себе ткани, различные по фактуре и цвету: шёлк, бархат, шерсть, кружева, газ. Основные тона женских нарядов – тёмные, лишь к концу столетия появились платья светлых голубых, зелёных, розовых оттенков. Дополнением к туалету служили модные аксессуары – перчатки, лорнет, боа, веера из перьев, маленькая сумочка на длинном шнуре, летом – кружевной зонтик. Использовать разностилевые детали и аксессуары в наряде считалось признаком кокетства. Как верхнюю одежду женщины носили шали, накидки, мантильи, пелерины, жилеты. Повседневной женской обувью были высокие ботинки, шнурованные или на пуговицах, на высоком или среднем каблуке.

На даму в чёрном обращён взор молодого человека, предположительно англичанина. Он широко и размеренно шагает, держится дерзко и пафосно. Его серые брюки, чёрный сюртук и синий галстук соответствуют тенденциям европейской моды конца XIX века. Самым популярным в это время был сюртучный костюм-тройка из темных тканей. Основной мужской обувью были штиблеты и ботинки (на кнопках или со шнуровкой) – в них обут персонаж.

*Репин И.Е. Этюд
«Дама, опирающаяся на спинку стула»*

*Репин И. Е. Этюд
«Мужчина в цилиндре».*

Модным и удобным головным убором служил цилиндр, его мы видим на молодом человеке. В Европе цилиндр был признаком консервативности, а в России его считали революционным элементом костюма. Заметной деталью мужского гардероба был галстук. В XIX веке существовало несколько учебников по завязыванию галстука, автором одного из которых был О. де Бальзак. С эпохи Великой французской революции синий цвет галстука стал символом буржуазии и её либеральных партий. «Синими» называли сторонников республики, боровшихся против «белых» роялистов.

Спутник молодого англичанина, возможно, коренной парижанин; он залихватски закручивает ус. Мужчина одет в коричневый сюртук, брюки и шляпу; его белый галстук повязан в виде банта. Во времена революции XIX века у знатных дворян и аристократов было принято носить широкий шёлковый шейный платок белого цвета – такой галстук выбирал преимущественно человек эгоистичный или самовлюблённый.

Прототипы образов картины – представители высшего слоя французской столицы; это известные в конце XIX века во Франции творческие личности. Среди посетителей кафе – французский живописец Жан-Леон Жером (1824–1904), представитель академизма (усатый мужчина в чёрном в центре полотна), преимущественно писавший быт античного мира и Востока. На репинском полотне художник облачён в чёрный сюртук и цилиндр. Другой известный посетитель кафе – Катюль Мендес (1841–1909), поэт, романист и драматург (мужчина в котелке за соседним столиком). И. Е. Репин принадлежал к реалистическому направлению в живописи, отчасти разделял их взгляды. Крайним справа изображён Эмиль Белло – профессиональный натурщик, к услугам которого прибегал Мане для картины «За кружкой пива».

Репин И. Е. «Парижское кафе». Фрагменты.

Слева направо: Жан-Леон Жером, Эмиль Бело, Катюль Мендес

На заднем плане полотна видны жёлтые фонари. Жёлтый цвет означает веселье, радость, праздник. Во Франции этот цвет был знаком обманутых мужей. В русской истории жёлтых фонарей вспомним А. А. Блока, создавшего многозначные и парадоксальные символы: «желтые окна», «желтые фонари», «желтая заря» символизируют в его поэзии пошлость повседневности.

Совершенно очевидно, «чтение» культурологического текста способствует приобретению будущим специалистом опыта личного общения с явлениями культуры и искусства, развитию умения интерпретировать культурные тексты, погружаясь в эпоху, установлению межкультурных параллелей и межпредметных связей, а также совершенствованию навыков речи, что служит важнейшей основой для формирования профессиональной компетентности будущего специалиста.

Литература:

1. Андреева, Р. П. Энциклопедия моды / Р. П. Андреева. – М. : Литера, 1997. – 416 с.
2. Красильникова, М. Б. Курс лекций по культурологии : учебно-методическое пособие / М. Б. Красильникова. – Рубцовск : РИО Рубцовского индустр. ин-та, 2009. – 210 с.
3. Культурология : учеб. для студ. техн. вузов / под ред. Н. Г. Багдасарьян. – М. : Высш. школа, 2010. – 709 с.
4. Чайковская, А. В. Методика обучения культурологии в техническом вузе : автореф. дис. ... к. п. н. / А. В. Чайковская. – СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2002. – 19 с.

*Зиннатуллина Лилия Рагитовна,
г. Нефтекамск*

ОТГОЛОСКИ СУФИЙСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ БАШКИРСКИХ ПОЭТОВ

Суфизм на территорию Башкортостана начал проникать с первыми мусульманскими миссионерами-подвижниками. Новый виток развития получает уже в более поздние века – XVIII-XIX столетия. В XVIII-XIX веках в жизни башкирского народа происходят большие изменения: кантонная система управления, перевод башкир в военное сословие и связанные с этим военные походы, содержание большого войска приводили к обнищанию народа. Создание в 1789 году Духовного управления мусульман, ревностно служившего русскому царизму, вызвало недовольство башкир. «Укреплению суфизма в литературе способствовало и само положение башкир в XIX веке: народ был крайне разорён колонизаторами и местными феодалами» [3; с. 239].

«Суфийская идеология и поэзия, отражающая эту идеологию, были понятны и популярны в таких условиях и простому народу, обнищавшей массе людей» [1; с. 144]. Большую популярность получает суфийская литература Абельманиха Каргалы (1784-1824), Гибатуллы Салихова (1794-1867), Шамсетдина Заки (1825-1865), Гали Сокрый (1826-1889), Хабибуллы Утаки, Мэнди Кутуш-Кыпсаки (1763-1843). «Вплоть до начала XX века башкирская поэзия оставалась в поле притяжения суфийской эстетики. Выбравшись из мистического тумана, лирика

нового времени не отбросила впечатляющих открытий поэзии тасаввуфа, а стала на путь творческого освоения и развития её лучших традиций» [4; с. 88].

Ещё в начальном этапе творчества Г. Исанбердина, Я. Юмаева, С. Якшыгулова, М. Гафури, Ш. Бабича слышны мотивы пессимизма, одиночества в этом мире, отчуждения, бренности бытия, преходящего мира земных радостей. Мотив ответа за свои поступки, свойственный и Корану, и суфийскому учению, встречается и в советском периоде башкирской литературы в произведениях Б. Ишемгулова «Письмо Сабир муллы с того света» (1935), М. Карима «Долгое-долгое детство» (1978).

Образная система, мотивы, философская концепция, изобразительные средства, связанные с традициями суфийской литературы, нашли отражение и в современной башкирской литературе, но уже несколько иначе.

В современной башкирской поэзии проявляются отголоски восприятия мира, бытия в духе пантеизма, которые корнями восходят к суфийской литературе и теории. В философской лирике Т. Ганиевой, Т. Карамышевой, Д. Талхиной, Г. Кутуевой и многих других выражена идея вездесущности Бога, всеобъемлющего единства. В стихотворении Т. Карамышевой «Ай4а морон т0рт0п, Зыу т0б0нд2...» лирический герой чувствует, что его душа заключает в себе весь универсум; он не только обладает космическим сознанием, но переживает опыт единения со всеми. Каждая строфа стихотворения образно передаёт ступени возвышения (суфийские ступени самосовершенствования, возвышения могут быть от трёх до семи) человека от мира феноменов к Божественному единству. Лирические стихи «Любовь», «Божественность» описывают Божественную красоту, которая скрывается за завесой в каждой частице, атоме бытия.

Дина Талхина в стихотворении «Открылся небесный свод» чувство сущностного единства Бога и человека выражает посредством метафор капли и Вселенной, через образы атома, частицы. Если в суфийской литературе парные метафоры капля и море символизируют суфия и Бога, то в современной башкирской поэзии, приобретая иной оттенок, иллюстрируют личность, ищущую свою сущность в единстве со Вселенной. Г. Кутуева это настроение передаёт через образы капли и моря, звезды и Вселенной, и само название цикла стихов «Соединение» носит символический характер. Оно выражает томление души лирического героя по единству со Вселенной, с Богом.

В философской лирике Р. Бикбаева, Н. Наджми, Р. Сафина, М. Каримова, К. Аралбая, М. Ямалетдинова, Р. Мифтахова, Р. Янбекова, Г. Ахматхужиной, И. Ильясовой, И. Игебаева и многих других наличествуют мотивы предопределённости, фатализма, тленности, призрачности мира, созвучные с теорией суфийского учения. Образность для описания бренности, быстротечности жизни черпается из повседневной жизни, явлений природы. Призрачность, тленность человеческой жизни сравнивают с утренней росой, песней соловья, погасшей свечой, блеском молнии, дымом, растворяющимся в небосводе, промежутком времени от восхода до заката солнца и т. д. Описывая это состояние, настроение, Р. Бикбаев, Р. Янбеков, Х. Сагитов и другие чаще обращаются к образу гостя, тесно связанного с суфийской поэтической традицией. В бейте Р. Бикбаева, рубаи М. Ямалетдинова и К. Аралбая с мотивами предопределённости судьбы и бренности мира, поднимаются вечные проблемы морали и этики, тяготеющие по стилю к дидактической, наставленческой литературе суфизма.

Таким образом, образная система, мотивы, философская концепция, изобразительные средства, связанные с традициями суфийской литературы, нашли отражение и в современной национальной литературе, но уже в тесной связи с реалиями и нравственными условиями современного общества.

Литература:

1. Баимов, Р. Н. Великие лики и литературные памятники Востока / Р. Н. Баимов. – Уфа : Гилем, 2005. – 496 с.
2. Литература Востока в средние века : в 2-х ч. Ч. 2. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1970. – 461 с.
3. Харисов, А. И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII-XIX века) / А. И. Харисов. – Уфа : Башкнигоиздат, 1973. – 312 с. : ил.
4. Хусаинов, Г. Б. Башкирская литература в XI-XVIII вв. / Г. Б. Хусаинов. – Уфа : Гилем, 1996. – 195 с.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА И ИМПУЛЬС К ВОЗРОЖДЕНИЮ КУЛЬТУРЫ

Тема доклада обязывает нас чётко определить: что необходимо возродить, что такое духовная культура и почему именно она является основой и одновременно задаёт импульс возрождению?

Начнём с первого вопроса. Возрождение чего жизненно важно сегодня для России? Может быть, это экономика? Да, но она возрождается. И это, действительно, крайне необходимо, но не достаточно.

Если говорить о возрождении международного авторитета России, то и этот процесс идёт полным ходом на наших глазах. Но и этого не достаточно.

Никакое строительство не может увенчаться долговременным успехом, если ведётся без учёта накопленного знания и опыта. Имеется ли такое знание и опыт в нашей истории? – Безусловно. И на языке сердца это явление называется Святая Русь. Именно Святая Русь является главным объектом многовековых войн, ведущихся против Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации.

Святая Русь – это тот образ, историческая идея, которая может помочь России выполнить свою планетарную миссию. И, значит, к возрождению идеи Святой Руси нужно привлечь внимание и постараться донести её до каждого живого сердца. Так мы приходим к «краеугольному камню», символу этой идеи – к святому имени Преподобного Сергия Радонежского, чьи труды и родилась Святая Русь. Подвигом своей жизни Сергий ясно показал те качества Святой Руси, которые стали духовным магнитом, примером для подражания и его современникам, и многим последующим поколениям русских людей. Он непрестанно очищал ум и душу молитвами и трудами и сумел принять весть Владычицы пламенной – Богородицы.

Забывая о себе, он направлял все труды на благо ближнего, на общее благо, и стал строителем-основателем не только Троицкой обители, но и Новой Руси. Он утвердил особое почитание и служение Святой Троице, в идеальном образе которой звучит символ единения, сплотил народ и князей собрал вокруг восходящей Москвы, усмирив буйство их гордыни.

«Пожалуй, впервые в русском православии святым стал человек, не погибший мученической смертью, как Борис и Глеб, не патриарх или митрополит, определявший судьбу церкви, и не чудотворец, как Прокопий Устюжский. Нет, Сергий прославился совсем другим – своим трудом, своими нравственными поступками, подвигом всей жизни. Он показал, что путь к святости, к христианскому идеалу, к правде доступен каждому. Главное на этом пути – преодоление себя, стяжание любви к ближнему, духовная открытость. Именно эти качества, казалось бы, столь простые, но в полном смысле святые, и стали той основой, на которой создавалось не только северное монашество, но и русская крестьянская община, цельностью которой всегда была крепка наша Русь» [4, с. 8].

На Руси XIV века Преподобный Сергий сумел гармонично сочетать не сочетаемое: духовность с государственностью. Он сделал огромный шаг от монашеского духовного делания до одухотворения политики, от отшельничества к общинножительству, отдавая благо духа своего Земле Русской, благоговеино принимавшей священный дар. Так свершилось невиданное доселе чудо – родилась Святая Русь.

Духовно-нравственная основа Святой Руси столетиями питала душу народа, устремляла к идеалу, стимулировала к самосовершенствованию, учила отделять зёрна от плевел, жизненное от мертвенного; идеальное естественно и гармонично переходило в область практического.

В XX веке учеником и продолжателем дела Сергия по праву можно назвать другого великого нашего соотечественника – Н. К. Рериха. Именно он, кого современники называли апостолом культуры, всей своей жизнью дал ответ на следующие два вопроса, поставленные нами в начале доклада.

Что же такое духовная культура в понимании Н. Рериха? Само понятие «культура» для Николая Константиновича имеет духовное происхождение и духовным содержанием насыщено. Он даёт целый каскад характеристик явления культуры, доказывающих это положение.

«Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утончённых достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце» [1]. Потому для Рериха явления культуры и духовности нераздельны. «Мож-

но убить цивилизацию, – говорит он, – но Культура как истинная духовная ценность бессмертна» [1].

Рерих воспринял главную идею Сергия: культура духа есть тот эпицентр, из которого созидательное воздействие культуры распространится на все сферы человеческой деятельности. Почитающий Свет сам становится носителем Света, освещая всё вокруг. Это утверждение отвечает на наш третий вопрос: почему культура духа является основой и задаёт импульс возрождению?

«Когда мы усиленно провозглашаем Культуру, – писал Рерих, – мы подразумеваем истинное познание сущности Бытия, во всём величии и беспредельности» [3, с. 42]. «Культура есть сознательное познание, духовная утончённость и убедительность» [1]. Думу о культуре Рерих называет Вратами в Будущее и определённо указывает на необходимое условие возрождения: «Примат Духа заложится среди правильных, освобождённых от предрассудков оснований. Там же, где вознесётся прочно Примат Духа во всей своей великой реальности, там произрастут лучшие цветы возрождения и утвердятся очаги, просвещённые Светом Знания Неугасимым» [1].

В полном соответствии с опытом Сергия Радонежского Н. Рерих неразрывно соединил идеальное с материальным. Самая высокая идея только тогда будет по-настоящему хороша, когда усилиями и конкретными делами она воплотится в реальную жизнь.

Именно Николай Рерих начал бить в набатный колокол, побуждая народы планеты защитить культуру от одичания. Именно он стал инициатором первого в истории человечества международного договора об охране культурных ценностей, который вошёл в историю под названием «Пакт Рериха». Именно он утвердил в этом документе новый планетарный символ защиты мира и культуры – Знамя Мира. А начертанный на Знамени знак триединства проводит прямую линию преемственности с Троицей Сергия.

В письме митрополиту Платону, датированном 30.01.1932 года, Н. Рерих писал: «Когда на глазах наших разрушаются храмы, воздвигнутые во имя Искупителя, Господа нашего, разве не должны мы особенно усердно воздвигать знамя с изображением символа Святой Троицы. Ведь мой знак на Знамени нашего Пакта покоится на изображении Святой Живоначальной Троицы в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре» [3, с. 43].

Одна из самых распространённых трактовок знака Триединства на Знамени Мира гласит: религия, искусство и наука в круге культуры.

В условиях, когда культура воспринимается как непреходящая ценность, человеческое сознание способно совершать прекрасные взлёты к красоте и знанию, скреплённым любовью. Ведь религия, находясь в лоне культуры, являет собою путь от человеческой любви к любви божественной. Искусство – это также путь от красоты земной к красоте надземной. А наука есть путь постижения безбрежной истины. И где-то в необычайных высотах мира огненного все три пути приводят к единой вершине, где любовь, красота и истина есть нераздельная божественная основа мироздания.

Мы являемся современниками насаждения таких искажений картины мира в сознании человека, которые уже можно назвать пандемией безумия, так как искажения эти провоцируют деградацию сознания. Значит, условие культуры духа приобретает ключевое эволюционное значение для выхода нашей цивилизации из тупика системного кризиса. Сегодня идея Святой Руси жизненно важна как луч маяка среди штормов человеческого одичания.

Трудами Святого Сергия в XIV веке из руин раздробленной, униженной и поруганной Руси родилась Святая Русь. И собрана она была воедино прежде всего духовно, а уж затем политически.

Н. К. Рерих заложил новую ступень в деле, начатом Преподобным Сергием. Он указал единственно возможный путь, способный привести раздробленное человечество к духовному единению и преображению. Этот единственный путь – путь культуры. И кому же ещё быть первопроходцем на этом пути, как не Родине Сергия и Рериха?

Сегодня поворот к этому направлению уже стал ощутимым. На обсуждение общенности вынесен проект «Основ государственной культурной политики», в котором ключевыми принципами провозглашаются:

- влияние культуры на все аспекты политики государства и сферы жизни общества;
- понимание культуры России как неотъемлемой части мировой культуры [3].

Сегодня каждый человек имеет право на сотрудничество в создании основного документа страны о культуре, что имеет большое значение.

Другое событие лета 2014 года открыло одну из первых страниц истории уже новой страны, новой России. Это торжественное вручение Знамени Мира Алтайскому краю, ставшему первым субъектом Российской Федерации, официально принявшим Знамя Культуры. На

этой торжественной церемонии 3.07.2014 года президент международного комитета Знамени Мира доктор Алисия Родригес вручила также тридцать три Знамени Мира государственным и общественным организациям России, готовым нести идеи Знамени Мира в своей деятельности. Это ли не воплощение завета Преподобного Сергия!

Однако важно не только поднять Знамя, но и, по словам Алисии Родригес, самим стать Знаменем Мира. Так мы опять приходим к неизменной истине, что начинать нужно со своего сознания, со своего сердца, как это делал Сергей Радонежский. Только так идея может утвердиться как могучий магнит в реальной жизни.

Таким образом, Святая Русь – это не только страница нашей священной истории и даже не только наше национальное достояние. Это – программа неотложных действий, актуальность которой сегодня столь же остра, как и в XIV веке, потому что основана эта программа на вечных ценностях.

Литература:

1. Н. К. Рерих о Культуре. Сайт общественной организации «Рериховское общество г. Заречного» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://roz-cultura.ru/nkr/nk-rerix-o-kulture.html>. – Заглавие с экрана.
2. Основы государственной культурной политики : проект [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://mkrf.ru>. – Заглавие с экрана.
3. Письма Н. К. Рериха о Преподобном Сергии Радонежском (1930–1932) // Вестник Ариаварты. – 2003. – № 1-2. – С. 39–43.
4. Сергей Радонежский – строитель русской духовной культуры : антология / сост. Е. Величко. – М. : Дельфис, 2014. – 140 с.

*Быкова Оксана Александровна,
г. Барнаул*

ТАНЦЕВАЛЬНО-ДВИГАТЕЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО СПЛОЧЕНИЯ КОЛЛЕКТИВА

Танцевально-двигательная терапия – это междисциплинарная область; она существует на стыке психотерапии и танцевального искусства. Кроме того, её питают многие другие области знания: анатомия, физиология, психофизиология, кинезиология, нейропсихология, самые разные теории движения и танца, психология и т. д., то есть практически всё, что можно отнести к областям знания о теле, движении, танце, психике, о творческом процессе и творческом выражении [4].

Танцевально-двигательная терапия почти всегда применялась к людям с тяжёлыми нарушениями здоровья. Сегодня же она больше ориентируется на работу со здоровыми людьми с целью развития самопринятия, эффективного межличностного и группового взаимодействия, самоактуализации, интеграции своего «Я» в коллективе. Танцевально-двигательная терапия работает на уровне ощущений, психики и действует на подсознание человека, заходит дальше, чем игра, глубже, чем сознание, и изнутри решает проблему отношений и социализации в целом. Поэтому наиболее актуальным, новым средством сплочения коллектива является проведение тренингов, тестов, упражнений танцевально-двигательной терапии.

Танцевально-двигательная терапия учит выражать чувства пластикой тела. Согласно концепции К. Юнга, благодаря своеобразию языка танец способен извлекать из сферы бессознательного подавленные влечения, желания и конфликты человека и делать их доступными для осознания и катарсической разрядки. В основе применения танцтерапии лежит снятие мышечного напряжения, появившегося в результате стресса. Согласно теории телесной терапии В. Райха и А. Лоуэна, психические травмы, получаемые человеком в течение жизни, заключаются в так называемом мышечном панцире, тормозящем импульс и свободное выражение эмоций [3].

Наша статья посвящена проблеме отношений в коллективе, поэтому важными являются их педагогический и психологический аспекты.

Коллектив – это развивающаяся социальная система. В руководстве детским коллективом педагог учитывает две тенденции: стремление ребёнка к самоутверждению, к признанию и уважению себя со стороны других, к выделению своего «Я» в коллективе и его стремление к достижению общности с другими, к совместной деятельности и общим достижениям.

Сплочённость коллектива – это понятие, раскрывающее особенности его межличностных отношений, единство ценностных ориентаций, целей и мотивов совместной деятельности. Товарищеские контакты, сотрудничество и взаимопомощь формируют хороший социально-психологический климат. Социально-психологический климат коллектива обусловлен индивидуальными и психологическими особенностями его членов [5].

Вследствие специфичности индивидуального восприятия, а также текущего и прошлого опыта, члены группы имеют каждый свои ожидания и представления о той роли, которую они будут в ней играть. В этом смысле роль – это набор способов поведения и функций, которые представляются уместными и реализуются в данном социальном контексте. Одни члены группы берут на себя исполнение той или иной роли, важной для решения стоящих перед группой задач, другие берут на себя ответственность за поддержание гармоничных взаимоотношений.

Дружба обычно возникает между теми, кто имеет сходные ценностные установки. Образующиеся при этом подгруппы могут в большей степени, чем группа в целом, устраивать тех, кто в них допущен, и вооружать их чувством защищённости и превосходства. При повышенной потребности в близости, зависимости или доминировании может быть трудно играть излюбленную роль в группе, но зато можно преуспеть в ней в рамках группировки. Те, кто не допущен в группировку, чувствуют себя в некотором роде аутсайдерами, и сплоченности всей группы тем самым наносится урон. В сплочённой группе создаётся атмосфера внимательного отношения и взаимной поддержки, у её членов формируется чувство групповой идентичности. В ней появляется эмоциональная привязанность, принятие общих задач, стабильность и общие стандарты, которые делают группу устойчивой, несмотря на различие индивидуальных целей [1].

В работе досугового коллектива совместной деятельности принадлежит особая роль. Это определяет, во-первых, необходимость вовлечения всех участников в творческую и содержательную коллективную деятельность, а во-вторых, необходимость такой её организации, которая объединяла бы участников в работоспособный коллектив. Такая задача стоит перед руководителем коллектива. Каждый ребёнок, пришедший в новый коллектив, испытывает чувство неуверенности, стеснения, ожидание агрессии со стороны других участников. Руководитель должен внимательно присматриваться к каждому ребёнку и замечать его тревоги. Эффективным способом устранения такого рода трудностей мы считаем проведение тренингов, основанных на приёмах танцевально-двигательной терапии.

Предлагаемый тренинг для развития сплочённого работоспособного коллектива апробирован на группе танцоров. Объектом внимания стала старшая группа, потому что именно подростковый возраст считается наиболее трудным для обучения и воспитания. Возраст участников – от 12 до 17 лет; поэтому интересы, способности, навыки общения, характер и темперамент детей различны. Сам процесс превращения ребёнка во взрослого труден, так как связан с серьёзной перестройкой психики и ломкой старых, сложившихся форм отношений с людьми, изменением условий жизни и деятельности.

Нервная система подростка не всегда способна выдерживать сильные или длительно действующие монотонные раздражители, и под их влиянием он часто переходит в состояние торможения или, наоборот, в состояние сильного возбуждения. Так могут действовать на подростка обилие впечатлений, сильные нервные потрясения, ожидание волнующего события и т. д. Одни подростки под влиянием этого становятся вялыми и безучастными, сонливыми, рассеянными; другие – раздражительными, нервными, начинают нарушать дисциплину, совершать иногда абсолютно несвойственные им (а порой и вообще бессмысленные) поступки.

Проведение тренинга вполне возможно и в младшем возрасте, в этом случае его содержание может варьироваться, видоизменяться и зависит от того, что хочет достичь руководитель.

Основная цель тренингов – повышение уровня дружественных отношений в группе, создание сплочённого работоспособного коллектива.

Основные задачи тренингов:

- 1) психоэмоциональная разрядка участников;
- 2) утверждение своего статуса в коллективе;
- 3) преодоление внутренних, внешних барьеров;
- 4) повышение чувства единства, защищённости;
- 5) превращение негативных эмоций в позитивные;
- 6) апробация новых ролей и образов;
- 7) интеграция новых качественных связей между участниками.

По форме организации тренинг состоит из 3-х видов работ – индивидуальной, парной и групповой. Разберём каждый из этих видов:

1. **Индивидуальная форма** фокусируется на знакомстве со спектром новых движений тела вместо привычных реакций. Эмоциональные состояния участников группы выражаются и развиваются более полно на телесном уровне, интегрируя мысли, чувства и действия. Под словом «индивидуальная» не стоит понимать, что с каждым ребёнком в большой группе необходимо работать по отдельности (хотя с проблемными детьми следует поработать и наедине): всем участникам даётся отдельное задание, которое они исполняют.

Участники размещаются по пространству и исполняют танец тех частей тела, которые будут названы; это является центром, в котором нужно собрать всю энергию (левая кисть, обе руки, голова, плечи, колени, правая стопа). Данное упражнение нацелено на разогрев, осознание и снятие мышечных зажимов; понимание движений каждой части тела [6].

2. **Парная форма:** работа с партнёром основана на глубоком внутреннем и внешнем контакте (одно целое). Это своего рода разговор, с помощью которого они начнут доверять друг другу; чувствовать настроение и реагировать на каждый исходящий от партнёра импульс.

В данной форме каждому участнику предлагается втайне выбрать любое млекопитающее и «перенять» его образ, движения и звуки, «быть этим животным», продолжая общение с другими. Это упражнение способствует развитию самовыражения, способности к установлению контактов. Оно определяет желаемые и не желаемые связи, посредством движений выявляет степень разрозненности группы.

3. **Групповая форма:** процесс групповой танцевально-двигательной терапии основан на том, что педагог направляет спонтанность движений участников, развивает их. Работа в группе поможет развить личное самовыражение, характер, чувство сопричастности и защищённости внутри коллектива, преодолеть стеснение, решить конфликты, почувствовать себя неотъемлемой частью коллектива. Проводить групповую форму работы автор предлагает, используя такие упражнения:

1) группа выстраивается в колонну, первый участник становится ведущим, а остальные – ведомыми; в качестве ведущего участник спонтанно и свободно самовыражается, остальные члены группы следуют за ним, стараясь повторять его движения с запозданием (каждый из участников должен побывать в роли ведущего). Исполняя это упражнение, участники экспериментируют с различными движениями и межличностными позициями ведущего и ведомого; осознавая себя важным и главным компонентом происходящего. Данное упражнение очень важно, особенно для участников, не утвердившихся в коллективе.

Ведущий – это позиция лидера, которая является главной и значимой для всех. На психологическом уровне чувствуя свою привилегию среди остальных, участник становится увереннее в себе и примеряет на себя роль лидера. Важно дать ему понять, что без него ничего не получится, так как он – главный компонент коллектива. Ведомым – быть не настолько приятно, но особенно лидерам группы (реальным) нужно почувствовать себя в этой роли, чтобы дать понять участнику, что не всегда он важнее других.

2) участники становятся в круг и берутся за руки, звучит музыка, и все начинают спонтанно двигаться, следуя ритму музыки и своему собственному ритму, принося в общий танец свои индивидуальные движения. Круг в данный момент символизирует цепь, которая крепка, как дружба, и предостерегает от всего, что находится за кругом. В кругу каждый ощущает себя защищённым, сопричастным. Во время движения круга для каждого участника наступает момент неудобства от движений партнёров; научившись подстраиваться и чувствовать их, участники достигнут согласия, и все неудобства сойдут на нет.

Каждое упражнение тренинга сопровождается музыкой в зависимости от характера упражнений. Подбор музыки осуществляется тщательно, так как порой именно музыкальное сопровождение может помочь участнику раскрыться в предлагаемых условиях.

Если оценивать тренинг с позиции ведущего, то, конечно, отношения между детьми и общий психологический климат в коллективе изменился в лучшую сторону. Дети стали больше контактировать между собой, научились сопереживать и поддерживать друг друга, лучше осознавать и выражать свои чувства, находить пути выхода из конфликтов, а также получили положительный опыт сотрудничества для решения поставленной задачи. Конечно, нужно гораздо больше времени для того, чтобы результаты были крепкими и надёжными, но результат, которого сейчас достигли участники, даёт новые возможности для развития методик сплочения коллектива.

Таким образом, повышение уровня дружественных, доверительных отношений внутри группы для создания сплочённого работоспособного коллектива – это то, к чему стремится каждый педагог. И, конечно, каждый избирает те методы и принципы, которые считает наиболее действенными. Многие из уже существующих методов трудно преобразовать для сегодняшней социокультурной ситуации. Не исключая существующих педагогических средств сплочения

коллектива, в данной статье автор предложил ещё один вариант решения этого немаловажного вопроса.

Литература:

1. Амонашвили, Ш. А. Психологические основы педагогики сотрудничества: кн. для учителя / Ш. А. Амонашвили. – Киев : Освита, 1991. – 111 с.
2. Интегративная танцевально-двигательная терапия / сост. В. В. Козлов, А. Е. Гиршон, Н. И. Веремеенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2005. – 255 с.
3. Копытин, А. И. Руководство по групповой АРТ-терапии / А. И. Копытин. – СПб. : Речь, 2003. – 320 с.
4. Круткин, В. Л. Антология человеческой телесности: философские очерки / В. Л. Круткин. – Ижевск : Радуга, 2003. – 356 с.
5. Новикова, Л. И. Педагогика детского коллектива. Вопросы теории / Л. И. Новикова. – М., 1978. – 143 с.
6. Фельденкрайз, М. П. Осознание через движение: 12 практических уроков / М. П. Фельденкрайз. – СПб. : 2000. – 160 с.

*Максимова Яна Дмитриевна,
г. Барнаул*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ СРЕДСТВАМИ ХОРЕОГРАФИИ

В начале нового тысячелетия освоение культурных норм и ценностей, обычаев, традиций, языка родной культуры, приводящих к становлению духовно-личностных качеств человека и отвечающих гуманистическим запросам общества, осознаётся как острая необходимость. В процессе эстетического воспитания происходит становление личности, в котором формируются важнейшие грани её культуры: система потребностей, интересов, установок. Развитие и совершенствование личности необходимо для качественного изменения жизни, культуры и благосостояния общества.

Большие возможности в развитии творчества имеет хореографическое искусство. Развитие творческих способностей обеспечивает развитие личности ребёнка. В отличие от учебной, творческая деятельность не нацелена на освоение известных знаний, пробуждает в ребёнке самостоятельность, огонь самореализации, учит воплощению его собственных созидательных идей [1].

Рассматривая вопросы развития творческих способностей, необходимо дать определение понятиям способность и творчество. В толковых словарях термины «способный», «талантливый» часто употребляются как синонимы и отражают степень выраженности способностей. Понятием «талантливый» подчёркиваются природные данные человека, отмечается врождённый характер «таланта». Талант определяется как дарование к чему-либо, как способность, данная богом. Иными словами, талант – это врождённые способности, данные богом, обеспечивающие высокие успехи в деятельности.

Способности человека, его одаренность и талант выделяются по разным критериям. Под способностью имеют в виду возможность человека что-то делать, а говоря о таланте (одарённости), указывают его врождённый характер. Способности считают индивидуально-психологическими особенностями, отличающими человека, и возможность успеха его деятельности [2].

Один из главных аспектов развития творческих способностей человека – это творческое мышление. Творческое мышление представляет аналитико-синтетическую деятельность мозга. Мыслительные операции заключаются в изучении и сравнении различной информации, проведении анализа и синтеза признаков исследуемого предмета. Мышление как процесс познавательной деятельности является важнейшей функцией мозга человека, и эта способность должна непрерывно развиваться и совершенствоваться в зависимости от условий жизни, труда и постижения различных наук [7].

Хореография – искусство синтетическое, в ней музыка оживает в движении, приобретает осязательную форму, а движения как бы становятся слышимыми. Живописность и графичность поз и положений танцоров роднит хореографию с живописью и скульптурой. Это позволяет использовать её как средство эстетического воспитания. Культура, образованность руководителя необходимы так же, как и его профессиональное владение методикой обучения танцу, ибо общая культура позволит ему сосредоточивать внимание ребят на связи движений с музыкой, выразительностью, красотой формы движений, позволит выйти за пределы танца в сферу

других искусств, объединённых художественностью выражения жизни. Танец снимает перегрузку, улучшает физическое и душевное состояние детей, повышает общую успеваемость.

Музыка и танец развивают эмоциональную сферу ребёнка. Если научные предметы сообщают ему знания о мире, то музыкально-танцевальное искусство вызывает эмоциональный отклик на преображённые в танце явления мира. Продуктивной деятельности способствует дифференциация восприятия мелких движений руки, что, в свою очередь, влияет на умственное развитие [4].

Исследования в области художественной педагогики показывают, что хореография развивает личность, расширяет общий и художественный кругозор ребёнка, реализует познавательные интересы детей. Танец позволяет ребёнку ощутить мир в его богатстве и многообразии, а через художественные виды деятельности научиться его преобразовывать. Именно в этом содержатся коррекционные возможности танца, так как он является источником новых позитивных переживаний ребёнка, рождает креативные потребности, способы их удовлетворения в том или ином виде хореографии, оставаясь при этом средством реализации социально-педагогической функции искусства.

Педагогические свойства танца заключаются и в психотерапевтическом воздействии на ребёнка. Влияя на эмоциональную сферу, хореография при этом выполняет коммуникативную, регулятивную функции [6].

Хореография представляет ребёнку неограниченные возможности для самосовершенствования и самореализации как в процессе творчества, так и в его итогах. Интерес к продуктам творческой деятельности ребёнка со стороны сверстников и взрослых повышает самооценку и самопринятие ребёнка с проблемами в развитии. Тем самым решается важная задача: адаптация ребёнка в макросоциальной среде посредством художественной деятельности.

В последние годы часто звучит вопрос о специфике развития творческих способностей детей, о месте и значении хореографии в обучении и художественном воспитании. Сегодня уже доказано, что через средства хореографии формируются нравственные и творческие качества ребёнка. Творческое начало есть в любом деле, но чтобы продуктивно творить, кроме знаний надо овладеть определёнными способностями [5].

Искусство хореографии само по себе – явление общечеловеческое, имеющее многовековую историю развития. В основе его происхождения лежит потребность человека выразить свои эмоции средствами пластики. Танец затрагивает такие глубокие грани развития тела, души и творчества, что тайны его воздействия будут ещё не раз предметом исследования. Эмоции человека передаются путем движений, и любое состояние психики человека может быть выражено глазами, мимикой [8]. Сочетание различных форм – это те универсальные движения, которые человек создаёт во время творчества. Если бы все мысли, чувства, переживания были пластически выражены в нехудожественной форме, вне определенного «ключа», имеющего творческий характер, хореография не могла бы подняться до уровня самостоятельного вида искусства. Этот процесс будет развиваться, пока благодаря творческому потенциалу танцоров в арсенале выразительных средств рождаются новые движения и пластика, способные отразить внутренний мир человека.

Детские танцы – это изучение средств выразительности (движения и позы, пластика и мимика, ритм), которые связаны с эмоциональными впечатлениями человека от окружающего мира. Детский танец начинается с ритмики, с простых движений, зачастую занятия больше похожи на игру, но в этой игре ребёнок научится тем вещам, которые очень пригодятся ему в жизни. Основная цель на занятиях ритмики с дошкольниками – всестороннее развитие ребёнка, его музыкальности и ритма, формирование творческих способностей и индивидуальных качеств ребёнка средствами музыки и ритмических движений.

Танцевальные движения способствуют развитию фантазии и способности к импровизации. Занятия танцами помогают наиболее ярко раскрыть характер и индивидуальность, а также развить целеустремленность, организованность и трудолюбие. Благодаря тому, что занятия проходят в группе, дети становятся более раскрепощёнными, открытыми и общительными [3].

Попробуйте попросить ребенка 6-7 лет показать, как умывается котёнок. Ребёнок, не требуя никаких уточнений, тут же продемонстрирует мягкие плавные движения «кошачьей лапкой» по лицу, при этом не забывая лизнуть её языком, и продолжит процедуру с той тщательностью, с которой делает это животное. Движения, используемые малышом, – копия природной пластики домашнего зверька. Создаётся впечатление, что ребёнок забыл о своём человеческом начале и превратился в котёнка, слился с другим, родственным ему миром. Танцевальные движения в сочетании с простыми музыкальными подпевочками очень хорошо помогают детям почувствовать метро-ритм музыкального произведения, сильную долю, тишину (паузы) и окончание танцевального этюда. В данной методике интересно то, что дети прекрас-

но начинают слышать музыку, понимать её и «пропевать» танцевальные движения, тем самым способствуя развитию пластики, гибкости, танцевальности и создания гармонии в творческом процессе. Они начинают использовать динамические оттенки в музыкальной ритмике, ощущая смысловое движение в стихотворении и в процессе занятий, начинают сами импровизировать, добавляя новые интересные движения.

Таким образом, с первых лет жизни ребёнка просто необходимо начинать воспитание с развития хореографического творчества и чувства музыки в нём, что способствует всестороннему развитию ребёнка, его ритмических движений и более успешной работе мозга, а сам процесс занятий хореографией приносит детям истинную радость и способность к самовыражению в творчестве.

Литература:

1. Алексеев, Н. Г. О психологических методах изучения творчества / Н. Г. Алексеев, Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1971. – 392 с.
2. Барина, М. Н. О развитии творческих способностей ученика : сб. ст. / М. Н. Барина. – Л. : Госмузиздат, 1961. – 60 с.
3. Барышникова, Т. К. Азбука хореографии / Т. К. Барышникова. – СПб. : Люкси ; Респект, 1996. – 256 с.
4. Бекина, С. И. Музыка и движение (упражнения, игры и пляски для детей 6-7 лет): из опыта работы музыкальных руководителей детских садов / С. И. Бекина, Т. Н. Ломова, Е. Н. Соковнина. – М. : Просвещение, 1984. – 287 с.
5. Боголюбовская, М. С. Учебно-воспитательная работа в детских самодеятельных хореографических коллективах : учеб.-метод. пособие / М. С. Боголюбовская. – М. : МПГУ, 1982. – 101 с.
6. Егорова, Л. В. Воспитывает танец / Л. В. Егорова // Сов. педагогика. – 1990. – № 2. – С. 47–49.
7. Ендовицкая, Т. О развитии творческих способностей / Т. Ендовицкая // Дошкольное воспитание. – 1967. – № 12. – С. 73–75.
8. Королёва, Э. А. Танец, его происхождение и методы исследования (по работам зарубежных ученых XX века) / Э. А. Королёва // Советская этнография. – 1975. – № 5. – С. 147–155.
9. Левин, В. А. Воспитание творчества / В. А. Левин. – Томск : Пеленг, 1993. – 56 с.

*Молявко Александр Геннадьевич,
г. Барнаул*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ БОЕВОГО КАЗАЧЬЕГО ТАНЦА В РАБОТЕ С ХОРЕОГРАФИЧЕСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ

Казачья культура – это ценнейшее достояние, которое необходимо осваивать и беречь, как и культуру любого народа. Культура казаков стала неотъемлемой частью культуры русского народа. Казачий танец, как и другие народные танцы, развивает музыкальный вкус, умение красиво двигаться, вырабатывать силу, выносливость, учит помнить историю прошлых поколений, их традиции, тем самым развивая человека и приобщая его к величайшему достоянию народной культуры. Казачий танец – это яркое творение народа, эмоциональное, художественное отражение его жизни, воплотившей в себе национальную творческую фантазию и сферу чувств.

Создавая плясовые ансамбли и хоры, культпросветработники выхолащивали живую танцевальную традицию, удалив из неё импровизацию и игровой элемент. Пляска и танец перестали быть игрой и развлечением участников, теперь они были призваны развлекать зрителей. С уходом умелой спонтанности в сценический народный пляс пришёл сценарий. Действия плясунов стали жёстко регламентироваться, а это не пробуждало инициативу, заразительность, плясовой азарт. Танец требовалось сделать зрелищем, поэтому движения плясуна стали оттачиваться наподобие китайских тао-лу, японских ката или западноевропейского балета. Стали доминировать акробатические «прыжки» и «ползунки», «колёса» и «вертушки». Исполнение этих непростых элементов требовало хорошей физической подготовки танцора и специального обучения. Так появилась советская школа сценического народного танца, а внутри неё неофициальная, но очень важная для досуговой деятельности школа плясовой акробатики. В этих неофициальных школах, передаваясь от наставника к ученику, и сохранились реальные боевые акробатические элементы мужского восточнославянского пляса [1, 2, 4,].

В деревенской народной традиции мужская хореография продолжала существовать как бы на «нелегальном» положении. Такие боевые танцы как «Буза» и другие подобные, назовём их условно «под-драку», сохранились не меняясь. Пляске «под русского» повезло меньше,

прежде всего из-за войны. Такой элемент как пляска «вприсядку» начал стремительно исчезать сразу после войны. Плясать вприсядку, да с прыжками, ползунками, вертушками – сложно, надо уметь, а плясунов после войны было мало. Вдобавок к этому времени начали сказываться результаты диверсионно-культурной программы работников культпросвета. Со сцен клубов, а позднее с теле- и киноэкранов, на видеомоторном уровне пропагандировали набор стереотипных движений русского танца, не углубляясь в его фольклорное разнообразие. Каждому собирателю фольклора приходилось сталкиваться с разрушительным влиянием хореографической культуры на народных исполнителей и на зрителей [4, 5].

Проблема сохранения боевой мужской хореографии стала очевидна лишь в конце 1990-х годов. Перенимая живую народную культуру пляса, фольклористы встречались, как правило, с пожилыми плясунами. Большинство из них физически не могли исполнить многие сложные элементы мужской пляски. У многих начало складываться неверное представление о том, что акробатика в пляске – это выдумка культпросветчиков. Наши экспедиционные опросы формируют устойчивое мнение, что прежде, когда плясуны были молоды, такие пляски как «русская», «Барыня» и, в несколько меньшей степени, «Буза» изобиловали сложными акробатическими элементами. Казалось бы, чего проще: взять сохранившуюся в сценическом танце плясовую акробатику и применить её в живой фольклорной пляске? Но есть определённые трудности: большинство фольклористов не знакомы с этими элементами и им не у кого, да и негде их перенять. Многие физически не подготовлены для овладения сложными «коленцами», поэтому продолжают настаивать на том, что «прыжки», «колёса», «ползунки» и т. п. вообще чужды живой русской пляске [6].

Данная статья посвящена анализу репетиционно-постановочной работы хореографического коллектива в процессе подготовки боевого казачьего танца с введением акробатических элементов. Эти элементы боя имели каждая по своему специализированному боевому танцу. Нам не известны древние достоверные названия этих плясок, они менялись. Ту пляску, что сейчас называют «гопаком», во времена Н. В. Гоголя называли «казачок», а нынешний «казачок» почти не имеет отношения к нашей теме. Ту же пляску на северо-западе в XIX веке называли «лунёк». Название плясок трансформировалось в зависимости от популярных в то время плясовых наигрышей. Название музыки становилось названием пляса. Тем не менее, во всех этих танцах были движения с одинаковым определением «вприсядку». Это и есть сумма боевых движений, применяемых в плясе. Для «рождённых для добра» пляс был подобен северо-западной «Бузе» со всеми её вариантами «ломания». В этом танце тоже нередко применялись элементы присядки, но изредка, как украшение. Пляска вприсядку была распространена по всей Руси [6].

Занятие в хореографическом коллективе обычно начинается с разминки. На протяжении многих веков народный праздник начинался с прохождения людей по деревне. Как снежный ком с горы, начавшись в одном конце селения с небольшой группы, заканчивался на другом большой толпой, собрав по пути всех желающих. Вступает в силу так называемый «закон толпы». Ещё фактически не приступая к занятиям, человек уже внутренне собирается. «Хоровод» является стилизованной формой «коллективной медитации» [6].

Занятие надо начинать с ходьбы по кругу под ритмичную музыку. Сначала обычным шагом, на носках, на пятках... Затем – переход на лёгкий бег с подскоками, с поворотом, с подниманием колен, захлестом ног назад, с выбрасыванием ног вперёд, назад и в стороны, бег спиной вперёд... После бега равномерно заполняем площадку в шахматном порядке и начинаем несложный комплекс разминки. Основной принцип – сверху вниз. Вращения головой, плечами, руками, упражнения на гибкость в пояснице, приседания, разминка стопы... Далее следуют упражнения на равновесие, растяжку и силу, которые выполняются возле станка (простой вариант) или без опоры. Заканчивается разминка танцевальными элементами, прыжками и трюками [2, 6].

После небольшого перерыва (кто устал – отдыхает, как правило, сочетая отдых с растяжкой, остальные отрабатывают трюки, пока усталость не накопилась) приступаем к отработке танцев. Танцы с трюками чем-то похожи на формальные упражнения в восточных единоборствах, хотя не так явно просматривается их боевое происхождение. Большинство трюков разучивается в одиночку. Многие из них выполняются по кругу. Прыгаем по очереди. Стараемся занять всё доступное пространство, а для этого необходимо выполнять трюк по самому краю сцены и в опасной близости от задника. Пусть сцена не сравнится с пропастью, но падение в трюке даже с такой небольшой высоты – достаточно неприятная процедура. Ощущение опасности заставляет контролировать свое тело в любой момент времени [1, 3].

Для отработки техники маха ногами важно использовать препятствие, составленное из стульев, скамеек. Стоя лицом к импровизированной баррикаде, исполнители начинают махи

ногами через неё, колени не сгибаются. Затем выполняют так называемый «тынок» через преграду. Название элемента – из украинского и переводится примерно как «заборчик». Стоя боком к забору, махом ближней к нему ноги перепрыгиваем на другую сторону, затем перепрыгиваем обратно. Его легко делать на воображаемой преграде. Когда же появляется реальная опасность зацепиться за неё, элемент выполняется намного энергичней. Заканчивают движения, прыгая «пистолетик» через преграду [2].

Изучение туров начинается с освоения техники поворота головы. Как в каратэ – противника надо всё время видеть. Это помогает держать равновесие и контролировать пространство вокруг себя. Интересный факт: во время выполнения туров с вытянутыми в стороны руками достигаются такие скорости, что кровь приливает к кистям рук, после трюка ладони просто красные! Если в момент вращения кто-нибудь попадёт под удар – ему может быть нанесена травма. Для достижения таких результатов необходимо во время вращения не смещаться в стороны, иначе энергия теряется. Тренируется это установкой стульев с четырёх сторон. Если исполнитель выйдет за ограниченное пространство – наткнётся на стул [5, 6].

С точки зрения наработки ударной техники, предпочтительней удар по воображаемой мишени, чем по боксёрской груше. При свободном пролёте нога (рука) набирает большую скорость, в то время как при отработке по груше в последний момент непроизвольно человек останавливает её. Таким образом, сила удара в первом случае осуществляется за счёт скорости, а во втором – за счёт массы. Из физики известно, что сила напрямую зависит от массы, но от скорости сила зависит в квадрате! Если же хочется бить по мишени, она должна быть очень лёгкой, чтобы не останавливать удара. Мы используем помощь партнёра, который вытягивает ладонь вперёд на нужной высоте. Ладонь в народном танце набивается бесконечным повторением хлопущек и выдерживает достаточно сильные удары. Большинство ударов в хлопущках, опять же, производится вскользь, с пролётом. Больше напоминает удар кнута, чем молота, – энергия удара в скорости, а не в массе [1, 5, 6].

Наибольшую эффективность приносят занятия с партнёром. Он может регулировать нагрузку, выступать в роли отягощения, изображать преграду. Например, для изучения «бедуинского» прыжка партнёр, держа за руки, помогает правильно развернуться начинающему. Подобный элемент можно видеть в боевиках про единоборства. При разучивании трюков на полу партнёр может подстраховывать от падения. Опираясь на товарища, «голубец» с зависанием в верхней точке можно сделать очень высоко. Разножка, выполненная с поддержкой, позволяет в прыжке перелететь через стоящего человека [2, 4, 6].

Акробатические элементы в казачьем танце связаны с тем, что казаки – народ удалой, любят петь и танцевать, устраивать соревнования. Культура казаков отображается в хореографическом творчестве. Манера исполнения казачьей пляски и её особенности берут начало в играх, традициях и обрядах.

Литература:

1. Белозерцев, Ю. Культура и возрождение казачества на Алтае / Ю. Белозерцев // Вестник культуры Алтайского края: информ. бюллетень. – 2001. – №1. – С. 14–16.
2. Белозерцев, Ю. Традиционная культура казаков Алтая. Сохранение и воспроизводство культурного наследия / Ю. Белозерцев // Ученые записки АГИИК. – Барнаул, 2002. – Вып. 2. – С. 202–207.
3. Бондарева, Н. И. Проснулась да станица: культурно-бытовые традиции Чарышского казачества / Н. И. Бондарева. – Барнаул : Изд-во АлтГАКИ, 2006. – 163 с. : ил.
4. Бородина, Е. М. Особенности традиционной культуры казачества Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. культурологии / Е. М. Бородина. – Кемерово : КемГУКИ, 2004. – 22 с.
5. Гордеев, А. А. История казачества / А. А. Гордеев. – М. : Вече, 2007. – 635 с.
6. Нагайцева, Л. Г. Хореографическая культура Кубани / Л. Г. Нагайцева. – М. : Просвещение, 2000. – 28 с.

**ВОСПИТАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВКУСА У УЧАСТНИКОВ
ДЕТСКОГО ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА
СРЕДСТВАМИ СЦЕНИЧЕСКОГО КОСТЮМА**

Проблема эстетического воспитания и развития детей является одной из самых важных в педагогике. Ещё в работах В. Г. Белинского отмечено, что эстетическое чувство, получаемое человеком от природы, должно возвыситься на ступень эстетического вкуса, приобретаемого воспитанием и развитием. Научить видеть прекрасное вокруг себя в окружающей действительности призвана система эстетического воспитания. Эстетическое воспитание будет плодотворным при участии всех, кто причастен к формированию личности с раннего возраста [3].

Задачи эстетического воспитания школьников можно разделить на две группы:

1) формирование эстетического вкуса детей и их отношения к миру. Развивается умение чувствовать и видеть красоту: в природе, искусстве, поступках и людях, художественный вкус и потребность в прекрасном;

2) формирование художественных умений в различных искусствах: дети учатся рисовать и лепить, конструировать и создавать различные поделки, петь и танцевать, развивают своё словесное творчество [4].

В формировании эстетической и художественной культуры личности хореографическое искусство является важнейшим аспектом эстетического воспитания. Хореография – это мир красоты движения, звуков, световых красок, костюмов, то есть мир волшебного искусства. Дети стремятся увидеть это на балетных спектаклях, в художественных альбомах, видеофильмах.

Родители отдают детей в хореографические коллективы для занятий, укрепляющих здоровье, расширяющих общий культурный и художественный кругозор, являющихся формой удовлетворения духовных потребностей, средством развития эстетического вкуса. Поэтому отношение детей к занятиям носит индивидуальный и выборочный характер. Ребёнок воспринимает, запоминает и выполняет то, что его интересует, привлекает.

Хореографический коллектив способствует разрешению возникающих проблем у детей: снимает отрицательные факторы (закомплексованность в движении, в походке, поведении на дискотеках и т. д.); воспитывает ответственность; убирает тенденцию «исключительности» некоторых детей (это отрицательно влияет на весь коллектив); бережёт ребёнка от нездорового соперничества, злорадства, «звёздной болезни» [1].

Содержательность хореографического образа тесно связана со сценическим костюмом, который в процессе создания обогащается художественными и живописными характеристиками и вместе с ними предстаёт в новом единстве музыки, сценического оформления, драматургии. В том случае, если это единство не нарушает целостности пластического образа, мы имеем дело с таким синтезом, в котором ни одна сторона образной специфики не доминирует за счёт другой.

Назначение костюма определяет форма танца, а та, в свою очередь, определяет материал и его цвет, который подбирается с учётом фигуры исполнителей, их физических и внешних данных. Например, лёгкая ткань, так же как светлые, тёплые тона, увеличивает объём фигуры. Необходимо учитывать в костюме покрой, кроевой контраст – это наложение одного цвета на другой и орнамент [2]. Орнамент в костюме служит соединяющим материалом, определяющим цвет, конструирующим и как разбивка плоскости в художественном и конструктивном отношении. Например, путём деления можно скрыть длинную талию, укоротить высокую фигуру.

Костюм неотделим от индивидуальности человека, существует и живёт для него и вместе с ним. Для наибольшей динамики и декоративности костюм можно строить по принципу контраста. Большое значение при создании костюма имеют и аксессуары (платки, шали, ленты, венки, украшения и многое другое), Они активно используются в танце, являясь его важным выразительным средством. Например, костюм восточной танцовщицы немыслим без мониста, браслетов, диадемы и других украшений. Их перезвон аккомпанирует танцу. Наличие этих деталей должно учитываться художником по костюмам. Каждый сценический костюм предполагает особый грим, помогающий создать образ.

Профессиональный подход к созданию костюма решает и задачу показа возраста задуманного образа. Также с помощью тканей, наличия и количества украшений можно передать сословные принадлежности образов. Сценические стилизованные русские костюмы для детей следует шить из льняных, хлопчатобумажных, реже – шерстяных тканей, а не из шёлка, бархата, парчи, потому что одежду из столь дорогих тканей деревенские дети на Руси не носили. Ре-

комендуется не надевать на маленьких девочек лент и платков белого цвета, так как этот цвет головных уборов считался траурным [5].

Чтобы выявить уровень знаний о стилизованном русском костюме и его влиянии на эстетическое воспитание детей, был проведен социологический опрос среди руководителей детских хореографических коллективов. Сегодня в детских танцевальных коллективах г. Барнаула существует недостаточная осведомленность в области сценического оформления и принципов разработки стилизованного русского костюма, также не все педагоги серьезно относятся к эстетическому воспитанию детей. В целях решения этих проблем разработан эскиз костюма к детскому стилизованному русскому танцу «По землянику».

Авторская разработка эскиза костюмов к детскому стилизованному русскому танцу «По землянику».

Рис. 1. Костюм для девочки.

Рис. 2. Костюм для мальчика.

Литература:

1. Пуляева, Л. Е. Некоторые аспекты методики работы с детьми в хореографическом коллективе: учебное пособие / Л. Е. Пуляева. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 80 с.
2. Пуртова, Т. В. Учите детей танцевать: учебное пособие / Т. В. Пуртова, А. Н. Беликова, О. В. Кветная. – М. : Владос, 2009. – 256 с.
3. Разумный, В. А. Эстетическое воспитание: учебное пособие / В. А. Разумный. – М. : Изд-во Мысль, 1969. – 91 с.
4. Селиванов, В. С. Основы общей педагогики: Теория и методика воспитания: учебное пособие / В. С. Селиванов. – М. : Академия, 2004. – 336 с.
5. Старикова, Н. К. Костюм и сценическое оформление танца: учебное пособие / Н. К. Старикова. – Абакан, 2008. – 89 с.

*Труфанова Елена Викторовна,
г. Барнаул*

ИНФОРМАЦИОННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ШКОЛЬНИКОВ К МУЗЫКАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ

Современный этап развития общества характеризуется значительными изменениями в области политики, экономики, культуры, обосновывающими необходимость совершенствования деятельности всей системы образования, серьезным недостатком которой является слабое внимание к формированию художественно-эстетической культуры. В приобщении школьников к ценностям науки, искусства и состоит одна из важнейших задач современного образования, основной целью которого выступает уникальная, творческая личность как субъект культуры. Этот процесс будет более результативным, если будет направлен на приобщение учащихся к музыкальному искусству. Развитие художественно-эстетической культуры является важней-

шей задачей образования. Особенно актуальной является проблема формирования интереса школьников к музыкальному искусству.

В настоящее время страна переживает период возрождения музыкально-просветительской деятельности, в которую вовлекается всё большее число общественных и музыкальных организаций; возрождаются традиции благотворительности и меценатства; совершенствуются старые и появляются новые формы музыкального просветительства. Однако эти положительные тенденции занимают в общей картине музыкальной культуры страны не самое большое место. Активная пропаганда в средствах массовой информации низкопробной музыкальной культуры оказывает негативное воздействие на музыкально-эстетические вкусы подрастающего поколения.

Учреждения культуры созданы для информационно-просветительской деятельности. Они имеют свою специфику: доступность, свободу выбора, нерегламентированный характер образовательных и развивающих программ, альтернативные методики, сочетающие научные и художественно-выразительные средства, гибкое реагирование на конъюнктуру досуговых интересов, возможность связать в единую социально-педагогическую цель информационную, образовательно-кружковую, консультационную работу.

Развитие новых позитивных тенденций в современной музыкальной педагогике связывают с процессами гуманитаризации образования, о чём свидетельствует деятельность общего и дополнительного образования, направленная на создание условий для реализации познавательных, образовательных, творческих, музыкально-эстетических потребностей учащихся. Педагоги-музыканты почувствовали необходимость пересмотра путей развития музыкально-эстетической культуры подрастающего поколения, что напрямую связано с переориентацией современного музыкального образования с авторитарного на личностно ориентированное. Однако, несмотря на большой теоретический и практический материал, проблема развития музыкально-эстетической культуры школьников в условиях дополнительного образования не является предметом широкого исследования.

В области музыкальной педагогики по целому ряду направлений отсутствуют разноуровневые программы развития творческих возможностей обучаемых. Исследователи опираются на традиционную педагогическую систему, которая существовала в теории и практике музыкального образования долгие годы. В результате значительная часть программ репродуктивного характера не предусматривает самостоятельного поиска творческих решений, а потому музыкальное образование нацеливается на усвоение знаний, умений, навыков, а не на личностное музыкально-творческое развитие ребёнка.

Проблема формирования интереса школьников к музыкальному искусству посредством информационно-просветительской программы в условиях дополнительного образования ещё не стала предметом специального исследования и сохраняет актуальность, так как в музыкально-педагогической литературе пока не накоплен достаточный фактический исследовательский материал, необходимый для её решения. На сегодняшний момент возникла необходимость создания информационно-просветительской программы по формированию интереса школьников к музыкальному искусству.

Авторская информационно-просветительская программа «Прекрасное вокруг нас» включает комплекс организационно-педагогических условий для формирования интереса школьников к музыкальному искусству, в основе которого лежат личностный и деятельностный подходы. При разработке путей формирования художественно-эстетической культуры учащихся учреждений дополнительного образования автор обращался к идеям С. И. Архангельского, Ю. К. Бабанского, В. И. Загвязинского, Н. В. Кузьминой. Разработанная программа обеспечивает изучение музыкального искусства в следующих аспектах: познавательном (осмысление учащимися художественно-эстетического потенциала музыкального искусства) с накоплением и систематизацией знаний в данной области; деятельностном (активное восприятие, просветительские технологии, творческая деятельность); эмоционально-оценочном (изучение произведений музыкального искусства на основе представлений об идеальном, о красоте, включающее способности к оценочным суждениям, формирование вкуса и эстетического идеала).

Использование средств музыкального искусства в формировании художественно-эстетической культуры диктуется следующими целями:

- 1) социальными (музыкальное искусство является эффективным средством формирования художественно-эстетической культуры);
- 2) психологическими (музыкальное искусство – действенное средство гармонического развития воображения, фантазии, творческих способностей);

3) эстетическими (восприятие произведений музыкального искусства способствует воспитанию стремления к добру, правде, красоте, что играет немаловажную роль при развитии чувства прекрасного, формировании художественно-эстетического вкуса, умения понимать и ценить произведения искусства, красоту природы и окружающей действительности);

4) патриотическими (восприятие произведений народного музыкального творчества способствует приобщению к культурно-историческому наследию народа, воспитанию любви и уважения к своему Отечеству, воспитанию национального самосознания) [1, 14].

В рамках данного исследования теоретически разработан комплекс мер художественно-эстетического воспитания школьников посредством музыкального искусства: важна совокупность средств музыкального искусства; изучение потребностей учащихся в художественно-эстетическом опыте музыкального искусства; повышение компетентности преподавателей учреждений дополнительного образования в формировании художественно-эстетической культуры. Автору предстоит апробировать программу, что может стать ещё одним важным шагом на пути этического и эстетического преобразования культурного пространства города и края.

Литература:

1. Айкина, Л. П. Социально-культурные условия развития музыкально-творческих способностей детей младшего школьного возраста: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л. П. Айкина. – Барнаул : изд-во Алт-ГАКИ, 2011. – 24 с.
2. Галимова, Р. Р. Информационно-педагогические средства формирования духовных ценностей у учащихся учреждений дополнительного образования / Р. Р. Галимова // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 1. – С. 87–91.
3. Шацкая, В. Н. Музыкально-эстетическое воспитание детей и юношества / В. Н. Шацкая. – М. : Педагогика, 1975. – 146 с.

РЕЗОЛЮЦИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА»
(СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ)
26–27 сентября 2014 года

Региональная научно-практическая конференция «**Культура в жизни человека и общества**» (Современные стратегии развития культуры и сохранения культурно-исторического наследия) состоялась в знаменательное для России и Алтая время: в Год культуры, в период формирования нового проекта государственной политики в области культуры, в момент выборов Губернатора Алтайского края, начала нового витка развития культурной и экономической политики края.

В настоящее время в Алтайском крае сложились благоприятные условия для определения эффективных путей развития культуры, формирования стратегических основ новой культурной политики региона, признания ключевой роли культуры в сохранении природных богатств, выравнивании демографических и экономических процессов.

Обсудив важнейшие проблемы взаимодействия человека и мира в многослойном и противоречивом поле культуры, научное содружество учёных и творческой интеллигенции Алтая, Сибири и Санкт-Петербурга считает необходимым:

1. Признать *определяющую роль человека* в развитии всех граней культуры Алтайского края: экологии, демографии, политики, духовной и социальной безопасности, экономики, аграрного и промышленного производства, художественного творчества, образования, здоровья, спорта и т. п.

2. Принять в качестве основы построения культурной политики Алтайского края концептуальные положения современной науки о культуре, сформулированные профессором Л. М. Мосоловой, академиком, организатором и вице-президентом Научно-образовательного культурологического общества (НОКО) России в тексте её предложений по культурной политике Правительству России, а именно:

«...Следует отталкиваться от широкого антропологического понимания культуры, которое появилось на рубеже XX–XXI веков в результате переосмысления многих прежних концепций культуры и которое ныне охватило значительную часть учёного и политического мира. Вместе с тем необходимо акцентировать важность развития в широком пространстве культуры не только технико-технологической, социально-экономической либо художественной сфер культуры, но и *особую значимость* глубокой культурной подготовки самого человека, способной поднять *качества человека* до уровня, соответствующего новой возросшей ответственности личности в современном мире.

Творцом и творением культуры является человек. Этот тезис является *базовым* для понимания сути культурной политики.

Человек не только создал мир культуры, но и постоянно его усовершенствовал, обновляя, глубоко изменяя многие феномены: сельскохозяйственную и промышленную культуру, социально-политическую и экономическую культуру, физическую и военную культуру, научную и мировоззренческую культуру, медицинскую и экологическую культуру, нравственную и художественную культуру и т. д. Регуляция и управление культурой осуществляется тоже в рамках определённой сферы деятельности людей. Таким образом, *объектом культурной политики являются все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности*, а не только сфера искусства, культурного наследия, музеев и охраны памятников истории. Культурной политикой призвано заниматься не только Министерство культуры, а всё Правительство России со всеми его министерствами, специальными агентствами и департаментами. В. В. Путин, выступая во Пскове на заседании президиума Совета по культуре и искусству 3 февраля 2014 года, верно отметил, что «...государственная культурная политика должна охватывать все стороны жизни...» (с полным текстом предложений Л. М. Мосоловой можно ознакомиться на сайте АКУНБ им. В. Я. Шишкова).

3. Алтайскому отделению Научно-образовательного культурологического общества (НОКО) России, инициативной группе Алтайской краевой библиотеки им. В. Я. Шишкова и содружества учёных и интеллигенции края совместно с экспертной группой учёных РГПУ им. А. И. Герцена разработать предложения для формирования культурной политики Алтайского края на фундаментальных основаниях современной культурологической парадигмы.

4. Ходатайствовать перед управлением Алтайского края по культуре и архивному делу о финансовой поддержке совместного проекта Алтайской краевой библиотеки им. В. Я. Шишкова,

инициативной группы учёных края во главе с Алтайским отделением НОКО и экспертной группы РГПУ им. А. И. Герцена в сфере «культурологических индустрий» по моделированию стратегии развития культуры Алтайского края.

5. Ходатайствовать перед управлением Алтайского края по культуре и архивному делу о финансовой поддержке намеченного на сентябрь 2015 года Третьего Культурологического конгресса Алтайского края с привлечением группы ведущих учёных из Санкт-Петербурга по теме «Культурное наследие: современные проблемы теории и практики».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Татьяна Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул

Афонина Раиса Николаевна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры философии и культурологии, Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул

Ахмедова Нателла Гурбан кызы – преподаватель кафедры эмпирической социологии и конфликтологии факультета социологии, Алтайский государственный университет, Барнаул

Балакина Елена Ивановна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии, Алтайская государственная педагогическая академия, председатель Алтайского отделения Научно-образовательного культурологического общества России, Барнаул

Балашова Елена Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента информационных ресурсов и социальной работы, декан факультета информационных ресурсов и дизайна, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Бобина Галина Сергеевна – аспирант кафедры общей социологии, Алтайский государственный университет, Барнаул

Бодрушова Дарья Сергеевна – магистрант 2 курса, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Букатая Любовь Павловна – кандидат биологических наук, АКОО «Институт духовного видения и мировоззренческих позиций» (ИДВиМП), Барнаул

Быкова Оксана Александровна – студентка 1 курса магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Вакаев Владислав Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул

Верещагина Татьяна Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул

Власенко Валентина Васильевна – кандидат культурологии, доцент, докторант кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

Воробьева Наталья Владимировна – главный библиотекарь отдела редких книг Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова, Барнаул

Галиев Рустам Салимжанович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

Герасимов Иван Дмитриевич – ассистент кафедры «Градостроительство», Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярск

Глиос Геннадий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и биоэтики, Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул

Голик Надежда Васильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и философии культуры, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Денисов Андрей Владимирович – доктор искусствоведения, профессор, член Союза композиторов РФ, профессор кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

Дударева Надежда Васильевна – старший преподаватель кафедры теории искусства и культурологии, Алтайский государственный университет, Барнаул

Ерёмина Юлия Юрьевна – студентка, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Жерносенко Ирина Александровна – кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой коммуникативных технологий, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, Барнаул

Зиннатуллина Лилия Рагитовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и журналистики, Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета, Нефтекамск

Ивойлова Елена Витальевна – аспирантка, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Илюхина Татьяна Юрьевна – председатель предметной (цикловой) комиссии «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», Алтайский краевой колледж культуры, Барнаул

Каратаев Алексей Антонович – студент II курса хореографического факультета, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Киркинская Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, филологический факультет, Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул

Кокорина Кристина Александровна – студентка I курса магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Комарова Софья Петровна – студентка I курса магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Костина Татьяна Сергеевна – преподаватель кафедры режиссуры праздников, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Красильникова Марина Борисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, Рубцовск

Курникова Татьяна Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента информационных ресурсов и социальной работы, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Лягинова Светлана Михайловна – студентка 2 курса магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Максимова Яна Дмитриевна – студентка I курса магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Марченко Наталья Николаевна – учитель, гимназия «Планета Детства», Рубцовск

Молявко Александр Геннадьевич – студент магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Мясникова Ольга Валентиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики высшей школы и информационных образовательных технологий, Алтайский государственный университет, Барнаул

Маслов Михаил Сергеевич – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры «Менеджмент информационных ресурсов и социальной работы», Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Мосолова Любовь Михайловна – доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, действительный член государственной Академии художеств Киргизии, вице-президент Научно-образовательного культурологического общества России, Санкт-Петербург

Назарова Татьяна Васильевна – студентка 2 курса, Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, Рубцовск

Першина Дарья Михайловна – студентка 2 курса магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Покидаев Андрей Владимирович – художник, создатель и директор «Музея Слова», с. Солоновка Алтайского края

Полтева Ирина Владимировна – старший научный сотрудник отдела истории, Национальный музей имени А. В. Анохина, Горно-Алтайск

Рассыпнов Виталий Александрович – доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры землеустройства, земельного и городского кадастра, Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул

Рохлина Евгения Владимировна – магистрант кафедры музеологии и документоведения, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Саполева Светлана Юрьевна – руководитель Алтайской краевой общественной организации «Рериховское общество «Беловодье»», Бийск

Севастьянова Светлана Климентьевна – доктор филологических наук, профессор, декан гуманитарно-экономического факультета, Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, Рубцовск

Сигарёва Марина Николаевна – председатель предметной (цикловой) комиссии «Этно-художественное творчество», Алтайский краевой колледж культуры, Барнаул

Синцова Людмила Константиновна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул

Сметанникова Елена Владимировна – студентка 4 курса, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Старцева Анастасия Сергеевна – студентка 2 курса магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Степанская Тамара Михайловна – доктор искусствоведения, профессор, член Союза художников РФ, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский государственный университет, Барнаул

Стороженко Юлия Владимировна – студентка магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Стрижова Ольга Леонидовна – студентка 1 курса магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Сытых Ольга Леонидовна – доктор философских наук, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет, Барнаул

Труфанова Елена Викторовна – студентка магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Фотиева Ирина Валерьевна – доктор философских наук, профессор кафедры теории и практики журналистики, Алтайский государственный университет, Барнаул

Фроловская Марина Николаевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики высшей школы и информационных образовательных технологий, Алтайский государственный университет, Барнаул

Харламов Сергей Викентьевич – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Целищева Марина Александровна – заместитель директора научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края «Наследие», Барнаул

Черниенко Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента информационных ресурсов и социальной работы, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Чернова Анастасия Александровна – студентка магистратуры, Алтайская государственная академия культуры и искусств, Барнаул

Чистова Марина Валерьевна – сотрудник Алтайской краевой общественной организации «Рериховское общество «Беловодье»», Бийск

Шамарина Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, директор Регионального ресурсного центра развития инноваций в образовании (АлтГПА), Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул

Щетинина Яна Сергеевна – младший научный сотрудник сектора «Традиционная русская культура», Государственный художественный музей Алтайского края, Барнаул

КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА
(СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ):
материалы региональной научно-практической конференции,
Барнаул, 26–27 сентября 2014 г.

Ответственный за выпуск
Т. И. Егорова

Редакционная коллегия:
Е. И. Балакина, Т. И. Заковряшина, И. А. Балацкая

Выпускающий редактор
Н. В. Каркавина

Корректор
Н. В. Каркавина

Верстка
Л. П. Порошина

Подписано в печать 28.11.14. Формат 42x30 1/2.
Усл. печ. л. 25. Тираж 100 экз. Заказ № 696.
Отпечатано в РИО КГБУ «АКУНБ им. В. Я. Шишкова».
656038, г. Барнаул, ул. Молодежная, 5.
Тел. 380-067, e-mail: rio_akunb@mail.ru